ЗАПИСКИ

РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА

ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЗАПИСКИ
РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА

Оренбургской губерніи,

С. Т. АКСАКОВА.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ
съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье.

Съ прибавленіемъ статьи С. Т. Аксакова
„Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы“.

МОСКВА.
Типографія Т. И. Гагенъ, большая Лубянка, д. кн. Голицына.
1885.

Моимъ братьямъ и друзьямъ Н. Т. и А. Т. А—вымъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Техническая часть ружейной охоты.

Я думалъ сначала говорить подробно въ моихъ запискахъ вообще о ружейной охотѣ, то-есть, не только о стрѣльбѣ, о дичи, о ея нравахъ и мѣстахъ жительства въ Оренбургской губерніи, но также о легавыхъ собакахъ, ружьяхъ, о разныхъ принадлежностяхъ охоты и вообще о всей технической ея части. Теперь, принявшись за это дѣло, я увидѣлъ, что въ продолженіе того времени, какъ я оставилъ ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла впередъ, и что я не знаю ея близко и подробно въ настоящемъ современномъ положеніи. Къ чему, напримѣръ, говорить теперь о прежнихъ славныхъ породахъ собакъ, объ умѣньи выдерживать и соблюдать ихъ, когда самыя породы уже не существуютъ? О дрессировкѣ, которая уже измѣнилась, потому-что измѣнились требованія охотниковъ? О знаменитыхъ ружьяхъ Моргенрота, Штарбуса, старика Кинленца и Лазарони, когда ружья ихъ сохранились только, какъ историческіе памятники, въ оружейняхъ старыхъ охотниковъ? Итакъ, обо всемъ этомъ я скажу кое-что въ самомъ вступленіи; скажу объ основныхъ началахъ, которыя никогда не измѣнятся и не состарѣются, скажу и о томъ, что̀ замѣтила моя долговременная опытность, страстная охота и наблюдательность. Къ тому же книжка моя можетъ попасть въ руки охотникамъ деревенскимъ, далеко живущимъ отъ столицъ и значительныхъ городовъ, людямъ небогатымъ, не имѣющимъ средствъ выписывать всѣ охотничьи снаряды готовые, прилаженные къ дѣлу въ современномъ, улучшенномъ ихъ состояніи. Признаюсь, именно имъ желалъ бы я быть хоть нѣсколько полезнымъ. Меня утѣшаетъ мысль, что добрый совѣтъ по части технической можетъ также пригодиться имъ, какъ и наблюденія надъ нравами дичи, или замѣтки и указанія въ самой стрѣльбѣ. Для

нихъ собственно пишу я это вступленіе. Я не знаю, кого назвать *настоящимъ охотникомъ*, — выраженіе, которое будетъ не рѣдко употребляться мною: того ли, кто, преимущественно охотясь за болотною дичью и вальдшнепами, едва удостоиваетъ своими выстрѣлами стрепетовъ, куропатокъ и молодыхъ тетеревовъ и смотритъ уже съ презрѣніемъ на всю остальную дичь, особенно на крупную; или того, кто, сообразно временамъ года, гоняется за всѣми породами дичи: за болотною, водяною, степною и лѣсною, пренебрегая всѣми трудностями, и даже находя наслажденіе въ преодолѣніи этихъ трудностей? Я не беру на себя рѣшеніе этого вопроса, но скажу, что всегда принадлежалъ ко второму разряду охотниковъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ между постоянными жителями столицъ, ибо, для отысканія многихъ породъ дичи надобно ѣхать слишкомъ далеко, надо подвергать себя многимъ лишеніямъ и многимъ тяжелымъ трудамъ. Прежде число втораго разряда охотниковъ было несравненно значительнѣе; теперь же, напротивъ, рѣшительное большинство на сторонѣ первыхъ. Требованія этого большинства нынѣшнихъ охотниковъ, относительно качества ружей, весьма отличны отъ прежнихъ; изъ сего непосредственно слѣдуетъ, что и ружейные лучшіе мастера приготовляютъ ружья сообразно настоящимъ требованіямъ большинства, то-есть, приготовляя ружья предпочтительно для стрѣльбы мелкой дичи. Итакъ къ дѣлу.

Ружье, ружейный стволъ.

Для охотниковъ, стрѣляющихъ въ летъ мелкую, преимущественно болотную птицу, не нужно ружье, которое бы било дальше 50-ти или, много, 55-ти шаговъ: это самая дальняя мѣра; по бóльшей части въ болотѣ приходится стрѣлять гораздо ближе; еще менѣе нужно, чтобъ ружье било слишкомъ кучно, что, впрочемъ, всегда соединяется съ далекобойностью; ружье, несущее дробь кучею, даже невыгодно для мелкой дичи: изъ него гораздо скорѣе дашь промахъ; а если возьмешь очень вѣрно на близкомъ разстояніи, то непремѣнно разорвешь птицу: надобно только, чтобъ ружье ровно и не слишкомъ широко разсѣвало во всѣ стороны мелкую дробь, обыкновенно употребляемую въ охотѣ такого рода, и чтобъ зарядъ ложился, какъ говорится, рѣшетомъ. Нельзя не замѣтить страннаго обстоятельства, что рѣдко одно и то же ружье бьетъ одинаково хорошо и крупною и мелкою дробью.

Распространеніе двухствольныхъ ружей, выгоду которыхъ объяснять не нужно, измѣнило ширину и длину стволовъ, приведя и ту и другую почти въ одинаковую, извѣстную мѣру. Длинные стволы и толстыя казны, при спайкѣ двухъ стволинъ, очевидно неудобны по своей тяжести и неловкости, и потому нынче употребляютъ стволинки короткія и умѣренно тонкостѣнныя; но при всемъ этомъ, даже самыя легкія, нынѣшнія, двухствольныя ружья не такъ ловки и тяжеле прежнихъ одноствольныхъ ружей, назначенныхъ собственно для стрѣльбы въ болотѣ и въ лѣсу. Вообще надобно сказать, что, не смотря на новое устройство, впрочемъ давно уже появившееся, такъ-называемыхъ полуторныхъ и двойныхъ камеръ въ казенномъ щурупѣ, не смотря на новѣйшее изобрѣтеніе замковъ съ пистонами, — старинныя охотничьи ружья били кучнѣе, крѣпче и дальше нынѣшнихъ ружей, изящныхъ по отдѣлкѣ и очень удобныхъ для стрѣльбы крупною дробью крупной дичи. Если я ошибаюсь, то не по пристрастью къ старинѣ, а, можетъ-быть, по недостаточнымъ или ошибочнымъ опытамъ надъ нынѣшними ружьями. Впрочемъ, мое мнѣніе раздѣляютъ многіе охотники.

Отличный бой ружья — дѣло неопредѣленное, не приведенное въ ясность. Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что двухствольныя ружья, при одинаковыхъ условіяхъ въ отдѣлкѣ и въ добротѣ стволинъ, почти всегда бьютъ неодинаково: одинъ стволъ лучше, другой хуже. Я никогда не могъ разрѣшить себѣ этой задачи, да и ни одинъ ружейный мастеръ не объяснилъ мнѣ ея удовлетворительно. Лучшее доказательство, что мастера сами не знаютъ причины, состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не возьмется сдѣлать двухъ стволинъ одинаковаго боя, какъ бы онѣ ни были сходны достоинствомъ желѣза. Причины далекобойности ружей, по мнѣнію охотниковъ, заключаются въ слѣдующихъ качествахъ стволовъ: 1) въ мягкости и ровности слоевъ желѣза; 2) въ длинѣ ствола и его узкости; 3) въ толщинѣ стѣнокъ казны, и 4) въ длинѣ казеннаго щурупа и въ числѣ нарѣзанныхъ на немъ винтовъ. Первая причина мнѣ кажется основательнѣе другихъ, да и ружейные мастера всегда ею объясняютъ свои неудачи въ приведеніи иныхъ ружей въ цѣль; они говорятъ, и можно съ ними согласиться, что отъ мгновеннаго, *ровнаго* нагрѣванья ствола придается бо́льшая сила вылетающей дроби, для чего необходима ровность слоевъ желѣза. Защитники второй причины утверждаютъ, будто въ длинной стволинѣ порохъ воспламеняется весь до вылета дроби, тогда какъ въ короткой онъ не успѣваетъ весь вспыхнуть, и уцѣлѣвшія зерна выкидываются и па-

даютъ внизъ, и что зарядъ дроби, далѣе идущій въ стволѣ, въ насильственно-стѣсненномъ положеніи, долѣе не разлетается въ воздухѣ, чему содѣйствуетъ и узкость стволины. Съ этимъ согласиться нельзя. Невѣрность такихъ предположеній всего лучше объясняется опытомъ: кто изъ охотниковъ не видалъ ружей съ чрезвычайно короткими стволами, которыя бьютъ отлично хорошо: кучно, далеко и крѣпко? Что же касается до выкидыванья невоспламенившихся зеренъ пороха, то оно всегда бываетъ одинаково, длинна ли, коротка ли стволинка. Я дѣлалъ многіе опыты: подстилалъ полотно подъ ружейныя дула разной длины, — результатъ выходилъ одинъ и тотъ же. Объясненіе третьей причины состоитъ въ слѣдующемъ: говорятъ, что толщина стѣнъ казны, у которой, при выстрѣлѣ, нагрѣваются только первые, ближайшіе слои, — отъ противодѣйствія остальной ненагрѣтой массы желѣза, усиливаетъ бой заряда. Это мнѣніе раздѣляютъ многіе опытные охотники, и очень уважаютъ казнистыя стволины. Что касается до четвертой причины, то-есть до глубины винтовъ и длины казеннаго щурупа, то, не умѣя объяснить физическихъ законовъ, на которыхъ основано его вліяніе на зарядъ, я скажу только, что многими опытами убѣдился въ дѣйствительной зависимости ружейнаго боя отъ казенника: я потерялъ не одно славное ружье, перемѣнивъ старый казенный щурупъ на новый, повидимому гораздо лучшій. Итакъ, диковинный бой иныхъ ружей остается необъяснимою загадкой. Могу только дать искренній совѣтъ охотникамъ: не передѣлывать даже и бездѣлицъ въ тѣхъ ружьяхъ, которыя отлично бьютъ. Я испортилъ одинъ разъ необыкновенно далекобойное ружье только тѣмъ, что перепаялъ на немъ цѣль, для чего надобно было слегка нагрѣть конецъ ствола.

Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что въ выборѣ ружья ничѣмъ нельзя руководствоваться, кромѣ опыта, то-есть: надобно пробовать, какъ бьетъ ружье въ цѣль мелкою и крупною дробью, какъ разсѣваетъ дробь, глубоко ли входятъ дробины въ доску, и какая доска — мягкая или жесткая? Мѣра должна быть всегда средняя: 45 шаговъ для бекасиной и 60 — для самой крупной или гусиной дроби. Не худо также попробовать предварительно ружье на птицѣ, а потомъ уже его покупать. — Едва ли нужно говорить о томъ, что въ ружейномъ стволѣ не должно быть: разстрѣла, выпуклостей, внутреннихъ раковинъ, еще менѣе трещинъ, и что казенный щурупъ долженъ привинчиваться всѣми цѣльными винтами такъ плотно, чтобъ духъ не проходилъ.

Ложа, прикладъ, шомполъ или прибойникъ.

Безъ сомнѣнія, ловчѣе стрѣлять изъ ружей съ кривыми ложами, то-есть, погнутыми нѣсколько внизъ, ибо, прицѣливаясь, не нужно слишкомъ вытягивать шею и слишкомъ низко опускать голову на щеку приклада, для скорѣйшаго отысканія цѣли. Конечно, можно привыкнуть стрѣлять изъ ружей и съ прямыми ложами. Эту привычку еще легче получить человѣку, у котораго шея коротка. Послѣднее обстоятельство ясно указываетъ на то, что ружье, ловкое въ прикладѣ одному, можетъ быть неловко другому. Впрочемъ, подъ словомъ *прямая ложа* не должно разумѣть совершенную прямизну: всѣ ложи охотничьихъ ружей нѣсколько кривы, и меньшую кривизну уже называютъ прямизною. Итакъ, попробовавъ нѣсколько ложъ разной кривизны, охотникъ долженъ выбрать ту, которая придется ему ловчѣе другихъ, снять съ нея *лекало* (выкройку) и по немъ заказывать себѣ ложи. По моему мнѣнію, чѣмъ кривѣе ложа, тѣмъ лучше, разумѣется — до извѣстной степени. Съ прямой ложей неизбѣжно неестественное вытягиваніе шеи; къ чему же насиловать себя для полученія дурной и безобразной привычки? Притомъ прикладъ кривой ложи будетъ приходиться прямо ложбиной, то-есть углубленіемъ середины, въ плечную кость, ляжетъ плотно и не станетъ двигаться съ мѣста или вертѣться. Неминуемый толчокъ отъ выстрѣла только прижметъ прикладъ къ плечу, и скула охотника, слѣдственно, и голова не почувствуютъ никакого сотрясенія, непріятнаго и даже болѣзненнаго, если стрѣляешь много. Я не одинъ разъ испыталъ, что ружье, которое нѣсколько отдавало съ прямою ложей, съ кривою совершенно переставало отдавать.

О шомполѣ или прибойникѣ нечего распространяться. Можно только посовѣтовать, чтобы къ тонкому концу его никогда не привинчивать желѣзнаго крейцера (двойной штопоръ): это можетъ портить ружье, — чтобы косточка на противоположномъ концѣ его была какъ можно шире.

Зарядъ.

Каждое ружье имѣетъ свой собственный, особенный зарядъ, которымъ бьетъ лучше, чѣмъ зарядомъ нѣсколько поменьше или побольше. Найдти мѣру этого настоящаго заряда — довольно трудно

и требуетъ иногда много времени и хлопотъ. Можно напасть на него случайно, даже съ перваго раза; но это рѣдкое исключеніе. Я напротивъ убѣдился, что иные охотники цѣлый вѣкъ стрѣляютъ не настоящими зарядами, особенно любители одной болотной дичи: ружье бьетъ мелкою дробью хорошо — о чемъ же тутъ хлопотать? Пословица, не всегда вѣрная въ приложеніи къ жизни, говоритъ, что *„отъ добра добра не ищутъ“*. Но охотникъ, стрѣляющій крупною дробью сторожкую и крѣпкую къ ружью крупную дичь, на далекомъ разстояніи, необходимо долженъ отыскать мѣру полнаго настоящаго заряда для своего ружья. Положительныхъ правилъ для такого отыскиванья нѣтъ. Вычисленіе мѣры заряда по ширинѣ ружейнаго дула невѣрно; обсыпанье со всѣхъ сторонъ калиберной пули порохомъ—также: ибо величина заряда зависитъ отъ толщины стѣнъ ружейнаго ствола и его длины, отъ толщины казны и отъ длины казеннаго щурупа, а всего больше отъ качества желѣза, то-есть отъ его хрупкости, мягкости, плотности, тягучести и упругости. Настоящій зарядъ какъ-то чувствуется; звукъ его густъ, полонъ и прикладъ ружья не толкнетъ, не отдастъ, а только плотнѣе прижмется къ плечу и щекѣ стрѣлка, тогда какъ большой зарядъ, не въ мѣру, дастъ толчекъ въ плечо и въ щеку, такъ что отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ кожа на скулѣ щеки покраснѣетъ и даже лопнетъ. Я не только видалъ это на другихъ, но и самъ ходилъ по нѣскольку мѣсяцевъ съ подбитою скулой, продолжая отъ жадности стрѣлять изъ ружья большими зарядами, и всякой разъ сбивая щеку. Несправедливо говорятъ, что будто ружье отдаетъ и малыми зарядами: малый зарядъ тогда только отдаетъ, когда дроби будетъ положено больше, чѣмъ пороху; малый зарядъ слышенъ по жидкости звука выстрѣловъ, похожихъ на хлопанье арапника или пастушьяго кнута, по слабому дѣйствію дроби и потому, что, при стрѣльбѣ въ цѣль, дробь всегда обнизитъ, то-есть ляжетъ ниже цѣли. Для отысканія полнаго настоящаго заряда, я предлагаю слѣдующій способъ: сдѣлать мѣрку, которой внутренняя ширина равнялась бы внутренней ширинѣ ружейнаго ствола, а глубина была бы въ полтора раза противъ ширины. Если ружье съ кремнемъ, то надобно прибавить столько лишняго пороха, сколько можетъ помѣститься на полкѣ: для чего достаточно насыпать мѣрку пороха верхомъ, а дроби въ гребло; если же ружье съ пистономъ, то насыпать мѣрку въ гребло поровну и пороха и дроби. Я разумѣю порохъ хорошій; если же порохъ дуренъ, то его надобно класть нѣсколько побольше, чѣмъ дроби. Еще должно замѣтить, что за-

рядъ мелкой дроби будетъ тяжеловѣснѣе заряда крупной, хотя оба сдѣланы по одной мѣркѣ. Въ этомъ можно убѣдиться, взвѣсивъ оба заряда, вѣсъ которыхъ долженъ быть всегда одинаковъ, какого бы сорта дробь ни была*), — слѣдовательно, крупной дроби надобно прибавлять отъ двухъ до четырехъ дробинъ сверхъ мѣры. Такой зарядъ, пригодный только для ружей небольшаго мало-пульнаго калибра, бываетъ иногда съ перваго раза въ пору, по большей части, нѣсколько маловатъ, но никогда великъ; для широкоствольнаго же ружья онъ будетъ чрезмѣрно великъ, а для узенькаго — слишкомъ малъ; но по заряду въ ружье средняго калибра уже можно сдѣлать приблизительно зарядъ и для широкаго и для узенькаго ствола. Такимъ зарядомъ надобно начать стрѣлять въ цѣль: если звукъ выстрѣла не густъ, не полонъ, прикладъ не плотно прижимается къ плечу, дробь не глубоко входитъ даже въ мягкое дерево и ложится по ниже цѣли, то зарядъ малъ, прибавляя понемногу пороху и дроби, вы наконецъ непремѣнно найдете настоящій зарядъ.

У простыхъ охотниковъ есть ружья, которыя отдаютъ всегда, всякими зарядами; мнѣ попадались такія ружья съ подушечками на прикладахъ, чтобы не сбивать щеки. Они били отлично. Я имѣлъ терпѣніе долго пробовать ихъ и убѣдился, что они точно отдаютъ всякими зарядами. Причину этого, по моему мнѣнію, надобно искать въ несоразмѣрности казенника съ стѣнками ружейнаго ствола.—Для предохраненія ружейныхъ стволовъ отъ ржавчины, не нужно вымазывать ихъ на зиму деревяннымъ масломъ, а всего лучше выстрѣлить разъ изъ чистыхъ стволинъ и, *не продувая* ихъ, заткнуть суконными пробками и повѣсить въ сухой комнатѣ, Весной стоитъ только промыть стволы теплою водой. Замки можно смазывать деревяннымъ масломъ.

Порохъ.

Порохъ приготовляется разнаго качества: винтовочный, полированный, мушкетный и пушечный. Первый, то-есть винтовочный, лучше всѣхъ, и предпочтительно употребляется охотниками: онъ долженъ быть мелокъ, не очень сѣръ и не слишкомъ черенъ; онъ долженъ не марать рукъ, вспыхивать мгновенно и не оставлять послѣ себя угольной копоти или сажи.

---

*) За основаніе должно принять вѣсъ заряда мелкой дроби.

Для пробы можно насыпать маленькую щепотку пороха на листъ бѣлой бумаги и зажечь его: если не останется никакого слѣда, то порохъ хорошъ. Въ полированномъ порохѣ нѣтъ никакой надобности: по мнѣнію моему и многихъ охотниковъ, онъ слабѣе винтовочнаго и больше пачкаетъ ружья, хотя на взглядъ чище и глянцовитѣе. По нуждѣ, я употреблялъ мушкетный порохъ, но клалъ его одною хорошею щепоткой больше въ каждый зарядъ.

Дробь, картечь, пуля, жеребья.

Дроби считается 12 нумеровъ. Сверхъ того есть дробь крупнѣе перваго нумера и называется „нуль" или „безъимянка"; есть мельче 12-го нумера, носящая нѣмецкое имя: „дунстъ". Русскіе продавцы называютъ послѣднюю „дунецъ", производя это слово отъ глагола *дунуть,* то-есть дробь такъ мелка, что дунешь — и разлетится. Забавно, что это совпадаетъ со смысломъ нѣмецкаго слова.—Дробь 1-го нумера называется гусиною; 2-го нумера — крупною утиною; 3-го нумера — утиною; 4-го нумера — мелкою утиною; 5-ой и 6-ой нумера не имѣютъ особыхъ именъ, происходящихъ отъ птицы; 7-ой и 8-ой нумера называются крупною и мелкою рябчиковою дробью; а 9-ый нумеръ бекасиною или бекасинникомъ. Остальные три сорта дроби называются по нумерамъ; 10-ый нумеръ обыкновенно, а 11-ый очень рѣдко употребляется для гаршнеповъ и самыхъ крошечныхъ куличковъ; 12-й нумеръ рѣшительно неупотребителенъ, и я не знаю даже приготовляютъ ли его теперь. Дунста особо не льютъ, а отсѣваютъ изъ мелкихъ сортовъ дроби, если кто закажетъ; да онъ совсѣмъ и не нуженъ: имъ можно бить птицу только въ самомъ близкомъ разстояніи. Изъ любопытства я пробовалъ стрѣлять дунстомъ: если зарядъ не разорветъ птицу, то убиваетъ ее, какъ-будто палкой, не дѣлая ранъ. Я застрѣлилъ однажды, въ августѣ, дунстомъ молодаго, но уже большаго косача, сидѣвшаго на низенькомъ дубкѣ, шагахъ въ 15-ти отъ меня. Косачъ не пошевельнулся, умеръ на сучкѣ и упалъ, какъ снопъ, только пухъ и перья полетѣли кругомъ. Когда я взялъ его за ноги и тряхнулъ, то весь бокъ, въ который ударилъ зарядъ, дочиста облетѣлъ, какъ будто косачъ былъ ошпаренъ кипяткомъ, и не только посинѣлъ, но даже почернѣлъ; раны — никакой, крови — ни капли.

Картечь есть не что иное какъ маленькія пулечки или огромныя дробины, несравненно крупнѣе безъимянки; впрочемъ, величина

ихъ бываетъ различная, смотря по надобности; самую крупную картечь употребляютъ для звѣрей, какъ-то медвѣдей, волковъ, оленей и проч., а маленькую — для большихъ птицъ, собравшихся въ стаи, для лебедей, гусей, журавлей и дрофъ. Картечь можетъ быть такъ крупна, что зарядъ въ харчистое, то-есть широкоствольное ружье, весь состоитъ изъ осьми пулечекъ; самой же мелкой картечи идетъ на зарядъ того же ружья отъ 20-ти до 25-ти штукъ. Для того, чтобы картечь долѣе летѣла кучей, завертываютъ или завязываютъ ее въ тряпку, даже заклеиваютъ въ бумажный патронъ.

Пули извѣстны всѣмъ. Надобно прибавить, что только тѣми пулями можно бить вѣрно, которыя совершенно приходятся по калибру ружья. Впрочемъ, изъ обыкновенныхъ охотничьихъ ружей, дробовиковъ, какъ ихъ прежде называли, рѣдко стрѣляютъ пулями: для пуль есть штуцера и винтовки. Эта стрѣльба мнѣ мало знакома, и потому я о ней говорить не буду. Вмѣсто пуль и картечи, большею частію за неимѣньемъ ихъ, употребляютъ для стрѣлянья звѣрей — *жеребья,* то-есть нарубленные кусочки свинцоваго прута, даже мѣди и желѣза. Послѣдніе два металла неудобны. Вопервыхъ, они легки и силой пороха относятся въ сторону отъ цѣли, отъ чего могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ только въ близкомъ разстояніи. Вовторыхъ, они жестки и царапаютъ стѣнки ружейнаго ствола. Свинцовые жеребья старинные охотники предпочитаютъ иногда пулямъ и картечи, основываясь на томъ, будто онѣ *сердитѣе бьютъ,* и будто раны, ими причиняемыя, тяжеле. Можетъ-быть послѣднее нѣсколько справедливо, потому что угловатая фигура жеребья шире раздираетъ тѣло при своемъ вторженіи и дѣлаетъ рану если не тяжеле, то болѣзненнѣе, но за то пуля и картечь, по своей круглотѣ, должны, кажется, идти глубже. Что же касается до того, что зарядъ картечи бьетъ вѣрнѣе, кучнѣе въ цѣль, чѣмъ зарядъ изъ жеребьевъ (разумѣется свинцовыхъ), то это не подлежитъ сомнѣнію.

Пыжи.

Пыжемъ называется то вещество или матеріалъ, которымъ сначала прибивается всыпанный въ дуло ружья порохъ, и которымъ отдѣляется этотъ порохъ отъ всыпаемой потомъ сверхъ него дроби; другимъ пыжемъ прибивается сама дробь. Первый пыжъ называется нижнимъ, а второй верхнимъ. Пыжи дѣлаются изъ льна, поскони,

конопли и шерсти. Съ тѣхъ поръ, какъ ввелись въ употребленіе ружья съ пистонами, дробовики и пороховницы, — патронташи и пыжи, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, уволены въ отставку. Вмѣсто нихъ стали употреблять, такъ-называемые, *рубленые* пыжи, но вѣрнѣе сказать — вырубаемые кружки, изъ старыхъ шляпъ и тонкихъ войлоковъ, посредствомъ особенной желѣзной формы, края которой такъ остры, что если наставить ее на войлокъ и стукнуть сверху молоткомъ, то она вырубитъ войлочный кружокъ, который, входя въ дуло нѣсколько на̀-тугѣ, весьма удобно и выгодно замѣняетъ всѣ другаго рода пыжи. Разумѣется, эта форма, всегда совершенно одинаковая съ калибромъ дула, дѣлается особенная для каждаго ружья, что̀, конечно, довольно затруднительно. Такихъ легкихъ и укладистыхъ пыжей можно положить въ одинъ карманъ болѣе сотни. Но какъ у многихъ деревенскихъ охотниковъ, особенно у охотниковъ средней руки, нѣтъ формъ и самаго матеріала для вырубки пыжей, то они употребляютъ на пыжи какой-нибудь изъ числа тѣхъ матеріаловъ, о которыхъ я упомянулъ сначала. Самые лучшіе пыжи скатываются изъ льняныхъ хлопковъ: они ложатся плотно, волокна ихъ коротки, и дробь въ нихъ не завертывается. За неимѣньемъ льняныхъ, можно употреблять хлопки посконные и конопляные, а за неимѣньемъ хлопковъ — самый ленъ, посконь и коноплю, предварительно изрубя, мѣрою въ полвершка, длинныя, волокнистыя ихъ пряди: въ противномъ случаѣ дробь иногда завертывается, и зарядъ будетъ невѣренъ. Пыжи шерстяные употребительнѣе другихъ у простыхъ охотниковъ; они имѣютъ одно преимущество, что шерсть не горитъ, но за то зарядъ прибивается ими не плотно, часть дроби иногда завертывается въ шерсть, и такіе пыжи, по мнѣнію всѣхъ охотниковъ, скорѣе пачкаютъ внутреннія стѣны ствола. Съ пыжами изъ хлопковъ, весьма удобными въ мѣстахъ безопасныхъ, надобно быть очень осторожну: они вспыхиваютъ, вылетя изъ ствола, и могутъ произвести пожаръ; изрубленные же ленъ и конопля разлетаются врозь и, слѣдовательно, не могутъ воспламеняться; очевидно, что для предупрежденія опасности, слѣдуетъ рубить и хлопки. Первый пыжъ, который кладется на порохъ, надобно прибивать довольно крѣпко, а второй, на дробь, только прижать поплотнѣе. Стрѣляющимъ съ шерстяными пыжами должно принять въ соображеніе то, что ихъ пыжи могутъ отодвигаться тяжестію дроби, если дуло заряженнаго ружья будетъ обращено внизъ, особенно при ѣздѣ въ тряскомъ экипажѣ, что̀ случается не рѣдко; а потому должно всегда ружье, давно заряженное съ шерстяными пыжами,

пробовать шомполомъ и снова прибить верхній пыжъ, ежели онъ отодвинулся; то же надобно наблюдать съ вырубленными, войлочными и шляпными пыжами, особенно если они входятъ въ дуло не на-тугѣ; съ послѣдними можетъ случиться, что верхній пыжъ отодвинется, покосится и часть дроби сейчасъ высыплется, отъ чего послѣдуетъ неизбѣжный промахъ. Подъ словомъ *давно,* я разумѣю ружье — заряженное нѣсколько часовъ, потому что приносить его домой заряженнымъ никогда не должно: многіе не исполняютъ этого правила, и не мало случается отъ того несчастныхъ происшествій.

Въ случаяхъ совершенной крайности въ должность пыжей можетъ быть употреблено все, что способно отдѣлить порохъ отъ дроби, и потомъ удержать ее въ горизонтальномъ положеніи къ пороху. Тутъ пойдти могутъ въ дѣло и тряпки, и бумага, особенно мягкая, употребляемая для печати, и трава, и листья древесные не слишкомъ сырые, и даже мохъ.

Пистоны.

Русскіе охотники называютъ ихъ *колпачками*, потому что они надѣваются на обращенную вверхъ затравку, какъ колпакъ на голову. Впрочемъ, пистоны фигурой своей больше похожи на шапки бѣлорусскихъ крестьянъ. Я не стану распространяться объ устройствѣ пистоновъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произвели они въ ружейныхъ замкахъ. Охотникамъ все это хорошо извѣстно, а неохотникамъ будетъ непонятно и скучно; скажу только о тѣхъ выгодахъ, которыя доставляетъ употребленіе пистоновъ. Вопервыхъ, если пистоны хороши, то *осѣчекъ* не должно быть вовсе, хотя бы случилось стрѣлять въ сильный дождь, потому что затравка совершенно плотно закрыта колпачкомъ и порохъ не подмокнетъ, даже не отсырѣетъ: отъ чего нѣтъ возможности уберечь ружье съ прежнимъ устройствомъ полки и затравки. Притомъ осѣчки у ружья съ кремнемъ могутъ происходить и отъ другихъ многихъ причинъ, кромѣ сырости: а) вѣтеръ можетъ отнесть искры въ сторону; б) кремень притупиться или отколиться; в) огниво потерять твердость закалки и не дать крупныхъ искръ; г) наконецъ, когда все это въ исправности, осѣчка можетъ случиться безъ всякихъ, повидимому, причинъ: искры брызнутъ во всѣ стороны и расположатся такъ неудачно, что именно на полку съ порохомъ не попадутъ. Между тѣмъ осѣчка можетъ случиться на охотѣ за такою драго-

цѣнною добычей, потеря которой невознаградима; не говорю уже о томъ, что осѣчка при стрѣльбѣ хищныхъ звѣрей подвергаетъ охотника великой опасности. Вовторыхъ, ружье съ пистонами стрѣляетъ скорѣе и бьетъ крѣпче, ибо воспламененіе пороха производится быстрѣе, и сила разрѣженнаго воздуха не улетаетъ въ затравку, которая остается плотно закрытою колпачкомъ и куркомъ. Все это вмѣстѣ такъ дорого въ охотѣ, что изобрѣтеніе пистоновъ безспорно имѣетъ великую важность. Отдавая всю справедливость этому нововведенію, долженъ признаться въ моемъ староверствѣ относительно дробовика и пороховницы. Мнѣ кажется неудобнымъ и неловкимъ носить на плечѣ двѣ кожаныя кишки съ дробью, фляжку съ порохомъ и особенную машинку съ пистонами; еще неудобнѣе отмѣриванье зарядовъ на охотѣ, во время горячей, торопливой стрѣльбы, въ дождливую погоду, а иногда и въ стужу. Едва ли согласится со мною кто-нибудь изъ охотниковъ новаго поколѣнія; но я, употребляя замокъ съ пистонами, всегда предпочиталъ прежній патронташъ съ 25-ю или 30-ю зарядами, заранѣе сдѣланными дома, спокойно и аккуратно. Мнѣ всегда казалось, и теперь кажется, что такіе заряды приготовляются вѣрнѣе. Притомъ въ дробовикѣ находятся только два сорта дроби, а въ патронташѣ могутъ быть заряды—начиная съ безъимянки и до самой мелкой бекасиной дроби. Это обстоятельство въ такой охотѣ, гдѣ попадается дичь разнородная, также имѣетъ свою важность. Въ охотахъ большихъ или *отъѣзжихъ*, можно имѣть два патронташа съ готовыми зарядами и даже запасный ящикъ съ порохомъ и разными сортами дроби: зарядовъ надѣлать не долго.

Легавая собака.

Всякій охотникъ знаетъ необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты и, предпочтительно, охоты болотной, самой лучшей; охотникъ съ ружьемъ, безъ собаки, что-то недостаточное, не полное! Очень мало родовъ стрѣльбы, гдѣ можно обойдтись безъ нея; еще менѣе такихъ, въ которыхъ она могла бы мѣшать. Я говорю о собакѣ, хорошо дрессированной, то-есть выученной. Только въ стрѣльбѣ съ подъѣзда къ птицѣ крупной и сторожкой, сидящей на землѣ, а не на деревьяхъ, собака мѣшаетъ, потому

что птица боится ея; но если собака вѣжлива*), то она, во время самого подъѣзда, будетъ идти подъ дрожками или подъ телѣгой, такъ что ея и не увидишь; сначала станетъ она это дѣлать по приказанію охотника, а потомъ по собственной догадкѣ. Вся дичь, таящаяся, укрывающаяся отъ человѣка въ травѣ, въ лѣсу, кустахъ, камышахъ и кочкахъ болотъ, безъ помощи собаки почти недоступна. Если и поднимешь нечаянно, то рѣдко убьешь, потому что не ожидаешь; съ доброю собакой, напротивъ, охотникъ не только знаетъ, что вотъ тутъ, около него, скрывается дичь, но знаетъ — какая именно дичь; поискъ собаки бываетъ такъ выразителенъ и ясенъ, что она точно говоритъ съ охотникомъ; а въ ея страстной горячности, когда она добирается до птицы, и въ мертвой стойкѣ надъ нею—столько картинности и красоты, что все это вмѣстѣ составляетъ одно изъ главныхъ удовольствій ружейной охоты.

Тонкость обонянія, чутье—врожденное, наслѣдственное качество легавыхъ собакъ. Никакою дрессировкою и *натаскиваніемъ* въ полѣ, то-есть практикой на охотѣ, нельзя дать его; но, конечно, можно нѣсколько развить и сохранить приличнымъ содержаніемъ, равно какъ и, наоборотъ, можно испортить доброе чутье собаки. Приличное содержаніе состоитъ въ томъ, чтобы молодая собака не вѣшалась *зря,* чтобъ ее не кормили мясомъ, пищей горячительною или пахучею и никогда горячимъ кормомъ. Овсянка съ молокомъ, молоко, простокваша и творогъ съ хлѣбомъ въ лѣтнее, жаркое время, и мясныя, теплыя щи, съ молокомъ и хлѣбомъ, зимою—вотъ самая приличная пища легавой собаки. Послѣднюю пищу можно давать и лѣтомъ, если собака слишкомъ исхудала или нездорова. Крѣпкихъ, большихъ костей, особенно разбитыхъ, никогда давать не должно. Не должно также кормить собаку дичью. Многія собаки не ѣдятъ ея, но можно пріучить. Собака, которая ѣстъ дичь, будетъ ее мять на охотѣ. Тонкость чутья можетъ доходить до степени невѣроятной и всегда соединяется, въ одной и той же собакѣ, съ удивительнымъ пониманіемъ, почти умомъ. Обученіе легавыхъ собакъ или дрессированіе посредствомъ *парфорса,* то-есть ошейника съ острыми спицами, совсѣмъ не нужно, если не требовать отъ собаки разныхъ штукъ, вовсе до охоты не касающихся, и если имѣть терпѣніе самому заняться ея ученьемъ. Всякій знаетъ какъ легко и охотно выучиваются щенки подавать поноску, переднюю и заднюю, и доставать брошенныя на воду щепки или палки. Для

*) То-есть не гоняется за птицей и совершенно послушна.

пріученія къ подаванію поноски должно сначала употреблять мячики, потомъ куски дерева и всякія, даже желѣзныя, вещи *), которыя можетъ щенокъ схватить зубами и принести, наконецъ— мертвыхъ птицъ. Стойка надъ всякою птицей и звѣремъ также врожденна собакамъ доброй породы; даже щенки стоятъ надъ курами и кошками очень крѣпко. Слѣдовательно, пріучивъ сначала молодую собаку къ себѣ, къ подаванью поноски, къ твердой стойкѣ даже надъ кормомъ, однимъ словомъ, къ совершенному послушанію и исполненію своихъ приказаній, отдаваемыхъ на какомъ угодно языкѣ, — для чего въ Россіи прежде ломали нѣмецкій, а теперь коверкаютъ французскій языкъ, — охотникъ можетъ идти съ своею ученицей въ поле или болото, и она, не дрессированная на парфорсѣ, будетъ находить дичь, стоять надъ ней, не гоняться за живою и бережно подавать убитую или раненную; все это будетъ дѣлать она сначала неловко, непроворно, неискусно, но въ теченіе года совершенно привыкнетъ. Разумѣется, охотникъ, на первыхъ порахъ, долженъ больше думать о собакѣ, чѣмъ объ охотѣ. За всякое непослушаніе она должна быть наказана, но безъ запальчивости и самымъ легкимъ образомъ; за точное же исполненіе приказаній надобно собаку приласкать и даже чѣмъ-нибудь полакомить. Молодую собаку часто натаскиваютъ (пріучаютъ) въ полѣ или болотѣ вмѣстѣ со старою. Но, по-моему, и это не нужно: у всякой, самой вѣжливой старой собаки есть какія-нибудь свои привычки, молодая сейчасъ переймететъ ихъ; да и двѣ собаки, вмѣстѣ, всегда больше горячатся и одна другую сбиваютъ. Считаю за излишнее распространяться о томъ, что старая, невѣжливая собака въ два-три поля погубитъ навсегда молодую. Для пріобрѣтенія совершеннаго послушанія обучаемой молодой собаки, надобно сначала употреблять ласку, такъ чтобъ она сильно привязалась къ хозяину, и непремѣнно самому ее кормить; но съ возрастомъ собаки надобно оставлять ласковость, никогда не играть съ нею и быть всегда серьезнымъ и настойчивымъ. Кобеля не надобно употреблять въ охоту ранѣе года, а суку — ранѣе девяти мѣсяцевъ. Первое и важнѣйшее правило, чтобъ у собаки былъ одинъ хозяинъ, и никто другой не заставлялъ ее повторять тѣ уроки, которые она учитъ; а потому весьма недурно, если первый и даже второй годъ уже настоящей охоты — она будетъ запираема или привязываема

*) Нѣкоторые охотники находятъ это вреднымъ; они говорятъ, что отъ жесткой поноски собака будетъ мять дичь: я сомнѣваюсь въ этомъ.

на цѣпочкѣ или веревочкѣ, немедленно по возвращеніи съ поля, да и во все свободное время отъ охоты; въ послѣдствіи это сдѣлается ненужнымъ. У хорошей собаки есть безкорыстная природная страсть къ пріискиванью дичи, и она предается ей съ самозабвеніемъ; хозяина также полюбитъ она горячо и, безъ принужденія, не будетъ разставаться съ нимъ ни днемъ, ни ночью, — остается только охотнику съ умѣньемъ пользоваться и тѣмъ и другимъ. Я имѣлъ двухъ такихъ собакъ, которыя, пробывъ со мной на охотѣ отъ зари до зари, пробѣжавъ около сотни верстъ и воротясь домой усталыя, голодныя, едва стоящія на ногахъ, никогда не ложились отдыхать, не ѣли и не спали безъ меня; даже заснувъ въ моемъ присутствіи, онѣ сейчасъ просыпались, если я выходилъ въ другую комнату, какъ бы я ни старался сдѣлать это тихо. Обѣ эти собаки до того были страстны къ отыскиванью дичи, что видимо скучали, если не всякій день бывали въ полѣ или болотѣ. Если же мнѣ случалось, по нездоровью, долго не ходить на охоту, то онѣ, истощивъ всѣ другіе знаки нетерпѣнія, садились или ложились передо мною и принимались лаять и выть; потомъ бросались ко мнѣ ласкаться, потомъ подбѣгали къ ружьямъ и другимъ охотничьимъ снарядамъ и потомъ снова принимались визжать и лаять. Надобно было запирать ихъ куда-нибудь въ отдаленное мѣсто, чтобъ онѣ не надоѣли своимъ жалобнымъ вытьемъ. Мало этого: по нѣскольку разъ въ день бѣгали онѣ въ сарай къ моимъ охотничьимъ дрожкамъ, въ конюшню къ лошадямъ и кучеру, всѣхъ обнюхивая съ печальнымъ визгомъ и въ то же время вертя хвостомъ, въ знакъ ласки. Наконецъ потерявъ терпѣніе, онѣ уходили однѣ въ ближнее болото и проводили тамъ по нѣскольку часовъ въ пріискиваніи и подниманіи дичи. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я не хотѣлъ вѣрить, и въ одинъ разъ, полубольной, отправился самъ въ болото и, подкравшись изъ-за кустовъ, видѣлъ своими глазами, какъ мои собаки пріискивали дупелей и бекасовъ, выдерживали долгую стойку, поднимали птицу, не гоняясь за ней, и когда бекасъ или дупель пересаживался, опять начинали искать... однимъ словомъ, производили охоту, какъ будто въ моемъ присутствіи. Одна изъ этихъ собакъ была чистой французской породы, а другая помѣсь французской съ польскою, нѣсколько псовою собакой: обѣ не знали парфорса, имѣли отличное чутье и были вѣжливы въ полѣ, какъ только можно желать.

Послѣ тонкаго чутья, самое важное достоинство собаки — легкость, нестомчивость, особенно на Руси, гдѣ пространства такъ обширны,

и гдѣ собакѣ безпрестанно приходится пробѣгать „дистанцію огромнаго размѣра“. Собаку легкую, не скоро утомляющуюся, можно узнать съ перваго взгляда по сухости всего сложенія, предпочтительно ногъ и головы. Старинныя нѣмецкія толстоногія, брылястыя собаки, а также испанскія двуносыя — теперь совсѣмъ перевелись или переводятся, да и не для чего ихъ имѣть: послѣднія были вовсе неудобны, потому что высокая трава, особенно осока, безпрестанно рѣзала до крови ихъ нѣжные, раздвоенные носы. У собакъ вообще, а у легавыхъ въ особенности, есть расположеніе грезить во снѣ; чѣмъ лучше, чѣмъ горячѣе собака въ полѣ, тѣмъ больше грезитъ и — грезитъ объ охотѣ! Это можно видѣть по движеніямъ ея хвоста, ушей и всего тѣла. Замѣчательно, что многія легавыя собаки не могутъ сносить музыки, которая дѣйствуетъ болѣзненно на ихъ нервы: онѣ визжатъ, воютъ и даже подвергаются судорогамъ, если имъ некуда уйдти отъ раздражительныхъ музыкальныхъ звуковъ, предпочтительно высокихъ нотъ.

Въ этомъ же вступленіи я считаю приличнымъ бросить общій взглядъ на охоту съ ружьемъ и на умѣнье стрѣлять.

Всѣ охоты хороши! Каждая имѣетъ своихъ горячихъ поклонниковъ, предпочитающихъ ее другимъ родамъ охоты; но ружью должно отдать преимущество передъ всѣми. Изъ множества доказательствъ я приведу только два. Вопервыхъ, всякая другая охота болѣе или менѣе исключительна, одностороння. Съ борзыми собаками можно травить однихъ зайцевъ, изрѣдка добыть лису; съ тенетами — тоже; съ ястребами и съ соколами — тоже, то-есть травить какую-нибудь одну породу птицъ; сѣтьми, неводами и удочкой можно ловить одну рыбу, и такъ далѣе. Притомъ сколько условій и ограниченій! Для полученія добычи необходимо, чтобы звѣрь или птица находились въ извѣстномъ положеніи, напримѣръ: надобно, чтобы заяцъ или лисица выбѣжали въ чистое поле, потому что въ лѣсу борзыя собаки ловить не могутъ; надобно, чтобы звѣрь полѣзъ прямо въ тенета, а безъ того охотникъ и въ 20-ти шагахъ ничего ему не сдѣлаетъ; надобно, чтобы птица поднялась съ земли или воды, безъ чего нельзя травить ее ни ястребами, ни соколами. — Ружье, напротивъ, добываетъ все: звѣря, птицу, даже рыбу, и во всѣхъ положеніяхъ: сидящихъ, стоящихъ, бѣгущихъ, летящихъ и плавающихъ въ водѣ. Никакая быстрота полета и бѣга не спасаютъ отъ ружья. Безъ всякихъ преувеличеній и фразъ, можно сказать, что ружье — молнія и громъ въ рукахъ охотника и, на опредѣленномъ разстояніи, дѣлаетъ его владыкой жизни и смерти всѣхъ

живущихъ тварей. Вовторыхъ, въ охотахъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, охотникъ *не главное* дѣйствующее лицо: успѣхъ зависитъ отъ рѣзвости и жадности собакъ или хищныхъ птицъ; въ ружейной охотѣ успѣхъ зависитъ отъ искусства и неутомимости стрѣлка, а каждый знаетъ, какъ пріятно быть обязаннымъ самому себѣ, какъ это увеличиваетъ удовольствіе охоты: безъ умѣнья стрѣлять — и съ хорошимъ ружьемъ ничего не убьешь; даже можно сказать, что чѣмъ лучше, кучнѣе бьетъ ружье, тѣмъ хуже, тѣмъ больше будетъ промаховъ.

Многіе думаютъ, что выучиться хорошо стрѣлять очень трудно, а для иныхъ невозможно, — это совершенно несправедливо. Хотя нельзя оспаривать, что для умѣнья хорошо стрѣлять нужны: острый, вѣрный глазъ, твердая рука и проворство въ движеніяхъ, но эти качества *необходимы* только при стрѣльбѣ пулею изъ винтовки или штуцера; даже и это можетъ быть поправлено, если стрѣлять съ приклада, то-есть положа стволъ ружья на сошки, заборъ или сучокъ дерева; стрѣльба же изъ ружья дробью, особенно мелкою, требуетъ только охоты и упражненія. Слабости зрѣнія помогутъ очки, слабости и дрожанію рукн — скорость прицѣла и выстрѣла. Стрѣляй постоянно, стрѣляй какъ можно больше — и будешь стрѣлять хорошо, то-есть попадать въ цѣль мѣтко. Это истина, не подверженная сомнѣнію; исключенія чрезвычайно рѣдки. Для скорѣйшаго же усовершенствованія въ стрѣльбѣ *собственно дичи*, можно сообщить молодымъ охотникамъ нѣсколько практическихъ наблюденій, до которыхъ, разумѣется, дойдетъ каждый собственнымъ опытомъ, но потеряетъ много времени, а можетъ быть и охоту къ ружью:

1) Никогда не думать о томъ, что дашь промахъ. Это опасеніе можетъ войдти въ привычку, такъ укорениться, такъ овладѣть мыслію охотника, что онъ безпрестанно будетъ пропускать благопріятную минуту для выстрѣла. Я видалъ охотниковъ (даже испыталъ на себѣ), которымъ впослѣдствіи стоило большаго труда освободиться отъ паническаго страха — *дать пудель*, то-есть промахнуться. Тутъ главную роль играетъ самолюбіе молодаго охотника, особенно стрѣляющаго при другихъ охотникахъ, — не хочется, чтобы сказали: „онъ еще новичокъ, не умѣетъ стрѣлять". Неопытный стрѣлокъ, начинающій охотиться за дичью, долженъ непремѣнно давать много пуделей уже потому, что не получилъ еще охотничьяго *глазомѣра*, и часто будетъ стрѣлять не въ мѣру, то-есть слишкомъ далеко. Но смущаться этимъ не должно. Глазомѣръ придетъ со временемъ, а покуда его нѣтъ, надо стрѣлять на всякомъ разстояніи, не счи-

тая зарядовъ. Однимъ словомъ, если прицѣлился, то спускай курокъ непремѣнно.

2) Никогда не цѣлить долго, *не наводить на цѣль, не держать на цѣли,* какъ выражаются охотники. Все это у начинающаго стрѣлять можетъ также обратиться въ привычку и надолго помѣшать пріобрѣтенію проворства и настоящаго полнаго умѣнья въ стрѣльбѣ дичи. Надобно смотрѣть на птицу, а не на цѣль ружья, проворно приложиться и, какъ скоро цѣль коснется птицы, мгновенно спускать курокъ. Кромѣ того, что *наведеніе на цѣль и держаніе на цѣли* (разумѣется, въ сидячую птицу) производитъ мѣшкотность, оно уже не годится потому, что какъ скоро руки у охотника нетверды, то чѣмъ долѣе будетъ онъ цѣлиться, тѣмъ болѣе будутъ у него дрожать руки; мгновенный же прицѣлъ и выстрѣлъ совершенно вознаграждаютъ этотъ недостатокъ. Я много зналъ отличныхъ стрѣлковъ, у которыхъ руки были такъ слабы, что они не могли держать полнаго стакана воды, не расплескавъ его. Само собою разумѣется, что все это говорится о стрѣльбѣ дробью, и преимущественно дробью мелкою.

3) Когда стрѣляешь въ птицу, сидящую на водѣ, или плотно присѣвшую на землѣ, то надобно цѣлить *подъ нее,* то-есть въ ту черту, которою соединяется ея тѣло съ водой или землей.

4) Если птица сидитъ на деревѣ, то надобно цѣлить въ ея середину.

5) Если птица летитъ мимо, то, смотря по быстротѣ, надобно брать на цѣль болѣе или менѣе впередъ летящей птицы. Напримѣръ: въ гуся или журавля, и вообще въ медленно-летящую птицу, должно мѣтить въ носъ или голову, а въ бекаса — на четверть и даже на полторы четверти впередъ головы.

6) Птицу, летящую прямо отъ охотника довольно низко, надобно стрѣлять въ шею, такъ чтобы дуло ружья закрывало все остальное ея тѣло.

7) Дичь, летящую прямо отъ стрѣлка въ равной вышинѣ отъ земли съ головой охотника, надобно бить прямо въ задъ.

8) Всего труднѣе стрѣлять въ птицу, летящую прямо и низко на охотника, потому что необходимо совершенно закрыть ее дуломъ ружья и спускать курокъ въ самое мгновеніе этого закрытія. Если мѣстность позволяетъ, лучше пропустить птицу и ударить ее въ догонку.

9) Въ птицу, летящую высоко и прямо надъ головой охотника, такъ что ружье надобно поставить перпендикулярно, должно мѣтить въ голову.

Всякія другія наставленія или совѣты, которыхъ можно наговорить много, я считаю совершенно излишними. Прошу только всѣхъ молодыхъ горячихъ охотниковъ, начинающихъ стрѣлять, не приходить въ отчаяніе, если первые ихъ опыты будутъ неудачны. Даю только еще одинъ совѣтъ, съ большою пользою испытанный мною на себѣ, даю его тѣмъ охотникамъ, горячность которыхъ не проходитъ съ годами: какъ скоро поле началось неудачно, то-есть сряду дано пять-шесть и болѣе промаховъ на близкомъ разстояніи, и охотникъ чувствуетъ, что разгорячился, — отозвать собаку, перестать стрѣлять и, по крайней мѣрѣ на полчаса, присѣсть, прилечь и отдохнуть.

Вотъ все, что я счелъ за нужное сказать о технической части ружейной охоты. Можетъ-быть и этого не стоило бы говорить, особенно печатно; но читатель въ правѣ пропустить эти страницы.

Въ заключеніе я долженъ отчасти повторить сказанное мною въ предисловіи къ *запискамъ объ уженьи: книжка моя не трактатъ о ружейной охотѣ, не натуральная исторія всѣхъ родовъ дичи.* Моя книжка ни больше ни меньше какъ простыя записки страстнаго охотника и наблюдателя, — иногда довольно подробныя и полныя, иногда поверхностныя и односторонніе, но всегда добросовѣстныя. Ружейныхъ охотниковъ много на Руси, и я не сомнѣваюсь въ ихъ сочувствіи *). Ученые натуралисты могутъ смѣло полагаться на мои слова: никогда вѣроятныхъ предположеній не выдаю я за факты, и чего не видѣлъ своими глазами, того не утверждаю.

Пролетъ и прилетъ дичи.

Самое дорогое поэтическое время для ружейнаго охотника — весна: пролетъ и прилетъ птицы. Цѣлую зиму поглядывалъ онъ, съ замирающимъ сердцемъ, на висящія въ покоѣ ружья, особенно на любимое ружье. Не одинъ разъ, безъ всякой надобности, были вы-

*) Печатая мою книгу новымъ изданіемъ, я долженъ съ благодарностью сказать, что не обманулся въ надеждѣ на сочувствіе охотниковъ и вообще всѣхъ образованныхъ людей. Лестныхъ отзывовъ было много. Мой скромный трудъ получилъ отъ *всѣхъ* такой благосклонный пріемъ, такую высокую оцѣнку, какихъ я не смѣлъ ожидать.

мыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконецъ проходитъ долгая, скучная, буранная зима. Февраль навалилъ сугробы снѣга: съ утоптанной тропинки шагу нельзя ступить въ сторону. Правда, рано утромъ, и то уже въ исходѣ марта, можно и безъ лыжъ ходить по насту, который иногда бываетъ такъ крѣпокъ, что скачи куда угодно, хоть на тройкѣ; можно подкрасться, какъ-нибудь изъ-за деревьевъ, къ начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно нечаянно наткнуться и взбудить чернохвостаго русака, съ ремнемъ пестрой, крымской мерлушки по спинѣ, или чисто-бѣлаго, какъ снѣгъ, бѣляка: онъ еще не началъ сѣрѣть, хотя уже волосъ лѣзетъ; можно на пищикъ *) подозвать рябчика, — и кусокъ свѣжей, не перемерзлой дичины можетъ попасть къ вамъ на столъ....

Но ненадежны мартовскіе утренники, невѣренъ путь по насту, особенно въ красный день. Какъ скоро обогрѣетъ хорошенько солнце, то снѣжная кора распустится, *раскровѣетъ*, какъ говоритъ народъ, начнетъ садиться съ глухимъ гуломъ, похожимъ на отдаленный пушечный выстрѣлъ, и не подниметъ ноги человѣка: съ каждымъ шагомъ будетъ онъ вязнуть по поясъ въ снѣжную громаду **). Бѣда отойдти далеко отъ дороги — измучаешься: на одной верстѣ пробьешься не одинъ часъ. Охотиться же на лыжахъ очень утомительно: надобно имѣть много ловкости, даже умѣнья и большую привычку управлять лыжами по неровной мѣстности.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ и апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника, какимъ былъ я съ-молоду, и какіе вѣроятно никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна не слишкомъ поздняя, то прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя

---

*) *Пищикомъ* называется маленькая дудочка изъ гусинаго пера или кожи съ липоваго прутика, на которой издаютъ ртомъ *пискъ*, похожій на голосъ самки рябца.

**) Кто хаживалъ по весеннему насту, тотъ вѣрно замѣтилъ это явленіе: цѣлыя поляны какъ будто охаютъ и внезапно опускаются. Необыкновенный глухой гулъ, соединенный съ содроганіемъ всей поверхности той массы снѣга, на которой стоитъ человѣкъ, производитъ сильное и непріятное дѣйствіе на нервы. Оно похоже на электрическій толчекъ, чувствуемый цѣпью людей, когда извлекается искра изъ Лейденской батареи.

лѣтнія квартиры — самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи, по близости къ селенію лежащія, для удобнаго доставленія хлѣбнаго корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими, бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Пора начинать ежедневные, утренніе и послѣ-обѣденные обходы гуменъ, овиновъ и прудовъ съ посинѣвшими токами, обсѣянными кругомъ желтою мякиной. Тамъ прежде всего окажутся *клинтухи*, или собственно *дикіе голуби*. Сначала они появляются въ весьма маломъ количествѣ: пара, двѣ, много три; ихъ можно встрѣтить въ стаѣ галокъ или русскихъ голубей, подбирающихъ зерна по гуменнымъ дорожкамъ. Съ послѣдними, съ перваго взгляда, ихъ не различишь; вся разница состоитъ въ томъ, что дикій голубь поменьше, постатнѣе русскаго; весь чистосизый, и ножки у него не красныя, а блѣдно-бланжеваго цвѣта. Едвали нужно объяснять, что названіе „русскій", придаваемое птицѣ, значитъ — дворовый, домашній. Но если вы увидите издали голубей, сидящихъ на гуменномъ заборѣ или деревѣ, — это безъ сомнѣнія *клинтухи*, то-есть дикіе голуби; подойдя ближе, вы удостовѣритесь въ томъ. Голуби съ прилета, какъ вся птица, бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ, — обстоятельство, трудное для объясненія, ибо путь прилетной птицы длиненъ, а кормъ скуденъ. Въ послѣдствіи клинтухи потеряютъ цѣнность для охотника: застрѣлить же дикаго голубя посреди зимы — дорогая добыча.

Но воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи, зачернѣли проталины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти. Обтаяли кругомъ родники, паточины, свѣжія навозныя кучи и удобренная ими мельничная плотина. Около первыхъ надобно стеречь появленіе малыхъ дроздовъ, большихъ дроздовъ-рябинниковъ, а около послѣднихъ — чибисовъ, или пиголицъ, жаворонковъ, удотовъ и скворцовъ. Уже матерікъ рѣки, мало замерзающій выше пруда и зимою, прошелъ до самыхъ послѣднихъ гривъ камыша. Холодно, непріязненно синѣетъ глубина, но пора осматривать рѣку: какъ разъ появятся *нырки* и *крохали*. Скоро все это будетъ презрѣно и забыто, но въ началѣ все драгоцѣнно.... таковъ человѣкъ не въ одной ружейной охотѣ!...

Наконецъ наступаетъ совершенная ростополь: юго-западный теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много

оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ, да лежитъ гребнемъ съ темною навозною верхушкой крѣпко уѣзженная зимняя дорога. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступила водополь или водополье. Паръ поднимается отъ земли: земля отходитъ, говоритъ крестьянинъ. На небѣ сѣро, въ воздухѣ сыро и туманно. Именно въ такое-то сумрачное время наступаетъ валовой, повсемѣстный пролетъ и даже прилетъ птицы, не только по ночамъ, зорямъ утреннимъ и вечернимъ, но и въ продолженіе цѣлаго дня. И прежде изрѣдка, понемногу, показывались гуси и лебеди, больше по парочкѣ, и высоко проносились въ сѣрыхъ облакахъ: теперь они летятъ огромными вереницами. Журавли появляются позднѣе, плывя въ небесахъ раздвинутыми, тупыми треугольниками, какъ будто корабли, построенные къ бою. Всѣ породы утокъ, стаями, одна за другою, летятъ безпрестанно: въ день, особенно ясный, высоко, но во дни ненастные и туманные, предпочтительно по зорямъ, летятъ низко, такъ что ночью, не видя ихъ, по свисту крыльевъ можно различить многія изъ породъ утиныхъ. Нырки, чернь и свіязь чаще всѣхъ машутъ крыльями и быстрѣе разсѣкаютъ воздухъ: шумъ отъ ихъ полета сливается въ одинъ дребезжащій, пронзительный свистъ. За ними слѣдуютъ: широконоски, чирки, шилохвосты и другія; наконецъ сѣрыя и кряковныя, полетъ которыхъ какъ-то неторопливъ, хотя силенъ и споръ. Стаи степныхъ куликовъ (кроншнеповъ) и болотныхъ (неттигелей), называемыхъ въ Оренбургской губерніи веретенниками, и всѣ разнообразныя породы мелкихъ куликовъ и курухтановъ, каждая съ своимъ особеннымъ полетомъ, съ своимъ пискомъ и свистомъ, наполняютъ воздухъ разнородными, неопредѣленными и въ другое время неслышными звуками. Надобно замѣтить, что пролетающая птица не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а прилетающая и занимающая мѣста, хотя бы и временно, сейчасъ начинаетъ свой природный, обычный крикъ и свистъ. Пролетная птица торопится безъ памяти, спѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей приняться за дѣло — вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, высматриваетъ привольныя мѣста, какъ будто переговаривается между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю. Тутъ начинаются

такъ называемыя у охотниковъ „высыпки“, — слово весьма знаменательное, употребляемое только для выраженія внезапнаго появленія, во множествѣ, лучшей породы дичи: вальдшнеповъ, дупельшнеповъ, бекасовъ и гаршнеповъ. Вчера проходили вы по болоту, или по размокшему берегу пруда, или по лужамъ на прошлогоднихъ ржанищахъ и яровищахъ, гдѣ насилу вытаскивали ноги изъ разбухшаго чернозема, проходили съ хорошею собакой — и ничего не видали; но рано поутру, на другой день, находите и болото, и берега разливовъ, и полевыя лужи, усыпанныя дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужахъ, въ поляхъ бываетъ иногда соединеніе всѣхъ породъ дичи — степной, болотной, водяной и даже лѣсной. Итакъ, слово „высыпка“ вполнѣ выражаетъ дѣло.

Въ это же время, на оттаявшихъ хлѣбныхъ поляхъ, залежахъ и степяхъ, появляются дрофы, стрепета и кречетки, или степныя пиголицы. Озимыя куры или сивки (онѣ же и ржанки) огромными стаями начинаютъ виться подъ облаками, такъ высоко, что не всегда разглядишь ихъ простыми глазами; но за то очень хорошо услышишь ихъ безпрестанный пискъ, состоящій изъ двухъ короткихъ нотъ — одна повыше, другая пониже. Множество пѣвцовъ дѣлаетъ этотъ крикъ безпрерывнымъ и сливающимся въ одинъ однообразный мотивъ, усладительный для уха охотника. Навертѣвшись и наигравшись до сыта на солнышкѣ, въ вышинѣ, они съ шумомъ опускаются на озими и проворно разбѣгаются по десятинамъ, отыскивая себѣ кормъ.

Степные кулики (кроншнепы) присоединяются къ полевой птицѣ нѣсколько позднѣе и не такими большими стаями, въ какія собираются при отлетѣ. Они бродятъ по грязи, около лужъ, на вспаханныхъ поляхъ, гдѣ иногда вязнутъ по брюхо, не смотря на долгія свои ноги, и гдѣ длинными, кривыми носами, запуская ихъ по самую голову, достаютъ себѣ изъ размокшей земли хлѣбныя зерна и всякаго рода червей и козявокъ.—Вальдшнепы прилетѣли уже давно. Никто не видывалъ какъ, когда, въ какомъ количествѣ прилетаютъ они; но при появленіи первыхъ проталинъ, въ мелкомъ лѣсу, на опушкахъ большаго лѣса, въ паркахъ и садахъ, въ малинникѣ, крыжовникѣ и другихъ ягодныхъ кустарникахъ, особенно въ кустахъ болотныхъ, около родниковъ, немедленно появляются вальдшнепы, иногда поодиночкѣ, иногда вдругъ большими высыпками.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болотъ мало, или они бываютъ залиты полою водой и стоятъ сплошными лужами, какъ большія озера, — дупели, бекасы и гаршнепы очень любятъ держаться большими высыпками на широко-разлившихся весеннихъ потокахъ съ горъ, ко-

торые, разбѣгаясь по отлогимъ долинамъ или ровнымъ скатамъ, едва перебираются по травѣ, отъ чего луговина размокаетъ, какъ болото. Это бываетъ нѣсколько позднѣе перваго появленія трехъ породъ благородной дичи и продолжается не долѣе четырехъ или пяти дней. Высыпки какъ появляются, такъ и пропадаютъ внезапно. Мнѣ случалось иногда попадать на нихъ почти уже съ разстрѣлянными зарядами. Съѣздивъ поспѣшно домой и надѣлавъ новыхъ зарядовъ, возвращался я черезъ нѣсколько часовъ на высыпки — все пусто! Ни одной птички! Ни пера, какъ говорятъ охотники.

Наконецъ полая вода сливаетъ, сохнутъ поля и луга, входятъ въ берега рѣки, уменьшается птица. Уже нѣтъ большихъ стай: пролетная — пролетѣла, прилетная разбирается парами и держится предпочтительно около тѣхъ мѣстъ, гдѣ замышляетъ вить гнѣзда. Одна холостая птица шатается, гдѣ ни попало. Жилые бекасы и дупели занимаютъ свои прежнія, а иногда и новыя болота, и сейчасъ начинаютъ токовать. Заблеялъ дикій барашекъ *), кружась въ голубой вышинѣ весенняго воздуха, падая изъ-подъ небесъ крутыми дугами къ низу и быстро поднимаясь вверхъ... Весенняя стрѣльба съ прилета кончилась!...

Обращаюсь назадъ, чтобы бросить общій взглядъ на пролетъ и прилетъ дичи въ Оренбургской губерніи, вѣрный только исторически, а теперь уже баснословный. Птицы бывало такое множество, что всѣ болота, разливы рѣкъ, берега прудовъ, долины и вражки съ весенними ручьями, вспаханныя поля — бывали покрыты ею. *Стонъ стоялъ въ воздухѣ* (какъ говорятъ крестьяне) отъ разнороднаго птичьяго писка, свиста, крика и отъ шума ихъ крыльевъ, во всѣхъ направленіяхъ разсѣкающихъ воздухъ; даже ночью, сквозь оконныя рамы, не давалъ онъ спать горячему охотнику. Птица была вездѣ: въ саду, въ огородахъ, на гумнахъ, на улицѣ.... Это ужь слишкомъ, кажется; но я увѣряю, что много разъ, выѣзжая или выходя рано утромъ на охоту, находилъ я дикихъ утокъ и голубей, сидѣвшихъ

*) Такъ называетъ народъ бекаса, потому что онъ, быстро и прямо опускаясь внизъ, подгибаетъ одно крыло, а другимъ машетъ такъ часто, что отъ сильнаго упора въ воздухѣ происходитъ звукъ подобный блеянію барашка. Это мнѣніе охотничье и народное; но одинъ почтенный профессоръ, почтившій мою книгу своими замѣчаніями, объясняетъ блеяніе дикаго барашка слѣдующимъ образомъ: «Бекасъ, бросаясь стремительно внизъ съ распущенными крыльями, не производитъ ими никакихъ размаховъ. Отъ сопротивленія воздуха кончики маховыхъ перьевъ (охотники называютъ ихъ правильными) начинаютъ сильно дрожать и производятъ означенный звукъ».

на грязи и лужахъ среди улицы. Когда подъѣдешь, бывало, къ болоту или весеннему разливу около рѣки, то совершенно потеряешься: по краямъ стоятъ, ходятъ и бѣгаютъ различныя породы куликовъ и куличковъ. Стаи разноцвѣтныхъ курухтановъ снуютъ между ними во всѣ стороны. Утки, съ пестрыми селезнями своими, отъ крупной, тяжеловѣсной *кряквы* до маленькаго, проворнаго *чирка*, бродятъ по грязи, плаваютъ по водѣ, сидятъ на кочкахъ. Изъ-подъ ногъ, съ крикомъ, какъ бѣшеные, вырываются бекасы, вскакиваютъ дупели и гаршнепы. Въ то же время, независимо отъ сидящихъ, новыя стаи всего разноплеменнаго птичьяго царства летаютъ, кружатся надъ вашею головой, опускаются, поднимаются, перелетываютъ съ мѣста на мѣсто, сопровождая каждое свое движеніе радостнымъ, веселымъ, особеннымъ крикомъ. Въ большое затрудненіе приходитъ молодой охотникъ — къ кому подъѣзжать? къ кому подходить? въ кого стрѣлять? и отъ излишняго богатства происходила иногда бѣдность.... Но немногіе уже изъ охотниковъ помнятъ такіе прилеты птицы въ Оренбургской губерніи. Все перемѣнилось! И въ десятую долю нѣтъ прежняго безчисленнаго множества дичи въ плодоносномъ Оренбургскомъ краѣ. Какія тому причины — не знаю. Но да не думаютъ охотники, читающіе мою книжку, что это пристрастіе старика, которому *кажется*, что въ молодости его все было лучше и всего было больше. Къ сожалѣнію, это всѣмъ извѣстная истина. Я не раздѣляю мнѣнія, что такое ужасное уменьшеніе дичи произошло отъ быстраго народонаселенія и умноженія числа охотниковъ. Я не стану защищать себя и всѣхъ моихъ собратовъ того времени. Съ-молоду мы точно были не охотники, а истребители; но отъ чего дичь годъ отъ году переводится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ охотниковъ? Да и число ихъ всегда было ничтожно для такого обширнаго кря. Очевидно, что этому должны быть другія, неизвѣстныя намъ причины. Постепенное уменьшеніе птицы въ Оренбургской губерніи началось весьма давно, а тогда было еще очень просторно и привольно въ ней и человѣку, и звѣрю, и птицѣ, да и теперь не тѣсно.

Раздѣленіе дичи на разряды.

Упоминая нѣсколько разъ о дичи, я еще не опредѣлилъ этого слова: собственно дичью называется дикая птица и звѣрь, употребляемые въ пищу человѣкомъ, добываемые разными родами ловли,

и преимущественно стрѣльбою изъ ружья. У насъ рѣчь идетъ о птицахъ. Слово „дикая“, въ смыслѣ вольная, независимая, придается обыкновенно тѣмъ породамъ птицъ, которыя не покорены человѣкомъ и не сдѣлались домашними, ручными. Покоренныхъ породъ немного: гуси, утки, голуби, куры, индѣйки. Три первыя породы, въ отличіе отъ дикихъ, вольныхъ братій ихъ, народъ называетъ *русскими*.

Всю дичь, по мѣсту ея жительства, хотя оно и измѣняется временами года и необходимымъ добываніемъ корма, можно раздѣлить на четыре разряда: I) болотную, II) водяную, III) степную или полевую и IV) лѣсную. Охотники любятъ стрѣлять дичь всѣхъ разрядовъ, дорожа иногда тою или другою, смотря по рѣдкости, надобности и времени, но предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ породамъ дичь болотную, — и съ нея начинаю я мои записки. Довольно сказать, что къ ней принадлежатъ дупельшнепы, бекасы, гаршнепы. Это аристократія дичи, къ которой причисляется только вальдшнепъ изъ лѣснаго разряда. Итакъ, вотъ мое раздѣленіе дичи:

Разрядъ I.

Болотная дичь.

1. Бекасъ.
2. Дупельшнепъ.
3. Гаршнепъ.
4. Болотный куликъ.
5. Красноножка, щеголь.
6. Сорока.
7. Рѣчной куликъ.
8. Травникъ.
9. Поручейникъ.
10. Чернышъ.
11. Фифи.
12. Поплавокъ.
13. Чернозобикъ или краснозобикъ.
14. Морской куличокъ.
15. Зуекъ.
16. Песочникъ.
17. Куличокъ-воробей.
18. Болотный курухтанъ.

19. Болотная курица.
20. Погонышъ, болотный коростель.
21. Пиголица, чибисъ.

Разрядъ II.

Водяная дичь.

1. Лебедь.
2. Гусь.
3. Кряковная утка.
4. Шилохвость.
5. Сѣрая утка.
6. Свіязь.
7. Широконоска.
8. Чирокъ.
9. Нырокъ.
10. Чернь.
11. Крохаль, или гагара.
12. Гоголь.
13. Водяная курица, лысуха.

Разрядъ III.

Степная или полевая дичь.

1. Дрофа, дудакъ или тудакъ.
2. Журавль.
3. Стрепетъ.
4. Кроншнепъ, степной куликъ.
5. Кречетка, степная пиголица.
6. Сѣрая куропатка.
7. Озимая курица. } полевые курухтаны.
8. Морская ласточка. } полевые курухтаны.
9. Коростель полевой, или луговой.
10. Перепёлка.

Разрядъ IV.

Лѣсная дичь.

1. Глухарь, глухой тетеревъ.
2. Тетеревъ березовикъ.

3. Рябчикъ.
4. Бѣлая куропатка.
5. Вальдшнепъ, лѣсной куликъ.
6. Витютинъ. . . } дикіе голуби.
7. Клинтухъ. . . }
8. Горлица. . . . }
9. Дрозды.
10. Зайцы.

Въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать это раздѣленіе совершенно точнымъ, потому что нельзя опредѣлить съ точностію, па какомъ основаніи такія-то породы птицъ называются болотною, водяною, степною или лѣсною дичью, ибо нѣкоторыя противоположныя свойства мѣшаютъ совершенно-правильному раздѣленію ихъ на разряды: нѣкоторыя, однѣ и тѣ же, породы дичи живутъ иногда въ степи и поляхъ, иногда въ лѣсу, иногда въ болотѣ. Если мы скажемъ, напримѣръ, что болотною называется дичь, выводящаяся въ болотѣ, то всѣ породы утокъ, гуси, лебеди — должны называться болотною дичью. Если скажемъ, что болотная птица — та, которая не только выводится, но и живетъ постоянно въ болотѣ, то, кромѣ болотныхъ куръ, погонышей, бекасовъ, дупелей и гаршнеповъ, все остальное, многочисленное сословіе куликовъ и куличковъ *не живетъ* въ болотѣ, а только выводитъ дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ даже и гнѣзда вьютъ на сухихъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ. Точно такъ и тетеревъ, дичь лѣсная, половину года держится въ поляхъ, даже водится въ мѣстахъ почти безлѣсныхъ; вальдшнепъ, тоже лѣсная дичь, весной и особенно осенью, долго держится въ кустахъ довольно топкихъ болотъ и только остальное время года — въ лѣсу; коростель же, помѣщенный мною въ разрядъ дичи степной или полевой, равно живетъ въ степи, хлѣбныхъ поляхъ, луговыхъ болотахъ и лѣсныхъ опушкахъ. Такія же противорѣчія встрѣтимъ мы въ размѣщеніи и другихъ породъ дичи. Итакъ, надобно оставить притязанія на совершенную точность: довольно, если распредѣленіе сдѣлано приблизительно-вѣрно и на какомъ-нибудь положительномъ основаніи.

Разрядъ I.

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

РАЗРЯДЪ I.

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію болотной дичи.

Приступая къ описанію дичи, я считаю за лучшее начать съ лучшей, то-есть съ болотной, о чемъ я уже и говорилъ, и притомъ именно съ *бекаса*, или, правильнѣе сказать, со всѣхъ трехъ видовъ этой благородной породы, рѣзко отличающейся и первенствующей между всѣми остальными. Я разумѣю *бекаса*, *дупельшнепа* и *гаршнепа*, сходныхъ между собою перьями, складомъ, вообще наружнымъ видомъ, нравами и особеннымъ способомъ доставанія пищи. Къ нимъ принадлежитъ и даже превосходитъ ихъ *вальдшнепъ*, но онъ займетъ свое мѣсто въ разрядѣ *лѣсной дичи*. Досадно, что мы не имѣемъ для этихъ куликовъ своихъ русскихъ названій и употребляемъ одно французское и три нѣмецкія. Впрочемъ, народъ зоветъ бекаса *дикимъ барашкомъ*, о чемъ было сейчасъ сказано, а вальдшнепа — *лѣснымъ куликомъ* и *краснымъ куликомъ*. Печатно называютъ послѣдняго — *слука* и говорятъ, что это названіе древнее и донынѣ живущее въ народной рѣчи на югѣ Россіи. Я этого не знаю, но смѣло утверждаю, что въ средней и восточной полосѣ Россіи народъ не знаетъ слова — *слука*. Дупельшнепа и гаршнепа народъ никакъ не называетъ, а просто говоритъ: „*сѣрые кулики, что по болотамъ въ кочкахъ живутъ*". Лѣтъ сорокъ тому назадъ, я читалъ въ одной охотничьей книжкѣ, что дупельшнепа порусски называютъ *лежанка;* въ другой, позднѣйшей, книгѣ напечатано, что дупельшнепа называютъ „*стучикомъ*", а гаршнепа „*лежанкой*"; но все это неправда: русскій народъ называетъ *лежанкой* какую-то миѳическую перепелку, съ красными

ногами, столь жирную будтобы, что она и летать не можетъ. Жиру этой перепелки приписываетъ онъ странное свойство — производить на нѣсколько часовъ, или даже на сутки, ломоту и легкія судороги въ рукахъ, ногахъ и во всемъ тѣлѣ того человѣка, который ея усердно покушалъ. Я затравилъ ястребами не одну тысячу перепелокъ, несчетное количество пересмотрѣлъ ихъ затравленныхъ и пойманныхъ сѣтками, множество перестрѣлялъ, но баснословной *лежанки* съ красными ногами не видалъ. Перепелки точно бываютъ такъ жирны осенью, что съ трудомъ могутъ подняться, и многихъ бралъ я руками изъ-подъ ястреба: свѣжій жиръ такихъ перепелокъ, употребленныхъ немедленно въ пищу, точно производитъ ломоту въ тѣлѣ человѣческомъ: я испыталъ это на себѣ и видалъ на другихъ; но дѣло въ томъ, что это были перепелки обыкновенныя, только необыкновенно жирныя. Давъ имъ полежать сутокъ двое на погребу, или посоля, можно употреблять ихъ въ пищу безвредно. Въ той же старинной книжкѣ гаршнепа называютъ *волосянымъ куличкомъ;* но это переводъ нѣмецкаго названія, которое на Руси никому неизвѣстно. Можно догадаться, почему русскій народъ не удостоилъ особеннымъ названіемъ дупельшнепа и гаршнепа, а бекасу и вальдшнепу далъ характерныя имена: первые два рода таятся въ болотахъ и топяхъ, по которымъ шататься безъ надобности крестьянинъ не охотникъ, а бекасы, иногда по нѣскольку вдругъ, кружась во всякое время дня надъ болотомъ, гдѣ находятся ихъ гнѣзда, и производя крыльями рѣзкій, далеко слышный звукъ, необходимо должны были привлечь его вниманіе и получить имя. Вальдшнепъ, по утрамъ и вечеромъ, летая надъ лѣсомъ, во время тяги *), издавая извѣстные звуки, похожіе на хрюканье или храпѣнье, часто вскакивая съ большимъ шумомъ изъ-подъ ногъ крестьянина, пріѣзжающаго въ лѣсъ за дровами, также былъ имъ замѣченъ по своей величинѣ и отличному отъ другихъ птицъ красноватому цвѣту, и получилъ вѣрное названіе.

---

*) Вальдшнепы, около утренней и вечерней зори, летаютъ по одному направленію, надъ самыми вершинами деревьевъ, — или тянутъ. Этотъ летъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ называется охотниками «тяга».

Болота.

Говоря о болотной дичи, я часто буду упоминать о мѣстѣ ея жительства, то-есть о болотахъ. Я стану придавать имъ разныя названія: чистыхъ, сухихъ, мокрыхъ и проч.; но людямъ, незнакомымъ съ ними въ дѣйствительности, такіе эпитеты не объяснятъ дѣла, и потому я хочу поговорить предварительно о качествахъ болотъ, весьма разнообразныхъ.

Болота бываютъ: *чистыя, луговыя.* Этимъ именемъ называются всѣ влажныя, потныя мѣста, не кочковатыя, а поросшія чемерицей и небольшими рѣдкими кустами, мокрыя только весной и осенью или во время продолжительнаго ненастья. Покрытыя сочною и густою травой, они представляютъ изобильные сѣнокосы и вообще называются лугами; они составляютъ иногда, такъ-сказать, окрестность, опушку настоящихъ мокрыхъ болотъ и почти всегда сопровождаютъ теченіе рѣкъ по черноземной почвѣ, особенно по низменнымъ мѣстамъ, заливаемымъ полою водой.

Сухими болотами называются мѣста, носящія на себѣ всѣ признаки нѣкогда существовавшихъ топкихъ болотъ, какъ-то: кочки, достигающія иногда огромной величины, слѣды изсохшихъ паточинъ, родниковыхъ ямъ, и разныя породы болотныхъ травъ, уже перемѣшанныхъ съ полевыми. Такія мѣста, по большой части, заростаютъ кустами и отбиваются отъ сѣнокоса. Весьма обыкновенное дѣло, что болота мокрыя и топкія превращаются въ сухія отъ того, что поникаютъ ключи или высыхаютъ головы родниковъ; но я видалъ на своемъ вѣку и противоположныя примѣры: болота сухія, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, всегда представлявшія какой-то печальный видъ, превращались опять въ мокрыя и топкія. Это по большой части случается въ такіе годы, когда дождливая, продолжительная осень до того насытитъ землю, что она уже не принимаетъ въ себя влаги, когда внезапно послѣдуютъ затѣмъ зимніе морозы, выпадутъ необыкновенно глубокіе снѣга, и все это повершится дождливою, дружною весной. Тогда-то вновь открываются, давно изсякшія, жилы родниковъ, вся окрестность просачивается подступившею изъ-подъ земли влагою, и оживаетъ мертвое болото; въ одинъ годъ пропадутъ полевыя травы и въ нѣсколько лѣтъ посохнутъ кусты и деревья. Въ такіе *мочливые годы,* какъ говорятъ крестьяне, не только изсякшіе ключи получаютъ прежнее теченіе, но нерѣдко открываются родники

и образуются около нихъ болота тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало.

Болота *мокрыя* и кочковатыя, всегда поддерживаемыя подземными ключами, изрѣдка поросшія таловыми кустиками, постоянно сохраняя влажность почвы, — уже не представляютъ богатыхъ сѣнокосовъ, потому что изобиліе болотныхъ травъ и излишняя мокрота мѣшаютъ произрастенію обыкновенныхъ луговыхъ травъ. Вездѣ видно преобладаніе чемерики, или чемерицы, пупавокъ и трилистника. Мягкая поверхность земли, уступая ногѣ человѣка, не глубоко тонетъ подъ ней: сейчасъ слышенъ твердый грунтъ. Ходить по такимъ болотамъ не вязко, не топко и не тяжело. Это самыя обширныя и лучшія болота для охоты; они нерѣдко пересѣкаются *текущими*, а не *стоящими* въ ямахъ родниками.

Болота *топкія* съ грязями, паточинами или ржавчинами и стоячими родниками имѣютъ уже совсѣмъ другой характеръ: травъ луговыхъ тамъ нѣтъ, да и болотная растительность скудна. Мѣстами виднѣются круглыя пятна, или длинныя косы жидкой грязи, и довольно большія лужи, иногда красноватыя: въ послѣднемъ случаѣ болота называются ржавыми, или просто ржавчинами. Красноватый цвѣтъ воды и грязи показываетъ несомнѣнное присутствіе желѣзной руды. Кочекъ на нихъ бываетъ мало, а на грязяхъ и ржавчинахъ не ростетъ почти и трава; за то нерѣдко обростаютъ они кругомъ гривами густаго, мелкаго камыша, хвоща и необыкновенно высокой осоки. Поверхность воды на ржавыхъ лужахъ подернута тонкою пеленой, которая отражается на солнцѣ желѣзно-синеватымъ блескомъ. Водяные пауки любятъ бѣгать по ней, взадъ и впередъ, на своихъ длинныхъ дугообразныхъ ногахъ. Вода въ родниковыхъ ямкахъ, которыя иногда бываютъ довольно глубоки, хотя не имѣетъ видимаго теченія, а только сочится, — остается и лѣтомъ свѣжею и холодною, особенно если зачерпнуть ее поглубже. Истомленный зноемъ охотникъ, распахнувъ насоренную поверхность воды кожанымъ картузомъ своимъ, можетъ утолить жажду и прохладить раскаленную солнцемъ голову... бѣды никакой не будетъ: онъ пойдетъ опять по болотамъ и разгорится пуще прежняго. Но ходьба эта очень трудна, особенно около грязей и паточинъ: тамъ иногда можно увязнуть по поясъ и не скоро выбиться на болѣе твердое мѣсто. Причина, отъ чего происходятъ въ болотахъ топкія грязи и паточины, состоитъ въ слѣдующемъ: сквозь тину и верхній слой почвы просачивается, непри-

мѣтно для человѣческаго глаза, тонкая струйка родниковой воды. Струйка эта такъ мала, что не можетъ составить никакого теченія и только образуетъ около себя маленькія лужицы мутной, иногда красноватой воды, отъ которой однако вымокаютъ даже и болотныя растенія: торфъ обнажается и превращается въ топкую, глубокую грязь. Она засыхаетъ сверху, во время сильныхъ жаровъ и засухъ, даже трескается, и можетъ жестоко обмануть еще неопытнаго охотника: если онъ, обрадовавшись, повидимому, сухому мѣсту, прыгнетъ на него съ кочки, то выкарабкается нескоро.

Хотя камышъ и тростникъ ростутъ иногда въ обыкновенныхъ мокрыхъ болотахъ и даже въ топкихъ, на мѣстахъ, которыя потверже, какъ я уже говорилъ, — но есть собственно *камышистыя* или *тростниковыя* болота, принадлежащія только по почвѣ къ роду болотъ мокрыхъ. Они покрыты мелкими кочками и отдѣльными кустиками камыша, именно на нихъ, или около нихъ, ростущими. Травы на такихъ болотахъ бываетъ очень мало, и хотя они грязноваты, но не топки, и мелкій скотъ можетъ бродить по нимъ безъ всякаго затрудненія и опасности завязнуть, что часто случается въ болотахъ топкихъ.

Вообще въ болотахъ, больше или меньше, ростутъ разныя породы мховъ; но есть собственно *моховыя* болота, непремѣнно поросшія лѣсомъ и преимущественно еловымъ; онѣ же называются и *глухими*. На черноземной почвѣ болота такого рода — рѣдкость, почему и въ Оренбургской губерніи ихъ очень мало; но за то Московская губернія, кромѣ южной стороны, изобилуетъ ими. Они не топки, но мягки и пухлы. Въ дождливую погоду бываютъ очень мокры, а въ засуху на поляхъ, или тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ, иногда совершенно высыхаютъ: ибо не поддерживаются ни подземными ключами, ни открытыми родниками, ни паточинами. Лѣсныя, моховыя болота обязаны своимъ происхожденіемъ близости глинянаго грунта, не пропускающаго сквозь себя дождевую воду: она стоитъ на немъ, какъ на глиняномъ блюдѣ, и верхній пластъ земли, плотно лежащій на глинѣ, постоянно размокая, разбухая, лишенный солнечныхъ лучей отъ навѣса древесныхъ вѣтвей, — производитъ мохъ. Въ такихъ болотахъ родится, иногда въ великомъ изобиліи, клюква и брусника; красивая зелень послѣдней извѣстна всѣмъ; ягоды же служатъ лакомою и питательною пищей для нѣкоторыхъ породъ лѣсной дичи, равно какъ и для людей.

Наконецъ есть болота *зыбкія,* которыя народъ не совсѣмъ вѣр-

но называетъ „*трясинами*“, ибо они не трясутся, а зыблются, волнуются подъ ногами человѣка, „*ходенемъ ходятъ*“, какъ говоритъ тотъ же народъ. Это не что иное какъ цѣлыя озера, по большей части мелкія, но иногда и глубокія, покрытыя толстою и очень крѣпкою пленой, сотканною изъ корней болотныхъ растеній, кустовъ и деревьевъ, ростущихъ на торфяномъ грунтѣ. Иногда, посреди такихъ болотъ, остаются не заросшія, болѣе глубокія мѣста прежняго озера. Природа медленно производитъ эту работу, и я имѣлъ случай наблюдать ее: первоначальная основа составляется собственно изъ водяныхъ растеній, которыя, какъ извѣстно, ростутъ на всякой глубинѣ и разстилаютъ свои листья и цвѣты на поверхности воды; ежегодно согнивая, они превращаются въ какой-то кисель — начало черноземнаго торфа, который, слипаясь, соединяется въ большіе пласты; разумѣется, все это можетъ происходить только на водахъ стоячихъ и, предпочтительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало беретъ вѣтеръ. *Водяной цвѣтъ,* называемый *зеленью* околы Москвы, и *химарою* въ Оренбургской губерніи, которымъ ежегодно, во время лѣта, покрываются непроточные пруды, озера и болота, который появляется и на рѣкахъ, но разбивается и уносится быстрымъ ихъ теченіемъ, — водяной цвѣтъ, соединяясь съ перегнивающими водяными растеніями, древесными иглами и листьями, составляетъ уже довольно густую массу, плавающую на водѣ. Погоныши и даже болотныя курочки бѣгаютъ по ней, не проваливаясь, оставляя только дорожки слѣдовъ, которыми искрещивается вдоль и поперекъ, разными узорами, это зеленое покрывало. Прибиваемая вѣтромъ къ берегу, липкая масса пристаетъ къ нему плотно и осѣменяется разными болотными, береговыми травами, которыя охотно ростутъ по ней и которыя сейчасъ скрѣпляютъ ее длинными нитями своихъ корней. Годъ отъ году толстѣетъ и твердѣетъ эта пловучая почва, и годъ отъ году усиливается растительность травъ, ежегодное согниваніе которыхъ производитъ торфяную землю. Наконецъ появляются на ней тальникъ, ива, даже ольха и береза: онѣ окончательно скрѣпляютъ почву своими корнями, и скоро, по наружности, она сдѣлается совершенно похожею на берега и будетъ казаться ихъ продолженіемъ. Въ послѣдствіи времени поростаетъ она даже кочками. Иногда большіе куски этой плены отрываются отъ берега, и пловучими островами, со всею зеленью, деревьями и живущею на нихъ птицей, гуляютъ по озеру и пристаютъ то къ тому, то къ другому берегу, повинуясь направленію вѣтра; иногда опять пристаютъ къ берегамъ.

Это случается только на озерахъ большихъ и глубокихъ; на водахъ же средней величины и мелкихъ процессъ заростанія обыкновенно оканчивается тѣмъ, что сплошной слой, отъ края до края, во всѣхъ направленіяхъ, заволочетъ поверхность воды и, черезъ нѣсколько лѣтъ, наружность его представитъ видъ обыкновеннаго болота; но обманчива эта наружность.... Какъ только отойдешь нѣсколько шаговъ отъ настоящаго края, земля начнетъ, въ буквальномъ смыслѣ, волноваться, опускаться и подниматься подъ ногами человѣка и даже около него, со всѣми ростущими по ея поверхности травами, цвѣтами, кочками, кустиками и даже деревьями. Съ непривычки можетъ закружиться голова и ходить покажется страшно, хотя и не опасно, если болота не имѣютъ такъ-называемыхъ „*окошекъ*“, то-есть мѣстъ, не заросшихъ крѣпкими корнями травъ и растеній. Такія мѣста очень вѣрно называютъ крестьяне „прососами“ и „просовами“. Окошки чистыя, не малыя, въ которыхъ стоитъ жидкая тина или вода, бросаются въ глаза всякому, и никто не попадетъ въ нихъ; но есть прососы или окошки скрытныя, такъ сказать, потаенныя, небольшія, наполненныя зеленоватою, какою-то кисельною массой, засоренныя сверху старою, сухою травой и прикрытыя новыми, молодыми всходами и побѣгами мелкихъ, некорнистыхъ травъ: такія окошки очень опасны; нерѣдко охотники попадаютъ въ нихъ по неосторожности и горячности, побѣжавъ къ пересѣвшей или подстрѣленной птицѣ, что̀ дѣлается обыкновенно уже не глядя себѣ подъ ноги и не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ сѣла или упала птица. Бывали примѣры, что такая неосторожность стоила жизни охотнику. Жидкая, тинистая, липкая масса, на днѣ которой стоитъ вода, засосетъ туда человѣка, если онъ не успѣетъ, или ему будетъ не за что схватиться. Во всякомъ случаѣ безъ товарища по такимъ болотамъ ходить не должно. Утвердительно могу сказать, что зыбкія болота иногда превращаются въ обыкновенныя: вѣроятно, верхній пластъ, годъ отъ году дѣлаясь толще и тяжеле, наконецъ сядетъ на дно, а вода просочится наружу и испарится.

Таковы виды болотъ, мнѣ извѣстныхъ. Самое лучшее изъ нихъ — болото чистое, луговое, заливаемое весенними потоками, поросшее кустиками и рѣдкими деревьями. Какъ хорошо оно въ теплое весеннее утро! Вода сбыла, оставя кое-гдѣ мокрые слѣды и небольшія гривы наносной земли съ черноземныхъ полей. Нигдѣ растительность не является съ такою силой. Солнце на-

литъ влажную, тучную почву и тянетъ изъ нея травы и цвѣты: чуть не видишь, какъ ростутъ они! Кусты и деревья только-что распустились или распускаются; блестящимъ ароматнымъ лакомъ покрыты ихъ листья. Каждый кустъ и дерево окружены собственною, благоуханною атмосферой....

Перехожу къ описанію болотной дичи.

1.

БЕКАСЪ *).

Начинаю съ бекаса, отдавая ему преимущество надъ дупельшнепомъ и гаршнепомъ, по быстротѣ его полета и трудности добыванія. Всякій истинный охотникъ согласится признать за нимъ это первенство. Тѣломъ бекасъ не великъ, съ трехъ-недѣльнаго цыпленка, но имѣетъ очень длинный носъ и ноги. Спина, крылья и короткій хвостикъ покрыты пестрыми перьями, темно-коричневый, сѣроватый цвѣтъ которыхъ опредѣлить трудно. Брюхо у него и часть зоба или груди, — бѣлыя; глаза темные, немного на выкатѣ, довольно большіе и веселые; ножки темноватыя, почти черненькія; три передніе пальца очень длинны и снабжены острыми, довольно долгими, ногтями. Подбой, или изнанка крыльевъ сѣроватая или сизовато-пепельная; подъ плечными суставами — очень красивыя, сѣрыя пятнышки; на спинѣ у бекаса перья коричневѣе и длиннѣе; каждое перо съ одного бока имѣетъ свѣтло-желтую оторочку; конецъ носа какъ будто немного расплюснутъ, и обѣ носовыя половинки покрыты мелкими поперечными рубчиками, похожими на терпужокъ. Вообще бекасъ, не отличаясь яркими цвѣтами перьевъ, имѣетъ видъ красивый и живой. Носъ его, относительно къ величинѣ тѣла, несоразмѣрно

*) Барашекъ, чикъ (звукоподражательно). Scolopax gallinago, L.

К. Р.

длинепъ; у крупнаго, стараго бекаса онъ бываетъ длиною вершокъ съ четвертью; онъ запускаетъ его въ мягкую, болотную почву, или хотя не болотную, но случайно отъ воды размокшую, и достаетъ бѣловатые корешки травъ и растеній, что̀ и составляетъ его преимущественную пищу: именно ей приписываютъ изящный вкусъ бекасинаго мяса. Всегдашнее мѣстопребываніе бекаса — мокрыя болота. Онъ плотно таится въ нихъ между кочками; исключенія очень рѣдки. Въ случаѣ опасности, бекасъ сейчасъ ляжетъ и вытянется по землѣ. Рѣдко увидишь и еще рѣже убьешь сидячаго. — Обыкновенно бекасы прилетаютъ въ началѣ апрѣля, всегда ранѣе дупельшнеповъ и гаршнеповъ, и оказываются сначала по растаявшимъ болотамъ, около весеннихъ лужъ, — иногда вдругъ въ большомъ количествѣ, иногда понемногу. Случается, что, послѣ прилета бекасовъ, наступаютъ морозы, выпадаетъ снѣгъ, лужи и болота замерзаютъ; бекасы бросаются тогда къ родникамъ, берегамъ ручьевъ и рѣчекъ и даже къ навознымъ кучамъ, лишь бы только найдти талую землю. Если въ болотахъ стоитъ слишкомъ много воды, или когда болотъ очень мало, бекасы высыпаютъ на лужи, стоящія по жнивью хлѣбныхъ полей и на луговые весеннiе ручьи, о чемъ я уже и говорилъ. Съ прилета бекасы дики и далеко вскакиваютъ, не подпуская въ мѣру ни охотника, ни собаки, — вѣроятно потому, что болота и берега лужъ очень голы, и бекасамъ притаиться негдѣ: на размокшихъ же луговинахъ, гдѣ прошлогодняя отава больше и гуще, они гораздо смирнѣе. Я рѣдко встрѣчалъ охотниковъ, которые бы видали пролетныхъ бекасовъ, и я самъ, одинъ разъ только въ жизни, видѣлъ весною, рано поутру, бекасиную стаю, пролетѣвшую очень высоко. Вѣроятно они летятъ ночью, какъ и многіе другіе породы прилетной птицы. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что очень часто по утрамъ находятъ бекасовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ наканунѣ вечеромъ не было. — Весенняя стрѣльба бекасовъ, съ прилета, несравненно труднѣе осенней и для меня пріятнѣе, хотя она не такъ добычлива, вопервыхъ потому, что съ прилета всякая птица дорога, а бекасы еще дороже, и вовторыхъ потому, что чѣмъ болѣе трудности, тѣмъ болѣе требуется искусства отъ охотника и тѣмъ драгоцѣннѣе дѣлается добыча. Впрочемъ, всякій хорошій стрѣлокъ, если не полѣнится, можетъ убить много бекасовъ. Ихъ всегда стрѣляютъ дробью, извѣстною подъ именемъ бекасиной, то-есть 9-мъ и рѣдко 10-мъ №; но съ прилета надобно употреблять дробь нѣсколько покрупнѣе, а именно 8-го №. — Бекасъ не жи-

ренъ съ весны, какъ бываетъ осенью, а только сытъ, вскакиваетъ далеко и съ крикомъ бросается то въ ту, то въ другую сторону. Быстро несясь въ наклоненномъ положеніи, повертываясь съ боку на бокъ и мелькая то справа, то слѣва бѣлизной своего брюшка, — бекасъ, въ нѣсколько секундъ, вылетаетъ изъ мѣры ружейнаго выстрѣла. Очевидно, что быстрота мѣткаго прицѣла — единственное средство догнать свинцовымъ дождемъ эту быстролетную птичку. Тутъ некогда потянуть, приложиться половчѣе и взять вѣрнѣе на цѣль, — особенно потому, что весенній, прилетный бекасъ вылетаетъ неожиданно, не допуская собаку сдѣлать стойку, а охотника приготовиться; осенью будетъ совсѣмъ другое дѣло. Къ тому же съ прилета нѣтъ молодыхъ, *лѣтнихъ,* смирныхъ бекасовъ; летающихъ тише и прямѣе, — а все старые, годовалые, владѣющіе полною быстротой своего чуднаго полета. Здѣсь торжествуетъ проворство охотника и доброта его ружья.

Въ маѣ бекасы садятся на гнѣзда, которыя вьютъ изъ сухой травы на кочкахъ въ болотахъ, поросшихъ кустами. Бекасиная самка обыкновенно кладетъ четыре яйца, величиною не меньше голубиныхъ, цвѣтомъ зеленоватыя, испещренныя темно-коричневыми крапинами. Фигура яицъ, общая всѣмъ куличьимъ яйцамъ, имѣетъ ту особенность, что нижній конецъ ихъ представляетъ острый уголъ, и большая ширина яйца находится только въ самомъ верху тупаго конца, а не въ серединѣ. Не могу утвердительно сказать, но, кажется, самецъ помогаетъ самкѣ сидѣть на яйцахъ и выхаживать молодыхъ: по крайней мѣрѣ онъ всегда играетъ вверху недалеко отъ гнѣзда. Токовъ *) бекасиныхъ я никогда не замѣчалъ и ни отъ кого о нихъ не слыхалъ, почему и полагаю, что бекасы разбиваются на пары, какъ и другія куличьи породы. Правда, про бекаса говорятъ, что онъ *токуетъ,* но это потому, что онъ, наигравшись въ вышинѣ, подъ облаками, обыкновенно спускается на землю съ крикомъ, похожимъ на слоги: „таку-таку, таку-таку“. Съ этимъ же крикомъ бѣгаетъ онъ иногда по болоту, а всего чаще издаетъ эти звуки, сидя на сучкѣ сухаго дерева или на высокомъ пнѣ, или даже на кусту; послѣднее, впрочемъ, бываетъ очень рѣдко; знаю я также, что токующихъ бекасовъ, разумѣется самцовъ, охотники-промышленники при-

*) Токомъ называется мѣсто, куда весною постоянно слетаются самцы и самки нѣкоторыхъ породъ дичи, для совокупленія, и гдѣ между самцами, которыхъ всегда бываетъ несравненно болѣе, происходитъ драка.

маниваютъ на голосъ самки и бьютъ сидячихъ. Все это вмѣстѣ однако не объясняетъ дѣла. Къ сожалѣнію, мои наблюденія не простираются далѣе; хотя я много нахаживалъ бекасиныхъ гнѣздъ, часто замѣчалъ ихъ особою примѣтой и подглядывалъ изъ скрытнаго мѣста, — но ничего, объясняющаго этотъ вопросъ, мнѣ видѣть не удалось.

Въ исходѣ мая бекасы выводятся и держатся сначала въ крѣпкихъ болотныхъ мѣстахъ: въ кустахъ, топяхъ и молодыхъ камышахъ; какъ же скоро бекасята подростутъ, то мать переводитъ ихъ въ луговыя части болотъ, гдѣ суше и ростетъ высокая, густая трава, — и остается съ ними тамъ, пока они совершенно выростутъ. Къ концу іюня (иногда въ половинѣ и даже въ началѣ) молодые бекасы поднимаются, но летаютъ прямо, тихо и недалеко; лежатъ крѣпко и выдерживаютъ близкую стойку собаки. Мнѣ случалось убивать при выводкѣ двухъ старыхъ бекасовъ, изъ чего я заключаю, что и самцы держатся при дѣтяхъ. Горячности къ спасенію молодыхъ, какая примѣчается въуткахъ и тетеревиныхъ курочкахъ, бекасиная самка не оказываетъ: отъ гнѣзда не отводитъ и собою не жертвуетъ. По настоящему, до начала августа не должно стрѣлять молодыхъ: стрѣльба слишкомъ проста и легка, а мясо бекасятъ слишкомъ мягко, какъ-то слизко и особеннаго вкуса не имѣетъ но не такъ поступалъ я въ молодости, какъ и всѣ горячіе охотники!....

Съ того времени, какъ бекасиныя самки сядутъ на гнѣзда, около которыхъ остаются и самцы, — всѣ холостые бекасы разбиваются врозь по обыкновеннымъ кочковатымъ болотамъ, и начинается лѣтняя, мало-добычливая стрѣльба бекасовъ. Въ іюлѣ они прячутся въ мѣста болѣе крѣпкія и въ это время линяютъ. Впрочемъ, у нихъ перебирается перо за перомъ, и линька не мѣшаетъ имъ летать быстро; но находить ихъ тогда очень трудно, да и бить бекасовъ, поднимающихся въ кустахъ, очень нелегко. Въ концѣ іюля они опять выбираются въ открытыя болота и остаются въ нихъ до отлета; но передъ отлетомъ никогда не сбираются въ большія стаи какъ весною, во время прилета. Съ начала августа до половины сентября — самая лучшая охота за бекасами. Чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ они становятся жирнѣе; но жирныхъ до такой степени бекасовъ, какъ иногда бываютъ дупели и гаршнепы, я не видывалъ. На обширныхъ болотахъ, не слишкомъ топкихъ или по крайней мѣрѣ не вездѣ топкихъ, не зыблющихся подъ ногами, но довольно твердыхъ и способныхъ для

ходьбы, покрытыхъ небольшими и частыми кочками, поросшихъ маленькими кустиками, не мѣшающими стрѣльбѣ, можно производить охоту цѣлымъ обществомъ: охотники идутъ, каждый съ своею собакой, непремѣнно хорошо дрессированною, въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, ровнялсь въ одну линію. Если общество не многочисленное и всѣ стрѣлки настоящіе охотники, то такая охота можетъ быть чрезвычайно пріятна и удачна. Напротивъ, если замѣшается хоть одинъ плохой, неопытный или слишкомъ горячій стрѣлокъ, да еще съ невыдержанною, невѣжливою собакой, то пропало все поле. Я долженъ признаться, что никогда не любилъ охоты большимъ обществомъ и предпочиталъ охоту въ одиночку, вдвоемъ или много втроемъ, ибо какъ скоро будетъ охотниковъ и собакъ много, то трудно соблюсти тѣ условія, при которыхъ охота можетъ быть удачна и весела. Я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ обширныхъ и отлично удобныхъ болотъ, какъ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, особенно на границѣ и той и другой, по рѣкѣ Инзѣ. Охотники сбирались отличные, и охоты бывали баснословно удачныя. Въ одно поле, на двухствольное ружье, лучшіе охотники убивали, каждый, до 60-ти штукъ бекасовъ, дупелей и вальдшнеповъ, ибо осенью и послѣдніе сваливаются изъ лѣсовъ въ болота и держатся въ большихъ кустахъ съ мочажиной, около рѣки Инзы. Гаршнеповъ попадалось не такъ много, потому что они любятъ болота другаго рода.

Бекасы начинаютъ пропадать не въ одно время: иногда въ половинѣ, иногда въ концѣ сентября, а иногда остаются въ небольшомъ числѣ до половины октября. Я не умѣю опредѣлить настоящей причины такой значительной разницы. Близость или отдаленность зимы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ охотниковъ, не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого вліянія. Но вообще можно сказать, что если мокрота болотъ поддерживается умѣренными дождями, и стоитъ теплая погода, то болотная птица держится долѣе: засуха какъ разъ ее выгонитъ. Впрочемъ, не всегда бекасы пропадаютъ всѣ вдругъ; чаще случается, что бо́льшая ихъ часть пропадетъ, а нѣкоторые останутся и держатся иногда до сильныхъ морозовъ, такъ что и болота начнутъ замерзать. Я полагаю, что остаются тѣ бекасы, которые позднѣе другихъ вывелись, или слабые, не совсѣмъ здоровые. Это подтверждается тѣмъ, что изъ позднихъ бекасовъ рѣдко убьешь сытаго. Самаго поздняго бекаса, и не худаго, я убилъ 18 октября въ степи, около небольшой осенней лужи, когда лежалъ уже мелкій снѣжокъ; а самаго ранняго — 23

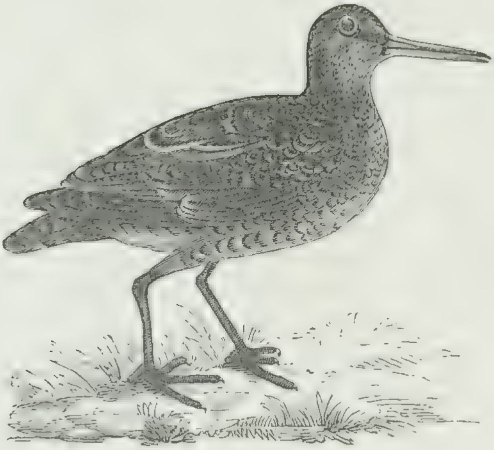
марта, когда еще въ неприкосновенной цѣлости лежала бѣлая, блестящая громада снѣговъ и таяло только въ деревняхъ по улицамъ. Я шелъ на лыжахъ (въ Оренбургской губерніи) по берегу рѣки Бугуруслана, который уже давно очистился отъ льда, ибо и въ жестокую зимнюю стужу мало замерзалъ. Я искалъ нырковъ, которые съ прудоваго матерuка полетѣли вверхъ по рѣкѣ. Вдругъ изъ подъ крутаго берега, гдѣ впадалъ ручеекъ изъ ближняго родника, съ крикомъ вырвался бекасъ. У меня отъ такой неожиданности, какъ говорится, сердце оторвалось; я выпустилъ было драгоцѣнную добычу изъ мѣры, но, опомнившись, выстрѣлилъ.... Стволъ былъ заряженъ рябчиковою дробью; одна дробинка повредила правое крыло у корня двухъ послѣднихъ перьевъ; бекасъ пошелъ къ низу и упалъ на отлетъ, саженей за сто на противоположномъ берегу рѣки, и быстро побѣжалъ по стеклянному насту, подпрыгивая и подлетывая.... Собака не рѣшалась броситься съ крутаго, высокаго, снѣжнаго берега въ рѣчку; я приходилъ въ отчаяніе; но умное животное обѣжало на мостъ за полверсты, поймало и принесло мнѣ бекаса, не помявъ ни одного пера.... Радость была неописанная.

Я нѣсколько разъ употреблялъ выраженіе: „выпустить изъ мѣры", — выраженіе понятное и неохотникамъ; но какъ опредѣлить мѣру стрѣльбы въ летъ бекаса и другихъ рѣзвыхъ птицъ? Я слыхалъ отъ старыхъ охотниковъ, что если глазъ не различаетъ пестрыхъ перьевъ на бекасѣ, то стрѣлять не должно: это значитъ, что бекасъ вылетѣлъ изъ мѣры. Такое опредѣленіе никуда не годится уже потому, что близорукій охотникъ и въ пятнадцати шагахъ не видитъ пестринъ; стало-быть ему никогда не придется стрѣлять, а между тѣмъ онъ бьетъ бекасовъ иногда лучше зоркаго охотника. Приблизительно и довольно вѣрно можно сказать, что 40 шаговъ самая лучшая, а 50 — самая дальняя мѣра для успѣшнаго стрѣлянія бекасовъ; это разстояніе охотникъ привыкнетъ узнавать глазомѣромъ. Конечно, бываютъ удачные выстрѣлы, но ихъ нельзя принимать въ разсчетъ. Иногда убьешь бекаса и на 60 шаговъ и даже на 70, но за то и стрѣляешь на авось, почти съ увѣренностью, что дашь промахъ.

Самые блистательные охотничьи выстрѣлы, по-моему, бываютъ въ бекаса, когда онъ играетъ вверху, не боясь присутствія охотника, потому что, завидя его, сейчасъ поднимется высоко. Бекасиною дробью рѣдкое ружье можетъ достать его. Это были мои любимые выстрѣлы, и въ этомъ случаѣ я употреблялъ съ

успѣхомъ дробь 7-го нумера, которая, будучи покрупнѣе, летитъ дальше и бьетъ крѣпче. Мѣра всегда бываетъ болѣе 60-ти шаговъ. Стрѣлять можно только въ ту минуту, когда бекасъ летитъ прямо надъ головой, слѣдовательно можно поставить ружье совершенно перпендикулярно. Положеніе очень неловкое, да и дробь, идучи вверхъ, скорѣе слабѣетъ. Много зарядовъ улетало понапрасну въ синее небо, и дробь, возвращаясь назадъ, сѣялась какъ мелкій дождь около стрѣлка. Въ случаѣ удачнаго выстрѣла, бекасъ падаетъ изъ-подъ небесъ медленно и винтообразно. Охотники понимаютъ, какъ живописно такое паденіе, и какъ неравнодушно смотритъ на него побѣдитель.

На охотѣ за бекасами были со мной два странные случая. Одинъ разъ ударилъ я бекаса вверху, и онъ, тихо кружась, упалъ въ десяти шагахъ отъ меня съ распростертыми крыльями на большую кочку; онъ былъ весь въ виду, и я, зарядивъ ружье, не торопясь подошелъ взять свою добычу; я протянулъ уже руку, но бекасъ вспорхнулъ и улетѣлъ, какъ здоровый, прежде чѣмъ я опомнился. Въ это время бекасы были рѣдки, выстрѣлъ былъ отличный, и мнѣ была очень досадна эта потеря. Въ другой разъ собака подала мнѣ застрѣленнаго бекаса; я взялъ его и, считая убитымъ на повалъ, бросилъ возлѣ себя, потому что заряжалъ въ это время ружье; бекасъ, полежавъ съ минуту, также улетѣлъ и даже закричалъ, а раненая птица не кричитъ. Для предупрежденія такихъ досадныхъ потерь, я принялъ за правило всегда прикалывать живую птицу. Совѣтую и всѣмъ охотникамъ дѣлать то же, и дѣлать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то-есть такъ, что̀ перо не попадетъ въ мозгъ, а угодитъ какъ-нибудь мимо, также можетъ улетѣть, что̀ со мной случалось не одинъ разъ, особенно на охотѣ за осенними тетеревами.



2.

ДУПЕЛЬШНЕПЪ *).

Его всегда называютъ дупелемъ, чему и я послѣдую; хотя это послѣднее названіе и неправильно, но короче и удобнѣе для произношенія. Я отдалъ первое мѣсто бекасу, но не всѣ охотники со мною согласятся. Обыкновенно предпочитаютъ дупеля, который чуть не вдвое больше (что̀ показываетъ и нѣмецкое его названіе), а это не бездѣлица въ охотѣ. Дупель гораздо жирнѣе бекаса, слѣдовательно вкуснѣе, подпускаетъ охотника и собаку ближе, выноситъ стойку дольше, летитъ тише и прямѣе. Вотъ причины, почему охотники считаютъ его первою, лучшею болотною дичью. Не оспаривая этихъ справедливыхъ причинъ, я повторяю, что даю первое мѣсто бекасу за быстроту полета и за то, что убить его несравненно труднѣе. Дупель такъ сходенъ перьями и складомъ съ бекасомъ, что ихъ не вдругъ даже различишь, если не обратишь вниманія на разность въ величинѣ и не увидишь хлупи или брюшка, которое у дупеля не бѣлое, а сѣро-пестрое. При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что шея его и ножки не такъ длинны, носъ тоже покороче и потолще бекасинаго, цвѣтъ ножекъ зеленоватѣе и нижняя сторона крыльевъ гораздо пестрѣе. Конецъ

*) Scolopax major. L.

К. Р.

дупелинаго носа снаружи покрытъ такими же мелкими рубчиками, какъ у бекаса.

Дупели прилетаютъ или оказываются на мокрыхъ мѣстахъ иногда одною, а иногда двумя недѣлями позднѣе бекасовъ, когда погода сдѣлается уже теплѣе, что̀ я могу доказать двѣнадцатилѣтними, обстоятельными записками о прилетѣ дичи въ Оренбургской губерніи. Они появляются на мѣстахъ не столько мокрыхъ и голыхъ, какъ бекасы, а непремѣнно въ кочковатыхъ, не топкихъ болотахъ, также на размокшихъ луговинахъ, на залежахъ, поросшихъ высокимъ бастыльникомъ или полынью, и даже на загонахъ съ высокою, прошлогоднею жнивой. — Дупель, взлетывая, производитъ крыльями шумъ или шорохъ, по которому опытное ухо охотника сейчасъ отличитъ его отъ бекаса, хотя бы онъ вылетѣлъ сзади; но потомъ летитъ тихо, такъ что его глухаго покрякиванья не слыхать, а садится гораздо скорѣе, чѣмъ бекасъ. По прошествіи времени весеннихъ высыпокъ, на которыхъ смѣшиваются всѣ эти три лучшія породы дичи (дупель, бекасъ и гаршнепъ), о превосходствѣ которыхъ я уже довольно говорилъ, — дупели занимаютъ обыкновенныя свои болота съ кочками, кустиками, а иногда большими кустами, не мокрыя, а только потныя, — и начинаютъ слетаться по вечерамъ на тока, гдѣ и остаются во всю ночь, такъ что рано поутру всегда можно ихъ найдти еще въ сборищѣ, на избранныхъ ими мѣстахъ. Токованье происходитъ у нихъ ночью, и потому, при всемъ моемъ стараніи, не могъ я подсмотрѣть и получить о немъ полнаго и точнаго понятія. Знаю только, что какъ скоро начнетъ заходить солнце, дупели слетаются на извѣстное мѣсто, всегда довольно сухое, ровное и по большей части находящееся на полянѣ, поросшей чемерикою, между большими кустами, гдѣ въ продолженіе дня ни одного дупеля не бываетъ. Вѣроятно, туда же слетаются и самки, хотя собранія на токахъ продолжаются и тогда, когда онѣ давно сѣли на гнѣзда и даже начинаютъ выводить молодыхъ. Я видалъ по вечернимъ зорямъ, что дупели гоняются другъ за другомъ, припрыгиваютъ, распустивъ крылья и поднявъ вѣеромъ свои хвостики, подобно токующимъ косачамъ или надувающимся индѣйскимъ пѣтухамъ. Бѣлый подбой подъ ихъ хвостиками, состоящій изъ мелкихъ перышекъ, часто мелькаетъ въ темнотѣ; но ясно разглядѣть ничего нельзя. Можно только съ достовѣрностью предположить, что самцы совокупляются въ это время съ самками и горячо дерутся за нихъ между собою: измятая трава и выщипанныя перья, по ней раз-

бросанныя, подтверждаютъ такое предположеніе. Тока продолжаются съ начала мая до половины іюня. Разумѣется, всѣ положительно назначаемые мною сроки измѣняются иногда нѣсколькими днями, смотря по состоянію погоды. Охотники, кончивъ весеннюю стрѣльбу на высыпкахъ, пользуются токами и бьютъ дупелей изъ-подъ собаки: по вечерамъ — до глубокихъ сумерокъ, по утреннимъ зорямъ — до солнечнаго восхода; но по утрамъ дупели скоро отъ выстрѣловъ разлетаются въ глухія мѣста болотъ, иногда не въ близкомъ разстояніи, гдѣ и остаются до вечера. Часа за полтора до заката солнца, уже вездѣ около тока есть подбѣжавшіе дупели, а при самомъ захожденіи солнца они уже летятъ на токъ со всѣхъ сторонъ. Въ это время, если вы поднимете дупеля, дадите по немъ промахъ, и онъ улетитъ изъ глазъ вонъ.... не безпокойтесь: черезъ нѣсколько минутъ онъ прилетитъ опять на прежнее мѣсто, если только не подбитъ. Добычливые охотники, притаясь въ какомъ-нибудь кустикѣ или кустѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ тока, остаются тамъ на всю ночь и стрѣляютъ дупелей, цѣля въ мелькающую бѣлизну подъ ихъ распущенными хвостиками. Впрочемъ, въ это время года ночей почти нѣтъ, зоря сходится съ зорей, и присутствіе свѣта не прекращается. Драка между самцами продолжается не только во всю ночь, но почти до восхода солнца; тутъ они утихаютъ и разбѣгаются во всѣ стороны; но тутъ уже опять можно стрѣлять ихъ изъ-подъ собаки. Я просидѣлъ одну ночь, подкарауливая дупелей на току, и убилъ ихъ нѣсколько штукъ, но мнѣ не понравилась эта охота, хотя она заманчива тѣмъ, что требуетъ отъ стрѣлка много ловкости и проворства. Главное въ ней условіе — острота зрѣнія, а я никогда не могъ имъ похвалиться. Притомъ гораздо болѣе дупелей поранишь, чѣмъ убьешь на поваль, да часто не найдешь и убитыхъ, потому что охотникъ не выходитъ изъ скрытнаго мѣста до окончанія охоты, и тогда только собираетъ свою добычу. Очевидно, что во время стрѣльбы собака не нужна: но поутру необходимо употреблять ее для отысканія убитыхъ и подбитыхъ дупелей, которые иногда имѣютъ еще силы отойдти довольно далеко. Въ заключеніе скажу, что мнѣ показалось какъ-то совѣстно убивать птицу пьяную, безумную вслѣдствіе непреложнаго закона природы, — птицу, которая въ это время не видитъ огня и не слышитъ ружейнаго выстрѣла!

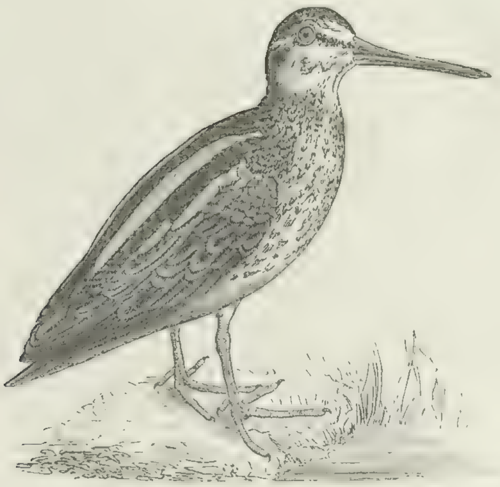
На многочисленныхъ токахъ, куда собираются дупели сотнями, куда никогда не заходила нога охотника, — что не рѣдкость въ

обширной Оренбургской губерніи, — поселяне, какъ Русскіе, такъ равно и Мордва, Чуваши и даже Татары очень много ловятъ дупелей (какъ и тетеревовъ) *поножами*, то-есть сильями, вплетенными, на разстояніи полуаршина другъ отъ друга, въ длинную тонкую веревку, привязанную къ нѣсколькимъ колышкамъ, которые плотно втыкаются въ землю на тѣхъ мѣстахъ тока, гдѣ нужно ихъ разставить. Когда попадетъ въ сило одинъ дупель, начнетъ биться и трепетаться, — другіе кинутся его бить и попадаютъ въ силья сами; бо̀льшая часть изъ нихъ удавливается.

По прекращеніи токовъ, исхудалые самцы-дупели скрываются въ самыя крѣпкія болота, поросшія кустами и деревьями, и тамъ линяютъ, не теряя способности летать, какъ и бекасы. Между тѣмъ дупелиныя самки, въ исходѣ мая, слѣдовательно въ первой половинѣ токовъ, вьютъ гнѣзда, по большей части на кочкахъ, въ предохраненіе отъ сырости, въ болотахъ не очень мокрыхъ, но непремѣнно поросшихъ кустами, и кладутъ по четыре яйца точно такого же цвѣта и формы, какъ бекасиныя, только нѣсколько побольше. Высиживаніе дѣтей, укрываніе ихъ, сначала въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ болотныхъ мѣстахъ, а потомъ въ лугахъ, и наконецъ перемѣщеніе въ чистыя болота на всю осень — у дупелей совершенно одинаковы съ бекасами. Вся разница состоитъ въ слѣдующемъ: при выводкахъ я никогда не нахаживалъ двухъ старыхъ дупелей; послѣ линьки или линянья, особенно если болота очень мокры отъ многихъ дождей, чего дупели не любятъ, они иногда перемѣщаются въ залежи, въ паръ, то-есть въ паровое поле, и лежащія около болотъ некошеныя луговины, поросшія чилизникомъ и бобовникомъ. Вотъ, по-моему, лучшая охота за дупелями. Это бываетъ въ исходѣ іюля и въ августѣ; тогда они дѣлаются такъ жирны, что не видѣвши трудно повѣрить: летаютъ очень тяжело и скоро опять садятся. Мнѣ случалось бить столь жирныхъ дупелей, что когда убьешь его, и онъ ударится о землю, какъ мокрая глина, то кожа трескалась на его хлупи. Впрочемъ въ такихъ мѣстахъ они бываютъ рѣдко и не надолго, особенно въ пару, гдѣ молодая трава, не смотря на сильную растительность черноземной оренбургской почвы, довольно мала, и прятаться въ ней птицѣ неудобно. Во всю мою жизнь я одинъ разъ только нашелъ множество дупелей въ паровомъ полѣ: они были необыкновенно жирны и сначала смирны, потомъ сдѣлались сторожки, но держались упорно около двухъ недѣль. Вѣроятно, взрыхленная сохою земля и сочные корешки молодой травы очень

нимъ нравились: даже когда начали засѣвать паръ, дупеля держались нѣсколько дней, кругомъ, по ковылистымъ луговинамъ. Я убилъ тогда болѣе сотни чудесныхъ дупелей. — Къ половинѣ августа они переселяются опять въ большія болота, и тамъ, вмѣстѣ съ бекасами, остаются до отлета, который, впрочемъ, всегда бываетъ ранѣе бекасинаго, также недѣлями двумя. И тогда-то производятся тѣ славныя охоты цѣлымъ обществомъ, о которыхъ я недавно говорилъ. — Дупелей бьютъ по большой части тою же дробью (то-есть 9-мъ нумеромъ), какъ и бекасовъ; но лучше употреблять дробь 8-го нумера: для дупелей же, напуганныхъ стрѣльбою, — какъ то бываетъ всегда на токахъ, куда они, разлстаясь отъ выстрѣловъ, постоянно возвращаются и гдѣ они дѣлаются наконецъ такъ сторожки, что поднимаются шагахъ въ 50-ти или болѣе, — я употреблялъ съ успѣхомъ дробь 7-го нумера. На разстояніи 60-ти шаговъ, дупеля не убьешь на-повалъ бекасиною дробью, даже 8-мъ нумеромъ, или по крайней мѣрѣ рѣдко, а только поранишь; онъ унесетъ дробь очень далеко, и если не умретъ скоро, то долго будетъ хворать и скрываться въ самыхъ глухихъ болотныхъ мѣстахъ. Мнѣ случалось нахаживать и убивать такихъ дупелей въ позднюю осень, когда всѣ другіе давно уже пропали. Я находилъ на нихъ зажившія раны и даже старую, заросшую въ тѣлѣ дробь, которую нетрудно было отличить отъ новой, потому что послѣдняя всегда была крупнѣе.

Жирныхъ и не пуганныхъ стрѣльбою дупелей, допускающихъ самую близкую стойку собаки, можно травить ястребами-перепелятниками. Если дупель вскочитъ не далѣе 6-ти или 7-ми шаговъ, то ястребъ его догонитъ. Разумѣется, что никакой ружейный охотникъ не станетъ травить дупелей ястребомъ, если будетъ имѣть возможность стрѣлять ихъ.



3.

ГАРШНЕПЪ *).

Этотъ маленькій куличекъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ славной породѣ бекасовъ. Господа Нѣмцы назвали его *гаршнепомъ,* то-есть *волосянымъ куликомъ,* вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ длинныя перышки, ростущія по верхней части его шеи и лежащія вдоль спины. Впрочемъ, эти перышки нисколько не похожи на волосы и скорѣе можно ихъ назвать косичками; но другаго имени гаршнепъ у насъ не имѣетъ, а потому долженъ остаться при своей нѣмецкой кличкѣ, не вовсе удачной, но всѣмъ извѣстной. О названіи „лежанка", котораго никто не знаетъ на Руси, придаваемомъ гаршнепу въ „Книгѣ для охотниковъ", изданной въ 1813 году въ Москвѣ, — я уже говорилъ. — Гаршнепъ вдвое меньше бекаса; складомъ, носомъ, ногами и пестрымъ брюшкомъ совершенно сходенъ съ дупелемъ, а перьями — и съ бекасомъ и дупелемъ: только пестрины у него на спинѣ нѣсколько темнѣе и красноватѣе, имѣютъ сизо-зеленоватый, какъ будто металлическій отливъ; кожа на шеѣ толста и мясиста, очевидно для того, чтобы могли рости изъ нея длинныя перышки и косички. Гаршнепъ — постоянный обитатель топкихъ болотъ, преимущественно порос-

*) *Мѣстами* называется также *стучикъ, бекасикъ.* Scolopax gallinula, L.
К. Р.

шихъ кустиками камыша. Корешки болотныхъ травъ, особенно сладкіе корешки молодаго камыша (котораго и первые побѣги также на вкусъ очень сладки) и разные червячки и козявочки составляютъ его обыкновенную пищу. Весною онъ прилетаетъ всегда вмѣстѣ съ дупелями и вмѣстѣ съ ними показывается на первыхъ высыпкахъ, но улетаетъ гораздо позднѣе, даже послѣ бекаса. Какъ скоро минуется срочное и короткое время высыпокъ пролетной птицы, гаршнепъ немедленно переселяется въ топкія, грязныя и камышистыя болота. Камышъ — его стихія: я имѣлъ этому поразительное доказательство. Однажды весною, когда вся птица уже прилетѣла и вездѣ по удобнымъ мѣстамъ появились гаршнепы, ушелъ у меня въ деревнѣ огромный прудъ, заросшій почти весь сплошнымъ камышомъ, который зимою былъ гладко скошенъ на разныя деревенскія потребности. Гаршнепы пропали, не только на болотахъ около самаго пруда, но и на мѣстахъ довольно отдаленныхъ: дупели и бекасы остались, гаршнепа — ни одного. Я, ничего не подозрѣвая, продолжаю охотиться, удивляюсь только, отчего такъ внезапно пропали гаршнепы. Вдругъ узнаю, что крестьяне, ловившіе рыбу, оставшуюся въ лужахъ, по обмелѣвшимъ камышамъ пруда, поднимали тамъ много гаршнеповъ. Я сейчасъ туда отправился, и чтó же нашелъ? Гаршнепы со всего околотка слетѣлись на грязное, топкое дно сбѣжавшаго пруда, покрытое густыми корнями камыша. Грязь была такъ жидка, что гаршнепы могли только сидѣть на оголившихся камышевыхъ корняхъ. Ходьба была адская: ноги вязли по колѣна и даже выше; собака вязла по брюхо и далеко отставала отъ меня, да въ ней и не было надобности: гаршнепы вскакивали сами. Три дня, съ неимовѣрными усиліями, къ которымъ бываетъ способна только молодость и страстная охота, бродилъ я по этой непроходимой топи. Я убилъ 83 гаршнепа, чего конечно не убилъ бы въ обыкновенныхъ болотахъ и даже на высыпкахъ, ибо гаршнеповъ, относительно къ числу бекасовъ и дупелей, бываетъ въ Оренбургской губерніи несравненно менѣе, и рѣдко убьешь ихъ десятка полтора въ одно поле *). Я убилъ бы ихъ гораздо болѣе, потому что они не убывали, а прибывали съ каждымъ днемъ; но воду запрудили, прудъ сталъ наливаться и подтопилъ гаршнеповъ, которые слетѣли и вновь по-

*) Я слышалъ отъ охотниковъ Пензенской и Симбирской губерній, что тамъ гаршнеповъ бываетъ чрезвычайно много, и что случается одному охотнику убивать въ одно поле до 40 штукъ и болѣе.

казались на прежнихъ своихъ мѣстахъ, уже гораздо въ меньшемъ количествѣ. — Гаршнепъ обыкновенно очень смиренъ, вылетаетъ изъ-подъ ногъ у охотника или изъ-подъ носа у собаки послѣ долгой стойки, безъ малѣйшаго шума, и летитъ, если хотите, довольно прямо, то-есть не бросается то въ ту, то въ другую сторону, какъ бекасъ; но полетъ его какъ-то не вѣренъ, похожъ на порханье бабочки, что́, вмѣстѣ съ малымъ объемомъ его тѣла, придаетъ стрѣльбѣ гаршнеповъ гораздо болѣе трудности, чѣмъ стрѣльбѣ дупелей, особенно въ вѣтренное время. Гаршнепъ, взлетѣвъ, сейчасъ бросается противъ вѣтра, но, не имѣя силъ долго бороться съ нимъ, вдругъ сдаетъ направо или налѣво, то-есть дѣлаетъ боковое движеніе и опять устремляется противъ вѣтра. Въ это время безъ сноровки бить его очень трудно. Вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ уловить гаршнепа въ ту минуту, когда онъ, сдѣлавъ уступку вѣтру и будучи отнесенъ имъ въ сторону, начнетъ опять летѣть прямо; тутъ выходятъ такія мгновенія отъ противоборства вѣтра и усилій птицы, что она стоитъ въ воздухѣ неподвижно; опытные стрѣлки знаютъ это и рѣдко даютъ промахи по гаршнепамъ. Когда вѣтеръ сноситъ ихъ въ сторону, особенно если какъ-нибудь захватитъ сзади, то длинныя шейныя и спинныя перья заворачиваются, и гаршнепъ представляетъ странную фигуру, непохожую на птицу: точно летитъ хлопокъ льна или клочокъ шерсти. Въ началѣ іюня, гаршнепы пропадаютъ, и до второй половины августа нигдѣ отыскать ихъ нельзя: по крайней мѣрѣ я никогда не нахаживалъ и отъ другихъ охотниковъ не слыхалъ. Предположеніе, что они прячутся въ глухія неудобопроходимыя болота, поросшія деревьями, кустами и высокимъ камышомъ, гдѣ выводятъ дѣтей, держатся до совершеннаго ихъ возраста и оттуда потомъ перемѣщаются снова въ свои обыкновенныя болота, — такое предположеніе меня не удовлетворяетъ. Очень странно, что я, будучи всегда неутомимымъ и страстнымъ до безумія охотникомъ, таскаясь по самымъ глухимъ и топкимъ болотнымъ мѣстамъ, не смотря на жаркое лѣтнее время, не нашелъ не только гнѣзда или выводка гаршнепа, но даже ни одного не поднялъ. Сколько мнѣ извѣстно, другіе охотники также не нахаживали гаршнеповыхъ гнѣздъ и выводковъ *). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что гаршнепы

*) Одинъ охотникъ, впрочемъ, сказывалъ мнѣ, что убилъ очень молодаго, едва летающаго гаршнепа, около Петербурга, подъ Стрѣльною, въ самомъ топкомъ болотѣ.

далеко отлетаютъ для вывода дѣтей, въ такія непроходимыя лѣсныя болота, куда въ это время года не заходитъ нога человѣческая, потому что такія болота, какъ я слыхалъ, въ буквальномъ смыслѣ недоступны до тѣхъ поръ, пока не замерзнутъ. Какъ бы то ни было, изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ, что я ничего не знаю, какъ, гдѣ выводятся гаршнепы, и ничего не могу сказать объ этомъ.

Въ исходѣ августа, слѣдовательно къ осени, начинаютъ кое-гдѣ проскакивать гаршнепы. Молодыхъ уже трудно различить со старыми, развѣ только потому, что старые крупнѣе и скорѣе начинаютъ жирѣть. Если въ это время вы убьете сытаго гаршнепа, то навѣрно это старый; по жесткимъ, правильнымъ перьямъ вы въ томъ удостовѣритесь, ибо у молодыхъ они не только мягки, но даже нѣсколько кровянисты, какъ у всякой молодой птицы. Къ концу осени сравняются всѣ: и старые и молодые. — Я никогда не находилъ много гаршнеповъ вдругъ въ одномъ болотѣ (говорю о стрѣльбѣ уже осенней), никогда двухъ вмѣстѣ; но я слыхалъ отъ охотниковъ, что въ другихъ губерніяхъ, именно въ Симбирской и Пензенской, осенью бываетъ гаршнеповъ очень много, что весьма часто поднимаются они изъ-подъ собаки по два и по три вдругъ, и что нерѣдко случается убивать по два гаршнепа однимъ зарядомъ. Впрочемъ, они такъ плотно таятся и крѣпко лежатъ, что и добрая собака проходитъ иногда мимо ихъ. Самъ же собою гаршнепъ только тогда взлетитъ, когда на него почти наступишь. Бить очень хорошо дробью 10-го нумера, потому что стрѣлять далеко не приходится, а мелкая, сѣвкая дробь летитъ, какъ широкое рѣшето, и хотя бы задѣла однимъ только краемъ, такъ и сваритъ эту порхающую птичку.

Чѣмъ глубже становится осень, тѣмъ болѣе жирѣетъ гаршнепъ, и наконецъ весь заплываетъ саломъ. Вотъ уже пропадаютъ дупели, а гаршнепъ все держится; пропадаютъ и бекасы, а гаршнепъ все еще держится... Погода становится суровѣе: стынутъ болота; тонкимъ, какъ стекло, льдомъ покрывается между кочками вода, съ бѣлыми пузырями запертаго подъ нею воздуха; некуда пріютиться гаршнепу, какъ онъ ни малъ, нѣтъ нигдѣ куска талой грязи, — гаршнепъ и тутъ еще держится, но уже бросается къ родничкамъ и къ наточинамъ. Здѣсь находитъ онъ себѣ убѣжище, и не разстается съ нимъ до послѣдней крайности, до сильныхъ морозовъ, которые закуютъ все безъ исключенія. Даже во время заморозковъ, когда земля начинаетъ покрываться первымъ пуши-

стымъ свѣгомъ, вовсе неожиданно случалось мнѣ находить, въ самой головѣ родника, гаршнепа, притаившагося на мерзлой землѣ; изумляла меня крѣпкая стойка собаки на такомъ голомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, ничто спрятаться не могло. Послѣ многихъ и наконецъ грозно сказанныхъ: „пиль!“, собака бросалась, и — вспархивалъ гаршнепъ *). Не всегда удавалось убить его, потому что ружье бывало заряжено не мелкою дробью; но когда удавалось, то радость была большая. Охотники могутъ себѣ вообразить, какъ я, на шесть скучныхъ мѣсяцевъ уже простившись съ лучшею породой дичи, дорожилъ ся послѣднимъ запоздавшимъ представителемъ.

Должно замѣтить общую особенность дупелей, бекасовъ, гаршнеповъ и особенно вальдшнеповъ: они никогда не выпрямляются на ногахъ и не вытягиваютъ своихъ шей, какъ обыкновенные береговые кулики; ножки и шейки ихъ всегда какъ-то согнуты или скорчены, что́ и даетъ имъ особенную посадку. Самцовъ отъ самокъ различить по перьямъ очень трудно.

О вкусѣ мяса и приготовленіи бекасиныхъ породъ.

Описанные теперь мною три вида одной породы, то-есть бекасъ, дупель и гаршнепъ, вмѣстѣ съ вальдшнепомъ, извѣстны всѣмъ гастрономамъ необыкновенною деликатностью своего вкуса. Слава ихъ такъ повсемѣстна и прочна, что не нужно распространяться о ней; но должно сказать правду, что когда они бываютъ худы и сухи, то мясо ихъ мало разнится отъ мяса обыкновенныхъ куличковъ. Многіе кушаютъ ихъ и похваливаютъ, увлекаясь громкою репутаціей. Впрочемъ, когда они разжирѣютъ, то безспорно превосходятъ вкусомъ всѣ другія породы куликовъ, какъ бы послѣдніе ни были жирны. — Основываясь на томъ, что они питаются единственно корешками растеній, ихъ готовятъ непотрошенными, — честь, которой не удостоивается никакая другая дичь, кромѣ дроздовъ, изъ уваженія къ ягодной пищѣ, которую употребляютъ они въ извѣстное время года. Хотя мнѣ и жаль, но я долженъ разрушить положительность этого мнѣнія: вальдшнепъ, дупельшнепъ, бекасъ и гаршнепъ питаются не одними корешками, особенно два первыхъ

*) Знакомый мнѣ охотникъ убилъ четырехъ гаршнеповъ 6 ноября, около родниковъ, когда уже порядочный снѣгъ покрывалъ землю.

вида, которые не всегда постоянно живутъ въ мокрыхъ болотахъ и не могутъ свободно доставать себѣ въ пищу корешковъ въ достаточномъ количествѣ; они кушаютъ червячковъ, разныхъ козявокъ, мухъ и мушекъ или мошекъ. Что же касается до способа приготовленія ихъ непотрошенными, то я совѣтую употребить его со всѣми породами куличковъ: они будутъ отъ того гораздо вкуснѣе; въ этомъ я убѣдился по опыту. Для людей, слишкомъ разборчивыхъ и брезгливыхъ, я предлагаю особенный способъ приготовленія какъ знаменитой бекасиной породы, такъ и всѣхъ другихъ породъ дичи, безъ исключенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что выкидывая внутренность изъ птицы, мы выкидываемъ самыя жирныя и вкусныя части. Итакъ, надобно внутренность птицы осторожно вынуть, все нечистое изъ кишекъ отдѣлить, отстальное промыть легонько въ холодной водѣ, положить опять въ птицу, зашить отверстіе и готовить кушанья, какія угодно; можно даже, смотря по вкусу, изрубить внутренность птицы и смѣшать съ поджареннымъ мелкоистертымъ хлѣбомъ, съ зеленью или какими-нибудь пряностями. Я осмѣлюсь предположить, что мясо бекасиныхъ породъ много обязано своею славой тому, что ихъ жарятъ всегда непотрошеныхъ, всегда въ кострюляхъ, завернутыхъ въ ветчинное сало, или въ напитанную имъ бумагу. Бекасъ нѣжнѣе вальдшнепа и дупеля, а гаршнепъ нѣжнѣе бекаса, слѣдовательно вкуснѣе. Тамъ, гдѣ этой превосходной птицы слишкомъ много, можно готовить ихъ въ прокъ, мариновать подъ желе съ уксусомъ, или, слегка посоля, заливать свѣжимъ коровьимъ растопленнымъ масломъ, какъ перепелокъ. Посуду должно поставить на ледъ, и когда наступятъ морозы, можно перевозить ее куда угодно.

Недавно узналъ я, отъ одного почтеннаго охотника П. В. Б—ва, что дупелей, бекасовъ и, пожалуй, всякую другую дичь, стрѣленную даже въ іюлѣ, — сохраняютъ у него совершенно свѣжею, хоть до будущей весны. Птицу кладутъ въ большую форму, точно такую въ какой приготовляютъ мороженое, вертятъ ее и крѣпко замораживаютъ; потомъ форму зарываютъ въ ледъ, и покуда онъ не пропадаетъ въ ледникѣ, птица сохраняется такъ свѣжа, какъ будто сейчасъ застрѣлена.

4.

БОЛОТНЫЙ КУЛИКЪ *).

Подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ всего болѣе, но охотники зовутъ его иногда *улиткою* или *неттишелемъ:* откуда произошли оба эти названія, русское и нѣмецкое, — не знаю. Крестьяне въ Оренбургской губерніи называютъ его *веретенникъ,* основываясь

---

*) *Сукалень, мородунка, жеребчикъ* (по Енисею), *авдотка, авдушка, авдотья* (въ Сибири). Limosa melanura, Lsl.

К. Р.

на томъ, что будто крикъ его, которымъ обыкновенно оглашаются болота, иногда въ большомъ множествѣ имъ населяемыя, похожъ на слова: „веретёнъ, веретёнъ!“ Сходство это впрочемъ, совершенно произвольно, да и крикъ болотнаго кулика весьма разнообразенъ: онъ очень коротокъ и живъ, когда куликъ гонитъ какую-нибудь хищную или не добрую птицу прочь отъ своего жилища, какъ напримѣръ сороку или ворону, на которую онъ то налетаетъ, какъ ястребъ, въ угонъ, то черкаетъ сверху, какъ соколъ; онъ протяженъ и чистъ, когда болотный куликъ летитъ спокойно и высоко, и превращается въ хриплый стонъ, когда охотникъ или собака приближаются къ его гнѣзду или дѣтямъ. Болотный куликъ тѣломъ не больше русскаго голубя, но имѣетъ очень длинныя ноги, шею и носъ, отъ чего и кажется довольно большою птицей. Верхняя половинка его носа на концѣ нѣсколько овальна и похожа на уховертку. Цвѣтъ его перьевъ желтовато-красноватый. Самецъ меньше самки и перомъ свѣтлѣе, а шея у него гораздо краснѣе. Болотные кулики прилетаютъ около половины апрѣля. Хотя я видалъ ихъ пролетающихъ огромными стаями, но около прудовъ, болотъ и полевыхъ лужъ попадаются они по большей части врозь или парами, рѣдко маленькими станичками. Съ прилета они бываютъ довольно сыты, но потомъ, до самаго отлета, очень худы и тощи. Съ прилета, когда они шатаются вездѣ по мокрымъ мѣстамъ, охотники стрѣляютъ ихъ сидячихъ, съ подъѣзда и даже съ подходу, потому что они скоро дѣлаются довольно смирны. — Какъ только сольетъ полая вода, болотные кулики занимаютъ свои родимыя болота, въ которыхъ живутъ постоянно каждый годъ, если какая-нибудь особенная причина не заставитъ ихъ перемѣнить мѣста своего жительства. Причины бываютъ разныя: иногда болото высыхаетъ отъ того, что пропадаютъ въ немъ родники или паточины; иногда отъ того, что ихъ затопчетъ скотъ; иногда отъ того, что болото высушивается искусственно людьми и превращается въ сѣнокосные луга или пашню. Впрочемъ, болотные кулики не разборчивы: они живутъ во всякихъ болотахъ — въ топкихъ, грязныхъ, кочковатыхъ, мокрыхъ и сухихъ, даже въ открытой ковылистой степи, около какой-нибудь потной низменности или долины, обросшей кустами, только бы не мѣшали имъ люди. — Вмѣстѣ съ занятіемъ постоянныхъ жилищъ, они сейчасъ разбиваются парами; самецъ помогаетъ самкѣ вить гнѣздо на кочкѣ или сухомъ мѣстѣ. Самка кладетъ четыре довольно большія яйца, немного поменьше куриныхъ, цвѣтомъ похожія на дупелиныя и

одинаковой фигуры со всѣми куличьими яйцами. Самецъ раздѣляетъ всѣ труды и попеченія съ самкою; онъ настоящій отецъ своимъ дѣтямъ: сидитъ на яйцахъ, когда сходитъ самка, и, летая кругомъ, отгоняетъ всякую опасность, когда мать сидитъ на гнѣздѣ. Увы! онъ часто губитъ себя и все свое потомство своимъ бдительнымъ надзоромъ, открывая безжалостному охотнику, крикомъ и летаньемъ, мѣсто своего жилища и самое гнѣздо. Послѣ трехнедѣльнаго сидѣнья, вылупляются куличата, покрытые желтовато-сѣрымъ пухомъ; они сейчасъ получаютъ способность бѣгать и доставать себѣ пищу; на другой день ихъ уже нѣтъ въ гнѣздѣ. Пища ихъ, какъ и всѣхъ куликовъ, кромѣ породъ бекасиныхъ, состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ. Отецъ съ матерью держатся съ ними сначала въ болотѣ и потомъ выводятъ ихъ въ чистыя мѣста, луга и хлѣбныя поля, гдѣ они, по достиженіи уже полнаго возраста, начинаютъ летать.

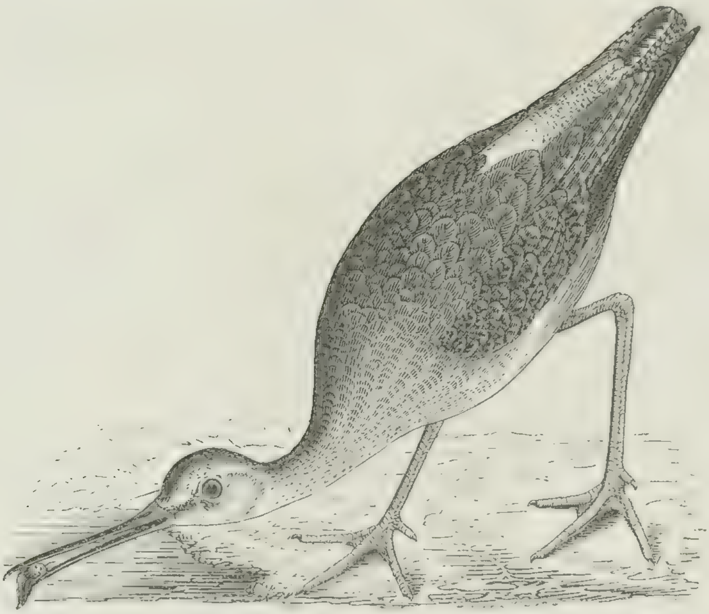
Грустно мнѣ вспомнить, какое истребленіе производилъ я, какъ и всѣ охотники, въ оренбургскихъ обширныхъ болотахъ, биткомъ набитыхъ всякою дичью и преимущественно болотными куликами, отличающимися отъ многихъ куличьихъ породъ необыкновенною горячностью къ дѣтямъ. Это опустошеніе еще гибельнѣе, если производится въ то время, когда кулики сидятъ на яйцахъ: тутъ пропадаютъ вдругъ цѣлыя поколѣнія; если же куличата вывелись хотя за нѣсколько дней, то они выростутъ и выкормятся безъ помощи отца и матери. — Едва только приближается охотникъ или проходитъ мимо мѣста, занимаемаго болотными куликами, какъ одинъ или двое изъ нихъ вылетаютъ навстрѣчу опасности, иногда за полверсты и болѣе. Мы называли ихъ въ шутку „посланниками“. Вылетѣвъ навстрѣчу человѣку или собакѣ, даже лошади, коровѣ и всякому животному, — ибо слѣпой инстинктъ не умѣетъ различать: чье приближеніе опасно и чье безвредно, — болотный куликъ бросается прямо на охотника, подлетаетъ вплоть, трясется надъ его головой, вытянувъ ноги впередъ, какъ будто упираясь ими въ воздухъ, безпрестанно садится и бѣжитъ прочь, все стараясь отвести въ противоположную сторону отъ гнѣзда. Съ собакой ему иногда удается эта хитрость; но охотникъ видѣлъ, откуда прилетѣлъ онъ, убиваетъ посланника и прямо идетъ къ его жилищу. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ болоту, тѣмъ чаще вылетаютъ встрѣчные кулики. Когда же у самаго ихъ жилища раздается выстрѣлъ, то поднимается все летучее населеніе болота и окружаетъ охотника, наполняя воздухъ различнымъ крикомъ и

пискомъ своихъ голосовъ и шумомъ своихъ полетовъ; только однѣ самки или самцы, сидящіе на яйцахъ, не слетаютъ съ нихъ до тѣхъ поръ, пока опасность не дойдетъ до крайности. Это летучее населеніе преимущественно состоитъ изъ болотныхъ куликовъ и, частью только изъ чибисовъ или пиголицъ, травниковъ и поручейниковъ. Охотникъ вступаетъ въ болото, и по мѣрѣ того, какъ онъ нечаянно приближается къ какому-нибудь гнѣзду или притаившимся въ травѣ дѣтямъ, отецъ и мать съ жалобнымъ крикомъ бросаются къ нему, ближе и ближе вертятся надъ головой, какъ-будто падаютъ на него и едва не задѣваютъ за дуло ружья.... Но не долго тянется дѣло у охотника опытнаго и хорошаго стрѣлка: только новичекъ, недавно взявшійся за ружье, можетъ до того разгорячиться, что задрожатъ у него и руки и ноги, и будетъ онъ давать безпрестанные промахи, чему способствуетъ близость разстоянія, ибо дробь летитъ сначала кучей. Стрѣлять болотныхъ куликовъ въ летъ въ это время, при нѣкоторой сноровкѣ и хладнокровіи, ловчѣе чѣмъ сидячихъ: надо выпускать ихъ въ мѣру и не стрѣлять въ минуту быстрыхъ поворотовъ. По большей части исторія оканчивается тѣмъ, что, черезъ нѣсколько часовъ, шумное, звучное, весело-населенное болото превращается въ безмолвное и опустѣлое мѣсто.... Только легко раненные или прежде пуганные кулики, отлетѣвъ на нѣкоторое разстояніе, молча сидятъ и дожидаются ухода истребителя, чтобы заглянуть въ свое родное гнѣздо.... Но не входятъ такія мысли въ голову охотника: онъ весело собираетъ и пересчитываетъ свою добычу и отправляется въ другое болото....

Но не всегда и не всѣ болота, посѣщаемыя охотниками, подвергаются такому опустошенію: это случается только съ мѣстами новыми, нетронутыми, никогда не стрѣленными. Если болотные кулики не будутъ истреблены въ первый разъ, или по неумѣнью стрѣлять, или по излишней горячности охотника, то въ другой разъ сдѣлаются гораздо осторожнѣе: налетаютъ близко только сначала, а потомъ возьмутъ такой верхъ, что ихъ не достанешь и утиною дробью; да и летаютъ надъ охотникомъ лишь нѣсколько куликовъ, а остальные всѣ посядутъ кругомъ въ безопасномъ разстояніи. Отъ времени до времени, летающіе и сидящіе кулики мѣняются между собою своими должностями. Такихъ *ученыхъ* куликовъ (въ смыслѣ проученыхъ), какъ выражаются охотники, бить уже очень трудно, и нужно употреблять дробь покрупнѣе, даже 6-го нумера; обыкновенно же употребляютъ 7-го и 8-го нумера.

Въ то время, когда старые кулики держатся съ молодыми выводками въ большой травѣ или хлѣбѣ, молодыхъ можно стрѣлять изъ-подъ собаки, точно какъ дупельшнеповъ, ибо они не поднимаются высоко и не улетятъ очень далеко, а пересѣвъ, сидятъ смирно, спрятавшись въ травѣ, и подпускаютъ собаку близко, даже выдерживаютъ стойку. Это бываетъ въ послѣднихъ числахъ іюня и въ самомъ началѣ іюля. Въ половинѣ этого мѣсяца, они появляются уже отдѣльными выводками по отлогимъ берегамъ прудовъ и озеръ; потомъ собираются къ отлету большими стаями по большимъ рѣкамъ и огромнымъ степнымъ озерамъ, и въ началѣ августа совершенно пропадаютъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургскаго края, гдѣ я жилъ и охотился: вѣроятно, гдѣ-нибудь поюжнѣе они держатся долѣе.

Болотные кулики, несчастныя жертвы всякаго стрѣлка, такъ безпощадно истребляемые, мало уважаются охотниками, безъ сомнѣнія потому, что ихъ вездѣ много, и что, во время сидѣнья на яйцахъ и вывода дѣтей, только лѣнивый не бьетъ ихъ, ибо неумѣющій вовсе стрѣлять въ летъ можетъ стрѣлять ихъ сидячихъ; но съ прилета или на отлетѣ никакой охотникъ ими не пренебрегаетъ. Мясо болотныхъ куликовъ совершенно сходно вкусомъ съ мясомъ всѣхъ куличьихъ породъ: оно сухо и черство, когда они тощи и худы, и очень мягко, сочно и вкусно, когда они жирны; молодые же болотные кулики, хотя нѣсколько разжирѣвшіе, имѣютъ вкусъ превосходный. Въ Оренбургской губерніи они такъ рано пропадаютъ, что не успѣваютъ вполнѣ разжирѣть, но изрѣдка и мнѣ случалось убивать стараго, запоздалаго, вѣроятно пролетнаго, болотнаго кулика, облитаго саломъ.



5.

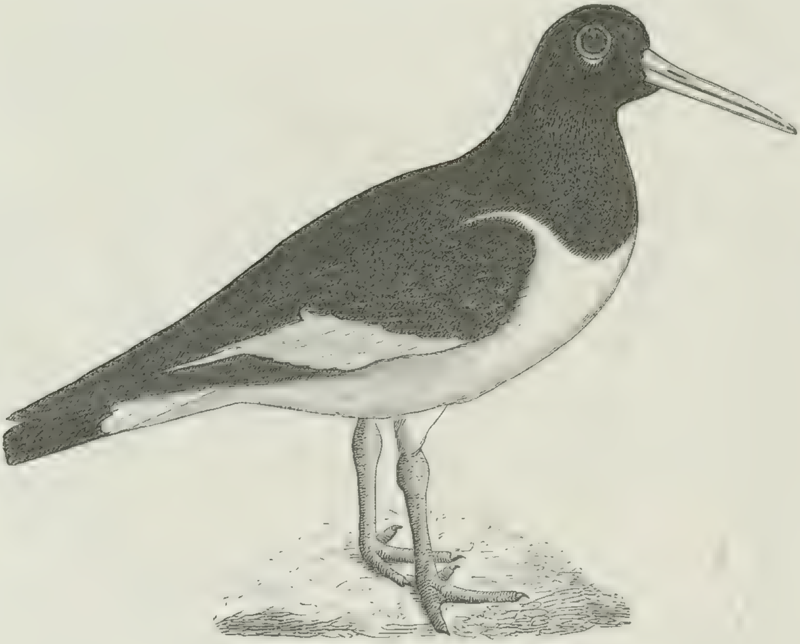
КРАСНОНОЖКА, ЩЕГОЛЬ *).

И то и другое имя носитъ онъ не даромъ: длинныя его ноги точно выкрашены яркою киноварью, а самъ онъ такъ складенъ, такъ красивъ и чистъ перомъ, что вполнѣ заслуживаетъ и второе свое названіе. Онъ тѣломъ поменьше болотнаго кулика, но его ноги и шея, относительно величины, очень длинны, и красноножка съ перваго взгляда покажется больше, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Носъ его однако много короче, чѣмъ у болотнаго кулика. Самъ онъ весь пестрый, темно-сѣрый, какъ будто дымчатый или пепельный; такого же темнаго цвѣта и такими же поперечными мелкими крапинками и полосками, очень правильными, покрыты его бѣловатое брюшко и шея; хвостъ коротенькій, какъ обыкновенно у куликовъ; по-моему, красноножка всѣхъ ихъ красивѣе. Этотъ куликъ въ Оренбургской губерніи пролетный: гнѣздъ не вьетъ и дѣтей не выводитъ. Я потому говорю объ этомъ утверди-

*) Totanus fuscus, Briss. *Большая Красноножка.*

К. Р.

тельно, что ни я, ни другіе охотники, никогда не видали молодыхъ красноножекъ. Они появляются только съ весны, и потомъ, съ половины августа, держатся до исхода сентября. Щеголя находишь почти всегда въ-одиночку, рѣдко вдвоемъ, по большей части вмѣстѣ съ другими куличками и болотными курухтанами, собирающимися въ стайки для отлета. Красноножка имѣетъ пріятный, звонкій и особенный свистъ или голосъ: даже не видя его, знаешь издалека, по его крику, что онъ бродитъ гдѣ-нибудь по берегу пруда, озера или рѣчнаго залива. Чистота и гладкость его перьевъ, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ того, что онъ попадается охотникамъ всегда довольно сытый, а въ сентябрѣ — и довольно жирный. По той же причинѣ, и мясо его вкуснѣе, чѣмъ у другихъ куликовъ. По рѣдкости своей, кратковременному появленію и красивости, красноножка обращаетъ на себя особенное вниманіе охотника. По крайней мѣрѣ я цѣнилъ его всегда очень высоко и гонялся за нимъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока не убивалъ или не терялъ совсѣмъ изъ виду, пренебрегая уже куличьимъ обществомъ, обыкновенно его окружающимъ. Онъ не очень смиренъ, или по крайней мѣрѣ его не скоро добудешь: можетъ-быть отъ того, что, подкрадываясь или подъѣзжая къ нему, всегда пугаешь напередъ другихъ куликовъ, вмѣстѣ съ которыми гуляетъ онъ по отлогимъ берегамъ прудовъ, безпрестанно опуская носъ въ жирную грязь. Пища его состоитъ изъ обыкновенной куличьей пищи, то-есть изъ червячковъ, козявокъ, корешковъ, сѣмянъ береговыхъ травъ, даже изъ илу и тины, которая всегда находится въ зобахъ всѣхъ болотныхъ и водяныхъ птицъ.



6.

КУЛИКЪ-СОРОКА *).

Этотъ куликъ имѣетъ много именъ. Его зовутъ *Волжскимъ куликомъ*, очевидно потому, что онъ водится во множествѣ около рѣки Волги; впрочемъ, и по песчанымъ берегамъ другихъ, не малыхъ рѣкъ, кулика-сороки бываетъ много. Называютъ его также *жеребцомъ*, а въ какой-то охотничьей книжкѣ, какъ мнѣ помнится, придавали ему имя *огарь*. Обоихъ послѣднихъ названій объяснить не умѣю; имя же *сороки* ему прилично потому, что онъ пестринами или пѣжинами, даже складомъ нѣсколько похожъ на обыкновенную сороку, хотя онъ имѣетъ хвостъ короткій, а ноги, шею и носъ гораздо длиннѣе, чѣмъ у простой сороки, тѣломъ же несравненно ея больше, даже мясистѣе болотнаго кулика. Вообще куликъ-сорока здоровая и крѣпкая къ ружью птица. Носъ у него почти въ вершокъ,

---

*) Морская сорока (Моск. г.); дикая курица (при Каспіи); кривокъ, кривякъ Малоро.). Haematopus ostalegus, L.

К. Р.

довольно толстый, ярко-красный, какъ киноварь; ноги блѣдно-малиновыя, не высокія, толстыя, похожія на утиныя, но безъ перепонокъ между пальцами; около глазъ красный, узенькій ободочекъ, да и самые глаза, кромѣ черныхъ зрачковъ, также красные. Голова, шея, до самаго зоба, спина, крылья и конецъ хвоста темно или черно-бураго цвѣта, съ какимъ-то едва примѣтнымъ зеленовато-сизымъ отливомъ; а зобъ, хлупь, подбой крыльевъ и хвоста — блестяще-бѣлые, какъ снѣгъ; по краямъ крыльевъ лежитъ бѣлая же полоса.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я обыкновенно охотился, то-есть около рѣкъ: Бугуруслана, большой Саврушн, Боклы и Насягая или Мочегая (послѣднее имя болѣе употребительно между простонародными туземцами), — куликъ-сорока гнѣздъ не вьетъ и дѣтей не выводитъ, но около рѣкъ большаго Кинеля и Демы я нахаживалъ сорокъ съ молодыми, и тогда они, хотя не очень горячо, но вились надо мной и собакой; вѣроятно, отъ гнѣздъ съ яйцами вьются они горячѣе. Впрочемъ, я изрѣдка встрѣчалъ ихъ и на сосѣднихъ прудахъ и на своемъ собственномъ, какъ съ весны, въ исходѣ апрѣля, такъ и въ августѣ мѣсяцѣ, но всегда понемногу; крикъ ихъ также совершенно особенный и далеко слышный. Можетъ-быть, кулика-сороку и не слѣдовало бы помѣщать въ разрядъ болотной дичи, потому что онъ выводитъ дѣтей не въ болотахъ, а на голыхъ песчаныхъ берегахъ рѣкъ; но еще менѣе можно причислять его къ разрядамъ другой дичи. Говоря въ строгомъ смыслѣ, можно составить особенный отдѣлъ — *рѣчной дичи*, но онъ бы состоялъ не болѣе, какъ изъ трехъ куличьихъ породъ, и потому не изъ чего хлопотать объ ихъ отдѣленіи. — Кулики-сороки мало уважаются охотниками; я самъ никогда за ними не гонялся и во всю мою жизнь убилъ не болѣе двухъ десятковъ. Мясо ихъ сухо, черство, когда они худы; но съ прилета и на отлетѣ они бываютъ чрезвычайно жирны и довольно сочны. Жиръ ихъ въ это время, особенно весною, отзывается чѣмъ-то похожимъ на рыбу; должно предположить, что они питаются ею, бѣгая по береговымъ разливамъ рѣкъ и ловя мелкую рыбешку. Есть еще замѣчательная особенность въ куликахъ-сорокахъ: красный цвѣтъ, которымъ окрашены ихъ глаза, носы и ноги, проявляется въ самомъ цвѣтѣ кожи, мяса и преимущественно жира: когда куликъ будетъ изжаренъ, жиръ имѣетъ ярко оранжевый цвѣтъ. Вкусъ ихъ непріятенъ даже тогда, когда они жирны. Наружность кулика-сороки какъ-то нестатна и неловка: она представляетъ нѣчто

среднее между стáтью кулика и складомъ обыкновенной сороки или галки; а пѣгія перья, не смотря на яркую пестроту цвѣтовъ, красный носъ, глаза и ноги, совсѣмъ некрасивы и даже неприятны. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе всегда производили на меня кулики-сороки.

7.

РѢЧНОЙ КУЛИКЪ *).

Этотъ куликъ немного поменьше красноножки, но относительно во всемъ его потолще. Перья рѣчнаго кулика не имѣютъ никакихъ особенныхъ цвѣтовъ: онъ не пѣгій и не пестрый; онъ сѣровато-бѣлесоватый, съ какими-то неопредѣленными оттѣнками, мягкими и пріятными для глазъ; брюшко, нижняя половина шеи и подхвостныя перья — бѣлыя, носъ обыкновеннаго роговаго цвѣта, а ноги свѣтло-зеленоватыя. Вообще онъ пониже и какъ-то поувѣсистѣе красноножки, но въ то же время довольно строенъ и красивъ. Имя рѣчнаго кулика носитъ онъ по всей справедливости: не только по ручьямъ, даже по маленькимъ рѣчкамъ его не встрѣтишь, а живетъ онъ по среднимъ и большимъ рѣкамъ, обыкновенно ведущимъ за собой песчаные берега; бываетъ также и на озерахъ. Разумѣется, онъ залетаетъ иногда на маленькіе пруды и рѣчки, но это исключеніе. Звонкій и пріятный его голосъ слышенъ весьма издалека. Весной появляется онъ довольно поздно, послѣ прилета многихъ куличьихъ породъ. Я никогда не видалъ стаи рѣчныхъ куликовъ, но весною находилъ ихъ парами, а въ іюлѣ и августѣ съ выводками молодыхъ. Въ обыкновенныхъ болотахъ рѣчные кулики не водятся, по крайней мѣрѣ я нигдѣ не нахаживалъ ихъ гнѣздъ; но, вѣроятно, они выводятъ дѣтей гдѣ-нибудь не далеко, по уремамъ и займищамъ (нерѣдко болотистымъ) среднихъ рѣкъ и даже

---

*) Не Totanus stagnatilis, Bechst ли?

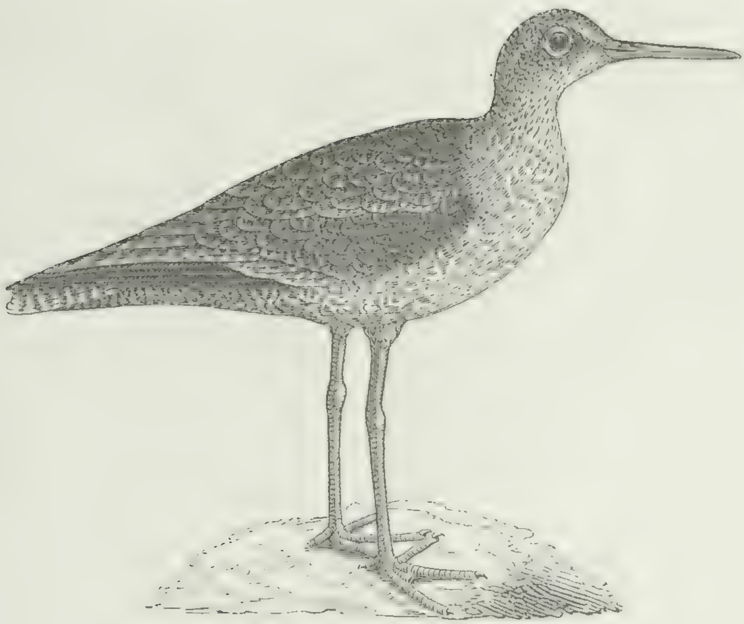
К. Р.

рѣкъ меньшей величины, потому что я находилъ ихъ съ молодыми на прудахъ именно такихъ рѣкъ *). Рѣчные кулики держатся въ Оренбургской губерніи до начала сентября, и въ это время бываютъ довольно жирны; съ прилета также они не худы, какъ и вся прилетная птица. Мясо ихъ сочнѣе и вкуснѣе другихъ куликовъ, и въ этомъ отношеніи они не уступаютъ красноножкѣ; но какъ они попадаются охотнику гораздо чаще, то уважаются нѣсколько менѣе рѣдкаго и красиваго *щеголя;* впрочемъ, всякій охотникъ предпочитаетъ рѣчнаго кулика всѣмъ остальнымъ породамъ куличковъ, съ которыми онъ совершенно сходенъ въ пищѣ и во всей куличьей характеристикѣ.

Рѣчныхъ куликовъ никогда не убьешь много: вопервыхъ потому, что ихъ мало, а вовторыхъ потому, что они, особенно старые, довольно сторожки. Я всегда дорожилъ ими, и мнѣ нерѣдко удавалось убивать ихъ въ летъ; по особенному счастью, они какъ-то нечаянно и часто на меня налетали **).

*) Одинъ настоящій охотникъ и образованный наблюдатель, Н. Т. А—въ, которому я обязанъ за многія свѣдѣнія, сказывалъ мнѣ, что онъ нахаживалъ куличатъ и гнѣзда рѣчныхъ куликовъ въ моховыхъ болотахъ сосновыхъ большихъ лѣсовъ.

**) Къ сожалѣнію, политипажъ этого кулика, по стеченію обстоятельствъ, не могъ быть изготовленъ.



8.

ТРАВНИКЪ *).

Не знаю, почему поситъ опъ это имя. Если потому, что охотно держится съ молодыми въ травѣ, растущей по берегамъ прудовъ и заливовъ, то это не составляетъ его исключительной особенности; пища его также не состоитъ преимущественно изъ молодыхъ побѣговъ мелкой береговой травы: онъ кормится точно тѣмъ же, чѣмъ и всѣ куличьи породы. *Травникъ,* съ перваго взгляда, похожъ на краспоножку: онъ также сѣро-пестрый, хотя свѣтлѣе перомъ, и также имѣетъ красныя ноги и носъ, но онъ гораздо меньше щеголя, особенно тѣломъ; ноги его блѣдно-красноваты; пестрины не такъ ярки и опредѣленны, и вообще онъ не такъ крѣпокъ, складенъ и красивъ. Травникъ—куличекъ очень обыкновенный и встрѣчается весьма часто. Вотъ описаніе съ натуры молодаго травника,

*) Totanus calidris, L. Изъ всѣхъ куликовъ, упоминаемыхъ авторомъ, только два кулика, кромѣ кулика-сороки, имѣютъ *красныя* ноги: щеголь и травникъ. Первый толще тѣломъ, выше на ногахъ, гораздо темнѣе перомъ. Потому у иностранцевъ первый называется *большою,* а второй *малою краспоножкой.*

К. Р.

старые же несравненно свѣтлѣе или бѣлѣе пером: длина отъ носа до хвоста шесть вершковъ, длина носа безъ малаго вершокъ, половина носа къ корню красноватаго цвѣта съ маленькою чернотой на верхней половинкѣ, а концы обѣихъ половинокъ носа черноваты; голова, шея и спина сѣро-каштановаго цвѣта, такого же цвѣта и крылья; правильныя перья темно-каштановыя; хвостъ, средней величины, бѣловатый, съ поперечными коричневыми полосками; брюхо бѣловатое, съ коричневыми крапинами; длина ногъ 2¼ вершка, и цвѣтъ ихъ красноватый. Должно замѣтить, что каштановаго цвѣта въ старыхъ травникахъ не замѣтно.

Травники оказываются весною въ половинѣ апрѣля: сначала пролетаютъ довольно большими стаями и очень высоко, не опускаясь на землю, а потомъ, когда время сдѣлается потеплѣе, травники появляются парами по берегамъ разлившихся рѣкъ, прудовъ и болотныхъ лужъ. Они довольно смирны, и въ это время можно ихъ стрѣлять съ подъѣзда и съ подхода. Въ одну пору съ болотными куликами, занимаютъ они болото для вывода дѣтей и живутъ всегда вмѣстѣ съ ними. Мнѣ рѣдко случалось встрѣчать травниковъ въ болотахъ безъ болотныхъ куликовъ, и наоборотъ. Нравами также они совершенно сходны: такъ же вьютъ гнѣзда на кочкахъ, такъ же самка кладетъ четыре яйца, такъ же самецъ раздѣляетъ съ нею заботы о высиживаніи яицъ и сохраненіи дѣтей, къ которымъ оказываютъ травники такую же, если не бóльшую, горячность. Разница состоитъ въ слѣдующемъ: яйца травника не только вдвое меньше, но и цвѣтомъ гораздо свѣтлѣе и зеленѣе; пестрины на нихъ не темно-коричневыя, а зеленовато-темно-сѣрыя; молодыхъ они не выводятъ въ густые луга и хлѣба, а держатся съ ними въ болотахъ и потомъ въ осокѣ и травѣ, по берегамъ прудовъ. Еще должно замѣтить, что молодые травники поднимаются, то-есть начинаютъ летать, недѣлями двумя ранѣе молодыхъ болотныхъ куликовъ, ранѣе всей куличьей породы, кромѣ бекасовъ: въ моихъ запискахъ замѣчено, что въ 1815-мъ году травники поднялись 8-го іюня!... *). Впрочемъ, это единственный случай, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ не повторился. Обыкновенно же молодые травники поднимаются около 20-го іюня. Постоянно раннему ихъ подъему могутъ быть три причины: 1) или старые кулики садятся ранѣе на гнѣзда; 2) или сидятъ на яйцахъ менѣе

*) Одинъ охотникъ сказывалъ мнѣ, что стрѣлялъ молодыхъ бекасовъ 4-го іюня; но это исключительная рѣдкость.

трехъ недѣль; 3) или перья, собственно въ крыльяхъ, у молодыхъ выростаютъ скорѣе. Ни одной изъ этихъ причинъ я не могу вполнѣ ни подтвердить, ни опровергнуть. Всѣхъ вѣроятнѣе послѣдняя, и всего болѣе имѣю я доказательствъ къ опроверженію второй, потому что, по моимъ наблюденіямъ, всѣ куличьи породы безъ исключенія сидятъ на яйцахъ одинъ и тотъ же срокъ. Когда молодые достигнутъ полнаго возраста, что́ бываетъ въ исходѣ іюля, то старые травники держатся съ выводками по открытымъ, голымъ берегамъ прудовъ, озеръ и рѣчныхъ заливовъ; любятъ также шататься около грязей. Голосъ у нихъ довольно громкій и въ то же время мелодическій; когда взлетаютъ съ мѣста, то крикъ ихъ похожъ на звонъ маленькаго серебрянаго колокольчика. Они пропадаютъ въ одно время съ болотными куликами. Все, что́ я писалъ о избіеніи сихъ послѣднихъ во время вывода дѣтей, совершается и надъ травниками; отъ большей глупости (такъ нецеремонно и жестко выражаются охотники) или горячности къ дѣтямъ, они еще смѣлѣе и ближе, съ безпрестаннымъ, часто прерывающимся, короткимъ, звенящимъ крикомъ или пискомъ, похожимъ на слоги: „*тень, тень*“,—подлетаютъ къ охотнику и погибаютъ всѣ безъ исключенія, потому что во время своего летанія около собаки или стрѣлка часто останавливаются неподвижно въ воздухѣ, вытянувъ ноги и трясясь на одномъ мѣстѣ. Мясо травниковъ по большей части сухо, потому что они всегда худы, но не черство. Съ прилета и передъ отлетомъ бываютъ они нѣсколько сытѣе, но жирны никогда не бываютъ. Разумѣется, охотники не слишкомъ ими дорожатъ, но все болѣе чѣмъ поручейниками и другими куличками. Я не раздѣляю этого мнѣнія, и для меня нѣкоторыя самыя мелкія куличьи породы всегда были дороже травниковъ и другихъ среднихъ куличковъ.

9.

ПОРУЧЕЙНИКЪ *).

Хотя имя его очень ясно и опредѣлительно, но не совсѣмъ вѣрно ему дано. Собственно по ручьямъ никакіе кулики не живутъ, кромѣ зуйковъ, если не называть ручьями небольшихъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ бываютъ иногда и поручейники. Поручейникъ и по наружности гораздо меньше травника, но тѣломъ несравненно его скуднѣе, хотя такъ же высокъ на ногахъ и такую же длинную имѣетъ шею: весь онъ какой-то немясистый, хлипкій, хилый. Цвѣтомъ онъ сѣро-пестрый, но гораздо свѣтлѣе травника: брюшко и подхвостныя перья у него бѣлыя, а ноги зеленоватаго цвѣта. Прилетаетъ также въ половинѣ апрѣля и пропадаетъ въ началѣ августа. Въ образѣ жизни и нравахъ онъ совершенно сходенъ съ травникомъ: вмѣстѣ съ ними живетъ въ болотахъ, только гораздо въ меньшемъ числѣ; отличается такою же горячностью къ дѣтямъ и такъ же бросается на охотниковъ съ крикомъ, чрезвычайно похожимъ на стонъ или хныканье, но охотники стрѣляютъ ихъ неохотно; перебивъ прежде куликовъ болотныхъ и травниковъ, потомъ уже охотники удостоиваютъ выстрѣлами поручейниковъ, отъ

*) Totanus stagnatilis, Bechst.

К. Р.

чего они иногда менѣе истребляются. Яйца ихъ поменьше травниковъ и не такъ зелены, а отвѣчаютъ цвѣту перьевъ самихъ поручейниковъ, то-есть сѣро-пестрыя. Крикъ не звонкій и короткій. Поручейникъ всегда худъ, даже съ прилета и передъ отлетомъ, и потому мясо его всегда довольно сухо, но не черство и не грубо. Изъ всѣхъ среднихъ куличковъ онъ считается самымъ послѣднимъ. Станичками поручейниковъ я никогда не видалъ.

10.

ЧЕРНЫШЪ *).

Чернышъ или *черный куличекъ* — имена совершенно мѣстныя; они въ употребленіи только между оренбургскими охотниками. Я не могъ добиться, какъ зовутъ этого куличка въ другихъ губерніяхъ. Народъ смѣшиваетъ его съ другими породами мелкихъ куличковъ, и всѣхъ ихъ называетъ: „*зуями* или *зуйками*". Впрочемъ, чернышъ принадлежитъ къ числу не мелкихъ, а среднихъ куличковъ; тѣломъ онъ будетъ даже помясистѣе поручейника, но пониже его на ногахъ. Это куличекъ очень живой, складный, круглый и проворный. Начиная съ зоба и до хвостика, брюшко у него ярко-бѣлое, шейка сѣро-пестрая, спина до хвоста темнаго цвѣта съ мелкими бѣленькими крапинками, крылья еще темнѣе и край-

*) Totanus ochropus, L.

К. Р.

нія ихъ половинки уже безъ крапинокъ, которыя, впрочемъ, незамѣтны издали, и куличекъ кажется почти чернымъ, когда летитъ мимо или бѣжитъ по берегу. Перья въ хвостѣ очень бѣлы, но на концахъ ихъ есть темныя пятнышки, что вмѣстѣ составляетъ какъ будто полоску или кайму; носикъ черный и такого же цвѣта глаза, а ножки зеленоватыя. Хотя всѣ кулики и кулички безъ исключенія бѣгаютъ очень проворно, но чернышъ бѣгунъ самый бойкій, кромѣ „зуйка“ или „перевозчика“; при взлетѣ съ мѣста и въ продолженіе быстраго своего полета, онъ издаетъ звонкій и пріятный крикъ, похожій на слоги „*тилли, тилли*“. Онъ не такъ смиренъ, какъ другіе, или можетъ быть такъ кажется отъ того, что не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а все бѣжитъ впередъ, летаетъ очень быстро и убить его въ летъ, *въ угонъ* или *долки*, довольно трудно, а гораздо легче срѣзать его *въ поперекъ,* когда онъ случайно налетитъ на охотника, ибо, повторяю, полетъ его быстрѣе полета всѣхъ другихъ куличковъ, послѣ бекаса. Довольно часто случается бить его въ бѣгъ. Весной онъ прилетаетъ въ одно время съ другими средними куличками, даже нѣсколько ранѣе. Черныши появляются всегда парами или въ одиночку, но стайками я никогда ихъ не видалъ. Когда вся птица садится на гнѣзда, они не пропадаютъ, только уменьшаются въ числѣ, такъ-что въ продолженіе всего лѣта ихъ изрѣдка встрѣчаешь, изъ чего должно заключить что-нибудь одно: или самцы не сидятъ на гнѣздахъ и не раздѣляютъ съ самкою попеченія о дѣтяхъ, или чернышей всегда много остается холостыхъ. Гдѣ выводятъ они дѣтей — не знаю *); но въ іюлѣ появляются съ выводками молодыхъ: доказательство, что вьютъ гнѣзда гдѣ-нибудь недалеко. Съ прилета и передъ отлетомъ бываютъ они довольно сыты; но жирныхъ мнѣ никогда убивать не случалось. По берегамъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ шатаются они иногда до исхода августа. Разумѣется, въ это время бываютъ жирнѣе и гораздо вкуснѣе; впрочемъ, мясо черныша всегда недурно.

*) Тотъ же охотникъ сказывалъ мнѣ, что черные кулички выводятъ дѣтей въ большихъ лѣсахъ, по небольшимъ болотцамъ.

11.

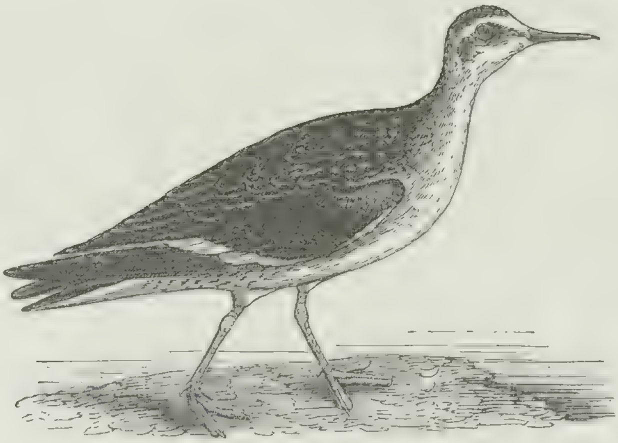
ФИФИ *).

Небольшой, пестрый, каштаново-сѣренькій куличекъ, названный охотниками такимъ именемъ именно потому, что крикъ его похожъ на повтореніе слога: *фи, фи*. Это названіе также мѣстное, заимствованное мною отъ петербургскихъ охотниковъ. Онъ издали похожъ на поручейника, но какъ-то зеленовато-сѣръ, на ногахъ нѣсколько его пониже и вообще поменьше, только складнѣе и подбористѣе. Впрочемъ, свѣтлозеленыя ноги фифи слишкомъ длинны относительно величины тѣла, хотя это его не безобразитъ; брюшко, также нижняя сторона шеи подъ горлышкомъ, очень бѣлы; онъ весь пестрый, сѣро-каштановый и въ то же время зеленоватый; глаза маленькіе, черные, и такого же цвѣта носъ, длиною слишкомъ въ полвершка; хвостъ маленькій, состоящій изъ бѣлыхъ перышекъ съ темными, поперечными, косыми полосками въ видѣ ёлки; подбой крыльевъ дымчатый. Появляется въ Оренбургской губерніи только весною въ исходѣ апрѣля, и къ осени въ августѣ мѣсяцѣ, въ половинѣ котораго и пропадаетъ. Фифи всегда оказываются стайками, которыя передъ отлетомъ бываютъ довольно многочисленны. Это куличекъ совершено пролетный въ Оренбургской губерніи. Любитъ держаться по отлогимъ, грязнымъ берегамъ прудовъ и озеръ, особенно по иловатымъ и тинистымъ мѣстамъ, съ которыхъ по какому-нибудь случаю сбыла

*) Не рѣшаемся опредѣлить этой птицы.

К. Р.

вода; или по лугамъ, слегка затопленнымъ водою. Никто изъ охотниковъ не нахаживалъ его гнѣзда. Но всѣ знаютъ, что въ осенній пролетъ (то-есть въ августѣ) фифи появляются несравненно въ большемъ числѣ; очевидно, что они возвращаются съ молодыми. Ихъ можно убивать иногда по нѣскольку вдругъ. Мясо ихъ нѣжно и вкусно, хотя никогда не бываетъ очень жирно; впрочемъ, они такъ рано пропадаютъ, что имъ некогда разжирѣть.



12.

ПОПЛАВОКЪ *).

Этотъ куличекъ принадлежитъ уже къ разряду мелкихъ куличковъ. Хотя онъ на ногахъ не ниже черныша и шея у него не короче, чѣмъ у этой птицы, но тѣломъ онъ гораздо меньше. Имя вполнѣ выражаетъ особенность его характера: между тремя передними пальцами своихъ ногъ онъ имѣетъ тонкую перепонку и плаваетъ по водѣ, какъ утка, даже пыряетъ. Можно бы предположить, что онъ владѣетъ способностью ловить мелкую рыбешку, но поплавки никогда не пахнутъ ею, и при всѣхъ моихъ анатомическихъ наблюденіяхъ, я никогда не находилъ въ ихъ зобахъ признаковъ питанія рыбой. Поплавокъ довольно складенъ, пропорціоналенъ въ своихъ частяхъ и красивъ; у него свѣтло-блапжеваго цвѣта брюшко и нижняя часть шеи бѣлесоватыя; прочія перья голубовато-сизыя; маковка головы темная, и подъ глазами имѣетъ онъ по темноватому же пятну. Въ Оренбургскомъ краѣ онъ также куличекъ пролетный, и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, дѣтей не выводитъ. Весною я встрѣчалъ поплавковъ очень не рано и всегда небольшими стайками. Въ августѣ они вторично показываются, какъ будто возвращаются назадъ, но также въ небольшомъ числѣ, почему и не могу утвердительно сказать: съ мо-

*) Phalaropus cinereus, Briss.

К. Р.

лодыми ли пролетаютъ они въ августѣ, или это стайки холостыя. Первое предположеніе, мнѣ кажется, должно быть вѣроятнѣе. Впрочемъ, въ Оренбургской губерніи вообще ихъ очень мало; но я слыхалъ, что въ губерніяхъ болѣе южныхъ видятъ ихъ большими стаями. Перепонки между пальцами не мѣшаютъ поплавкамъ очень проворно бѣгать по берегамъ прудовъ; плаванье же ихъ не похоже на спокойное плаванье утокъ: оно какъ-то порывисто и торопливо. На водѣ они держатся другъ отъ друга не въ далекомъ разстояніи, и потому мнѣ случалось убивать поплавковъ однимъ зарядомъ по три и по четыре штуки. Мясо ихъ сочно и вкусно, хотя никогда не бываетъ жирно.

Говоря о среднихъ и мелкихъ куличкахъ, я не упоминалъ о томъ, какую дробь надо употреблять для ихъ стрѣльбы и потому скажу единожды навсегда, что при разстояніи близкомъ всего лучше бекасиная дробь № 9-й, для самыхъ мелкихъ куличковъ — № 10-й; на разстояніи дальнемъ я предпочитаю 8-й нумеръ. Впрочемъ, средніе и мелкіе кулички къ ружью не крѣпки, что нужно принимать къ соображенію.

13.

ЧЕРНОЗОБИКЪ или КРАСНОЗОБИКЪ *).

Вѣроятно эти имена даны ему по черновато- или красновато-пестрому зобу. Чернозобики безчисленными стаями покрываютъ берега и острова Финскаго залива въ продолженіе двухнедѣльнаго весенняго пролета птицы; эти имена даны этому куличку тамъ, а въ Оренбургскую губернію завезены охотниками, стрѣлявшими около Петербурга. Туземные стрѣлки называютъ ихъ общимъ именемъ — сѣрыми куличками. Чернозобикъ — куличекъ средней величины, круглый, мясистый и складный; ноги и шея его не такъ длинны; носъ прямой и короткій, весь испещренъ темно-желтоватыми пятнами, похожими на пестрины дрозда рябинника. На зобу перья или черныя или глинистыя. Чернозобики въ Оренбургской губерніи бываютъ только пролетомъ весною, съ половины до конца апрѣля; въ продолженіе лѣта и даже осенью я никогда чернозобиковъ не встрѣчалъ, но слыхалъ, что въ Пензенской губерніи появляются они на короткое время въ августѣ; разумѣется, это обратный пролетъ; можетъ-быть, то же бываетъ въ другихъ уѣздахъ и Оренбургской губерніи. Весною чернозобики всегда появляются довольно большими стайками, разсыпаясь по берегамъ прудовъ, озеръ и заливовъ. Они довольно смирны. Мнѣ случалось убивать ихъ однимъ зарядомъ штукъ по восьми. Они бываютъ

*) По очень краткому описанію этой птицы и слѣдующей, мы не рѣшаемся ихъ опредѣлить.

К. Р.

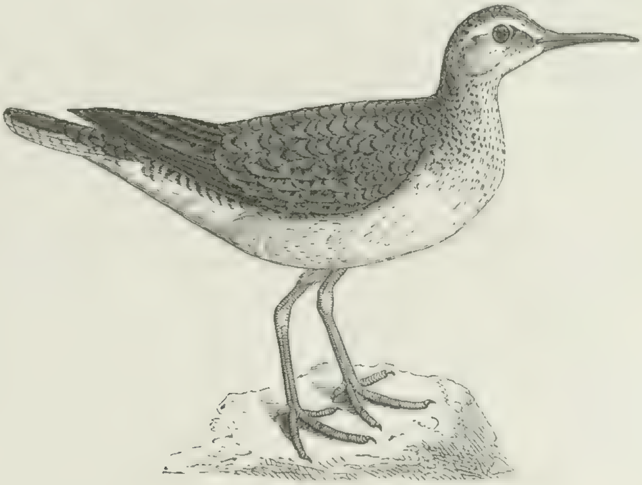
очень сыты всегда; мясо ихъ вкусно и сочно. Вообще чернозобикъ весьма красивый и пріятный куличекъ, издали похожій на средняго болотнаго курухтанчика, хотя гораздо его меньше. Появляясь только одинъ разъ въ годъ, и то на короткое время, чернозобики всегда возбуждали во мнѣ горячее преслѣдованіе. Я помню годы, въ которые они совсѣмъ не появлялись, и я тщетно отыскивалъ ихъ на обыкновенныхъ любимыхъ ими мѣстахъ въ цѣломъ околоткѣ.

Я слышалъ, что около Петербурга чернозобики летятъ весной въ баснословномъ множествѣ (какъ и болотные кулики), и что одинъ извѣстный охотникъ убилъ однимъ зарядомъ 85 куличковъ. Хотя мнѣ сказывали это люди самые достовѣрные, но, признаюсь, не умѣю себѣ представить возможности убить однимъ зарядомъ такое множество чернозобиковъ. Въ Оренбургской губерніи многіе охотники ихъ совсѣмъ не знаютъ.

14.

МОРСКОЙ КУЛИЧЕКЪ.

Этотъ куличокъ еще рѣже попадается и еще менѣе извѣстенъ въ Оренбургской губерніи. Мнѣ самому иногда случалось не встрѣчать его по нѣскольку лѣтъ сряду. Имя морскаго куличка существуетъ только между охотниками высшаго разряда: простые стрѣлки и народъ его не знаютъ. Я думаю, что это имя также занесено тѣми охотниками, которые стрѣливали этихъ куличковъ по морскимъ берегамъ, гдѣ они бываютъ во время весенняго пролета въ невѣроятномъ множествѣ. Морской куличекъ гораздо менѣе чернозобика и на ногахъ не высокъ, но все остается куличкомъ круглымъ и складнымъ. Онъ не имѣетъ особенныхъ пятенъ на зобу, весь покрытъ блѣдно-коричневыми, мелкими пестринами и похожъ издали на маленькаго курухтанчика. Онъ имѣетъ замѣчательную особенность: носикъ его, довольно длинный относительно тѣла, загнутъ кверху и, съ половины до конца, какъ будто нѣсколько расплюснутъ; цвѣтъ его свѣтло-роговой, а расплюснутая часть — бѣлесовата. Морской куликъ отличается также и особенностью своего свиста или писка, который передать трудно; появляется на самое короткое время, въ исходѣ апрѣля, небольшими станичками, иногда вмѣстѣ съ мелкими курухтанчиками или чернозобиками, по берегамъ прудовъ, рѣчныхъ разливовъ и лужъ. Мясо его сочно и вкусно. Питается обыкновеннымъ куличьимъ кормомъ.



15.

ЗУЕКЪ или ПЕРЕВОЩИКЪ *).

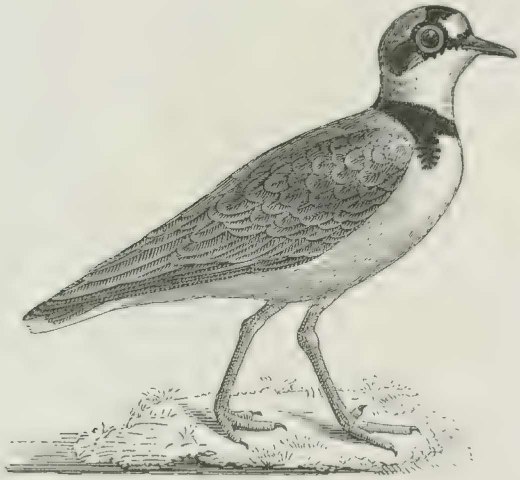
Это самый маленькій куличекъ (кромѣ куличка „воробья“). Объемомъ тѣла онъ немного больше обыкновеннаго воробья, но на видъ кажется крупнѣе его; всѣ части въ немъ пропорціональны, и онъ очень строенъ во всѣхъ своихъ куличьихъ статяхъ: спина, верхняя сторона крыльевъ, хвостикъ, шейка и головка сѣровато-коричневаго цвѣта, съ разными неопредѣленными крапинками или узорами; перышки же на брюшкѣ, подъ хвостикомъ и крыльями ярко-бѣлыя. Глаза темные, носъ и ноги свѣтло-роговаго цвѣта. Стоя на одномъ мѣстѣ, онъ безпрестанно поднимаетъ и опускаетъ хвостъ. Зуйкомъ, вѣроятно, назвалъ его народъ по юркости и проворству, а можетъ быть и по крику, съ которымъ онъ всегда летаетъ надъ водою и который похожъ, если хотите, на учащенное произношеніе слова „зуй-зуй-зуй“. Имя же перевощика дано ему охотниками въ слѣдствіе того, что онъ очень часто перелетаетъ съ одного берега на другой — рѣчки, рѣки, пруда или озера. Если двое охотниковъ идутъ по обоимъ берегамъ и своимъ приближеніемъ спугиваютъ зуйка, то онъ будетъ повторять этотъ маневръ, то-есть перелетъ съ одного берега на другой, противо-

*) Actitis hypoleucus, L.

К. Р.

положный, всегда съ обычнымъ крикомъ, пожалуй сто разъ сряду, точно переправляется или перевозится съ одной стороны на другую. Впрочемъ, онъ и плаваетъ очень хорошо, даже ныряетъ довольно далеко, когда бываетъ раненъ въ крыло, хотя пальцы его ногъ безъ перепонокъ. Зуекъ прилетаетъ ранѣе всѣхъ куличковъ; всегда появляется парами. Онъ самый неутомимый бѣгунъ, и завидя приближающагося охотника, пускается такъ проворно бѣжать, что его не догонишь; вьетъ гнѣздо не въ болотахъ, а на берегахъ рѣчекъ и рѣкъ, на мѣстахъ совершенно сухихъ и даже высокихъ. Самецъ помогаетъ самкѣ сидѣть на яйцахъ, которыхъ всегда бываетъ четыре, и вмѣстѣ съ ней не отлучается отъ дѣтей, когда выведутся молодые. Яички у нихъ маленькія, но больше воробьиныхъ, очень красивыя, зеленовато-пестраго цвѣта. Отъ яицъ и отъ дѣтей они не вьются, какъ другіе кулички, надъ охотникомъ и собакою, потому что высоко не летаютъ, а всегда какъ будто стелются надъ водой или землею. Тѣмъ не менѣе, однако, они, хотя и низко летаютъ кругомъ охотника или собаки съ обыкновеннымъ своимъ крикомъ, а всего чаще садятся на какую-нибудь плаху или колышекъ, торчащіе изъ воды, или на берегъ у самой воды, и бѣгаютъ безпрестанно взадъ и впередъ, испуская особенный пискъ, протяжный и звонкій, который никогда не услышишь отъ летающаго зуйка, а всегда отъ бѣгающаго, и то въ тѣ мгновенія, когда онъ останавливается. Какъ скоро дѣти подростутъ, то старые держатся съ ними по берегамъ рѣчекъ особенно около земляныхъ и песчаныхъ отмелей и косъ. Мнѣ часто случалось видѣть изъ-за крутаго берега всю выводку съ отцомъ и матерью, бѣгающую по песку. При первой опасности молодые прячутся куда случится, а старики начнутъ летать и бѣгать взадъ и впередъ, стараясь отманить охотника въ противоположную сторону; но должно сказать правду, что горячность старыхъ зуйковъ къ дѣтямъ не простирается такъ далеко, какъ у куличковъ болотныхъ, травниковъ и поручейниковъ. Потомъ, когда молодые совершенно выростутъ и начнутъ свободно летать, что бываетъ около половины іюля, они перемѣщаются на открытые берега прудовъ, а въ августѣ пропадаютъ. Я никогда не видывалъ стаи зуйковъ; даже выводки молодыхъ скоро разбиваются врозь, но другіе охотники встрѣчали ихъ станичками. Хотя этотъ куличекъ, по своей малости и неудобству стрѣльбы, рѣшительно не обращаетъ на себя вниманія охотниковъ, но я всегда любилъ гоняться за зуйками и стрѣлять ихъ въ летъ или въ бѣгъ; ходя по высокому берегу рѣ-

ки, подъ которымъ они бѣгали, я могъ, забѣгая впередъ, появляться нечаянно и тѣмъ заставлять ихъ взлетывать. Дробь я употреблялъ 10-го нумера. Полетъ зуйка весьма неровный, съ порывами, и особенный: онъ, какъ будто, то паддаетъ быстро впередъ, то прiостанавливается. Вообще стрѣльба перевощиковъ не легкая и не изобильная, но, по мнѣ, очень веселая; больше пяти паръ зуйковъ, въ одно поле, я никогда не убивалъ, и то походя за ними нѣсколько часовъ. Мясо ихъ очень нѣжно и вкусно, жаль только, что слишкомъ его маловато. Всего лучше готовить ихъ въ паштетѣ или соусѣ.



16.

ПЕСОЧНИКЪ или ПЕСЧАНИКЪ *).

Отчего зовутъ его этимъ именемъ — отгадать не трудно; но отчего зовутъ его песчанымъ королькомъ — догадаться мудрено. Въ строгомъ смыслѣ, песчаника куличкомъ называть не должно, ибо онъ не имѣетъ длинныхъ ногъ, шеи и длиннаго куличьяго носа. Складомъ своимъ, особенно носомъ, онъ совершенно похожъ на „пиголицу“, или „озимую курочку“, о которой будетъ говорено въ отдѣленіи полевой или степной дичи. Но песчаникъ нигдѣ больше не живетъ, какъ по песчанымъ берегамъ озеръ, прудовъ и предпочтительно по берегамъ большихъ и среднихъ рѣкъ; около нихъ, на голомъ пескѣ, выводитъ своихъ дѣтей и держится съ молодыми до отлета; итакъ, мудрено его причислить къ полевой дичи. Тѣломъ песчаникъ побольше воробья, на ногахъ не высокъ; онъ щекастъ, голова у него, несоразмѣрно тѣлу, велика и особенно кажется такою отъ торчащихъ прямо перышекъ, представляющихъ нѣчто въ родѣ хохолка; брюшко у него бѣловато, грудь и голова темно-коричневыя, а шейка бѣлая, точно онъ повязанъ бѣлымъ галстучкомъ, отчего и называется многими охотниками

*) Aegialites curonicus, Besecke.

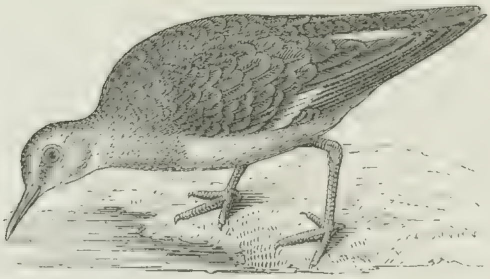
К. Р.

галстучникомъ. Вообще, онъ скорѣе пѣгій, чѣмъ пестрый; около глазъ имѣетъ желтый ободочекъ, почему и зовутъ его *желтоглазкой.* Прилетаютъ песочники весною довольно поздно. Я самъ не нахаживалъ ихъ гнѣздъ, но охотники увѣряли меня, что песочники кладутъ свои яйца на голомъ пескѣ, вырывъ для того небольшую ямочку. Такъ же какъ и зуйки, песочники летаютъ низко и никогда не вьются надъ охотникомъ отъ дѣтей, а кружатся около него или перелетываютъ съ мѣста на мѣсто; всего чаще бѣгаютъ кругомъ, стараясь отвести въ сторону собаку или человѣка. Они имѣютъ свой особенный пискъ, тихій и какъ будто заунывный. Бывало, слышишь его гдѣ-то около себя, долго всматриваешься и насилу разглядишь песочника, стоящаго на песчаномъ бугоркѣ и безпрестанно дѣлающаго поклонъ, то-есть опускающаго и поднимающаго голову. Мясо его нѣжно и вкусно, но жирно никогда не бываетъ. Пропадаетъ онъ довольно рано, въ началѣ августа. Охотникъ рѣдко удостоиваетъ песчаниковъ своимъ выстрѣломъ, особенно потому, что въ стайки они никогда не собираются, а стрѣлять въ одного — не стóитъ тратить заряда.

Есть другой *) родъ песочниковъ, вдвое крупнѣе и съ черными большими глазами, безъ желтыхъ около нихъ ободочковъ, но я такъ мало ихъ видѣлъ, что ничего болѣе сообщить не могу.

*) Aegialites hiaticula, L.

К. Р.



17.

КУЛИЧЕКЪ-ВОРОБЕЙ *).

Это, безспорно, самый крошечный куличекъ, и хотя называется воробьемъ по нѣкоторому сходству съ нимъ въ перьяхъ и малости своей, но въ сущности онъ меньше обыкновеннаго двороваго воробья. При всей своей миніатюрности, онъ имѣетъ всѣ стати кулички и такъ соразмѣренъ въ своихъ частяхъ; перышки его, которыми онъ совершенно сходенъ (въ уменьшенномъ видѣ) съ осенними курухтанчиками, такъ красивы, что я не знаю птички его миловиднѣе. Я полагалъ прежде, что куличковъ-воробьевъ можно считать третьимъ, самымъ меньшимъ видомъ болотнаго курухтана (о которомъ сейчасъ буду говорить), основываясь на томъ, что они чрезвычайно похожи на осеннихъ курухтановъ перомъ и статями, и также на томъ, что къ осени кулички-воробьи почти всегда смѣшиваются въ одну стаю съ курухтанами; но, не смотря на видимую основательность этихъ причинъ, я рѣшительно не могу назвать кулички-воробья курухтанчикомъ третьяго вида, потому что онъ не раздѣляетъ главной особенности болотныхъ курухтановъ, то-есть самецъ кулички-воробья не имѣетъ весною гривы и не перемѣняетъ своего пера осенью. Покрайней мѣрѣ я, и никто изъ охотниковъ, ничего подобнаго не замѣчалъ. Кулички-воробьи прилетаютъ довольно поздно, во второй половинѣ апрѣля, и оказываются предпочтительно по голымъ, плоскимъ, незаросшимъ

*) Tringa minuta, Leisl.

К. Р.

травою, грязнымъ берегамъ прудовъ; впрочемъ, попадаются иногдо по краямъ весеннихъ лужъ. Они всегда появляются небольшими стайками и бѣгаютъ довольно кучно, держатся весною не долѣе двухъ недѣль и потомъ пропадаютъ до исхода іюля или начала августа. Кулички-воробьи возвращаются къ осени въ большемъ числѣ, вѣроятно, съ выводками молодыхъ; но гдѣ и какъ ихъ выводятъ, ничего сказать не умѣю. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября, они исчезаютъ вмѣстѣ съ курухтанами. Въ Оренбургской губерніи это очевидно кулички пролетные. Они очень смирны и бить ихъ не трудно; для стрѣлянья собственно куличковъ-воробьевъ надобно употреблять дробь самую мелкую, 10 и даже 11 нумера. Съ весны они всегда сыты, а передъ отлетомъ жирны; мясо ихъ отлично вкусно, но его уже черезчуръ мало; ихъ употребляютъ для соусовъ и паштетовъ.

Я такъ всегда любилъ этихъ крошечныхъ куличковъ, что мнѣ даже жалко бывало ихъ стрѣлять. Если мнѣ случалось какъ-нибудь нечаянно подойдти къ ихъ станичкѣ близко, такъ что они меня не видѣли и продолжали беззаботно бѣгать, доставать изъ грязи кормъ, а иногда отдыхать, стоя на одномъ мѣстѣ, то я подолгу любовался ими, даже не одинъ разъ уходилъ прочь, не выстрѣливъ изъ ружья.... Для горячаго охотника это не бездѣлица! Когда кулички-воробьи цѣлою стаей перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, полетомъ рѣзвымъ, но безъ всякаго шума, то бываетъ слышенъ слабый, короткій и хриповатый, но въ то же время необыкновенно мелодическій и пріятный пискъ. Я пробовалъ легко пораненыхъ въ крылышко держать живыхъ въ большой клѣткѣ, дно которой состояло изъ грязи и небольшой водяной лужи; я изобильно бросалъ туда разныхъ сѣмянъ и насѣкомыхъ, но успѣха не было: кулички скоро умирали.

(САМЕЦЪ ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ПЕРѢ).

18.

БОЛОТНЫЙ КУРУХТАНЪ *).

Имя *курахтанъ* или курухтанъ, даже иногда турухтанъ, должно принадлежать птицѣ, похожей своимъ наружнымъ образованіемъ на курицу. Полевые курухтаны имѣютъ на это полное право; но есть и кулички, которыхъ называютъ курухтанами (о нихъ теперь идетъ рѣчь), потому что, при всемъ своемъ куличьемъ образованіи, самцы имѣютъ на толстокожихъ шейкахъ своихъ длинныя перья, которыя весной поднимаются и висятъ, или почти торчатъ, какъ гривы. Однимъ словомъ, въ то время они бываютъ похожи на обыкновенныхъ пѣтуховъ. Я счелъ за лучшее раздѣлить курухтановъ на двѣ породы: болотную и полевую, ибо они между собою никогда не смѣшиваются и держатся совершенно въ различныхъ мѣстахъ. Болотный курухтанъ подраздѣляется на два вида, различающіеся между собою только вели-

*) Machetes pugnax, L.

К. Р.

чиною: большой курухтанъ вдвое больше малаго; онъ тѣломъ будетъ почти съ молодаго голубя. Длинныя ноги свѣтло-бланжеваго цвѣта у пѣтушковъ и блѣдно-зеленоватаго у курочекъ, длинная шея и носъ, который впрочемъ не такъ длиненъ, какъ у другихъ куликовъ, обличаютъ въ нихъ настоящую куличью породу. Курухтаны весьма стройны и красивы: большой очень похожъ величиной и стройностью на рѣчнаго кулика, а малый похожъ на него только одною статностью, но величиной гораздо меньше. Самцы-курухтаны обоихъ видовъ прилетаютъ весною въ половинѣ апрѣля, испещренные разными яркими цвѣтами, въ видѣ крупныхъ пятенъ или пѣжинъ, съ большими гривами и едва замѣтными маленькими хохолками. Курухтаны имѣютъ особенность, которой не раздѣляютъ *ни съ одною* породой птицъ: ихъ весенніе пѣтушки *по большей части* бываютъ *не похожи* другъ на друга ни цвѣтомъ перьевъ, ни фигурою пестринъ. Вотъ точное описаніе, съ натуры, пѣтушка-курухтана; хотя описываемый далеко не такъ красивъ, какъ другіе, но за то довольно рѣдокъ по бѣлизнѣ своей гривы: носъ длиною въ полвершка, обыкновеннаго роговаго цвѣта; глаза небольшіе, темные; голова желтовато-сѣро-пестрая; съ самаго затылка начинается уже грива изъ бѣлыхъ и довольно твердыхъ въ основаніи перьевъ, которыя лежатъ по бокамъ и по всей нижней части шеи до самой хлупи; на верхней же сторонѣ шеи, отступя пальца на два отъ головы, уже идутъ обыкновенныя, сѣренькія, коротенькія перья; вся хлупь по свѣтло-желтоватому полю покрыта черными крупными пятнами и крапинами; спина сѣрая, съ темно-коричневыми продольными пестринами; крылья сверху темныя, а подбой ихъ бѣлый по краямъ и пепельный подъ плечными суставами; въ коротенькомъ хвостѣ перышки разныхъ цвѣтовъ: бѣлыя съ пятнышками, сѣрыя и свѣтло-коричневыя; ножки свѣтло-бланжевыя.

Недѣли черезъ три послѣ своего появленія огромными стаями, курухтаны улетаютъ вмѣстѣ со всею пролетною птицей, и къ осени, то-есть въ августѣ, пѣтушки возвращаются пепельно-сѣрыми, пестрыми куличками, безъ гривъ и хохолковъ, почти совершенно сходными съ своими самками, которыя весной и осенью сохраняютъ одинъ и тотъ же видъ и цвѣтъ, постоянно имѣя хлупь и брюшко бѣлыя. Это измѣненіе самцовъ составляетъ ихъ особенность, несходную съ выцвѣтаніемъ селезней, о чемъ я стану говорить въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, курухтаны и въ осеннемъ видѣ своемъ остаются стройными, плотными, красивыми куличками,

хотя не отличаются разноцвѣтностью перьевъ. Весною они появляются большими и даже огромными стаями по краямъ болотныхъ лужъ, по берегамъ озеръ, разлившихся рѣкъ и прудовъ, отдаленныхъ отъ жилья. Весело, бывало, смотрѣть на нихъ, проворно бѣгающихъ по начинающимъ зеленѣть лужайкамъ, сверкающихъ на солнцѣ яркостью своихъ перьевъ съ ихъ разноцвѣтными золотистыми отливами. Точно широкая радуга легла на землю, и бѣжитъ по ней, волнуясь и изгибаясь. Въ это время надобно стрѣлять ихъ съ подъѣзда. Не смотря на то, что они не дики и не сторожки, много ихъ не убьешь, потому что они не стоятъ па одномъ мѣстѣ, а всѣ разсыпаются врозь и бѣгутъ не останавливаясь, какъ ручьи воды, по всѣмъ направленіямъ. Видя передъ собой цѣлыя сотни этихъ красивыхъ птичекъ, не захочешь, отъ жадности, стрѣлять по одному курухтану, а вмѣстѣ они сбѣгаются рѣдко, и поэтому часто пропускаешь удобное время. Разумѣется, всегда предпочитаешь пѣтушка съ гривой. Мнѣ случалось однако убивать ихъ по десятку однимъ зарядомъ, но только въ летъ, когда вся стая какъ-нибудь нечаянно на меня налетала и свертывалась въ плотную кучу. Курухтаны, большіе и малые, всегда смѣшиваются въ одну станицу и съ весны и осенью. Въ Оренбургской губерніи они гостятъ съ прилета не долго, около трехъ недѣль. Куда они пропадаютъ и гдѣ выводятъ дѣтей — сказать не могу. Три раза въ моей жизни случалось мнѣ убить, въ разныхъ обыкновенныхъ болотахъ, трехъ самокъ-курухтановъ меньшаго вида, которыя видимо вились отъ яицъ или дѣтей, но гнѣздъ ихъ я нигдѣ, никогда не нахаживалъ. Эти случаи, противорѣчащіе общимъ ихъ правамъ, остались для меня неразрѣшенною загадкой. Вотъ еще другая странность: въ началѣ августа нахаживалъ я изрѣдка, всегда въ выкошенныхъ, вытолоченныхъ или мелкотравныхъ болотахъ, малаго и большаго рода курухтановъ, которые прятались въ травѣ въ одиночку и, выдержавъ стойку, поднимались изъ-подъ собаки, какъ дупели: они пропадали очень скоро. Какъ и откуда они залетали на короткое время въ болото — также вопросъ для меня неразрѣшенный, но многіе охотники замѣчали такое странное появленіе курухтановъ. Потомъ уже, обыкновеннымъ порядкомъ пролетныхъ птицъ, появлялись съ выводками молодыхъ, всегда *немногочисленныя* стаи большихъ и малыхъ курухтановъ по берегамъ прудовъ и рѣчнымъ отмелямъ: обстоятельство очень странное, противорѣчащее возвращенію къ осени другихъ пролетныхъ куликовъ, всегда появляющихся гораз-

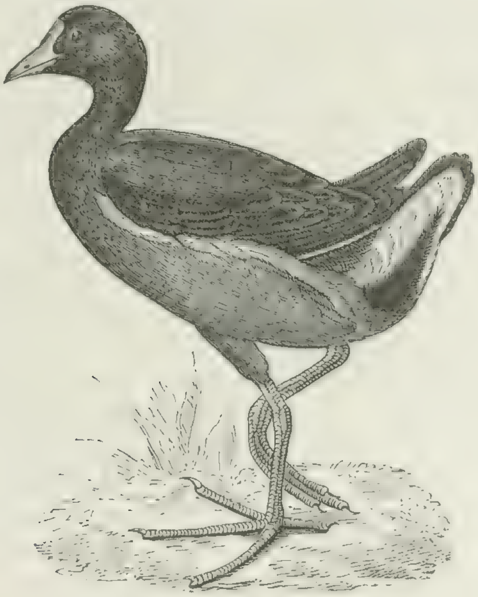
до въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ пролетъ съ весны. Осенью у самца шея толще, а грудь темнѣе и пестрѣе, почему и не трудно отличить его отъ самки; притомъ пѣтушекъ всегда крупнѣе. Осеннее пребываніе курухтановъ продолжается болѣе мѣсяца, и предъ самымъ отлетомъ они бываютъ очень жирны, да и весной они жирнѣе другихъ пролетныхъ птицъ.

Я всегда имѣлъ особенное, такъ-сказать, пристрастіе къ курухтанамъ, не только къ весеннему красивому пѣтушку, но и къ осеннимъ, сѣренькимъ куличкамъ; я преслѣдовалъ ихъ сколько могъ. Мясо ихъ всегда очень сочно и вкусно; въ осенній же пролетъ — превосходно. Притомъ надобно признаться, что красивая, безконечно разнообразная, всегда неправильная пестрота перьевъ весеннихъ пѣтушковъ, съ ихъ чудными гривами, блестящими на солнцѣ золотистымъ глянцемъ всѣхъ цвѣтовъ: желтаго, красноватаго, вишневаго, и всего чаще зеленаго, также привлекали мое вниманіе и даже возбуждали любопытство, не попадется ли курухтанъ еще невиданный мною? Нерѣдко любопытство мое удовлетворялось положительно.

(САМКА БОЛОТНАГО КУРУХТАНА).

Вотъ всѣ породы куликовъ, мнѣ извѣстныхъ, кромѣ кроншнеповъ и вальдшнеповъ, которые займутъ свои почетныя мѣста въ отдѣлахъ степной дичи. Одинъ разъ въ моей жизни видѣлъ я въ Оренбургской губерніи пару куликовъ величиною съ болотнаго ку-

лика, похожихъ на него и статями, но почти бѣлыхъ перомъ. Другой молодой охотникъ, мой товарищъ, выстрѣлилъ въ нихъ, но, къ сожалѣнію не убилъ. Была ли это особая куличья порода, или это были выродки изъ породы болотныхъ куликовъ, называемые въ народѣ *князьками,* — утвердительно сказать не могу. Въ другой разъ случилось мнѣ застрѣлить средняго куличка, похожаго статью на черныша; онъ былъ весь бѣлый, ножки имѣлъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта, а носикъ загнутый не къ низу, а къ верху, какъ у морскаго куличка. Послѣднее обстоятельство уже показываетъ особенность породы, ибо слишкомъ невѣроятно будетъ предположеніе, чтобъ рѣдкая уродливость въ цвѣтѣ перьевъ соединялась съ рѣдкою случайною уродливостью носа въ одномъ и томъ же куличкѣ. Что касается до выродковъ или князьковъ, то этимъ послѣднимъ именемъ называютъ всегда птицу, которая, вмѣсто своего обыкновеннаго цвѣта, имѣетъ перья бѣлыя. Такъ, напримѣръ, бываютъ бѣлые или глинистые галки, вороны, скворцы, воробьи и тетерева, даже вальдшнепы и гаршнепы; но изъ послѣднихъ двухъ породъ я князьковъ не видывалъ. Вѣроятно, есть такіе выродки между всѣми породами птицъ; изъ поименованныхъ же выше мною первыхъ пяти породъ, я нѣкоторыхъ не только видѣлъ, но и бивалъ.



19.

БОЛОТНАЯ КУРИЦА *).

Ее называютъ курицей, а не курочкой, въ отличіе отъ *болотнаго коростеля или погоныша,* котораго также иногда зовутъ *болотною курочкой.* — Болотная курица величиной будетъ съ молодаго русскаго голубя. Она вполнѣ заслуживаетъ названіе курицы, потому что всѣмъ своимъ складомъ совершенно на нее похожа, особенно носомъ; она цвѣтомъ вся темно-зеленая, съ весьма красивыми сизоватыми оттѣнками, испещрена мелкими бѣлыми крапинками, особенно по нижней части шеи, по зобу и брюшку; спина и вообще верхъ гораздо темнѣе, а низъ свѣтлѣе. Пѣтушокъ ея красивъ необыкновенно; будучи совершенно сходенъ съ своею курицей перьями, онъ имѣетъ сверхъ того на головѣ мясистый гребешокъ яркаго пунцоваго цвѣта и такого же цвѣта перевязки шириною въ палецъ, на ногахъ у самаго колѣннаго сгиба; остальная часть ногъ зеленоватая. Этотъ гребешокъ и перевязки бываютъ видны только весною: къ осени нельзя отличить самца отъ самки. У одного

*) Gallinula chloropus, L. К. Р.

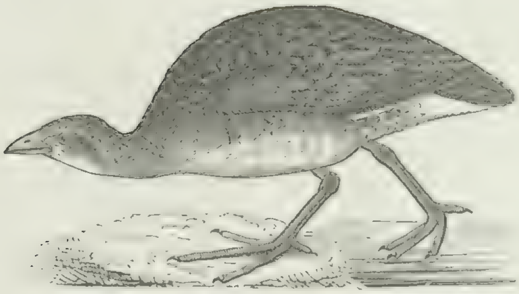
извѣстнаго охотника (Н. Т. А.) жила два года пара болотныхъ куръ въ нарочно устроенной для того комнатѣ съ болотнымъ поломъ. Кормили ихъ мухами, червячками и тараканами. Пѣтушокъ терялъ осенью свой гребешокъ и перевязки. Впрочемъ, и курочка безъ гребня и перевязокъ, безъ всякой разноцвѣтности перьевъ, очень хороша и миловидна. Прекрасная эта птица водится весьма въ небольшомъ количествѣ въ самыхъ топкихъ болотахъ, предпочтительно около болотныхъ лужъ, озерковъ и озеръ, обросшихъ камышомъ, аиромъ и осокой и покрытыхъ въ лѣтнее время густою шмарою или водянымъ цвѣтомъ. Болотныя куры любятъ бѣгать по этому зеленому ковру, когда онъ загустѣетъ; бѣгаютъ такъ легко и проворно, что оставляютъ только узоры слѣдовъ на мягкой его поверхности; по водянымъ же лопухамъ онѣ скользятъ, какъ по паркету. Впрочемъ, онѣ очень хорошо умѣютъ и плавать, хотя не имѣютъ перепонокъ, между пальцами. Если шмара очень жидка, то болотная курица преспокойно плаваетъ въ ней, безпрестанно шевыряя своимъ носикомъ и глотая водяныхъ насѣкомыхъ, всегда гнѣздящихся въ гніющемъ водяномъ цвѣтѣ, который также она кушаетъ охотно, пока онъ еще молодъ и зеленъ. Съ необыкновеннымъ проворствомъ шныряетъ она между густыми камышами, растущими иногда въ водѣ глубиною на четверть и больше. Когда и какъ прилетаютъ болотныя куры — рѣшительно ничего не знаю и даже сомнѣваюсь, судя по ихъ тихому, низкому и трудному полету, чтобъ онѣ могли выдержать дальнее путешествіе. Болотныя куры весною оказываются очень поздно, когда болота и заливы прудовъ уже обростутъ густою зеленью травъ. Точно также ничего положительно не знаю — какъ, когда и гдѣ выводятъ онѣ дѣтей. Вѣроятно въ обыкновенныхъ, не дальнихъ, но топкихъ, неудобопроходимыхъ и весьма крѣпкихъ болотахъ, ибо хотя я никогда не находилъ ихъ гнѣздъ, но молодыхъ видалъ, только не выводками, а въ одиночку; къ тому же, во все продоженіе лѣта мнѣ случалось находить старыхъ матокъ и даже иногда застрѣливать. Изъ этого я заключаю, что болотныя куры не слишкомъ удаляются, для вывода дѣтей, отъ обыкновенныхъ мѣстъ своего пребыванія, какъ то дѣлаютъ нѣкоторыя породы куличковъ. Въ послѣдствіи времени, заключеніе мое подтвердилъ мнѣ тотъ же достовѣрный охотникъ: у него въ деревнѣ, въ Симбирской губерніи, болотныя куры выводили дѣтей нѣсколько лѣтъ сряду около однихъ и тѣхъ же озерковъ, обросшихъ вокругъ камышомъ и поросшихъ лопухами и водяными кувшинчиками.

Болотныя куры — дорогая, завидная, рѣдкая дичь. Добывать ихъ очень трудно: онѣ почти всегда держатся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ни охотнику ходить, ни собакѣ отыскивать дичь невозможно; собакѣ приходится не только вязнуть по горло, но даже плавать. Если случится застать болотную курицу на мѣстѣ проходимомъ, то она сейчасъ уйдетъ въ непроходимое; застрѣлить ее, какъ дупеля или коростеля изъ-подъ собаки, величайшая рѣдкость; скорѣе можно убить, увидавъ случайно, когда она выплываетъ изъ камыша или осоки, чтобы перебраться на другую сторону болотнаго озерка, прудоваго материка или залива, къ чему иногда можно ее принудить посредствомъ собаки, а самому съ ружьемъ подстеречь на переправѣ. Но для этого надобно знать, что болотная курица именно тутъ скрывается. — Ничего не могу сказать положительнаго объ ея голосѣ. Мнѣ случилось однажды, сидя въ камышѣ на лодкѣ съ удочкой, услышать свистъ, похожій на отрывистый свистъ или крикъ погоныша, только не чистый, а сиповатый; вскорѣ затѣмъ выплыла изъ осоки болотная курица, и я подумалъ, что этотъ сиповатый крикъ принадлежитъ ей; потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я услышалъ точно такой же сиповатый свистъ въ камышѣ отдѣльнаго озерка; я послалъ туда собаку, навѣрное ожидая болотной курицы, но собака выгнала мнѣ погоныша, котораго я и убилъ. Это обстоятельство навело на меня сомнѣніе: можетъ-быть, и прежде я слышалъ свистъ погоныша, а болотная курица, находившаяся въ ту пору въ той же самой осокѣ (ибо ничто не мѣшаетъ имъ жить вмѣстѣ), случайно выплыла мнѣ на глаза. Болотныя куры къ осени дѣлаются чрезвычайно жирны и вкусны. Впрочемъ, и всегда онѣ бываютъ довольно сыты, а мясо ихъ мягко и сочно; пропадаютъ онѣ въ первой половинѣ сентября: по крайней мѣрѣ, позднѣе этого времени я ихъ не нахаживалъ.

Во всю мою жизнь я убилъ не болѣе десяти болотныхъ куръ, и то единственно потому, что отыскивалъ ихъ весьма прилежно. Многіе охотники не только не бивали, даже не видывали ихъ. Изъ числа десятка убитыхъ мною, три были застрѣлены плавающія, двѣ бѣгающія по густой шмарѣ и одна — стоявшая на деревянной плахѣ, которая лежала въ болотной водѣ; четыре убиты въ летъ изъ-подъ собаки, и въ томъ числѣ двѣ необыкновеннымъ образомъ. Въ исходѣ мая, я возвращался съ охоты домой; идучи по берегу пруда и не находя птицы, по которой могъ бы разрядить ружье, — а стволъ его надобно было вымыть, — я хотѣлъ уже выстрѣлить на воздухъ. Вдругъ отъ собаки, прыгавшей по

водѣ около берега по мелкому камышу и осокѣ, изъ отдѣльнаго куста камыша, очень не близко, поднялись какія-то двѣ птицы; между ними находилось разстояніе не менѣе сажени; ружье было заряжено мелкою утиною дробью. Я подумалъ, что это поднялись два чирка, и выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ наудачу. Ружье сильно потянуло, слѣдовательно выстрѣлъ не могъ быть вѣренъ, но обѣ птицы упали *): собака бросилась и вынесла мнѣ болотную курицу. Обрадованный, я послалъ ее за другою, и она принесла мнѣ пѣтушка болотной курицы съ гребнемъ и перевязками. Конечно, только охотникъ, принявшій въ соображеніе дальность мѣры, разстояніе между летѣвшими птицами, несоразмѣрную съ ихъ величиною крупноту дроби, невѣрность выстрѣла, невѣроятно счастливый разносъ дроби и рѣдкость добычи, — можетъ вообразить мою тогдашнюю безумную радость. Желаю каждому страстному охотнику, возвращаясь домой, такъ удачно разрядить свое ружье.

*) Къ удивленію моему, это случалось со мной нѣсколько разъ, равно какъ и съ другими охотниками. Ружье потянуло: значитъ порохъ въ затравкѣ отсырѣлъ, зашипѣлъ, и выстрѣлъ послѣдовалъ не скоро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дуло ружья потеряетъ цѣль и по большей части обнизитъ. Какъ же тутъ убить птицу, въ которую цѣлилъ охотникъ, да еще летящую? — Всѣ подобные случаи доказываютъ только, какъ широко раскидывается зарядъ.



20.

БОЛОТНЫЙ КОРОСТЕЛЬ или КОРОСТЕЛЕКЪ *).

Его называютъ также *погонышемъ* и *пастухомъ*. Оба названія весьма удачны: чистый, отрывистый, короткій и частый его свистъ очень похожъ на посвистыванье *пастуха, погоняющаго* стадо. Погонышъ во всемъ совершенно сходенъ съ болотною курицей, или, правильнѣе сказать, онъ есть ни что иное, какъ уменьшенная втрое или вчетверо болотная курица; но самецъ болотнаго коростелька не имѣетъ пунцоваго гребешка на головѣ и перевязокъ на ногахъ, отъ чего и трудно различить пѣтушка отъ курочки. По миніатюрности своей, погонышъ кажется еще стройнѣе, пропорціональнѣе и миловиднѣе болотной курочки. Имя болотнаго коростеля дано ему не даромъ: онъ точно такъ же скоро и часто подсвистываетъ, какъ обыкновенный луговой коростель покрикиваетъ или подергиваетъ хриплымъ своимъ голосомъ. Хотя погоныши живутъ и выводятъ дѣтей также въ болотахъ, довольно топкихъ, гдѣ особенно любятъ держаться въ осокѣ и камышѣ, по краямъ болотныхъ лужъ, озерковъ и заливовъ въ верховьяхъ прудовъ; но обыкновенныя мѣста ихъ пребыванія гораздо доступнѣе охотнику и собакѣ, чѣмъ мѣста жительства болотныхъ куръ. Погоныша не рѣдко найдешь въ болотѣ обыкновенномъ. Только въ позднюю осень позволяетъ онъ собакѣ дѣлать надъ собой стойку, вѣроятно отъ того, что бы-

*) Porzana maruetta, Briss.

К. Р.

вастъ необычайно жиренъ и утомляется отъ скораго и многаго бѣганья; во всякое же другое время, онъ такъ же, какъ болотная курица и луговой коростель, бѣжитъ не останавливаясь, и нерѣдко уходитъ въ такія мѣста, что собака отыскать и поднять его не можетъ. При семъ должно замѣтить, что всѣ эти три породы дичи, то-есть: болотныя куры, погоныши и особенно коростели луговые, чрезвычайно портятъ *поискъ* легавыхъ собакъ, ибо духъ отъ нихъ очень силенъ; собака горячится и, видя, что птица, послѣ каждой стойки, все уходитъ дальше, бросается догонять ее, теряетъ слѣдъ, сбивается и получаетъ самыя дурныя привычки.

Я никогда не нахаживалъ погоныша съ дѣтьми, но одинъ разъ моя собака поймала его, сидящаго на гнѣздѣ, и нисколько не измяла. Онъ даже жилъ у меня недѣли двѣ. Видя, что онъ мало ѣстъ и худѣетъ, я выпустилъ его опять въ то же болото. Въ гнѣздѣ находилось 16 яичекъ, каждое величиною въ полтора воробьинаго яйца, неопредѣленнаго и въ то же время прекраснаго зеленоватаго цвѣта, съ самыми крошечными палевыми крапинками. Если бы я не самъ взялъ этого погоныша на гнѣздѣ изо рта собаки, то никогда бы не повѣрилъ, чтобы такая маленькая и узенькая птичка могла нести такое количество яичекъ и имѣла бы возможность ихъ высиживать. Яички лежали въ одинъ рядъ, какъ всегда бываетъ и иначе быть не можетъ; они никакъ не могли умѣщаться всѣ подъ узкою хлупью или брюшкомъ насѣдки, и какъ будто стѣнкою окружали ея бока, хвостикъ и зобъ. Я и теперь не понимаю, какъ могла сообщиться имъ та степень теплоты, безъ которой яйцо не можетъ окончательно быть высижено, а между тѣмъ всѣ яички погоныша были уже довольно насижены. Болотный коростелекъ, какъ и болотная курица, питается разными насѣкомыми, шмарою, или водянымъ цвѣтомъ, и сѣменами травъ; такъ же тихо, низко, прямо и трудно летитъ, и такъ же иногда очень далеко пересаживается, такъ же, или еще болѣе, весь заплываетъ жиромъ во время осени, но остается позднѣе и пропадаетъ въ концѣ сентября, когда морозы начнутся посильнѣе. Крестьяне, окашивая осоку около прудовыхъ заливовъ или болотныхъ озерковъ, нерѣдко подсѣкаютъ косами молодыхъ погонышей и даже старыхъ. — Я видѣлъ молодыхъ уже почти оперившихся, но и тогда находилъ на нихъ остатки пуха, совершенно темнаго цвѣта. Не подвержено сомнѣнію, что они выводятся такими же черненькими цыплятами, какъ и луговые коростели. Погонышей вообще несравненно больше, чѣмъ болотныхъ куръ; посвистыванье

ихъ слышно во всѣхъ болотахъ, но доставать ихъ тяжело и для многихъ скучно; мнѣ случалось однако убивать ихъ до 30-ти штукъ въ одно лѣто. Одинъ разъ, въ 1815-мъ году, 29-го апрѣля, я убилъ погоныша, не темно-зеленаго, а темно-кофейнаго цвѣта: онъ былъ очень красивъ; къ сожалѣнію, листокъ, на которомъ онъ былъ описанъ подробно въ моихъ запискахъ, вырванъ и потерянъ, и я не помню его особенностей. Въ запискѣ убитой дичи сказано: „убилъ болотнаго коростелька особливаго, неизвѣстнаго рода и вида", и сдѣлана выноска на такую-то страницу, которой именно не достаетъ. Безъ сомнѣнія, это былъ выродокъ, ибо ни прежде, ни послѣ я ничего подобнаго не видалъ *).

Чистый и мелодическій свистъ болотнаго коростелька, вмѣстѣ съ токованьемъ бекаса и здоровымъ крикомъ полеваго коростеля, живущаго часто неподалеку отъ нихъ въ поемныхъ лугахъ, придаетъ такую жизнь весенней майской ночи, которую гораздо легче чувствовать, чѣмъ описать.

Болотная курица и погонышъ, равно какъ и луговой коростель, имѣютъ совершенно особенный свой полетъ, медленный, тяжелый и неуклюжій. Задъ перетягиваетъ все тѣло, и они точно идутъ по воздуху, почти перпендикулярно, или летятъ какъ будто подстрѣленные.

---

*) Сказывали мнѣ охотники, что есть погоныши менѣе обыкновенныхъ, перомъ почти глинистые, но мнѣ такіе никогда не попадались.

21.

ЧИБИСЪ или ПИГОЛИЦА *).

Вотъ уже подлинно по пословицѣ: послѣдняя спица въ колесницѣ, во всей болотной птицѣ. А за что? По совѣсти, не знаю: вкусомъ своего мяса пиголица никакого обыкновеннаго кулика не хуже, а красивѣе многихъ. Нельзя также сказать, чтобъ и водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи; но охотники смотрятъ на нее съ презрѣніемъ и, вѣроятно, за то, что она попадается вездѣ и смирнѣе всякой другой дичи. — Пиголица составляетъ нѣчто среднее между куликомъ и полевымъ курухтаномъ; съ послѣднимъ она сходна величиною тѣла и станомъ; ноги и шея у нея довольны длинны, но далеко не такъ, какъ у настоящихъ куличьихъ породъ; носъ хотя не куринаго устройства, но все вдвое короче чѣмъ у кулика, равнаго съ нею величиной: онъ не больше ¼ вершка и темнаго цвѣта; длина пиголицы отъ носа до хвоста 7 вершковъ. Пониже глазъ, по обѣимъ сторонамъ, находится по бѣлой полоскѣ,

*) *Луговка, луговица, чайка* — въ Малороссіи. Venellus cristatus, Mey.

К. Р.

и между ними, подъ горломъ, идетъ темная полоса; такого же цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ, и зобъ; брюхо бѣлое; ноги длиною 3 вершка, красно-свинцоваго цвѣта; головка и спина зеленоватыя, съ бронзово-золотистымъ отливомъ; крылья темно-коричневыя, почти черныя, съ бѣлымъ подбоемъ до половины; концы двухъ правильныхъ перьевъ бѣлые; хвостъ довольно длинный; конецъ его, почти на вершокъ, темно-коричневый, а къ рѣпицѣ на вершокъ бѣлый, прикрытый у самаго тѣла нѣсколькими пушистыми перьями рыжаго цвѣта; и самецъ и самка имѣютъ хохолки, состоящіе изъ четырехъ темнозеленыхъ перышекъ. Пиголица имѣетъ особенныя кругловатыя крылья и машетъ ими довольно рѣдко, производя необыкновенный, глухой шумъ; летаетъ, поворачиваясь съ боку на бокъ, а иногда и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ перевертывается на воздухѣ; этотъ полетъ принадлежитъ исключительно пиголицамъ. Весною прилетаютъ онѣ очень рано и, прежде всей дичи, появляются на прудовыхъ токахъ и на первыхъ проталинахъ. Какъ въ это время, бывало, обрадуешься пиголицѣ и какъ стараешься застрѣлить первую, прилетную весеннюю птицу, а тогда она бываетъ довольно сторожка! Въ Малороссіи зовутъ ее *луговка,* потому что она живетъ въ сѣнокосныхъ лугахъ *); имена же *чибиса* и *пиголицы,* вѣроятно, получила она отъ своего крика или писка, который придется къ каждому слову и который, конечно, извѣстенъ всѣмъ. Народъ говоритъ, что пиголица кричитъ: „чьи-вы, чьи-вы?“ — Весною чибисы появляются, по большей части, порознь или самыми небольшими станичками, около десятка, а осенью, къ отлету, собираются въ огромныя станицы. По наступленіи теплой погоды, они разбиваются на пары и немедленно, ранѣе куликовъ, занимаютъ всякаго рода болота, потныя мѣста и поемные луга. По большей части, они живутъ вмѣстѣ съ болотными куликами, травниками и поручейниками, но иногда живутъ и одни. Они водятся во всѣхъ губерніяхъ и даже около Москвы, тогда какъ о выводѣ болотныхъ и нѣкоторыхъ другихъ куликовъ тамъ никто и не слыхивалъ. Пиголица вьетъ гнѣздо изъ прошлогодней травы, на кочкѣ или на сухомъ, возвышенномъ мѣстѣ, кладетъ четыре яйца, общей куличьей формы, цвѣтомъ, величиною и пестринами весьма похожія на дупелиныя яйца, только нѣсколько потемнѣе. Самецъ и самка сидятъ поперемѣнно на гнѣздѣ и потомъ вмѣстѣ заботятся о молодыхъ, которыхъ, точно такъ же какъ

*) Называютъ также и «чайкою».

болотные кулики, довольно скоро уводятъ въ луга и потомъ въ хлѣбныя поля. Въ іюлѣ они появляются отдѣльными выводками по берегамъ прудовъ, рѣкъ и нерѣдко по скошеннымъ лугамъ. Въ августѣ собираются большими стаями по большимъ рѣкамъ и озерамъ, а въ началѣ сентября пропадаютъ. Питаются совершенно одинакимъ кормомъ со всѣми куличьими породами. Чибисы или пиголицы очень горячо привязаны къ своимъ дѣтямъ и не уступаютъ въ этомъ качествѣ и болотнымъ куликамъ: такъ же бросаются навстрѣчу опасности, такъ же отгоняютъ всякую недобрую птицу и такъ же смѣло вьются надъ охотникомъ и собакою; но гибнутъ менѣе, чѣмъ другіе кулики, потому что охотники мало ихъ стрѣляютъ. Развѣ иногда, при неудачной охотѣ, возвращаясь домой, съ далеко не полнымъ яхташомъ, захватишь дорогой пары двѣ чибисовъ, чтобы счетъ былъ побольше, а яхташъ пополнѣе. Впрочемъ, весною, первыя прилетныя пиголицы бываютъ довольно сыты и вкусны; но потомъ, до самаго отлета, худы, черствы и сухи (какъ и всѣ немаленькіе кулики), сохраняя пріятный вкусъ дичины; мясо же молодыхъ чибисовъ передъ отлетомъ ихъ, когда они начнутъ немного жирѣть, бываетъ мягко, сочно и очень вкусно. Старыхъ, очень жирныхъ пиголицъ рѣдко удается застрѣлить, потому что онѣ, собравшись въ большія стаи къ отлету, дѣлаются довольно сторожки и сейчасъ сваливаются на большія рѣки, да и охотники за ними не гоняются; а именно въ это-то время онѣ и бываютъ жирны. Мнѣ удалось одинъ разъ, уже довольно поздно для чибисовъ, кажется въ половинѣ сентября, вышибить крупною дробью одного чибиса изъ стаи, пролетѣвшей очень высоко надо мной, вѣроятно въ дальній походъ. Чибисъ былъ облитъ саломъ и такъ вкусенъ, что уступалъ въ этомъ только бекасиной породѣ.

Я застрѣлилъ однажды пиголицу, кажется въ августѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, крыльями. Она находилась въ большой стаѣ, и мнѣ стоило не мало хлопотъ, чтобъ убить именно ее: она была очень красива.

Разрядъ II.

ВОДЯНАЯ или ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ.

РАЗРЯДЪ II.

ВОДЯНАЯ или ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію водяной дичи.

Водяная птица — ближайшая сосѣдка птицѣ болотной; выводитъ дѣтей если не въ болотахъ, то всегда въ болотныхъ мѣстахъ, и потому я немедленно перехожу къ ней, хотя она въ общемъ разрядѣ дичи, по своему достоинству, должна бы занимать послѣднее мѣсто. Длинный овалъ челнообразнаго стана, устройство всѣхъ членовъ тѣла, обиліе пуха и перьевъ, покрытыхъ тонкимъ лакомъ, не пропускающимъ мокроту, ясно указываютъ, что назначеніе этой породы птицъ — не только временное плаваніе по водѣ, но даже постоянное на ней пребываніе. Походка ихъ медленна, тяжела, неловка, некрасива: лебедь, гусь и утка, когда идутъ по землѣ, ступаютъ бережно, скользя и переваливаясь съ одной стороны на другую, а утки-рыбалки почти лишены способности ходить; за то вода — ихъ стихія! На водѣ — онѣ дома. Безъ всякаго видимаго движенія, безъ всякаго усилія, плавно, тихо, спокойно разсѣкаютъ онѣ поверхность воды во всѣхъ направленіяхъ и поворотахъ, незамѣтно передвигая въ водѣ свои перепончатыя лапы: тутъ онѣ и ловки и красивы. — Человѣкъ все это подмѣтилъ, перенялъ и, начавъ съ челнока, дошелъ до современнаго корабля.

Теперь надобно взглянуть вообще на воды, о которыхъ часто будетъ говориться въ этомъ отдѣленіи.

Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода — красота всей природы. Вода жива, она бѣжитъ, или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло, — и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не ростутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ Оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы-колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается желобомъ или колодою, то-есть выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ помаленьку, и день и ночь. Нѣтъ мелева — отодвигается колода въ сторону, и потомъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть липитъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка, ничто не разпорѣчитъ съ природой, а напротивъ — дополняетъ ее.... Но какія же паровыя машины втягиваютъ водяныя жилы на горныя высоты, тогда какъ вода, по свойству своему, занимаетъ самое низкое мѣсто на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняетъ этого явленія

и современная наука. — Иногда такой ключъ бьетъ изъ середины горы, а всего чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другаго рода, которые выбиваютъ изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камешками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи, и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы — пахнётъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ, — вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ, — солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникаетъ*, то-есть уходитъ въ землю, и пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются *рѣчки*. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурей и подмытыя весеннею водой, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать

подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зорямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ наверху еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу, ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь внизу — густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина.

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извилистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокой и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, нерѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышомъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи. Собственно о прудахъ я стану говорить послѣ.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя, по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это рѣки *степныя*. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (по-московски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собою *перекатами*, то-есть мелкою рѣчкой, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породою мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ, въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаютъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною *рѣкой*. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разростается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, поросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ничьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ подниметъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обростаютъ берега ея широколистною и узкою осокой, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ — необыкновенной величины темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревьевъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), нырнетъ выхухоль — и только; но и этотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье — липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ слиянія многихъ такихъ полуводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки *средней величины*, какъ напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи и множество другихъ; изъ нихъ-то наконецъ образуются рѣки *первой величины*, какъ Волга

и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Не смотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки; слѣдовательно, настоящіе берега ихъ голы, безплодны и, по-моему, не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона, нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ, и громадныхъ, утесистыхъ ихъ береговъ и песчаныхъ печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, чрезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури — ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водные бугры съ бѣлыми гребнями, и потопляемыя, какъ щепки, суда — живы въ моей памяти. Впрочемъ я не стану спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашусь, что неспособенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній.

Въ отношеніи къ охотѣ, огромныя рѣки рѣшительно невыгодны: полая вода такъ долго стоитъ на низкихъ мѣстахъ, затопивъ десятки верстъ луговой стороны, что уже вся птица давно сидитъ на гнѣздахъ, когда вода пойдетъ на убыль. Весной по краямъ разливовъ только держатся утки и кулики, да осенью пролетныя стаи, собираясь въ дальній походъ, появляются по голымъ берегамъ большихъ рѣкъ, и то на самое короткое время. Все это для стрѣльбы не представляетъ никакихъ удобствъ. Въ пролетъ же весенній, Волга или Кама еще покрыты льдомъ, посинѣвшимъ, истрескавшимся, избитымъ въ полыньи, но все еще неподвижно стоящимъ.

Теперь остается поговорить объ озерахъ; они не имѣютъ теченія, но тѣмъ не менѣе хороши. Озера бываютъ четырехъ родовъ: 1) Озера заливныя, или просто небольшія ямы и впадины, наливающіяся въ весеннее время по займищамъ рѣкъ, полою водой, которая затопляетъ ихъ совершенно; убывая въ продолженіе лѣтнихъ жаровъ, онѣ нерѣдко совсѣмъ высыхаютъ. 2) Озера большей

величины, также заливныя или принимающія въ себя какимъ-нибудь протокомъ полую воду, но имѣющія сверхъ того свою собственную поддержку въ родникахъ, открывающихся на днѣ и въ берегахъ; изъ такихъ озеръ нерѣдко излишекъ воды бѣжитъ ручейкомъ или сочится длинною мокрединой. Такія озера постоянно имѣютъ чистую, свѣжую, хотя и не холодную воду. Конечно, лѣтнія жары и засухи и въ нихъ производятъ убыль; но они отъ того не загниваютъ, кромѣ обыкновеннаго лѣтняго цвѣтенія воды, которому подвержены всѣ рѣки безъ исключенія и котораго начало примѣтно даже въ самыхъ быстротекущихъ студеныхъ ключахъ. Распространяя вокругъ себя влажность и растительность, зеленые берега такихъ озеръ иногда опушаются ивою ветлою и ольхою, иногда обростаютъ и камышами. 3) Озера лѣсныя, имѣющія видъ мрачный и цвѣтъ темный, если берега ихъ не болотисты, а сухи, если крупный лѣсъ со всѣхъ сторонъ и плотною стѣною обступаетъ воду; окруженныя же иногда на далекое пространство топкими, даже зыбкими болотами, на которыхъ ростетъ только рѣдкій и мелкій лѣсъ, они имѣютъ воду почти обыкновеннаго цвѣта. Темный цвѣтъ лѣсныхъ озеръ, кромѣ того, что кажется такимъ отъ отраженія темныхъ стѣнъ высокаго лѣса, происходитъ существенно отъ того, что дно озеръ образуется изъ перегнивающихъ ежегодно листьевъ, съ незапамятныхъ временъ устилающихъ всю ихъ поверхность во время осенняго листопада и превращающихся въ черный, какъ уголь, черноземъ, осѣдающій на дно; многіе думаютъ, что листья, размокая и разлагаясь въ водѣ, окрашиваютъ ее темноватымъ цвѣтомъ. Наконецъ 4) озера степныя, всегда значительной величины, самыя чистыя, свѣтлыя, красивыя, лучшія изъ всѣхъ озеръ. Безъ сомнѣнія, они имѣютъ скрытные на днѣ родники, и весьма сильные, которые вознаграждаютъ убыль, производимую испареніемъ воды во время лѣтнихъ жаровъ и засухъ, — убыль, которая въ нихъ бываетъ мало замѣтна. Присутствіе родниковъ въ озерахъ доказывается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на извѣстной глубинѣ вода въ нихъ бываетъ гораздо холоднѣе. Въ Оренбургской губерніи много такихъ озеръ; мнѣ короче знакомы два чудесныя озера, находящіяся въ недальнемъ разстояніи одно отъ другаго въ Белебеевскомъ уѣздѣ: *Кандры* и *Каратабынъ;* каждое изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку десятковъ верстъ въ окружности. Степныя озера отличаются невѣроятною прозрачностью, превосходящею даже прозрачность омутовъ степныхъ рѣчекъ; и въ послѣднихъ вода бываетъ такъ

чиста, что глубина въ 4 и 5 аршинъ кажется не глубже 2-хъ аршинъ; но въ озерахъ „Кандры" и „Каратабынь" глубина до трехъ саженей кажется трехъ или четырехъ-аршинною; далѣе глубь начнетъ синѣть, дна уже не видно, и на глубинѣ шести или семи саженей все становится страшно темно. Преломленіе свѣта въ водахъ этихъ озеръ до того обманчиво, что во время купанья, идя отъ берега и постепенно погружаясь въ глубину, кажется идешь на гору и при каждомъ шагѣ поднимаешь ногу выше. Прелестные степные луга, оживляемые близостью огромной массы воды, окружаютъ Кандры; глубина въ десять саженей находится ближе въ одной, нѣсколько гористой сторонѣ; по срединѣ озера точно всплылъ изъ воды небольшой, возвышенный, лѣсистый, зеленый островокъ: пріютъ и мѣсто вывода дѣтей для безчисленныхъ и разнообразныхъ породъ чаекъ. Двѣ противоположныя стороны — ровная степь, а четвертая сторона камышиста, и есть признакъ (длинная лоточина по небольшому долочку), что тутъ былъ когда-то протокъ. Башкирцы сказывали мнѣ, что старики ихъ помнятъ, когда этимъ протокомъ Кандры соединялись съ Каратабынью. Нынче и весной нѣтъ этого соединенья. У Башкирцевъ даже есть какая-то легенда насчетъ будущаго соединенія этихъ озеръ; но я не могъ достать ее. Впрочемъ, прибыль полой воды въ степныхъ озерахъ незначительна. Болотною и водяною дичью они не богаты; только позднею осенью, отлетная птица въ большихъ стаяхъ гоститъ на нихъ короткое время, какъ будто на прощаньи; за то всякая рыба *бѣлъ*, кромѣ красной, то-есть осетра, севрюги, стерляди и проч., водится въ степныхъ озерахъ въ изобиліи и отличается необыкновеннымъ вкусомъ.

Нельзя не упомянуть объ озерахъ искусственныхъ, — прудахъ, о которыхъ я сказалъ только мимоходомъ, но которые будутъ часто упоминаться въ описаніи водяной дичи. Пруды бываютъ двухъ родовъ: проточные и копаные. Первые запруживаются на рѣкахъ, рѣчкахъ и ручьяхъ, а вторые выкапываются предпочтительно на мѣстахъ мокрыхъ и низменныхъ. Впрочемъ, около Москвы, гдѣ грунтъ по преимуществу глиняный, можно выкопать яму, гдѣ угодно, даже на горѣ, — снѣговая и дождевая вода будутъ стоять въ ней круглый годъ, какъ въ фаянсовой чашкѣ. Есть средство устраивать пруды особеннымъ способомъ, захвативъ полую воду, текущую обыкновенно весной по какому-нибудь оврагу или долочку, въ которыхъ лѣтомъ не бываетъ капли воды; въ это лѣтнее время перегораживаютъ поперекъ оврагъ или долочекъ, —

выкопавъ его, если надобно, поглубже, — крѣпкою плотиной съ прочно-устроеннымъ спускомъ, а иногда и безъ спуска, для стока полой воды; весною она наполнитъ оврагъ или выкопанный долъ, а излишняя вода пойдетъ стороною, или черезъ верхъ, или въ поднятые затворы спуска, который запирается наглухо, когда станетъ сходить водополье. Такіе пруды бываютъ иногда очень глубоки; ихъ нельзя назвать совершенно стоячими, глухими: хотя одинъ разъ въ году, а все же вода въ нихъ перемѣняется; по отношенію къ птицѣ о нихъ не стоитъ говорить. Пруды проточные на порядочныхъ рѣкахъ, поднимающихъ мельницы отъ четырехъ до восьми поставовъ, съ широкими, всегда камышистыми разливами, сквозь поросшіе, по мелководью, разными водяными травами и цвѣтами, имѣющіе въ протяженіи нѣсколько верстъ, — вотъ истинное раздолье для всякой водяной птицы, которая сваливается на такіе пруды со всѣхъ сторонъ. Сытно и безопасно въ камышахъ утинымъ выводкамъ всѣхъ породъ, а также цыплятамъ черныхъ водяныхъ куръ или лысухъ. Въ камышахъ не проглотитъ утенка жадная щука, не унесетъ цыпленка коршунъ или скопа, которую называютъ водянымъ орломъ и которая преимущественно питается рыбой. Хищной птицѣ нуженъ свѣтъ и просторъ, а въ камышѣ тѣсно и темно. Напрасно скопа, балабанъ (родъ сокола), вмѣстѣ съ коршунами и копчиками, по цѣлымъ часамъ, то плаваютъ въ небесахъ широкими кругами, то неподвижно висятъ надъ прудомъ. Они слышатъ пискотню молодыхъ и покрякиванье матокъ, слышатъ шелестъ камыша, даже видятъ, какъ колеблются его верхушки отъ множества пробирающихся въ тростникѣ утятъ, а нельзя поживиться добычей: „глазъ видитъ, да зубъ неймётъ!“ Хищныя птицы не бросаются за добычей въ высокую траву или кусты, вѣроятно, по инстинкту, боясь наткнуться на что-нибудь жесткое и острое, или опасаясь помять правильныя перья. Но если какой-нибудь глупенькій, отбившійся отъ выводки и матери, утенокъ или цыпленокъ, услыша издалека зовъ ея, вздумаетъ переплыть материкъ или незаросшую травой заводь, то гибель ждетъ его и сверху и снизу: въ водѣ широкое горло щуки или сома, на поверхности — длинные когти хищныхъ птицъ.

Вотъ какъ разнообразны, еще не во всѣхъ видахъ и не въ подробности описанныя мною, воды. На нихъ-то плаваетъ, ныряетъ, живетъ водяная дичь. Итакъ, обращаюсь къ ней.

1.

ЛЕБЕДЬ *).

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великолѣпно въ немъ.

Лебеди прилетаютъ почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, въ началѣ апрѣля, когда, по большей части все еще бываетъ покрыто снѣгомъ. Лебединыхъ стай я не видывалъ:

*) Лебедь и гусь такъ всѣмъ извѣстны, что считаемъ ненужными ихъ политипажи.

въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я постоянно охотился, лебеди бываютъ только пролетомъ, а постоянно не живутъ и дѣтей не выводятъ, и для меня появленіе ихъ не во время пролета было рѣдкостью. Развѣ иногда, нѣсколькимъ холостымъ лебедямъ, шатающимся по большимъ прудамъ и озерамъ, понравится какое-нибудь привольное мѣсто у меня въ сосѣдствѣ, и они, если не будутъ отпуганы, прогостятъ на немъ недѣли двѣ или болѣе. Я помню въ молодости моей странный случай, какъ на нашъ болотный камышистый прудъ, среди уже жаркаго лѣта, повадились ежедневно прилетать семеро лебедей: прилетали обыкновенно на закатѣ солнца, ночевали и на другой день поутру, какъ только народъ просыпался, начиналъ шумѣть, ходить по плотинѣ и ѣздить по дорогѣ, лежащей вдоль пруда, — лебеди улетали. Откуда прилетали и куда улетали — не знаю. Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ, одинъ старый охотникъ, зарядивъ свое дрянное, веревочкой связанное, ружьишко, за неимѣніемъ свинцовой картечи, желѣзными жеребьями, то-есть кусочками изрубленнаго желѣзнаго прута, забрался въ камышъ прежде прилета лебедей и, стоя по поясъ въ водѣ, дождался, когда они подплыли къ нему на нѣсколько саженей, выстрѣлилъ и убилъ одного лебедя наповалъ. Разумѣется, остальные сейчасъ улетѣли, но на другой день опять прилетѣли въ урочный часъ, сѣли на середину пруда, поплавали, не приближаясь къ опасному камышу, погоготали между собой, собрались въ кучку, поднялись, улетѣли и не возвращались. Осенняго пролета лебедей я не замѣчалъ совсѣмъ. Многіе охотники сказывали мнѣ, что лебеди не только постоянно живутъ, но и выводятъ дѣтей въ разныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи и особенно по заливнымъ волжскимъ озерамъ, начиная отъ Царицына до Астрахани; что гнѣзда вьютъ они въ густыхъ камышахъ; что лебедь раздѣляетъ съ лебедкою всѣ попеченія о дѣтяхъ; что молодыхъ у нихъ бываетъ только по два (а другіе увѣряютъ, будто по три и по четыре), и что по волжскимъ рукавамъ, при впаденіи этой рѣки въ море, лебеди живутъ несчетными стадами. Ничего этого не утверждаю, а за что купилъ, за то и продаю. Что касается до меня, то я каждый годъ видалъ по нѣскольку разъ лебедей, по большой части въ недосягаемой вышинѣ пролетавшихъ надо мною; видалъ ихъ и плавающихъ по озерамъ, но всегда неожиданно и въ такомъ разстояніи, что не только гусиною дробью, но и картечью стрѣлять было невозможно; а иногда и стрѣлялъ, но выстрѣлъ мой скорѣе могъ назваться

почетнымъ салютомъ, чѣмъ нападеніемъ врага. Впрочемъ, одинъ разъ въ моей жизни, когда я бродилъ по колѣна въ разливѣ рѣки Бугуруслана, между частыми кустами, налетѣлъ на меня лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью: лебедь покачнулся, пошелъ къ низу и улетѣлъ изъ виду. На другой день Мордвинъ сосѣдней деревушки нашелъ его мертвымъ за версту отъ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ. Мясо его было такъ жестко, что, не смотря на предварительное двухъ-дневное вымачиванье, его трудно было разжевать. Вкусъ походилъ на дикаго гуся, но гусь гораздо мягче, сочнѣе и вкуснѣе. Въ зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чѣмъ питаются лебеди — ничего сказать не могу, но вѣроятно одинакимъ кормомъ со всею водяною птицей.

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей: вѣроятно, тогда знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ; а мысль, что лебедь служилъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно, сложенныхъ на югѣ Россіи, живетъ также до сихъ поръ и въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войдти ни въ пѣсню, ни въ рѣчь, — такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на велико-княжескіе столы; его *рушала,* то-есть разрѣзывала, сама великая княгиня, слѣдовательно лебедя ѣли. Вѣроятно оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова: *лебедка* и *лебедушка* — остались навсегда выраженіемъ ласки и участія.

Про силу лебедя разсказываютъ чудеса: говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненому, или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно. Пѣнья лебедей, разумѣется, никто не слыхалъ; но зычный крикъ ихъ и глухое гоготанье, весьма отличное отъ гусинаго, слыхали всѣ охотники, и въ томъ числѣ я самъ. Изъ всего сказаннаго мною о силѣ лебедей можно заключить, какъ они должны быть крѣпки къ ружью. Гдѣ они постоянно водятся, тамъ бьютъ ихъ пулемъ или безъимянкой и картечью, и то подкрады-

ваясь поближе. Лебедей стрѣляютъ не для мяса, а для пуха, первоклассное достоинство котораго извѣстно всѣмъ.

Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ нѣсколько годовъ сряду, живущихъ лѣто на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими были они пойманы. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и клѣвахъ; но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и подложить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята выростаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей (первый годъ съ подрѣзанными крыльями), дѣлаются совершенно ручными и ведутся какъ дворовые гуси.

2.

ГУСЬ.

Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что спина его потемнѣе, грудь или зобъ покрыта черноватыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, то-есть на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты и сами они потолще, пообъемистѣе: дикіе же гуси подбористѣе, складнѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки ихъ желтовато-зеленоватаго цвѣта. Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ, бывало, лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко, но гуси парами или въ одиночку летятъ гораздо ниже. Ежедневно шатаясь около пруда и бродя вдоль рѣки, которая у насъ очень рано очищалась отъ льда, я всегда имѣлъ одинъ стволъ, заряженный гусиною дробью, и мнѣ не одинъ разъ удавалось спустить на землю пролетнаго гостя. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды, — стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ: отдохнуть, поѣсть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоитъ изъ мелкой, молодой травы, сѣмянъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Гуси очень жадны. Когда кормъ приволенъ, то они до того обжираются, что не могутъ ходить:

зобъ перетягиваетъ все тѣло; даже съ трудомъ могутъ летать. Весною гуси бываютъ очень сторожки и рѣдко подпускаютъ охотника съ подъѣзда и еще рѣже съ подхода. Надобно отыскивать благопріятную мѣстность, изъ-за которой можно бы было подкрасться къ нимъ поближе. Мѣстность эта можетъ быть: лѣсъ, кусты, пригорокъ, оврагъ, высокій берегъ рѣки, нескошенный камышъ на прудахъ и озерахъ. Нечего и говорить, что стрѣлять надобно самою крупною дробью, *безъимянкой*, даже не худо имѣть въ запасѣ нѣсколько картечныхъ зарядовъ, чтобы пустить въ стаю гусей, къ которой ни подойдти, ни подъѣхать, ни подкрасться въ мѣру — нѣтъ возможности. Очень весело, на дальнемъ разстояніи, вырвать изъ станицы, чистаго перомъ, сытаго тѣломъ, прилетнаго гуся! Пошатавшись по хлѣбнымъ полямъ, кое-гдѣ сохранившимъ насоренныя еще осенью зерна, наплававшись по разливамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ, гуси разбиваются на пары и начинаютъ заботиться о гнѣздахъ, которыя вьютъ всегда въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ камышистыхъ и болотистыхъ уремахъ, состоящихъ изъ таловыхъ кустовъ ольхи и березы, обыкновенно окружающихъ берега рѣкъ порядочной величины: я разумѣю рѣки, текущія по черноземной почвѣ. Я не одинъ разъ нахаживалъ гусиныя гнѣзда и всегда въ такихъ непроходимыхъ мѣстахъ, что самъ, бывало, удивишься, какъ попалъ туда. Гнѣздо обыкновенно кладется на сухомъ мѣстѣ, или на высокой кочкѣ, просторное и круглое, свивается изъ сухой травы и устилается перышками и пухомъ, нащипанными гусыней изъ собственной хлупи. Охотники говорятъ, что яицъ бываетъ до двѣнадцати, но я болѣе девяти не нахаживалъ. Онѣ совершенно похожи на яйца русскихъ гусей, развѣ крошечку поменьше и не такъ бѣлы, а свѣтло-дикаго, неопредѣленнаго цвѣта. Во время сидѣнья гусыни на яйцахъ, гусь раздѣляетъ ея заботу: я самъ спугивалъ гуся съ гнѣзда и много разъ нахаживалъ обоихъ *стариковъ* *) съ выводками молодыхъ. Исторія высиживанія яицъ у дикихъ гусей, какъ и у всякой птицы, выводящей дѣтей одинъ разъ въ годъ, оканчивается въ исходѣ мая или въ началѣ іюня: всѣ исключенія бываютъ слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая, погубившаго первыя яйца. Въ мѣстахъ привольныхъ, то-есть по хорошимъ рѣкамъ съ большими камышистыми озерами, можно и въ это время года найдти порядочныя станицы гусей холостыхъ: они обыкновенно на одномъ озерѣ днюютъ, а на

*) Стариками называются въ гусиной выводкѣ старый гусакъ и гусыня.

другомъ почуютъ. Опытный охотникъ все это знаетъ, или долженъ знать, и всегда можетъ подкрасться къ нимъ, плавающимъ на водѣ, щиплющимъ зеленую травку на лугу, усѣвшимся на ночлегъ вдоль берега, или подстеречь ихъ на перелетѣ съ одного озера на другое въ извѣстные часы дня. Молодые гусята вылупляются изъ яицъ, покрытые сѣро-желтоватымъ пухомъ; они скоро получаютъ способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяютъ свою выводку на какую-нибудь тихую воду, то-есть на озеро, заводь или плесо рѣки, непремѣнно обросшей высокою травой, кустами, камышомъ, чтобы было гдѣ спрятаться въ случаѣ надобности. Мнѣ разсказывали многіе, что гусыня перетаскиваетъ на воду поочередно за шею каждаго гусенка, если вода далеко отъ гнѣзда или мѣстность такъ неудобно-проходима, что гусенку и пролѣзть трудно. Я этого не оспариваю, но долженъ сказать, что и самые маленькіе гусята очень бойки и вороваты и часто уходили у меня изъ глазъ въ такихъ мѣстахъ, что, по-истинѣ, надобно имѣть много силы, чтобы втискаться и даже бѣгать въ густой чащѣ высокой травы и молодыхъ кустовъ. Впрочемъ, надобно вспомнить, что это переселеніе бываетъ немедленно послѣ вылупленія гусятъ, и они должны быть еще въ то время очень слабы. Когда молодые подростутъ въ полгуся и больше, и даже почти оперятся, только не могутъ еще летать *), что̀ бываетъ въ исходѣ іюня или началѣ іюля, — охотники начинаютъ охотиться за молодыми и старыми, линяющими въ то время гусями и называющимися „подлинь“. Но до этой охоты я никогда не былъ охотникъ, ибо ее можно производить и безъ ружья, съ пріученными къ такой ловлѣ собаками. Охотнику приходится стрѣлять только тѣхъ молодыхъ и старыхъ гусей, которыхъ собаки выгонятъ на рѣку или озеро, что̀ бываетъ не часто: гусь подлинь и молодые гусята крѣпко и упорно держатся въ травѣ, кустахъ и камышахъ, куда прячутся они при всякомъ шумѣ, при малѣйшемъ признакѣ опасности. Только совершенная крайность, то-есть близко разинутый ротъ собаки, можетъ заставить стараго линючаго гуся, или совсѣмъ почти оперившагося гусенка, но у котораго еще не подросли пра-

*) Водяная птица въ этомъ отношеніи совершенно противоположна нѣкоторымъ породамъ степной дичи; перья въ крыльяхъ молодыхъ тетеревовъ, куропатокъ и перепелокъ выростаютъ прежде всего, и они еще въ пушку могутъ перелетывать; а у всей водяной дичи, напротивъ, перья въ крыльяхъ выростаютъ послѣднія, такъ что даже безобразно видѣть на выросшемъ и оперившемся тѣлѣ молодаго гуся, или утки, голыя папоротки съ синими пеньками.

вильныя перья въ крыльяхъ, выскочитъ на открытую поверхность воды. Боже мой, какой крикъ и шлепотню поднимутъ они своими отяжелѣвшими напоротками, отъ налитыхъ кровью, толстыхъ пеньковъ! Какъ неловки бываютъ въ это время всѣ ихъ движенія! Даже ныряютъ они такъ нелѣпо, что всегда видешь непогрузившійся въ воду задъ! Разумѣется, тутъ весьма удобно бить ихъ изъ ружья, и не надобно употреблять крупной дроби: они тогда очень слабы, и всегда пригоднѣе будетъ дробь 5-го номера. Впрочемъ, привычныя собаки, даже дворняжки, безъ помощи ружья, наловятъ ихъ довольно. Старые гуси во время этого болѣзненнаго состоянія бываютъ худы, и мясо ихъ становится сухо и невкусно, а молодыхъ напротивъ очень мягко, и хотя они еще не жирны, но многіе находятъ ихъ очень вкусными.

Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя, или, правильнѣе сказать, утреннія и вечернія, экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣба. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ въ поля. Сначала облетятъ болотное пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посытнѣе, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то: гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое, призывное гоготанье стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами, отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая, съ зычнымъ крикомъ, тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышомъ, чтобы ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ ночевокъ большой стаи, при-

мнется, вытолочется трава на берегу, а отъ горячаго ихъ помета покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся или, лучше сказать, опускаются на хлупь и брюхо и засыпаютъ. Но старики оставляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно, или такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя, сентябрскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ, — быстро поднимаются старики и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ зоря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю, и она снова, вслѣдъ за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъ же порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные *) зобы, и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно взошедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро, плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день.

Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ: они съѣдятъ зерна, лоскомъ положатъ высокую солому и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во-время, то разными средствами можетъ отпугать незванныхъ гостей.

Я стрѣливалъ гусей во всякое время: дожидаясь ихъ прилета въ полѣ, притаясь въ самомъ, еще невымятомъ хлѣбѣ, подстерегая ихъ на перелетѣ въ поля или съ полей, дожидаясь на ночлегѣ, гдѣ, за наступившею уже темнотою, гуси не увидятъ охотника, если онъ просто лежитъ на землѣ, и наконецъ, подъ-

*) Просиженный зобъ уже пустъ. Это значитъ, что пища сварилась и спустилась въ кишки.

ѣзжая на лодкѣ къ спящимъ на берегу гусямъ, ибо по водѣ можно подплыть такъ тихо, что и сторожевой гусь не услышитъ приближающейся въ ночномъ туманѣ лодки. Разумѣется, во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя убить гусей много, стрѣлять приходится почти всегда въ летъ; но при удачныхъ выстрѣлахъ изъ обоихъ стволовъ, штуки три-четыре вышибить изъ стаи можно. Можно также подъѣзжать къ гусинымъ станицамъ или, смотря по мѣстности, подкрадываться изъ-за чего-нибудь, когда они бродятъ по сжатымъ полямъ и скошеннымъ лугамъ, когда и горохъ и гречу уже обмолотили, и гусямъ приходится подбирать кое-гдѣ насоренныя зерна и даже пощипывать озимь и молодую отаву. Можно также довольно удачно напасть на нихъ въ полдень, узнавъ предварительно мѣсто, гдѣ они его проводятъ. Въ полдень гуси также спятъ, сидя на берегу, и менѣе наблюдаютъ осторожности; притомъ дневной шумъ, происходящій отъ всей живущей твари, мѣшаетъ сторожевому гусю услышать шорохъ приближающагося охотника; всего лучше подъѣзжать на лодкѣ, если это удобно. Въ продолженіе всей осенней охоты за гусями надобно употреблять дробь самую крупную и даже безъимянку: осенній гусь не то, что *подлинь;* онъ дѣлается очень силенъ и крѣпокъ къ ружью. Онъ жестоко дерется крыльями, и мнѣ случалось видѣть, что гусь съ переломленнымъ крыломъ давалъ такой ударъ собакѣ крыломъ здоровымъ, что она долго визжала и потомъ не скоро рѣшалась брать живаго гуся. Къ концу сентября, то-есть ко времени своего отлета, гуси дѣлаются очень жирны, особенно старые, но, по замѣчанію и выраженію охотниковъ, тогда только получаютъ отличный вкусъ, когда *хватятъ ледку,* что, впрочемъ, въ исходѣ сентября у насъ не рѣдкость, ибо отъ утреннихъ морозовъ замерзаютъ лужи и дѣлаются закраины по мелководью около береговъ на прудахъ и заливахъ. Отъ ледку или отъ чего другаго, только чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ вкуснѣе становится гусь. Эта истина несомнѣнная, а надобно замѣтить, что сытнаго корма въ это время становится уже мало.

Должно сказать правду, что стрѣльба дикихъ гусей болѣе дѣло добычливое, чѣмъ охотничье, и стрѣлокъ благородной болотной дичи не можетъ ее уважать. Къ гусямъ надобно по большей части подкрадываться, иногда даже подползать, или караулить ихъ на перелетѣ, — все это не нравится настоящему охотнику; тутъ не требуется искусства стрѣлять, а надо много терпѣнья и неутомимости. Я самъ занимался этою охотой только смолоду, когда

управляли моею стрѣльбой старики-охотники, для которыхъ бекасъ былъ недоступенъ и по малости своей презрителенъ, которые на вѣсъ цѣнили дичь. Настоящіе охотники собственно за гусями не ходятъ, а, разумѣется, бьютъ ихъ и даже съ удовольствіемъ, когда они попадутся нечаянно.

Я сказалъ, что гуси летаютъ въ хлѣба и назадъ возвращаются всегда по одной и той же воздушной дорогѣ, то-есть черезъ одинъ и тотъ же перелѣсокъ, однимъ и тѣмъ же долочкомъ и проч. На этомъ основаніи изобрѣтены *перевѣсы*, посредствомъ которыхъ ловятъ ихъ въ большомъ количествѣ. Это не что иное какъ огромная квадратная сѣть изъ толстыхъ крѣпкихъ нитокъ, ячеи или петли которой такъ широки, что гуси вязнутъ въ нихъ, а пролѣзть не могутъ. Эта сѣть развѣшивается между двумя длинными шестами на томъ самомъ мѣстѣ, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечеромъ, почти ночью, возвращается съ полей на ночевку. Къ верхнимъ концамъ шестовъ привинчены желѣзныя кольца; сквозь нихъ продѣты веревочки. Посредствомъ этихъ веревочекъ, прикрѣпленныхъ къ двумъ верхнимъ угламъ сѣти, поднимается она во всю вышину шестовъ; концы же веревочекъ проведены въ шалашъ или кустъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Сѣть не натягивается, а виситъ, и нижніе концы ея *на-слаби* привязаны къ шестамъ. Когда попадутъ гуси и натянутъ сѣть, охотникъ бросаетъ веревочки, и вся стая запутавшихся гусей, вмѣстѣ съ сѣтью, падаетъ на землю. Такимъ же способомъ ловятъ и утокъ. Замѣчательно, что гуси, не запутавшіеся въ перевѣсѣ, а только въ него ударившіеся, падаютъ на землю и до того перепугиваются, что кричатъ, хлопаютъ крыльями, а съ мѣста не летятъ; безъ сомнѣнія, темнота ночи способствуетъ такому испугу. Иногда ставятъ два и три перевѣса рядомъ, неподалеку другъ отъ друга, чтобы случайное уклоненіе отъ обычнаго пути не помѣшало стаѣ гусей ввалиться въ сѣть.

Есть особой породы гусь, называемый *казарка;* онъ гораздо меньше обыкновеннаго дикаго гуся; носикъ у него маленькій, по сторонамъ котораго находятся два копьеобразныя пятнышка, а перья почти черныя. Въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи охотники встрѣчаютъ ихъ часто во время пролета и даже бьютъ; мнѣ же не удалось и видѣть. Въ большое недоумѣніе приводило меня всегда ихъ имя, совпадающее съ именемъ *Казаръ*.

3.

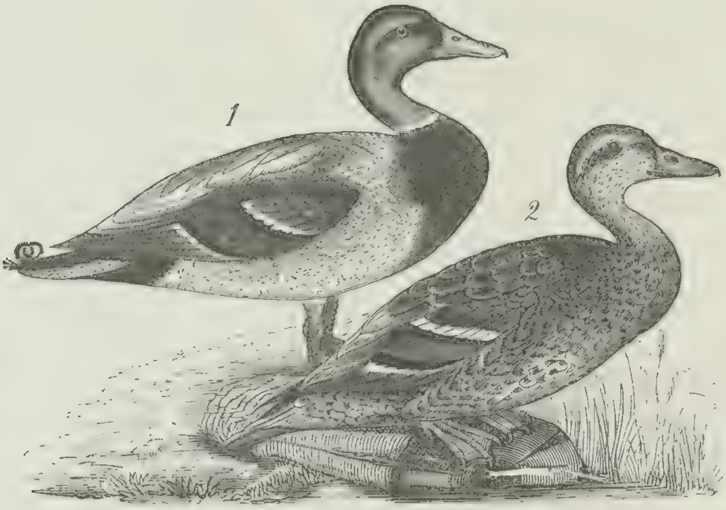
УТКИ.

Породы утокъ многочисленны и разнообразны. Я стану говорить только о тѣхъ, которыя мнѣ болѣе или менѣе коротко извѣстны. Оренбургская губернія, по своему географическому положенію и пространству, заключая въ себѣ разные и даже противоположные климаты и природы, гранича къ сѣверу съ Вятскою и Пермскою губерніями, гдѣ по зимамъ мерзнетъ ртуть, и на югъ съ Каспійскимъ моремъ и Астраханскою губерніей, гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно, ростутъ на открытомъ воздухѣ самые нѣжные сорты винограда, — представляетъ полную возможность разнообразію явленій всѣхъ царствъ природы, и между прочимъ разнообразію утиныхъ породъ, особенно во время весенняго пролета. Но я не стану говорить объ уткахъ, собственно пролетныхъ; это завело бы меня слишкомъ далеко, и при всемъ томъ дало бы моимъ читателямъ слабое и невѣрное понятіе о предметѣ. Пролетная утка не то, что пролетные кулики: кулики живутъ у насъ недѣли по двѣ и болѣе весной, и отъ мѣсяца до двухъ осенью, а утки бываютъ только видимы весной, никогда осенью, и ни одного дня на одномъ мѣстѣ не проводятъ. Охотникамъ достаются онѣ, какъ случайная рѣдкость. Итакъ, говорить о видѣнныхъ мною вскользь диковинныхъ уткахъ и о разсказахъ охотниковъ — я считаю излишнимъ. Я разскажу только объ одной замѣчательной уткѣ, которую я убилъ, еще будучи очень молодымъ охотникомъ, а лѣтъ черезъ десять потомъ убилъ точно такую же мой товарищъ охотникъ, и я разсмотрѣлъ ее подробно и внимательно. Она была нѣсколько

больше самой крупной дворовой утки, перья имѣла свѣтло-коричневаго цвѣта, испещренныя мелкими темными крапинками, глаза и лапки красные, какъ киноварь, а верхнюю половинку носа окаймленную такого же краснаго цвѣта узенькою полоскою; по правильнымъ перьямъ поперекъ крыльевъ лежала голубовато-сизая полоска; пухъ былъ у ней розовый, какъ у дрофы и стрепета, а жиръ и кожа оранжеваго цвѣта; вкусъ ея мяса былъ превосходный, отличавшійся отъ обыкновеннаго утинаго мяса; хвостъ длинный и острый, какъ у селезня шилохвости, но сама она была утка, а не селезень. — Приступая къ описанію утокъ, считаю необходимымъ поговорить о той исключительности, которою утки отличаются отъ другихъ птицъ и которая равно прилагается ко всѣмъ ихъ породамъ.

Весьма понятно, что тамъ, гдѣ совокупленіе происходитъ на токахъ, на общихъ сборищахъ, — ни самцы, ни самки не могутъ питать личной взаимной любви: они не знаютъ другъ друга; сегодня самецъ совокупляется съ одною самкою, а завтра съ другою, какъ случится и какъ придется; точно также и самка. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что они никогда не разбиваются на пары, что только одна мать, безъ всякой помощи самца, должна заботиться объ устройствѣ гнѣзда, высиживаньи яицъ и сбереженьи дѣтей, ибо гдѣ нѣтъ супружества, тамъ нѣтъ и отца. Въ противоположность тому, во всѣхъ породахъ птицъ, раздѣляющихся на пары, и самецъ и самка, какъ мужъ и жена, вмѣстѣ заботятся о выводѣ и сохраненіи дѣтей и равную оказываютъ имъ горячность. Этотъ законъ, очевидно, положительно и неуклонно исполняется всѣми птицами. Однѣ только породы утокъ представляютъ рѣзкое противорѣчіе. Всѣ утки раздѣляются на пары ранѣе другой дичи; селезень показываетъ постоянно ревнивую и страстную, доходящую до полнаго самоотверженія, любовь къ уткѣ и въ то же время — непримиримую враждебность и злобу къ ея гнѣзду, яйцамъ и дѣтямъ. Утка принуждена выполнять всѣ обязанности матери тайно отъ селезня. Если онъ найдетъ гнѣздо ея въ яйцахъ или только-что вылупившимися утятами, то гнѣздо разроетъ и растаскаетъ, яйца выпьетъ (какъ говорятъ), или, по крайней мѣрѣ, перебьетъ, а маленькихъ утятъ всѣхъ передушитъ. Я самъ не видалъ, какъ селезень совершаетъ такія неистовства, но другіе охотники видали. Укрывательство же утки отъ селезня, его преслѣдованье, отыскиванье, гнѣвъ, наказанье за побѣгъ и за то, если утка не хочетъ летѣть съ нимъ въ другія мѣста, или отказываетъ ему въ

совокупленіи, — разоренныя и растасканныя гнѣзда, разбитыя яйца, мертвыхъ утятъ около нихъ, все это я видѣлъ собственными моими глазами не одинъ разъ. Кажется, этого достаточно, чтобъ остальное, слышанное мною, хотя не видѣнное, принять за несомнѣнную истину. Противоестественные, повидимому, поступки селезней должно объяснять, по моему мнѣнію, до невѣроятности горячею ихъ чувственностью; отсюда происходитъ и ненависть ко всему тому, что́ отвлекаетъ отъ нихъ утокъ. Во всѣхъ породахъ дичи, всѣ самцы, живущіе съ самками попарно, оказываютъ къ нимъ привязанность, а въ породахъ голубей — даже нѣжность и ласку; но такого бѣшенаго сладострастія, какимъ отличаются селезни, совершенно нѣтъ; за то и самецъ и самка равно привязаны къ дѣтямъ. Нѣкоторые охотники подозрѣваютъ косачей, которые тоже на токахъ доходятъ до изступленія, въ раззореніи гнѣздъ тетеревиныхъ курочекъ; но я рѣшительно ничего похожаго не замѣчалъ. Самцы-дупельшнепы также очень горячатся на токахъ, но отчего же ихъ никто не подозрѣваетъ въ подобныхъ продѣлкахъ? По моему мнѣнію, это подозрѣніе уже потому несправедливо, что тетерева не разбиваются на пары, слѣдственно у самцевъ нѣтъ побудительной причины разорять гнѣзда; самки, не будучи ихъ дружками-женами, къ нимъ отъ того не воротятся. Селезень, напротивъ, разоривъ гнѣздо своей утки, получаетъ ее опять въ полное владѣніе, и она не разстается съ нимъ ни на одну минуту до тѣхъ поръ, покуда вновь не затѣетъ гнѣзда, вновь не скроется отъ селезня и не сядетъ на яйца. Можно даже предположить, что иной уткѣ совсѣмъ не удастся вывесть дѣтей въ продолженіе цѣлаго лѣта; потому-то каждому охотнику и случается встрѣчать въ іюнѣ, даже въ началѣ іюля, до самой линевки, утокъ парами.



А) КРЯКОВНАЯ УТКА *).

Мы выговариваемъ обыкновенно не *кря*, а *криковный селезень*, *криковная утка*, что́ впрочемъ весьма идетъ къ ней, ибо она кричитъ громче всѣхъ утиныхъ породъ. Ее зовутъ также *кряквой* и *крякушей*... Очевидно, всѣ три названія происходятъ отъ слова *крякать*, вполнѣ выражающаго голосъ или крикъ утки. По-малороссійски утка называется *качка*. Имя тоже очень выразительное: идетъ ли утка по землѣ — безпрестанно покачивается то на ту, то на другую сторону; плыветъ ли по водѣ во время вѣтра — она качается, какъ лодочка по волнамъ. По совершенному сходству въ статяхъ и отчасти даже въ перьяхъ, должно полагать, что дворовыя или домашнія утки произошли отъ породы кряковныхъ; вездѣ можно найдти посреди пѣгихъ, разнопестрыхъ, бѣлыхъ стай русскихъ утокъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно схожихъ перомъ съ дикими кряковными утками и даже селезнями, а различающихся только какими-нибудь небольшими отступленіями найдется великое множество; съ другими же дикими породами утокъ дворовыя или русскія, въ величинѣ и перьяхъ, сходства имѣютъ гораздо менѣе. Это обстоятельство довольно странно. Повидимому, нѣтъ никакихъ причинъ, почему бы и другимъ утинымъ породамъ

*) *Матерая утка;* въ Малороссіи *крыжень, качка* (вообще утка). Anas boschas, L.
К. Р.

не сдѣлаться домашними, ручными. — Кряква крупнѣе всѣхъ дикихъ утокъ. Селезень красивъ необыкновенно: голова и половина шеи у него точно изъ зеленаго бархата съ золотымъ отливомъ; потомъ идетъ кругомъ шеи бѣлая узенькая лента; начиная отъ нея, грудь или зобъ темно-багряный; брюхо сѣро-бѣловатое, съ какими-то узорными и очень красивыми оттѣнками; въ хвостѣ нижнія перышки бѣлыя, короткія и твердыя; косички зеленоватыя и завиваются колечками; лапки блѣдно-красноватыя; носъ желто-зеленаго цвѣта. На темныхъ крыльяхъ лежитъ синевато-вишневая золотистая полоса; спина темноватаго цвѣта, немного изкрасна; надъ самымъ хвостомъ точно какъ пучокъ мягкихъ темно-зеленыхъ небольшихъ перьевъ. Утка вся пестренькая: по свѣтло-коричневому полю испещрена темными продольными крапинками; на правильныхъ перьяхъ блеститъ зеленая, золотистая полоса; косицъ въ хвостѣ нѣтъ; лапки такія же красноватыя, какъ у селезня, а носъ обыкновеннаго розоваго цвѣта. Весною стаи кряковныхъ утокъ прилетаютъ еще въ исходѣ марта, ранѣе другихъ утиныхъ породъ, кромѣ нырковъ; сначала летятъ огромными стаями, полетомъ ровнымъ и сильнымъ, высоко надъ землею, покрытою еще тяжелою громадой снѣговъ, едва начинающихъ таять. Потомъ, когда дружная весна, быстро, въ одну недѣлю иногда, перемѣнитъ печальную картину зимы на веселый видъ весны, когда вездѣ побѣгутъ ручьи, образуются лужи и цѣлыя озера воды, разольются рѣки, — стаи кряковныхъ утокъ летятъ ниже и опускаются на мѣста, которыя имъ понравятся. Въ это время стрѣлять ихъ очень трудно, потому что онѣ дики и сторожки и не допускаютъ близко ни коннаго, ни пѣшаго. Скорѣе убьешь крякву какъ-нибудь въ летъ, особенно поздно вечеромъ, когда стаи летятъ гораздо ниже или перелетаютъ съ одной лужи на другую. Эта стрѣльба называется *стойкою на мѣстахъ*. Мѣста подразумѣваются такія, черезъ которыя всегда бываетъ перелетъ птицы; но это длится не долго: скоро утки разобьются на маленькія стайки, попривыкнутъ, приглядятся и присмирѣютъ. Тогда можно къ нимъ подъѣзжать съ осторожностью на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ, которыя не что иное какъ укороченные и прочнѣе сдѣланные крестьянскіе *роспуски,* или чувашскій тарантасъ безъ верха. Для стрѣльбы надобно употреблять крупную утиную дробь, 2 и 3 нумеровъ, а если птица дика, то и гусиную можно пустить въ дѣло. Съ подхода въ это время стрѣльбы нѣтъ, потому что утки сидятъ на открытыхъ мѣстахъ цѣлыми стаями.

Но весна становится часъ отъ часу теплѣе, и полая вода сливаетъ. Небольшія стаи кряковныхъ утокъ окончательно разбиваются на пары, *понимаются* *), и дѣлаются смирнѣе, особенно потому, что подростетъ трава, и уткамъ можно прятаться въ ней. Селезень, сладострастнѣйшій изъ самцовъ, не отходитъ отъ утки ни на шагъ, не разлучается съ ней ни на минуту, ни за что прежде ея первый не слетитъ съ мѣста. Иногда утка полощется въ какой-нибудь лужѣ или щелочетъ носомъ въ жирной грязи, а селезень, какъ часовой, стоитъ на берегу или на кочкѣ; охотникъ подъѣзжаетъ къ нему въ мѣру, но утка не видитъ или не замѣчаетъ ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякиваетъ, какъ будто подаетъ ей голосъ, ибо видитъ опасность, но утка не обращаетъ вниманія; одинъ онъ не летитъ прочь, и мѣткій выстрѣлъ убиваетъ его на-поваль. Утка улетаетъ, не показывая никакого участія къ убитому селезню. Совсѣмъ другое бываетъ, когда охотникъ какъ-нибудь убьетъ утку (хотя онъ всегда выбираетъ селезня): селезень не только будетъ летать кругомъ охотника, не налетая впрочемъ слишкомъ близко, но даже нѣсколько дней сряду станетъ колотиться около того мѣста, гдѣ потерялъ дружку. Въ это время уже нетрудно подъѣзжать къ разсѣяннымъ парамъ кряковныхъ утокъ и часто еще удобнѣе подходить или подкрадываться изъ-за чего-нибудь: куста, берега, пригорка, ибо утка, замышляющая гнѣздо или начавшая нестись, никогда не садится съ селезнемъ на открытыхъ мѣстахъ, а всегда въ какомъ-нибудь овражкѣ, около кустовъ, болота, камыша или некошенной травы: ей надобно обмануть селезня, не смотря на его бдительность; надобно спрятаться, проползти иногда съ полверсты, потомъ вылетѣть и на свободѣ начать свое великое дѣло — цѣль, къ которой стремится все живущее. Для достиженія этой цѣли утка употребляетъ разныя хитрости. Почувствовавъ во внутренности своей полноту и тяжесть отъ множества въ разное время оплодотворенныхъ сѣмянъ, сдѣлавшихся крошечными желтками, изъ коихъ нѣкоторые значительно увеличились, а крупнѣйшіе даже облеклись влагою бѣлка и обтянулись мягкою, но крѣпкою кожицей, — утка приготовляетъ себѣ гнѣздо въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и потомъ, послышавъ, что одно изъ яицъ уже отвердѣло и приближается къ выходу, утка всегда близъ удобнаго къ побѣгу мѣста, всего чаще на лужѣ или озерѣ, присядетъ на бережокъ, заложитъ голову подъ

*) То-есть *совокупляются*.

крыло и притворится спящею. Селезень присядетъ возлѣ нея и заснетъ въ самомъ дѣлѣ, а утка, наблюдающая его изъ-подъ крыла недремлющимъ глазомъ, сейчасъ спрячется въ траву, осоку или камышъ; отползетъ, смотря по мѣстности, нѣсколько десятковъ саженей, иногда гораздо болѣе, поднимется невысоко и, облетѣвъ стороной, опустится на землю и подползетъ къ своему уже готовому гнѣзду, свитому изъ сухой травы въ какомъ-нибудь крѣпкомъ, но не мокромъ, болотистомъ мѣстѣ, поросшемъ кустами: утка устелетъ дно гнѣзда собственными перышками и пухомъ, снесетъ первое яйцо, бережно его прикроетъ тою же травой и перьями, отползетъ на нѣкоторое разстояніе въ другомъ направленіи, поднимется и, сдѣлавъ кругъ, залетитъ съ противоположной стороны къ тому мѣсту, гдѣ скрылась; опять садится на землю и подкрадывается къ ожидающему ее селезню. Рѣдко случается застать его спящимъ; по большей части селезень просыпается во время отсутствія утки, которое иногда продолжается болѣе часа. Проснувшись, онъ начинаетъ безпокойно звать свою дружку, торопливо озираясь и порывисто плавая по озерку или лужѣ, потомъ бросится искать ее кругомъ около берега, но далеко не отходитъ, а безпрестанно ворочается посмотрѣть: не воротилась ли утка, не плыветъ ли къ нему по водѣ... что иногда случается. Утомясь своими тщетными поисками, селезень перестаетъ искать утку и начинаетъ плавать взадъ и впередъ, безпрестанно оглядываясь и покрякивая: плаваетъ до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ, внезапно, Богъ знаетъ какъ, откуда, воротится его дружка. Съ яростью бросается онъ навстрѣчу бѣглянкѣ, вцѣпляется носомъ въ шею, вскакиваетъ ей на спину и въ ту же минуту, тутъ же на водѣ, совокупляется съ нею... Едва успѣетъ утка, измятая любовными ласками, оправиться, отряхнуться, выйдти на берегъ, какъ новый припадокъ сладострастія нападаетъ на селезня, онъ вновь совокупляется съ своею супругой, и это повторяется нѣсколько разъ въ продолженіе одного часа. Если селезень, находясь при уткѣ, увидитъ другаго селезня, летящаго къ нимъ, то сейчасъ бросается навстрѣчу и непремѣнно его прогонитъ, какъ имѣющій болѣе правъ и причинъ храбро сражаться. Если къ летящей парѣ пристанетъ холостой селезень, не нашедшій себѣ еще дружки, то непремѣнно послѣдуетъ драка съ законнымъ супругомъ *на воздухѣ,* сопровождаемая особеннымъ короткимъ, живымъ крикомъ, хорошо знакомымъ охотнику. Видъ бываетъ живописный: оба селезня перпендикулярно повиснутъ въ воздухѣ, схвативъ другъ друга за шеи, проворно и

сильно махая крыльями, чтобы не опуститься на землю, и, не смотря на всѣ усилія, безпрестанно опускаясь къ низу. Побѣда также, сколько я замѣчалъ, оставалась всегда на сторонѣ праваго. Иногда утка, чтобы усыпить селезня, употребляетъ особеннаго рода ласку: она тихо и долго щекочетъ носомъ его шею и спину. Вотъ почему народъ, по примѣненію къ себѣ, думаетъ, а за нимъ повторяютъ охотники, что *селезень любитъ искаться въ головѣ.* Иногда утка находитъ средство уйдти и отъ неспящаго селезня: стóитъ ему только повнимательнѣе заняться своимъ аппетитомъ или позазѣваться на что-нибудь, — съ неимовѣрнымъ проворствомъ утка пропадаетъ изъ глазъ. Но не всегда бываютъ удачны ея побѣги. Случается, что селезень примѣтитъ и отгадаетъ ея намѣреніе, кинется за ней въ погоню, въ ту самую минуту, когда она юркнетъ въ траву или камышъ, настигнетъ, ухватитъ носомъ за шею, вытащитъ ее на воду и долго таскаетъ и щиплетъ такъ, что перья летятъ. Вслѣдъ за побоями и наказаніемъ немедленно слѣдуютъ горячія супружескія ласки. Между тѣмъ природа достигаетъ своей цѣли: утка наноситъ полное гнѣздо яицъ, окончательно скрывается отъ селезня и садится высиживать ихъ. Яицъ бываетъ до двѣнадцати; они совершенно похожи на яйца русскихъ утокъ, кромѣ какого-то неопредѣленнаго, блѣднаго, самаго тонкаго желтовато-зеленоватаго цвѣта. Утка сидитъ на гнѣздѣ, почти съ него не слѣзая; одинъ разъ только въ сутки сойдетъ она, чтобы похватать по близости какой-нибудь пищи, и въ продолженіе трехънедѣльнаго сидѣнья чрезвычайно исхудаетъ. Наконецъ вылупляются утята, покрытыя сизо-желтоватымъ пухомъ. Если яицъ много, то почти всегда бываетъ одинъ или два *болтуна:* такъ называется яйцо, въ которомъ не образовался утенокъ и въ которомъ, оттого, что оно до половины пусто, *болтается*, когда его потрясешь. Болтуны, вѣроятно, случаются отъ того, что во множествѣ яицъ не всѣ могутъ быть одинаково прогрѣты теплотою тѣла утиной насѣдки: если яицъ не болѣе 8-ми или 9-ти, то болтуновъ не бываетъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вылупленія, утятъ уже нѣтъ въ гнѣздѣ: мать увела ихъ на тихую воду пруда, озера или залива съ камышами. Она бережно перенесла утятъ во рту черезъ такія мѣста, гдѣ пройдти имъ трудно: это видали многіе охотники, и я самъ. Между тѣмъ, селезни, покинутые своими утками, долго держатся около тѣхъ лужъ и озерковъ, гдѣ потеряли своихъ дружекъ. Многихъ изъ нихъ перебьютъ охотники, что даже полезно для свободнаго вывода утятъ. Стóитъ только увидѣть се-

лезня, или заслышать его призывное, впрочемъ весьма тихое, покрякиванье, — добыча вѣрная: онъ непремѣнно подпуститъ стрѣлка въ мѣру или какъ-нибудь налетитъ на него, кружась около одного и того же мѣста. — Наконецъ для селезней наступаетъ время линьки, и они также скрываются въ крѣпкія мѣста, въ тѣ же камышистые пруды и озера, что̀ продолжается съ половины іюня почти до исхода іюля. Въ это время, только холостыя утки, еще не начинавшія линять, изрѣдка попадаются охотникамъ, и стрѣльба утиная почти прекращается, если не считать матокъ, убиваемыхъ отъ лицъ и дѣтей. Но за то въ это же время ловятъ множество утятъ и утиную подлинь пріученными къ тому собаками; даже загоняютъ ихъ въ обыкновенныя рыболовныя сѣти.

Утка — самая горячая мать. Когда собака или человѣкъ спугнетъ ее съ гнѣзда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою-то хворою или неумѣющею летать: трясется на одномъ мѣстѣ, безпрестанно падаетъ; такъ что кажется сто̀итъ только погнаться, чтобъ ее поймать. Рѣдкая собака не поддастся обману и не погонится за ней; обыкновенно утка уводитъ собаку за версту и болѣе; но охотнику хорошо извѣстно, что̀ значатъ такія продѣлки и, не смотря на то, онъ часто, по непростительной жадности, позабывъ о томъ, что утка летитъ такъ плохо отъ лицъ, то-есть отъ гнѣзда, что съ нею гибнетъ цѣлая выводка, сейчасъ ее убиваетъ, если не помѣшаетъ близкое преслѣдованіе собаки, у которой иногда она *виситъ надъ рыломъ*, какъ говорится. Впрочемъ утка, отведя собаку въ сторону, скоро воротится назадъ, налетитъ на охотника и все же будетъ убита. Еще бо̀льшую горячность показываетъ утка къ своимъ утятамъ: если какъ-нибудь застанетъ ее человѣкъ плавающую съ своею выводкой на открытой водѣ, то утята съ жалобнымъ пискомъ, какъ будто приподнявшись надъ водою, — точно бѣгутъ по ней, — бросаются стремглавъ къ ближайшему камышу и проворно прячутся въ немъ, даже ныряютъ, если пространство велико; а матка, шлепая по водѣ крыльями и оглашая воздухъ особеннымъ тревожнымъ крикомъ, начнетъ кружиться передъ человѣкомъ, привлекая все его вниманіе на себя и отводя въ противоположную сторону отъ дѣтей. Если утка скрывается съ утятами въ отдѣльномъ камышѣ или береговой травѣ, и охотникъ съ собакой подойдетъ къ ней такъ близко, что уткѣ некуда и некогда скрыться, утка выскакиваетъ или вылетаетъ, смотря по разстоянію, также на открытую воду и производитъ тотъ же ма-

невръ: ружейный выстрѣлъ прекращаетъ тревогу и убиваетъ матку наповалъ. Это дѣлаетъ каждый охотникъ безъ всякаго сожалѣнія, потому что бойкіе утята, какъ бы ни были малы, выкормятся и выростутъ кое-какъ безъ матери; иногда сироты пристаютъ къ другой выводкѣ, и мнѣ случалось видать матку, за которою плавали 20 утятъ, и притомъ разныхъ возрастовъ. Утка иногда кладетъ яйца и выводитъ дѣтей, что̀, впрочемъ, большая рѣдкость, въ дуплѣ дерева и въ старомъ вороньемъ или сорочьемъ гнѣздѣ. Трудно отгадать, какая крайность можетъ принудить ее къ такому необыкновенному поступку, въ противность естественному порядку, соблюдаемому всѣми утиными породами. Одного такого случая я былъ самовидцемъ, а о другомъ разсказывалъ достовѣрный охотникъ. Я помню также, что одинъ разъ кряковная или сѣрая утка нанесла яицъ на гумнѣ, въ хлѣбной клади.

Вообще, утка — самая прожорливая птица. Она ѣстъ съ утра до поздней ночи, ѣстъ все, что ни попало: щиплетъ ростущую по берегамъ молодую гусиную травку, жретъ немилосердно водяной мохъ или шелкъ, зелень, цвѣтъ и всѣ водяныя растенія, жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушатъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого набиваетъ полонъ зобъ тиной и жидкою грязью и производитъ эту операцію нѣсколько разъ въ день. Дворовыя же утки охотно ѣдятъ и всякую мясную пищу. Такому постоянному аппетиту отвѣчаетъ и пищевареніе: съ неимовѣрною скоростью изныeasетъ и разлагается въ ея зобѣ всякая пища. Очевидно, что пищеварительный сокъ у нея долженъ быть очень остръ и горячъ. Утка безпрестанно испражняется, и пометъ ея еще горячѣе гусинаго.

Но вотъ уже августъ. Всѣ старыя, кряковныя утки и даже матки, линяющія позднѣе, успѣли перелинять: только селезни перебрались не совсѣмъ и совершенно выцвѣтутъ не ближе сентября, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ бойко и далеко летать; всѣ утиные выводки поднялись; молодыя нѣсколько меньше старыхъ, свѣтлѣе перомъ и всѣ — сѣрыя, всѣ — утки; только при ближайшемъ разсмотрѣніи вы отличите селезней; подъ сѣрыми перьями на шеѣ и головѣ уже идутъ глянцоватыя зеленыя, мягкія какъ бархатъ, а на зобу — темно-багряныя перышки; не выбились наружу, но уже торчатъ еще не согнутыя, а прямыя, острыя какъ шилья, темныя косицы въ хвостѣ. Въ половинѣ сентября и молодые селезни, вмѣстѣ съ старыми, явятся въ настоящемъ видѣ, въ полной красѣ и блескѣ своихъ разноцвѣтныхъ перьевъ.

Въ продолженіе августа идетъ самая изобильная, добычная стрѣльба утокъ: молодыя еще смирны, *глупы,* какъ выражаются охотники, и близко подпускаютъ съ подъѣзда. Ловко также стрѣлять ихъ въ летъ, поднимающихся съ небольшихъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ ходятъ охотники, осторожно высматривая впереди, по изгибистымъ колѣнамъ рѣки, не плывутъ ли гдѣ-нибудь утки, потому что въ такомъ случаѣ надобно спрятаться отъ нихъ за кусты или отдалиться отъ берега, чтобъ онѣ, увидѣвъ человѣка, не поднялись слишкомъ далеко; надобно забѣжать впередъ и подождать, пока онѣ выплывутъ прямо на охотника: шумно, столбомъ поднимаются утки, если берега рѣчки круты, и онѣ испуганы нечаяннымъ появленіемъ стрѣлка; легко и весело спускать ихъ сверху внизъ въ разныхъ живописныхъ положеніяхъ. Добрая собака, особенно водолазъ или пудель, тутъ очень нужна: она не допуститъ пропасть ни одной уткѣ, даже легко пораненной въ крыло, или упавшей на отлетъ далеко на другой сторонѣ рѣки, иногда посреди густой и болотистой уремы. Въ сентябрѣ эти охоты еще пріятнѣе, потому что утки разжирѣютъ и селезни выцвѣтутъ; казалось бы все равно, а спросите любаго охотника, и онъ скажетъ вамъ, что убить птицу во всей красотѣ ея перьевъ, *въ поръ,* и сытую — гораздо веселѣе.

Хотя утка слишкомъ обыкновенная, а потому и не очень завидная дичь, но осеннюю стрѣльбу ея я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Притомъ это первая птица, съ которою знакомишься, начиная стрѣлять, отъ которой нѣкогда сильно билось молодое сердце страстнаго охотника; а впечатлѣнія дѣтства остаются навсегда. Породы утокъ такъ разнообразны величиной и перьями, селезни нѣкоторыхъ породъ такъ красивы и осенью всѣ они такъ бываютъ жирны, что я и не въ молодыхъ лѣтахъ очень любилъ ходить за ними по рѣкѣ рано утромъ, когда морозъ сгонялъ утиныя стаи съ грязныхъ береговъ пруда, даже съ мелкихъ разливовъ, и заставлялъ ихъ разбиваться врозь и разсаживаться по извилинамъ рѣки Бугуруслана. Богатую добычу нерѣдко привозилъ я домой; десятка по полтора и болѣе такихъ утокъ, что и трехъ въ ягташъ не упрячешь. Подстрѣленная утка воровата, говорятъ охотники, и это правда: она умѣетъ мастерски прятаться даже на чистой и открытой водѣ: если только достанетъ силъ, то она сейчасъ нырнетъ и, проплывъ подъ водою саженей пятнадцать, иногда и двадцать, вынырнетъ, или, лучше сказать, выставитъ только одинъ носъ и часть головы наружу и прильнетъ плотно

къ берегу, такъ что нѣтъ возможности разглядѣть ее. Если же берега травянисты, то безъ хорошей собаки ни за что не найдешь подстрѣленной утки: она вылѣзетъ на берегъ и пропадетъ. Посреди чистой воды, когда берега голы и круты, она выставитъ одинъ носъ для свободнаго дыханья и, погруженная всѣмъ остальнымъ тѣломъ въ воду, уплыветъ по теченію рѣки, такъ что и не замѣтишь. Но отъ доброй собаки трудно ей отдѣлаться: она не дастъ ей уползти на берегъ, а внимательный и опытный охотникъ, зная по направленію утиной головы, гдѣ должна вынырнуть утка, подстережетъ появленіе ея носа и мѣткимъ выстрѣломъ, послѣ мгновеннаго прицѣла, раздробитъ полусокрытую въ водѣ ея голову.

Хотя утки всегда ѣдятъ очень много, о чемъ я уже говорилъ, но никогда онѣ такъ не обжираются, какъ въ продолженіе августа, потому что и молодыя и старыя, только-что перелинявшія, тощи и жадны къ ѣдѣ, какъ выздоравливающія послѣ болѣзни. Въ августѣ, къ обыкновенному ихъ корму прибавляется самая питательная и лакомая пища — хлѣбъ. Если хлѣбное поле близко отъ пруда или озера, гдѣ подростали молодыя и ростили новыя перья старыя утки, то онѣ начнутъ посѣщать хлѣба, сначала по землѣ, и проложатъ къ нимъ широкія тропы, а потомъ станутъ летать стаями. Бѣда хозяевамъ близкихъ загоновъ гречи, проса, гороха и овсовъ! Утки, такъ же какъ и гуси, болѣе любятъ хлѣбныя зерна безъ оси; но, за неимѣніемъ ихъ, кушаютъ и съ осью, даже растеребливаютъ ржаные снопы; по уборкѣ же ихъ въ гумна, утиныя стаи летаютъ по прежнему въ хлѣбныя поля, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, подбирая насоренныя на землѣ зерна и колосья, и продолжаютъ свои посѣщенія до отлета, который иногда бываетъ въ ноябрѣ. Въ это время, кромѣ всѣхъ другихъ способовъ, можно ихъ стрѣлять на перелетѣ, отправляющихся въ поля и возвращающихся съ полей.

Въ октябрѣ утки сваливаются въ большія стаи, и въ это время добывать ихъ уже становится трудно. День онѣ проводятъ на большихъ прудахъ и озерахъ. Нерѣдко вода бываетъ покрыта ими въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ пришли на память стихи изъ посланія одного молодаго охотника, которые довольно вѣрно изображаютъ эту картину:

Пруды, озера утокъ волны:
Одѣвъ живой ихъ пеленой,
Онѣ вздымаются какъ волны,
Подъ ними скрытою волной.

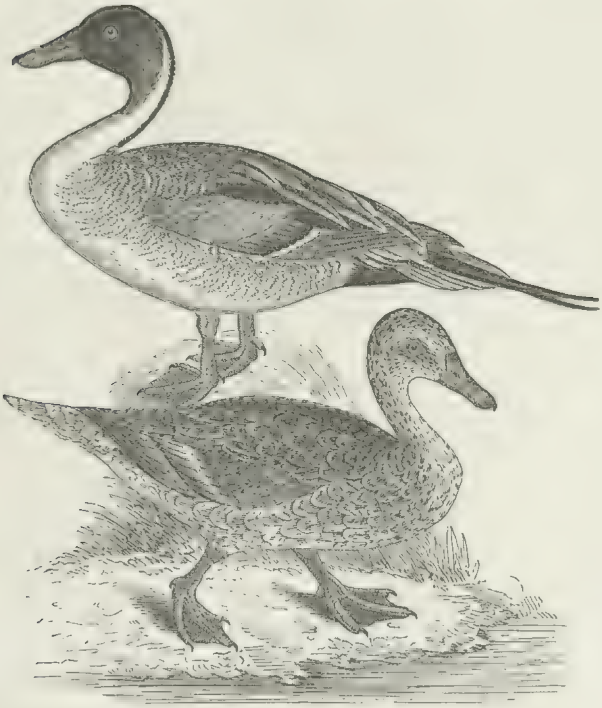
Къ такой огромной стаѣ, сидящей всегда на открытой поверхности воды, или на голыхъ и пологихъ берегахъ, ни подъѣхать, ни подойти, ни подкрасться невозможно. На небольшую рѣчку утки, по многочисленности своей, уже не садятся, какъ бывало прежде, и я употреблялъ съ пользою, даже въ продолженіе всего октября, слѣдующее средство: я сбивалъ съ широкихъ прудовъ утиныя стаи ружейными выстрѣлами и не давалъ имъ садиться, когда онѣ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опускались опять на середину пруда. Утки улетали вверхъ или внизъ по рѣкѣ; но, по привычкѣ къ своему обыкновенному мѣстопребыванію и не желая отъ него отдалиться, принуждены были разбиваться на мелкія стаи и разсаживаться кое-какъ по рѣкѣ. Я оставлялъ охотника на пруду, который отъ времени до времени стрѣлялъ по возвращающимся станицамъ утокъ. Разумѣется, выстрѣлы были безвредны, но они заставляли утиныя стайки садиться по рѣчнымъ изгибамъ. Самъ же я отправлялся пѣшкомъ по берегу рѣки, шелъ безъ всякаго шума, выказываясь только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по положенію рѣчныхъ извилинъ, должны были сидѣть утки. Нерѣдко удавалось мнѣ добывать до десятка крупныхъ и жирныхъ крякушекъ, по большей части селезней, потому что, имѣя возможность выбирать, всегда ударишь по селезню; только совѣтую въ подобныхъ случаяхъ не горячиться, то-есть не стрѣлять въ тѣхъ утокъ, которыя поднялись далеко. Разбившіяся утиныя стаи расплывутся по всей рѣкѣ, и потому поднявшіяся утки не улетятъ очень далеко, а только пересядутъ къ переднимъ, которыя находятся отъ охотника подальше. Дробь надобно употреблять, сообразно дальности или близости подъема утокъ, отъ 3-го до 5-го нумера включительно; чѣмъ дальше, тѣмъ дробь нужна крупнѣе. Я всегда употреблялъ мелкую, утиную № 4. Впрочемъ, успѣхъ такой стрѣльбы зависитъ отъ мѣстности. Во-первыхъ, надобно, чтобы по близости не было большихъ прудовъ и озеръ, и чтобъ утинымъ стаямъ некуда было перемѣщаться, не разбиваясь; во-вторыхъ, чтобы рѣка текла не въ пологихъ берегахъ и чтобы по ней росли кусты, безъ чего охотникъ будетъ видѣнъ издалека, и утки никогда не подпустятъ его въ мѣру.

Кряковныхъ утокъ стрѣляютъ также на *подманку*, особенно селезней, когда утки начнутъ прятаться отъ нихъ: тутъ они горячо летятъ на поддѣльный крикъ утки. Стрѣляютъ ихъ также и съ прилета весной на дикую или русскую *ученую* утку, похожую перомъ на дикихъ. Для этого надѣваютъ на утку хомутикъ и

привязываютъ ее на шнуркѣ къ колышку, съ кружкомъ для отдыха, посреди какой-нибудь лужи, и не въ дальнемъ разстояніи ставятъ шалашъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Утка, отъ скуки и по природѣ своей, кричитъ во все горло, безъ умолку; а дикіе селезни и даже утки садятся около нея на воду, подъ самое ружейное дуло охотника. Я такой стрѣльбы терпѣть не могу. При сей вѣрной оказіи ловятъ селезней и сильями, или, лучше сказать, веревочкой съ сильями, которую разставляютъ на колышкахъ около приманной утки. Ловятъ, или по крайней мѣрѣ ловили прежде, утокъ, въ Оренбургской губерніи, перевѣсами, точно такъ какъ и гусей, потому что у нихъ также всегда бываетъ одна и та же воздушная дорога въ поля. Травятъ утокъ ястребами и соколами; первая охота пустая и даже мало добычливая, но охота съ соколами, которая, кажется, совершенно перевелась въ Россіи, — великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ охотъ. Башкирцы въ Оренбургской губерніи и теперь еще держатъ соколовъ, но дурно выношенныхъ, не пріученныхъ *брать верхъ* такъ высоко, чтобы глазъ человѣческій едва могъ ихъ видѣть, и падать оттуда съ быстротою молніи на добычу. Башкирскіе соколы поважены почти въ угонъ ловить утокъ.

Мясо кряковныхъ утокъ довольно сухо и черство, когда онѣ тощи, что̀ бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, но всегда питательно. Мясо молодыхъ утятъ очень мягко, и многіе находятъ его очень вкуснымъ, особенно зажаренное въ сметанѣ на сковородѣ; но мнѣ оно не нравится. Вотъ осеннія жирныя кряквы, преимущественно прошлогодней выводки, имѣютъ отличный вкусъ: онѣ мягки, сочны, отзываются дичиной, и никогда откормленная дворовая утка не сравнится съ дикою. Должно признаться, что всѣ утиныя породы, безъ исключенія, по временамъ пахнутъ рыбой: это происходитъ отъ изобилія мелкой рыбешки въ тѣхъ водахъ, на которыхъ живутъ утки; рыбешкой этою онѣ принуждены питаться иногда по недостатку другаго корма; но мясо кряквы почти никогда не отзывается рыбой.

Я довольно подробно говорилъ о кряковныхъ уткахъ. Теперь, описывая другія утиныя породы, я стану говорить только объ ихъ исключительныхъ особенностяхъ. Нравы всѣхъ утокъ-нерыбалокъ, ихъ образъ жизни и пища такъ сходны между собой почти во всемъ, что мнѣ пришлось бы повторять одно и то же.



Б) ШИЛОХВОСТЬ *).

Эта утка поменьше кряковной и складъ имѣетъ совсѣмъ особенный; тѣломъ она нѣсколько тонѣе и продолговатѣе; шея у ней гораздо длиннѣе и тоньше, а также и хвостъ, особенно у селезня. Утка вся свѣтлосѣрая, покрыта мелкими крапинками; на крыльяхъ, по правильнымъ перьямъ, лежатъ сизо-зеленоватыя глянцовитыя полоски, и больше ничего, а брюшко бѣловатое. Селезень довольно красивъ: носъ небольшой, почти чернаго цвѣта; вся голова, даже на палецъ пониже затылочной кости, кофейнаго цвѣта; отъ головы внизъ по верхней сторонѣ шеи идетъ ремень, сначала темный, а потомъ узорчатый, изсѣра-сизый, который противъ крылецъ соединяется съ такимъ же цвѣтомъ спины. Всѣ остальныя части шеи, зобъ и хлупь — чисто бѣлые; изъ-подъ шеи, по обѣимъ щекамъ, по кофейному полю, идутъ извилистыя

*) *Острохвостъ;* въ Сибири — *касачка* Anas acuta, L.

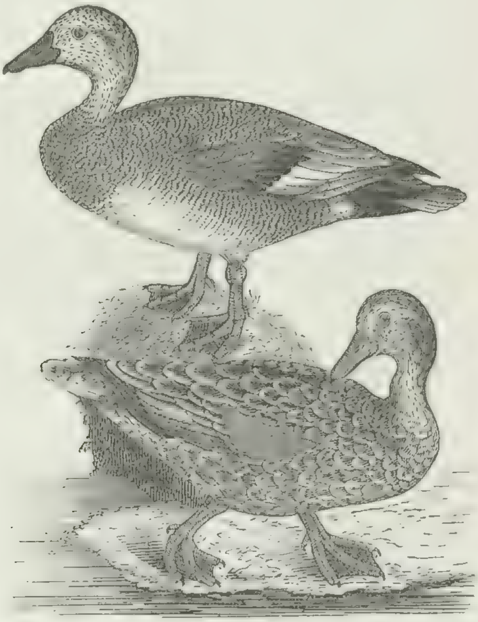
К. Р.

полоски почти до ушей; спина свѣтло-сизая или сѣрая узорчатая; на крыльяхъ лежатъ зеленовато-кофейныя, золотистыя полосы, сверху обведенныя ярко-коричневою, а снизу бѣлою каёмочкой; по спинѣ къ хвосту лежатъ длинныя темныя перья, окаймленныя по краямъ бѣловатою бахромкой; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ продольныя бѣловатыя полоски. Вообще оттѣнки темнаго и бѣлаго цвѣта очень красивы; верхняя сторона крыльевъ темновато-пепельная, а нижняя свѣтло-пепельная; такого же цвѣта верхнія хвостовыя перья; два изъ нихъ потемнѣе и почти въ четверть длиною: они складываются одно на другое, очень жестки, торчатъ какъ спица или шило, отъ чего, безъ сомнѣнія, эта утка и получила свое имя. Подхвостье почти черное, ноги темнаго цвѣта, но свѣтлѣе носа. Весною, шилохвости прилетаютъ позднѣе кряковныхъ и сначала летятъ большими стаями. Полетъ ихъ рѣзвѣе полета крякушъ; онѣ чаще машутъ крыльями и производятъ свистъ въ воздухѣ, что́ происходитъ отъ особеннаго устройства ихъ крыльевъ, которыя не такъ широки, но длинны. Когда утки разобьются на пары, то шилохвости встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ другія утиныя породы; гнѣзда ихъ и выводки молодыхъ также попадаются рѣдко, отъ чего охотникъ и дорожитъ ими болѣе, чѣмъ кряковными утками. Осенью я не видывалъ близко большихъ стай шилохвостей, но иногда узнавалъ ихъ по особенному глухому ихъ голосу, похожему на тихое гусиное гоготанье, по полету и по свисту крыльевъ; стаи всегда летѣли очень высоко. Еще рѣже нахаживалъ я ихъ въ разсыпную по рѣчкамъ. Приблизительно можно сказать, что шилохвостей убьешь вдесятеро менѣе, чѣмъ кряковныхъ. Это довольно странно, потому что во время весенняго прилета онѣ летятъ огромными стаями. Во всемъ прочемъ, кромѣ того, что яйца ихъ нѣсколько уже и длиннѣе яицъ кряковной утки, шилохвости въ точности имѣютъ всѣ свойства другихъ утиныхъ породъ, слѣдственно и стрѣльба ихъ одна и та же.

Хотя шилохвостей застрѣлено мною мало, сравнительно съ другими породами утокъ, но вотъ какой диковинный случай былъ со мной: шелъ я однажды внизъ по рѣчкѣ *Берля* *), отъ небольшаго пруда къ другому, гораздо обширнѣйшему, находившемуся верстахъ въ трехъ пониже; кучеръ съ дрожками ѣхалъ неподалеку за мною. Семь крупныхъ шилохвостей пронеслись высоко мнѣ навстрѣчу; я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но ни одна

*) Самарской губерніи, въ Ставропольскомъ уѣздѣ.

утка не обратила, повидимому, никакого вниманія на мои выстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ кучеръ закричалъ мнѣ, что тѣ же утки летятъ назадъ, и точно, видно что-нибудь помѣшало имъ опуститься на маленькій прудъ, оставленный мною назади, и онѣ возвращались на большой прудъ. Утки летѣли такъ высоко, что стрѣлять было невозможно. Я проводилъ ихъ глазами и продолжалъ идти по рѣчкѣ. Вдругъ кучеръ мой снова закричалъ мнѣ, что тѣ же семь шилохвостей опять летятъ мнѣ навстрѣчу, прибавя, что „видно и на большомъ пруду помѣшали имъ сѣсть". Мы оба устремили глаза на летящихъ еще выше прежняго прямо надъ нами утокъ. Вдругъ одна изъ нихъ перевернулась на воздухѣ, быстро пошла къ низу и упала недалеко отъ меня: это былъ селезень шилохвость, съ переломленною пополамъ плечною костью праваго крыла.... Трудно повѣрить, а дѣло было точно такъ. Со всякою другою раной птица можетъ нѣсколько времени летать; но летать съ переломленною костью крыла и летать долго — это просто невозможно. Не было никакого сомнѣнія, что это были тѣ же самыя утки, въ которыхъ я выстрѣлилъ: зоркій кучеръ мой не выпускалъ ихъ изъ глазъ. Итакъ, нельзя иначе объяснить это казусное дѣло какъ предположеніемъ, что дробина ударилась въ напоротку селезня и надколола плечную кость *вдоль*, то-есть произвела маленькую трещинку въ ней, и что наконецъ, отъ усиленнаго летанья, кость переломилась *поперекъ*, и птица упала. Я самъ понимаю, что многимъ покажется такое объясненіе неудовлетворительнымъ, но другаго придумать нельзя. Изумительно также тутъ стеченіе обстоятельствъ: надобно же было сдѣлаться этому перелому въ самую ту минуту, когда утки, пролетѣвъ нѣсколько верстъ взадъ и впередъ, въ третій разъ летѣли надо мной, такъ что шилохвость упалъ почти у моихъ ногъ.



В) СѢРАЯ УТКА *).

Названіе нѣсколько общее, потому что самки всѣхъ утиныхъ породъ перомъ *сѣры* или, если выразиться точнѣе, сѣро-пестры, и собственно такъ-называемыя *сѣрыя утки* очень сходны со всѣми утиными самками. Но, тѣмъ не менѣе, сѣрая утка совершенно заслуживаетъ свое имя, потому что она сѣрѣе всѣхъ утокъ, и особенно потому, что даже селезень ея не имѣетъ никакихъ отмѣтинъ. Ей, по преимуществу, принадлежитъ мѣсто въ русской пѣснѣ, когда говорится:

Ужъ я улицею,
Сѣрой утицею, и пр.

Вся разница состоитъ въ томъ, что пестрины на селезнѣ нѣсколько мельче и какъ будто свѣтлѣе, и что одна сторона поперечной бѣлой полоски, лежащей и на крыльяхъ утки, у селезня окаймлена узенькою полоской красновато-коричневаго цвѣта съ

*) *Полукряковная, полуматерая* утка, *полуха; неразнять, неразень, единородная утка* (на Уралѣ); *кряковна* (подъ Петербургомъ). Anas strepera, L.
К. Р.

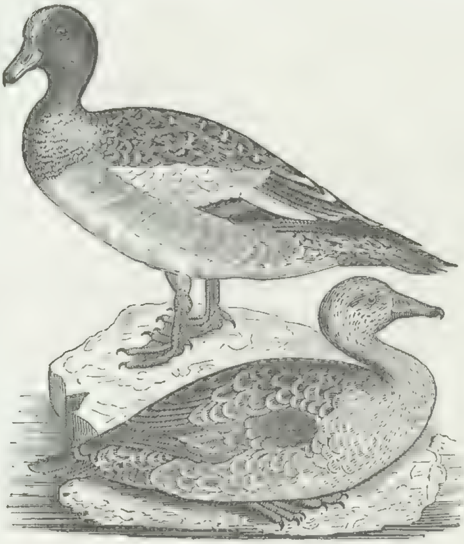
блестящимъ лоскомъ. Сѣрыхъ утокъ иногда называютъ *сѣрками* и еще *полукряквами;* послѣднее названіе не совсѣмъ справедливо, потому что онѣ не въ половину, а только нѣсколько меньше кряковныхъ. Сѣрыя утки не имѣютъ въ себѣ никакой особенности въ отличіе отъ другихъ утиныхъ породъ, кромѣ сейчасъ мною сказанной, то-есть что селезень почти ничѣмъ не разнится *) съ уткой, и что всѣ утиныя породы пестрѣе, красивѣе *сѣрыхъ утокъ*. Вообще онѣ довольно обыкновенны и попадаются охотнику гораздо чаще, чѣмъ шилохвости, хотя во время весенняго прилета я не замѣчалъ большихъ станицъ сѣрыхъ утокъ и еще менѣе во время отлета. Въ этомъ обстоятельствѣ есть какое-то противорѣчіе, которое объяснить довольно трудно. Несмотря на свою некрасивость, или, правильнѣе сказать, *простоту пера,* которая никому въ глаза не кинется, *сѣрыя* утки, послѣ кряквы и шилохвости, уважаются охотниками болѣе всѣхъ остальныхъ утиныхъ породъ, потому что довольно крупны, мясисты, бываютъ очень жирны и рѣдко пахнутъ рыбой.

Многіе охотники говорили мнѣ, что есть двѣ породы сѣрыхъ утокъ, сходныхъ перьями, но различающихся величиною. Сначала я самъ раздѣлялъ это мнѣніе, потому что точно въ величинѣ ихъ замѣчалъ большую разницу; въ послѣдствіи же убѣдился, что она происходитъ отъ разности возраста. Впрочемъ, все еще остается нѣкоторое сомнѣніе, и я представляю рѣшить его опытнѣйшимъ охотникамъ.

---

*) Отъ того и *неразнятъ, единородная* утка.

К. Р.



г) СВІЯЗЬ *).

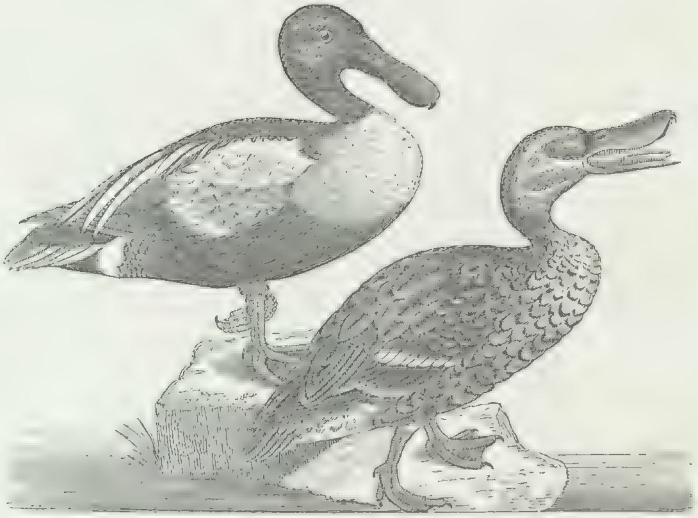
Это названіе охотничье, и откуда оно происходитъ — сказать не умѣю. Народъ называетъ эту утиную породу *красноголовкой* и *бѣлобрюшкой*, потому-что у селезня голова и половина шеи красновато-кирпичнаго цвѣта, а хлупь или брюшко у селезня и утки очень бѣлы и лоснятся на солнцѣ. Эта утка, будучи менѣе кряковной и шилохвости, даже покороче сѣрой утки, имѣетъ складъ круглый и крѣпкій. Ея быстрый полетъ, частое и рѣзкое маханье крыльями, показываютъ сильное сложеніе. Селезень очень красивъ: онъ весь пестрый; на головѣ, надъ самыми его глазами, находится бѣлое пятно; остальная часть головы и половина шеи красновато-кирпичнаго цвѣта; потомъ слѣдуетъ поперечная полоса сѣрой ряби, сейчасъ исчезающей и переходящей въ свѣтло-багряный цвѣтъ, которымъ покрытъ весь зобъ; брюшко бѣлое, спина испещрена красивою поперечною рябью; на крыльяхъ, поперекъ отъ плечнаго сустава, лежитъ чисто-бѣлое, широкое и длинное пятно, оканчивающееся черною бархатною оторочкой, подъ которой видна зеленозолотистая полоса, также отороченная черно-бархатною каймою: хвостъ короткій, шилообразный и довольно твердый; носъ и ноги

*) *Свищъ, свистунъ, свись;* на Окѣ *глотъ*. Anas penelope, L.

К. Р.

небольшіе и черные. Правільныя перья дикаго, свѣтло-кофейнаго цвѣта. — Утка, напротивъ, вся темная, кромѣ бѣлаго брюшка; съ перваго взгляда очень похожа на *чернь,* и никакъ нельзя подозрѣвать, чтобъ она имѣла такого красиваго, до такой степени на нее непохожаго селезня. Рано весной свіязь летитъ большими стаями. Ихъ можно узнать въ вышинѣ по скорому полету и особенному звуку, похожему на свистъ съ какимъ-то шипѣньемъ, отъ чего и называютъ ихъ иногда *шипунами.* Свистъ происходитъ отъ быстраго полета, который сливается съ ихъ сиповатымъ покрякиваньемъ. Всѣ три предыдущія породы утокъ летаютъ осенью въ хлѣбныя поля, отдѣльными стаями и станичками; но свіязей я никогда не замѣчалъ между ними. То же долженъ я сказать о всѣхъ послѣдующихъ утиныхъ породахъ *). Къ этому надобно присовокупить, что всѣ онѣ, не говорю уже о ныркахъ, чаще пахнутъ рыбой. Можно предположить, что, не питаясь хлѣбнымъ кормомъ и не будучи такъ сыты, какъ бываютъ кряковныя, шилохвость и сѣрыя утки, онѣ ловятъ мелкую рыбешку, которая именно къ осени расплодится, подростетъ, и безчисленными станицами, мелкая какъ овесъ, начнетъ плавать вездѣ, по всякимъ водамъ. Впрочемъ свіязи, какъ и всѣ почти утиныя породы, и безъ хлѣбной пищи бываютъ осенью очень жирны, хотя никогда не могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ кряквами. Никакихъ другихъ особенностей свіязь не имѣетъ, кромѣ того, что, прилетая весной большими стаями, въ продолженіе всего года попадается охотникамъ гораздо рѣже, чѣмъ бы слѣдовало. Вѣроятно, по причинѣ такихъ рѣдкихъ встрѣчъ, а также по красивости селезней, мясистому, круглому и крѣпкому складу своему, свіязь цѣнится охотниками выше другихъ утокъ, послѣ кряковныхъ, шилохвостей и сѣрыхъ. Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, что всегда былъ очень доволенъ, когда мнѣ случалось положить въ ягташъ красноголоваго селезня бѣлобрюшку.

*) Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что свіязь и чирки летаютъ въ хлѣбныя поля.



Д) ШИРОКОНОСКА *).

Широконоски называются также *плутоносами*. Первое названіе по праву и безспорно принадлежитъ этой утиной породѣ: носъ ея обыкновенно къ концу широкъ и похожъ на округленное весло; второе же имя дано ей неизвѣстно на какомъ основаніи. Эта утка очень периста, но, даже и въ перьяхъ, меньше предыдущихъ породъ, тѣломъ же еще скуднѣе. Вообще она какого-то слабаго, рыхлаго, сухощаваго сложенія: съ перваго взгляда утка, какъ утка, а возьмешь въ руки — перья да кости. Никогда жирныхъ широконосокъ я не видывалъ, хотя онѣ попадались мнѣ, какъ и всѣмъ охотникамъ, очень часто. Утка вся сѣропестрая, покрыта коричневыми и не мелкими крапинами по желтоватому полю; на правильныхъ перьяхъ поперечная полоска — синяя, съ глянцемъ. Селезня должно бы назвать очень красивымъ; онъ весь пѣгій, зобъ темно-багряный, на шеѣ бѣлая повязка, спина и крылья сизо-голубыя, брюшко свѣтло-сѣрое; и со всѣмъ тѣмъ, онъ какъ-то не кажется красивымъ и далеко уступаетъ селезню свіязей. Ни весной, ни осенью я не замѣчалъ прилетныхъ или отлетныхъ стай широконосокъ; по парами и въ одиночку, какъ я уже и сказалъ,

*) Тупоноска, соксунъ, Anas clypeata, L.

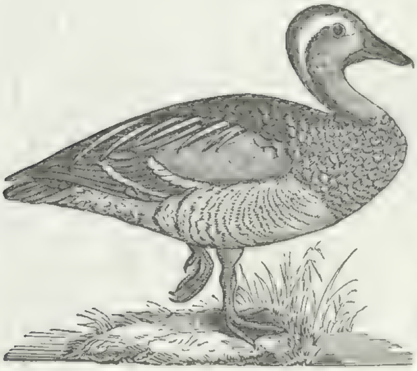
К. Р.

онѣ попадаются часто, что довольно странно, и что также замѣчено мною въ сѣрыхъ суткахъ. Охотниками уважаются онѣ мало.

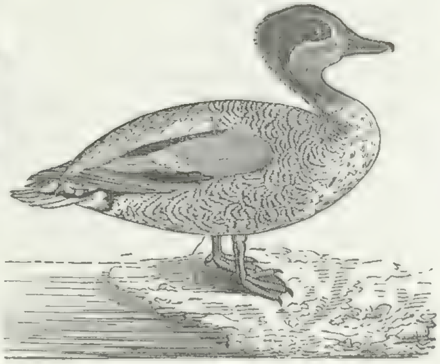
Вообще утки не отличаются крѣпостью къ ружью, широконоска же слабѣе другихъ породъ. Несмотря на то, вотъ какой былъ со мной случай. Въ десяти верстахъ отъ меня ушелъ прудъ; по обмелѣвшему дну много держалось всякой дичи, но ходить было тяжело. Это однако не мѣшало мнѣ часто посѣщать его. Одинъ разъ, бродя между высокими камышами, по колѣно въ грязи, и довольно нагрузивъ мой ягташъ мелкою дичью, увидѣлъ я низко и прямо на меня летящую пару широконосокъ. Онѣ летѣли совершенно въ равной вышинѣ отъ земли съ моимъ ростомъ. Я ударилъ ихъ встрѣчу бекасиною дробью и убилъ наповалъ обѣихъ — селезня и утку. Мнѣ не хотелось мять въ ягташѣ бекасовъ и гаршнеповъ, и я заткнулъ головы обѣихъ широконосокъ за кожаный ремень, которымъ былъ подпоясанъ, подтянувъ его потуже, чтобъ утки не выпали. Я проходилъ еще болѣе часа. Наконецъ вышелъ къ своимъ дрожкамъ, поклалъ всю дичь въ кожаный ящикъ и первыхъ бросилъ туда широконосокъ. Я воротился домой не скоро: стрѣлялъ дорогой съ подъѣзда и набилъ полонъ ящикъ разною дичью. По возвращеніи, при мнѣ, у крыльца выбирали птицу изъ дрожекъ; когда добрались до дна ящика, вдругъ селезень широконоска вылетѣлъ и скрылся изъ глазъ, какъ совершенно здоровый!.. Оглушительныя, обморочныя, всегда головныя раны, послѣ которыхъ птицы, повидимому, убитыя наповалъ, иногда отдыхаютъ и улетаютъ, — не рѣдкость; но удивительно, какъ не удавился этотъ селезень, котораго я таскалъ такъ долго, заткнутаго головой за тугоподтянутымъ поясомъ?.. Какъ не задохся онъ въ ящикѣ подъ кучею дичи?

Въ противоположность ранамъ оглушительнымъ, обморочнымъ, или, правильнѣе сказать, контузіямъ, бываютъ раны внутреннія, смертельныя въ послѣдствіи, но съ которыми птица *сгоряча*, какъ говорится, иногда долго летаетъ и вдругъ, скоропостижно умираетъ. Такихъ случаевъ много со мной бывало, и я разскажу одинъ изъ нихъ. Выстрѣлилъ я съ подъѣзда въ пару чирковъ, проворно отплывавшихъ отъ плоскаго берега на середину широкаго пруда, гдѣ въ недоступномъ для ружья разстояніи плавала большая стая черни. Я убилъ одного чирка, и собака подала его мнѣ съ воды. Поднявшись отъ выстрѣла и сдѣлавъ кругъ, утиная стая черни сѣла опять на средину пруда. Я, зарядивъ ружье, стоялъ еще на берегу, поджидая, не налетитъ ли на меня кули-

чекъ или утченка. Вдругъ вся стая черни стремительно поднялась, какъ будто испуганная чѣмъ-то, и улетѣла. Я взглянулъ и увидѣлъ, что одна утка бьется на водѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Я послалъ собаку, и она вынесла мнѣ уже умершую утку чернь, которая была вся въ крови, вытекавшей изъ боковой раны прямо противъ сердца. Это достаточное доказательство, что птица можетъ летать, будучи ранена смертельно. Но сколько тутъ удивительныхъ обстоятельствъ! Утка была ранена на разстояніи, по крайней мѣрѣ, девяноста или ста шаговъ, ранена рикошетомъ, взмывшею отъ воды 4-го нумера дробинкой (ибо я стрѣлялъ въ чирковъ вдвое ближе), улетала вмѣстѣ со стаей, какъ будто здоровая, и улетала довольно далеко; потомъ прилетѣла назадъ, сѣла на прежнее мѣсто, и умерла передъ моими глазами. Отсюда можно заключить, сколько пропадаетъ раненой птицы, незамѣчаемой охотниками.



ЧИРОКЪ-КОРОСТЕЛЕКЪ.



ЧИРОКЪ-ПОЛОВОЙ *).

Е) ЧИРОКЪ **).

Вѣроятно, это имя дано ему по его крику. Чирокъ чиркаетъ, то-есть голосъ его похожъ на звуки слова: *чиркъ, чиркъ.* Чирковъ двѣ породы: первая — *чирки-коростельки,* а вторая — *чирки-половые.* Крикъ чирка-коростелька гораздо тонѣе и протяжнѣе, чѣмъ у чирка-половаго, но гораздо пронзительнѣе и слышнѣе. Почему онъ названъ чиркомъ-коростелькомъ — не знаю. Если по голосу, то хриплый и короткій крикъ обыкновеннаго коростеля или дергуна болѣе сходенъ съ крикомъ чирка-половаго. Вообще чирки составляютъ самую мелкую, проворную, юркую и складную утиную породу. Утка „чирка-коростелька“ вся свѣтлосѣрая; на крыльяхъ имѣетъ она малозамѣтную (если не распуститъ крыла) свѣтлосизую полоску. У ея селезня эта полоска гораздо шире и синѣе, даже почти голубоватая, съ яркимъ лоскомъ; сверхъ того, по обѣимъ сторонамъ его головы, вдоль по шеѣ красно-кирпичнаго цвѣта, идутъ бѣлыя полоски, съ небольшимъ въ вершокъ длиною; перомъ онъ свѣтлѣе утки, и брюшко его бѣлесоватѣе. Чирки-половые всегда меньше коростельковъ, а иногда попадаются необыкновенно мелкіе. Мнѣ случилось однажды убить такую маленькую утку этой породы, что она казалась маленькимъ кряковнымъ

*) *Чиренокъ, половой чирокъ;* въ Сибири *гурка.* Anas crecca, L.
**) *Нековъ.* Anas querquedula, L.

К. Р.

утенкомъ: по миніатюрности своей, она была очень миловидна. Половые чирки такъ же сѣры и пестры, какъ и чирки-коростельки; но цвѣтъ ихъ перьевъ желтоватѣе и темнѣе; утка вся сѣропестрая, на крыльяхъ имѣетъ ярко-блестящую, довольно широкую зеленую полоску. У селезня она еще шире и ярче; по обѣимъ сторонамъ его головы, отъ глазъ до половины шеи, тянутся двѣ полоски, или, лучше сказать, два длинныя пятна, около вершка, но вдвое шире, чѣмъ у чирка-коростелька. Эти пятна или полоски красновато-желтаго цвѣта, точно какъ *подпалины* у *гончей* собаки: вотъ откуда, я думаю, происходитъ имя *половаго* чирка. Народъ выражается съ удивительною точностью; изъ всѣхъ утиныхъ породъ, однимъ только чиркамъ придаетъ онъ во множественномъ числѣ тотъ окончательный слогъ, которымъ означается малость и дѣтство существа, напримѣръ, утята, цыплята и проч.; чирковъ старыхъ вообще онъ называетъ *чирята*.

Во время весенняго прилета и осенняго отлета чирки появляются большими стаями; весною всегда оказываются нѣсколько позднѣе другихъ утиныхъ породъ, а осенью держатся долѣе всѣхъ, кромѣ кряковныхъ утокъ. Чирки въ розницу, или *по разности*, какъ говорятъ охотники, во все время своего пребыванія у насъ, попадаются чаще всѣхъ утокъ. Несмотря на ихъ обыкновенность и также на то, что чирки смирнѣе всѣхъ утиныхъ породъ, я всегда дорожилъ ими болѣе, чѣмъ многими утками средней величины. Чирки прилетаютъ довольно сытые, а улетаютъ облитые жиромъ, не много уступая въ этомъ отношеніи кряквамъ, хотя я никогда не замѣчалъ, чтобъ они летали въ хлѣбныя поля. Полетъ ихъ очень живъ и скоръ, особенно когда они соберутся въ большія стаи. Кружась надъ мѣстомъ, на которое хочетъ опуститься стая, чирки быстро поворачиваются, свиваясь какъ будто въ темный клубокъ и развиваясь въ болѣе свѣтлую полосу. Не-одинъ разъ, стоя на весеннихъ и осеннихъ позднихъ вечернихъ стойкахъ, бывалъ я испуганъ шумомъ и свистомъ, даже внезапнымъ вихремъ, отъ промелькнувшей надъ самою головою плотно свернувшейся станицы чирятъ.

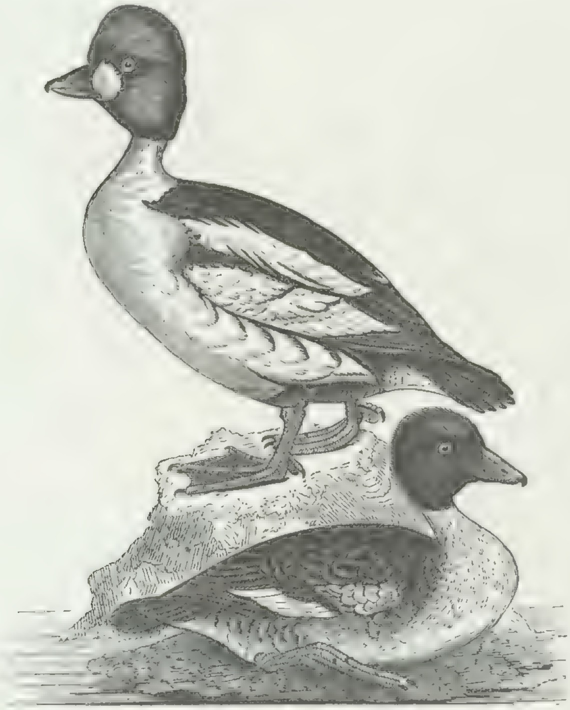
Я не говорилъ о величинѣ яицъ предыдущихъ утиныхъ породъ, кромѣ кряковной; будучи сходны между собою цвѣтомъ и фигурой, они уменьшаются соразмѣрно съ уменьшеніемъ величины утки; но яйца чирятъ такъ малы, и матовый, слегка зеленоватый цвѣтъ ихъ такъ нѣженъ, что нельзя не упомянуть о нихъ особенно. Странное дѣло: у кряковныхъ и другихъ большихъ утокъ я ни-

когда не нахаживалъ болѣе девяти или десяти яицъ (хотя гнѣздъ ихъ нахаживалъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ чирячьихъ), а у чирковъ находилъ по двѣнадцати, такъ что стѣнки гнѣзда очень высоко бывали выкладены яичками; и невольно представляется тотъ же вопросъ, который я задавалъ себѣ, находя гнѣзда погоныша: какъ можетъ такая небольшая птица согрѣть и высидѣть такое большое количество яицъ?

Чирки съ весны парами, а потомъ и въ одиночку, попадаются охотникамъ вездѣ, гдѣ только есть вода, въ продолженіе всего лѣта; но они особенно любятъ маленькія рѣчки, озерки и лужи, часто въ самомъ селеніи находящіяся: прилетаютъ даже къ русскимъ уткамъ. Въ осеннее время можно иногда сдѣлать очень удачный выстрѣлъ въ навернувшуюся нечаянно стаю чирятъ, и мнѣ случилось одинъ разъ убить изъ одного ствола моего ружья, заряженнаго рябчиковою дробью, 9-ть чирковъ. Подстрѣленный чирокъ ныряетъ проворнѣе всѣхъ утокъ, разумѣется, кромѣ нырка, и всѣхъ искуснѣе умѣетъ спрятаться и притаиться въ травѣ. Мясо жирнаго, осенняго чирка, если не пахнетъ рыбой, что, къ сожалѣнію, хотя рѣдко, но бываетъ, — я предпочитаю даже мясу кряковной утки *); въ немъ слышнѣе запахъ дичины. Всѣ утиныя яйца очень вкусны, но яйца чирка вкуснѣе другихъ.

Вотъ лучшія породы утокъ, мнѣ извѣстныя. Теперь я стану говорить объ уткахъ низшаго достоинства, которыя охотниками не уважаются, особенно потому, что всѣ, безъ исключенія, постоянно и сильно пахнутъ рыбой. Всѣ онѣ уже утки рыбалки или рыболовки; это, по преимуществу, водоплавающія птицы. Постоянное ихъ мѣстопребываніе и днемъ и ночью — вода; земля для нихъ почти не существуетъ.

*) Между нѣкоторыми охотниками существуетъ мнѣніе, что чирята никогда рыбы не ѣдятъ, никогда, слѣдовательно, не могутъ ею пахнуть; но оно не всегда, или, лучше сказать, не вездѣ справедливо.



ж) НЫРОКЪ *).

Небольшая, но крѣпкая, складная и мясистая утка. Кличка ей дана, какъ говорится, *по шерсти*, хотя, правду сказать, *гагара* не уступаетъ *нырку*, а *гоголь* превосходитъ его въ искусствѣ или способности нырять. Нырки перомъ пестры, а говоря точнѣе, ихъ можно назвать пѣгими; цвѣтъ пѣжинъ однообразный и траурный,— черный съ бѣлымъ; селезень пестрѣе и красивѣе утки. Полетъ ихъ очень быстръ, и отъ частаго маханья крыльями происходитъ особенный звукъ, похожій не на чистый свистъ, а на какое-то дрожанье свиста, которое нельзя передать словами; подобный звукъ слышенъ отчасти въ полетѣ стрепета. Охотникамъ онъ хорошо знакомъ. Нырокъ не вдругъ поднимается съ воды, завидя человѣка: онъ сейчасъ начинаетъ такъ проворно нырять, что на широкой водѣ, въ одну минуту, очутится въ безопасномъ разстояніи отъ выстрѣла. Если же это случится не на широкой рѣкѣ, и нырку

*) *Гоголь;* въ Малороссіи *крякушка.* Anas clangula, L. К. Р.

придется нырять внизъ по теченію, то онъ производитъ съ такимъ проворствомъ свое подводное плаванье, что стрѣлокъ, если захочетъ догнать его, долженъ бѣжать, какъ говорится, во всѣ лопатки. Наконецъ, когда охотникъ внезапно явится слишкомъ близко къ вынырнувшему нырку, забѣжавъ впередъ за излучину или колѣно рѣки, — нырокъ поднимается; спачала онъ отдѣляется отъ воды довольно трудно, летитъ — шлепая крыльями по водяной поверхности, но скоро разлетится, полетитъ очень быстро и поднимется высоко. Нырки прилетаютъ весной ранѣе всѣхъ утокъ. Въ исходѣ марта иногда стоитъ въ Оренбургской губерніи глубокая зима: ни малѣйшихъ признаковъ наступающей весны, кромѣ ослѣпительнаго блеска, которымъ стеклянѣется поверхность снѣговъ!.. И вдругъ охотникъ слышитъ, что въ вышинѣ, подъ облаками, раздаются какіе-то особенные звуки; онъ легко узнаетъ ихъ: это дребезжащій свистъ или шумъ отъ рѣзкаго полета огромныхъ стай нырковъ. Поглядѣвъ пристально, зоркими глазами можно увидѣть ихъ, быстро и высоко летящихъ, подобно облаку или сѣрой тучкѣ, гонимой сильнымъ вѣтромъ. Трудно пересказать, какое сладкое впечатлѣніе производятъ на сердце охотника эти неясные звуки, этотъ неопредѣленный шумъ, означающій начало прилета птицы и обѣщающій скорое наступленіе весны, послѣ долгой, нестерпимо надоѣвшей зимы, которая доводила до отчаянія охотника своею безконечностью... Вотъ примѣръ, какъ иногда бываетъ длинна зима въ Оренбургской губерніи: въ 1807 году, 1 апрѣля, передъ солнечнымъ восходомъ, было 20 градусовъ мороза по Реомюру! Это такъ краснорѣчиво, что ничего прибавлять не нужно, и, несмотря на первое апрѣля, — совершенно вѣрно, ибо съ точностью записано мною въ моихъ охотничьихъ запискахъ. Не знаю, какъ другіе охотники, но я всегда встрѣчалъ съ восхищеніемъ прилетъ нырковъ, и въ благодарность за раннее появленіе и радостное чувство, тогда испытанное мною, постоянно сохранялъ къ нимъ нѣкоторое уваженіе — стрѣлялъ ихъ, когда попадались... Хороша благодарность и уваженіе, скажутъ неохотники; но у насъ своя логика: чѣмъ болѣе уважается птица, тѣмъ болѣе стараются добыть ее.

Сначала большія стаи нырковъ пролетаютъ, не опускаясь, да и некуда имъ опускаться; вслѣдъ за ними появляются нырки парами вездѣ, гдѣ рѣка или материкъ въ прудѣ очистились отъ льда, а на большихъ рѣкахъ — по полыньямъ; потомъ до лѣта нырки продолжаютъ держаться по рѣкамъ и прудамъ, парами и въ одиночку. Въ продолженіе лѣта, нырковъ встрѣчаешь мало, и то селезней,

а осенью они опять собираются къ отлету большими стаями. Никогда не нахаживалъ я ихъ гнѣздъ, но выводки мнѣ попадались. Кажется, можно сказать утвердительно, что нырки не вьютъ гнѣздъ на твердой землѣ, какъ и всѣ предыдущія, описанныя мною утиныя породы, а подобно другимъ рыболовнымъ уткамъ ухитряются класть свои гнѣзда въ камышахъ, или высокой густой осокѣ, *на водѣ* или *надъ водою*. Я нашелъ два такія гнѣзда, и они будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ. Съ нырка начинаются утиныя породы, которыя почти лишены способности ходить по землѣ: лапы ихъ такъ устроены, что ими ловко только плавать, то-есть гресть, какъ веслами; онѣ посажены очень близко къ хвосту и торчатъ въ заду. У нырка эта особенность еще не такъ рѣзко выдается, и онъ составляетъ какъ будто переходную породу. Носъ у него обыкновеннаго устройства, черноватый, не узенькій и не блѣдно-роговаго цвѣта, какъ у всѣхъ остальныхъ породъ рыбалокъ, кромѣ черни. Всѣ водоплавающія птицы снабжены отъ заботливой природы густымъ и длиннымъ пухомъ, не пропускающимъ ни капли воды до ихъ тѣла, но утки-рыбалки, начиная съ нырка до *гоголя* включительно (особенно послѣдній), предназначенныя всю жизнь проводить на водѣ, снабжены предпочтительно самымъ густымъ пухомъ. Нырокъ всегда на водѣ: съ утра до вечера ловитъ мелкую рыбешку, не брезгая, впрочемъ, никакими водяными мелкими гадинами и насѣкомыми.

Утки съ утятами, которыя изумительно проворны, держатся упорно въ камышѣ, и трудно выгнать ихъ на открытую воду. Нырки всегда довольно сыты, а осенью бываютъ даже очень жирны; мясо ихъ было бы сочно, мягко и вкусно, если бы не пахло сильно рыбой. Я встрѣчалъ людей, которымъ этотъ запахъ былъ не противенъ, и они считали нырковъ за лакомое кушанье. Если съ нырка содрать кожу, выскоблить начисто его внутренности, хорошенько выполоскать, помочить часа два въ соленой водѣ и потомъ зажарить, то рыбнаго запаху останется очень мало, и у кого хорошъ аппетитъ, тотъ можетъ кушать его съ удовольствіемъ. Нырокъ довольно крѣпокъ къ ружью и требуетъ настоящей утиной дроби, не мельче 4-го нумера.

Есть точно такіе же маленькіе нырки, не болѣе чирка, и есть еще нырки большіе, съ красными головами, широкимъ носомъ пепельнаго цвѣта и широкими лапами абрикосоваго цвѣта. И тѣхъ и другихъ мнѣ видать близко не удавалось.

3) ЧЕРНЬ *).

Не даромъ дано этой породѣ утокъ собирательное имя; онѣ появляются не очень рано весной, всегда огромными стаями; не только въ одиночку или попарно, но даже маленькими стайками я никогда ихъ не встрѣчалъ. Обыкновенно садятся онѣ на большіе, чистые пруды или озера, и густымъ чернымъ покрываломъ одѣваютъ свѣтлую воду. Вода, буквально, кажется *черною,* а потому и въ этомъ отношеніи вѣрно дано имъ названіе *чернь.* Онѣ бываютъ у насъ только пролетомъ, весной и осенью; на большихъ водахъ держатся долго, особенно въ хорошую, теплую осень. Гдѣ выводятъ дѣтей — не знаю, только не въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я живалъ, потому что съ молодыми я никогда ихъ не видалъ **). Величиною, складомъ носа и перомъ чернь очень похожа на утку-нырка, то-есть верхняя часть у нихъ чернаго, а нижняя бѣловатаго цвѣта. Мнѣ не удавалось много стрѣлять ихъ:

*) *Чернеть, касакъ* (т.-е. хохлатый) въ Сибири. Anas fuliginosa, L. Fuligula cristata, Steph. Изображенъ селезень. К. Р.

**) Недавно получилъ я извѣстіе отъ одного достовѣрнаго охотника, что онъ встрѣчалъ выводки *черни* въ Оренбургской губерніи. Я могу объяснить свою ошибку только тѣмъ, что смѣшивалъ ихъ съ выводками *бѣлобрюшки* или нырка: утки ихъ очень сходны.

это хлопотно, потому что онѣ всегда сидятъ на серединѣ пруда, и надобно къ нимъ подъѣзжать на лодкѣ, чего я никогда не дѣлалъ; да и птица того не стòитъ. Я бивалъ ихъ только тогда, когда онѣ случайно на меня налетали. Различія въ перьяхъ между селезнемъ и уткой я не замѣчалъ; но другіе охотники сказывали мнѣ, что селезень отличается бòльшимъ отливомъ кофейнаго цвѣта, большею величиной и черными хохломъ *). Вообще эта утка перомъ не красива, но крѣпкаго сложенія; носъ и лапы у ней точно такого же цвѣта и устройства, какъ у нырка, а пахнетъ рыбой меньше его. Если удастся подплыть въ мѣру изъ-за камыша къ стаѣ *черни*, то можно убить однимъ зарядомъ до десятка.

*) И болѣе чистымъ бѣлымъ исподомъ тѣла.

К. Р.

И) ГАГАРА *).

Долго думалъ я, что *крохаль* — утка-рыбалка, особенная отъ *гагары*, потому что въ молодости случилось мнѣ убить двухъ гагаръ, которыя не имѣли хохловъ, были гораздо бѣлесоватѣе перомъ, крупнѣе тѣломъ, и которыхъ простые охотники тогда называли крохалями. Въ послѣдствіи убѣдился я, что это одно и то

*) Въ двухъ первыхъ изданіяхъ «Записокъ» авторъ ихъ полагалъ, что крохаль и гагара синонимы одной и той же птицы, но нынѣ измѣнилъ свое мнѣніе. Дѣйствительно, это два совершенно раздѣльныя животныя, удоборазличаемыя по перепонкамъ между пальцевъ, которая у перваго цѣла какъ у утокъ, а у послѣдняго разщеплена на лопасти (отсюда названіе нѣмецкое Lappentaucher).

Описываемыя здѣсь авторомъ птицы подъ именемъ *гагары* и *гоголя* суть настоящія гагары (Podiceps, а не Colymbus), что̀ доказывается нѣкоторыми признаками устройства тѣла, образа жизни и положеніемъ ногъ въ заду тѣла (отсюда названія Podiceps, Steisvogel, что̀ можно было бы перевесть словомъ *ногогузъ*, на подобіе *черногуза*, или чернаго аиста, и *трясогузки)*; но трудно рѣшить, на который видъ именно, изъ 4—5 водящихся гагаръ въ Россіи, указываетъ авторъ: по крайней мѣрѣ предлагаемаго описанія недостаточно, чтобы положительно узнать эту птицу, представляющую значительныя измѣненія по полу, возрасту и временамъ года. Судя по упоминаемой величинѣ птицы и яицъ, можно бы узнать наибольшую русскую *гагару-чемгу*, но другіе признаки тому противорѣчатъ. Для поясненія общаго типа гагары, мы изобразили здѣсь чубараго нырка Podiceps auritus. St.   К. Р.

же, и что убитыя мною утки-рыбалки были старыя гагары или крохали, которыя всегда бывають крупнѣе и бѣлесоватѣе. Безъ хохловъ также попадались мнѣ многія въ послѣдствіи и, вѣроятно, хохлы имѣютъ только селезни.

Длина этой утки, отъ носа до хвоста, или, лучше сказать, до ногъ, ибо хвостовыхъ перьевъ у гагаръ нѣтъ, — 11 вершковъ; носъ длиною въ вершокъ, темно-свинцоваго цвѣта, тонкій и къ концу очень острый и крѣпкій; голова небольшая, продолговатая; вдоль ея, по лбу, лежитъ полоса темно-коричневаго цвѣта, оканчивающаяся, позади затылочной кости, хохломъ, вокругъ всей шеи, вышиною слишкомъ въ вершокъ, похожимъ болѣе на старинныя брыжжи или ожерелье, ржаваго, а къ корню перьевъ темно-коричневаго цвѣта; шея длинная, сверху темно-пепельная; спина пепельно-коричневая, которая какъ будто оканчивается торчащими изъ зада ногами, темно-свинцоваго цвѣта сверху и бѣловато-желтаго снизу, съ рѣдкими, неправильными, темными пятнами; ноги гагары, отъ лапокъ до хлупи, не кругловаты, но совершенно плоски; три ножные пальца, соединенные между собой крѣпкими глухими *) перепонками, — почти свинцоваго цвѣта и тоже плоскіе, а не круглые, какъ бываетъ у всѣхъ птицъ. Повыше послѣдняго сгиба ноги, отъ котораго начинается лапка, есть четвертый палецъ, въ видѣ крошечной плоской лопатки, съ такимъ же ногтемъ. Крылья, относительно величины самой птицы, не уступающей кряковной уткѣ, очень узки и малы. Цвѣтъ ихъ пепельно-коричневый; съ обоихъ краевъ первыя перья бѣлыя, а по срединѣ крыльевъ, поперекъ, идетъ полоса, пальца въ три шириною, коричневаго цвѣта; такого же цвѣта и три правильныя пера. Брюхо, отъ ногъ до самаго хохла или ожерелья, покрыто бѣлыми, мелкими, серебристыми перьями, имѣющими, съ перваго взгляда, видъ волосъ, — такъ они тонки; подъ перьями лежитъ превосходный, густой и нѣжный пухъ дикаго цвѣта. Подбой крыльевъ ярко-бѣлый.

Гагары вполнѣ утки-рыбалки, и такъ пахнутъ рыбой, что ѣсть ихъ почти невозможно, а потому охотники не стрѣляютъ гагаръ, — развѣ для того, чтобы разрядить ружье, или для пуха, который не уступаетъ гоголиному. Русскій народъ однако зналъ хорошо гагару, только подъ именемъ крохаля (безъ сомнѣнія, это имя древ-

*) Не глухими, а разщепленными.

К. Р.

нѣйшее), потому что крохаль живетъ до сихъ поръ въ поговоркѣ или присловьѣ народномъ *). Когда хотятъ выразить чью-нибудь заботливость и любовь къ другому лицу, то говорятъ: *онъ (или она) дрожатъ надъ ней какъ крохаль*. Это означаетъ или сильную привязанность селезня крохаля къ уткѣ, или особенную горячность послѣдней къ утятамъ, подмѣченную народомъ. Къ сожалѣнію, я не знаю **) коротко нравовъ этой утки, которые непремѣнно должны быть замѣчательны, чему доказательствомъ служитъ особенность въ плоскости ногъ и въ свиваніи гнѣздъ, плавающихъ по водѣ. Я нашелъ одинъ разъ такое гнѣздо: гагара, сидя на немъ какъ на лодкѣ, плавала по маленькому озерку, находившемуся посреди огромнаго камыша: увидя меня въ близкомъ разстояніи, гагара сползла, или свалилась въ воду, и нырнула. Яицъ было девять (?), величиной и фигурой похожихъ на куриныя, блѣдно-зеленоватаго цвѣта, съ крапинками. Во время общаго весенняго прилета птицы, я никогда не замѣчалъ пролетныхъ гагаръ стаями: онѣ оказываются какъ-то нечаянно, всегда въ одиночку и всегда очень поздно весною. Глубокіе пруды, особенно материки прудовъ, большія озера съ камышами — вотъ обыкновенное ихъ мѣстопребываніе. Пища гагаръ преимущественно состоитъ изъ мелкой рыбешки и частью изъ водяныхъ насѣкомыхъ. Гагары почти не могутъ ходить, а могутъ только присѣсть на свои ноги, и то на мели, отъ чего получаютъ странную посадку, ибо сидятъ, заопрокинувшись назадъ, въ полустоячемъ положеніи, поднявъ свой острый носъ къ верху. Онѣ имѣютъ въ крыльяхъ перья коротенькія, отъ чего самыя крылья кажутся не такъ коротки. Вообще гагары летаютъ, особенно поднимаются сначала, трудно, пока не разлетятся, и только одна крайность можетъ заставить ихъ подняться съ воды; по большей части, отъ всякой опасности онѣ отдѣлываются упорнымъ ныряньемъ, въ чемъ уступаютъ только однимъ гоголямъ. Впрочемъ, нѣкоторые охотники видали ихъ летающихъ высоко и быстро цѣлыми станицами.

Есть еще порода маленькихъ гагаръ, которыя втрое меньше большихъ, совершенно съ ними схожи станомъ и перомъ, но, кажется, безъ хохловъ. Эта, порода, напротивъ, всегда попадалась

---

*) Крестьяне называютъ иногда гагарой лысуху.

**) Нравы гагары и того, что̀ авторъ описываетъ подъ именемъ *гоголя,* какъ всѣхъ вообще гагаръ, чрезвычайно близки между собою.

К. Р.

мнѣ станичками: онѣ летаютъ гораздо рѣзвѣе. Названіе гагары объяснить я не умѣю *).

Иногда смѣшиваютъ гагаръ съ гоголями, по прямизнѣ и длинѣ вытянутыхъ шей; но между ними не мало существенной разницы во многихъ отношеніяхъ, о чемъ сейчасъ я буду говорить.

*) Названія *галка, гусь, гагара, гагакъ, гагачъ, гоголь* — звукоподражательны *говору, гаму* (го-го) этихъ птицъ. *Голкъ* — шумъ, *гулъ. Голанить,* — шумѣть (Горло, гайло).

К. Р.

I) ГОГОЛЬ *).

Собственное имя *гоголя* часто употребляется въ народѣ, какъ нарицательное или качественное. Всякій русскій человѣкъ пойметъ, когда скажутъ про кого-нибудь: *экой гоголь!...* или *смотри какимъ гоголемъ выступаетъ...* хотя гоголь никакъ не выступаетъ, потому что почти не можетъ ходить. Это уподобленіе основывается на томъ, что гоголи (равно какъ и гагары) очень прямо держатъ свои длинныя шеи и высоко несутъ головы, а потому людей, имѣющихъ отъ природы такой складъ тѣла, привычку или претензію, которая въ то же время придаетъ видъ бодрости и даже нѣкоторой надменности, сравниваютъ съ гоголями. Безъ особеннаго остраго зрѣнія можно различить, во множествѣ плавающихъ утокъ по озеру или пруду, торчащія прямо, какъ палки, длинныя шеи гагаръ и гоголей: послѣдніе еще замѣтнѣе, потому что они погружаютъ свое тѣло въ воду гораздо глубже всѣхъ другихъ утокъ, и шеи ихъ торчатъ какъ будто прямо изъ воды. Гоголь — послѣдняя и, по преимуществу, самая замѣчательная утка-рыбалка, и пища его состоитъ исключительно изъ мелкой рыбешки. Гоголь поменьше гагары и равняется по величинѣ съ утками средними, напримѣръ, съ широконоской или бѣлобрюшкой; но складъ его стана длиннѣе и челнообразнѣе. Цвѣтъ перьевъ сизый, даже голубоватый, съ легкими отливами; ноги торчатъ совершенно въ

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ этимъ именемъ авторъ говоритъ о другомъ видѣ (или не о самкѣ ли перваго?) гагары, но не умѣемъ рѣшить — о какомъ именно. Замѣтимъ, что въ Великороссіи и въ Малороссіи гоголемъ называется совершенно иная птица, именно *нырокъ*.

К. Р.

заду; лапки зеленоватаго цвѣта; перепонки между пальцами очень плотныя. Гоголь почти вовсе ходить не можетъ и поднимается съ воды труднѣе и неохотнѣе еще, чѣмъ гагара *). Мнѣ даже не случилось видѣть, во всю мою жизнь, летающаго гоголя. Носъ у него узенькій, кругловатый, нисколько не подходящій къ носамъ обыкновенныхъ утокъ: конецъ верхней половинки его загнутъ къ низу **); голова небольшая, пропорціональная; шея длинная, но короче, чѣмъ у гагары, и не такъ неподвижно-пряма: напротивъ, онъ очень гибко повертываетъ ею, пока не увидитъ вблизи человѣка; какъ же скоро замѣтитъ что-нибудь угрожающее опасностью, то сейчасъ прибѣгаетъ къ своей особенной способности — погружаться въ воду такъ, что видна только одна узенькая полоска спины, коломъ торчащая шея и неподвижно устремленные на предметъ опасности, до невѣроятности зоркіе, красные глаза. Въ этомъ сторожевомъ положеніи гоголь удивителенъ! Какъ бы вы пристально на него ни смотрѣли, вы не замѣтите даже, когда и куда ***) пропадаетъ онъ; не замѣтите также, когда и откуда вынырнетъ... ****): до такой степени онъ ныряетъ быстро. Даже слово нырять не годится для выраженія гоголинаго нырянья: это просто исчезновеніе. Для полнаго пониманія изумительнаго проворства гоголя, довольно сказать, что когда употреблялись ружья съ кремнями, то его нельзя было убить иначе, какъ врасплохъ. Вмѣстѣ со стукомъ кремня объ огниво, брызнувшими отъ стали искрами, воспламененіемъ пороха на полкѣ, что, конечно, совершается въ одну секунду, — исчезаетъ шея и голова гоголя, и дробь ударяетъ въ пустое мѣсто, въ кружокъ воды, завертѣвшійся отъ мгновеннаго его погруженія. Единственно волшебной быстротѣ своего нырянья обязанъ гоголь тѣмъ вниманіемъ, которое оказывали ему молодые охотники въ мое время, а можетъ-быть и теперь оказываютъ, ибо мясо гоголиное хуже всѣхъ другихъ утокъ-рыбалокъ, а за отличнымъ его пухомъ охотникъ гоняться не станетъ. Видимая возможность убить утку, плавающую въ мѣру и не улетающую отъ выстрѣловъ, надежда на свое проворство и мѣткость

---

*) Всѣ гагары, по причинѣ линянія, лѣтомъ летаютъ дурно, но весною при прилетѣ и осенью при отлетѣ — хорошо. К. Р.

**) Какъ у всѣхъ гагаръ, и у этой клювъ острый, коничискій, на концѣ не загнутый. К. Р.

***) Отсюда нѣмецкое названіе Blitzvogel — *птица-молнія.* К. Р.

****) Оттого-то гагары называются въ народѣ *нырцами,* а у Нѣмцевъ der Taucher, le plongeur. К. Р.

прицѣла, увѣренность въ добротѣ любимаго ружья, желаніе отличиться передъ товарищами и, всего болѣе, трудность, почти невозможность успѣха, раздражали самолюбіе охотниковъ и собирали иногда около гоголей, плавающихъ на небольшомъ прудѣ или озерѣ, цѣлое общество стрѣлковъ. Я помню въ молодости моей много подобныхъ случаевъ. Сколько крика, смѣха, горячности, бѣганья и безполезныхъ выстрѣловъ! По большей части случалось, что, не убивъ ни одного гоголя и разстрѣлявъ свои патроны, возвращались мы домой, чтобы на просторѣ досыта насмѣяться другъ надъ другомъ. Но иногда упорство преодолѣвалось, и то единственно въ томъ случаѣ, если на водѣ былъ захваченъ одинъ, много два гоголя, ибо тутъ надобно было каждому изъ нихъ безпрестанно нырять. Бѣдная утка наконецъ выбивалась изъ силъ, не могла держать своего тѣла глубоко погруженнымъ въ водѣ, начинала чаще выныривать, медленнѣе погружаться, и удачный выстрѣлъ доставлялъ побѣду которому-нибудь изъ охотниковъ. — Послѣ разсказаннаго мною, казалось бы должно заключить, что гоголи лишены способности летать; но нѣкоторые, достойные вѣроятія, охотники увѣряли меня, что видѣли быстро и высоко летающихъ гоголей. Притомъ откуда же они являются весною? Конечно, откуда-нибудь прилетаютъ, хотя никто не видывалъ ихъ прилета: они въ началѣ мая вдругъ оказываются на прудахъ и озерахъ, всегда въ очень маломъ числѣ. Что́ же касается до того, что гоголь, окруженный охотниками, не поднимается съ воды отъ ихъ выстрѣловъ, то, безъ сомнѣнія, онъ чувствуетъ опасность подъема по инстинкту, въ чемъ и не ошибается: поднявшись съ воды, онъ былъ бы убитъ въ ту же минуту въ летъ нѣсколькими выстрѣлами. Если же случится подойдти къ водѣ изъ-за чего-нибудь, такъ чтобы не было видно охотника, то застрѣлить гоголя весьма легко: онъ плаваетъ на водѣ высоко, шея его согнута, и онъ пристально смотритъ внизъ и сторожитъ маленькихъ рыбокъ. Тогда выстрѣлъ убиваетъ его какъ простую утку.

Я пробовалъ стрѣлять гоголей тѣмъ способомъ, какимъ стрѣляютъ стоящую не глубоко въ водѣ рыбу. Надобно принять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а нѣсколько выше или ниже. Уголъ отраженія дроби, всегда равный углу паденія, будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ, и какъ далека отъ него цѣль. Если берегъ совершенно плоскъ и разстояніе не близко, однимъ словомъ, если уголъ паденія будетъ очень остръ, то дробь рикоше-

томъ взмоетъ въ верхъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ надобно брать на цѣль ниже или ближе стоящей рыбы; если же берегъ высокъ, и уголъ паденія дроби будетъ выходить тупой, то дробь пойдетъ въ водѣ подъ тѣмъ же угломъ внизъ, слѣдовательно брать на цѣль надобно нѣсколько выше, или дальше. Замѣтивъ, что гоголь спачала ныряетъ прямо въ глубь, а не въ сторону или впередъ, какъ другія утки, и потомъ уже поворачиваетъ куда ему надобно, — я цѣлилъ въ нырнувшаго гоголя, какъ въ стоячую въ водѣ рыбу; но успѣха не было. Проворство спасало его. Острота зрѣнія и слуха у гоголя изумительны: хотя бы онъ плылъ спиною къ охотнику, онъ видитъ, не оглядываясь, всѣ его движенія и слышитъ стукъ кремня объ огниво. Много разъ входило мнѣ въ голову: не устроенъ ли глазъ у гоголя особеннымъ образомъ? Но по наружности ничего особеннаго не замѣтно. Должно предполагать, что изъ ружей съ пистонами можно бить гоголей успѣшнѣе, ибо нѣтъ искръ отъ огнива, нѣтъ вспышки пороха, и выстрѣлъ пистонныхъ ружей гораздо быстрѣе. Повѣрить это предположеніе на опытѣ мнѣ не удалось; но въ послѣдствіи я слышалъ, что мое мнѣніе совершенно оправдалось на дѣлѣ.

Я не нахаживалъ гоголиныхъ гнѣздъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что гоголь устраиваетъ ихъ въ камышахъ надъ водою, какъ гагары, лысухи и, вѣроятно, другія породы утокъ-рыбалокъ, потому что гоголь болѣе всѣхъ ихъ лишенъ способности ходить. Гоголиные выводки я встрѣчалъ часто, и одинъ разъ видѣлъ, какъ гоголь-утка везла *) на своей спинѣ крошечныхъ гоголятъ, покрытыхъ сизымъ пухомъ, и плыла съ ними очень быстро. Я слыхалъ объ этомъ прежде отъ охотниковъ; но, признаюсь, не вполнѣ вѣрилъ. Невольно представляется вопросъ: отчего бы и другимъ уткамъ не дѣлать того же? Отчего именно гоголиной уткѣ нужна такая особенность **), тогда какъ гоголята проворнѣе всѣхъ другихъ утятъ?

Ко всему мною сказанному надобно прибавить, что гоголи встрѣчаются всегда въ небольшомъ числѣ и не вездѣ, а только на водахъ довольно глубокихъ и рыбныхъ, и что различія утки

---

*) Гагара, встревоженная чѣмъ-либо, даетъ знакъ своимъ дѣтямъ, которыя собираются въ кучу, а мать, опустившись въ воду, насколько то нужно, подплываетъ подъ нихъ и поднимаетъ ихъ на спинѣ. К. Р.

**) Это же дѣлаютъ и другіе виды гагаръ. К. Р.

отъ селезня въ цвѣтѣ перьевъ я никогда не замѣчалъ. Гоголи пропадаютъ осенью очень рано. Мясо ихъ нестерпимо воняетъ рыбой и на вкусъ горько и противно. Жирныхъ гоголей я не видывалъ.

Въ заключеніе повторю, что описанная мною утка есть настоящій гоголь со всѣми его замѣчательными особенностями, а называемыя иногда большаго и малаго рода гоголями утки-рыбалки — не что иное какъ гагары.

4.

ЛЫСУХА или ЛЫСЕНА *).

(водяная курица).

Гоголемъ заключилось отдѣленіе утокъ. *Лысуха* или *лысена*, по устройству своего тѣла, особенно шеи и головы, по бѣловатому, острому, совершенно *курину* носу, даже по своему первному плаванію и непроворному нырянью, несмотря на постоянное пребываніе на мелкой водѣ, отличается отъ утиныхъ породъ, и по справедливости можетъ назваться *водяною курицей*. Имя лысухи или лысены, безъ сомнѣнія, дано ей потому, что у ней на лбу лежитъ, какъ будто припаянная, бѣлая, гладкая бляха, весьма похожая на большую очищенную отъ шелухи миндалину, отъ чего голова издали кажется лысою. Эта бѣлая, будто костяная бляха есть не что иное какъ мясистый наростъ, покрытый крѣпкою, скорлупообразною кожей. Всѣ лысухи безъ исключенія, и самцы и самки (между которыми различія я никогда не замѣчалъ), имѣютъ эту бляху, которая лоснится на солнцѣ. Наружною вели-

*) *Лыска гагара; лыска* въ Малороссіи; въ Астрахани *кашкалдакъ;* въ Сибири *четига.* Fulica atra, L.

К. Р.

чиной лысена въ перьяхъ не меньше средней утки, но собственно тѣломъ немного больше чирка; цвѣтомъ издали вся черная, а вблизи черновато-сизая или дымчатая; ноги хотя торчатъ въ заду, какъ у *нырка,* но все же не такъ, какъ у гагаръ и гоголя; она можетъ на нихъ опираться больше другихъ настоящихъ утокъ-рыбалокъ и даже можетъ ходить. На ногахъ у лысены, повыше перваго сгиба, изъ-подъ мягкихъ, сизыхъ перьевъ, лежатъ желто-зеленыя поперечныя полосы въ полпальца шириною; зеленоватый цвѣтъ виденъ даже на послѣднемъ сгибѣ ногъ, до самой лапы; онъ проглядываетъ сквозь свинцовый цвѣтъ, общій ногамъ всѣхъ лысенъ; лапы ихъ на солнцѣ отливаютъ грязно-перламутровымъ глянцемъ; перепонка между пальцами толстая, вырѣзанная городками, отъ чего онѣ и не могутъ такъ ловко плавать, какъ другія утки. Всѣ ноги ихъ исчерчены правильными, бѣловатыми линіями, поперечными и продольными, образующими маленькіе квадратики и городки; нижняя сторона лапъ темно-свинцовая; хвостъ самый короткій, темный. Надобно замѣтить, что одно только устройство ногъ заставляетъ причислить лысуху къ породѣ утокъ-рыбалокъ; во всемъ остальномъ, кромѣ постояннаго пребыванія на водѣ, она не сходна съ ними. Летаютъ лысухи плохо и поднимаются только въ крайности: завидя какую-нибудь опасность, онѣ, покрикивая особеннымъ образомъ, какъ будто стоная или хныкая, торопливо прячутся въ камышъ, иногда даже пускаются въ бѣгъ, не отдѣляясь отъ воды и хлопая по ней крыльями, какъ молодые утята; то же дѣлаютъ, когда хотятъ подняться съ воды, покуда не разлетятся и не примутъ обыкновеннаго положенія летящей птицы. Весной появляются довольно поздно и пропадаютъ рано осенью: прилета и отлета ихъ стаями, и даже парами, я не замѣчалъ. Обыкновенное мѣстопребываніе лысухъ — стоячія воды, пруды и озера съ камышами; онѣ любятъ держаться на мелкой водѣ, даже у самыхъ береговъ, потому что ихъ пища преимущественно состоитъ изъ насѣкомыхъ, водяныхъ травъ и даже тины, для чего нужно имъ доставать дно. Впрочемъ, онѣ питаются и рыбой, если она попадется, и всегда ею пахнутъ, хотя гораздо менѣе утокъ-рыбалокъ. Къ осени лысены бываютъ очень жирны и были бы довольно вкусны, еслибы не рыбный запахъ, который однако значительно уменьшается, если содрать съ лысены кожу и потомъ уже ее жарить.

Я уже сказалъ, что нашелъ однажды пловучее гнѣздо гагары; точно такого же устройства попалось мнѣ гнѣздо и лысухи. Оно

держалось довольно высоко на водѣ, мало въ нее погружаясь. Лысена плавала кругомъ. Гнѣздо было свито изъ сухой осоки и особенной породы мягкаго, толстаго, также сухаго камыша. Одна сторона гнѣзда, по которой взлѣзала и слѣзала лысена, была обмята и пониже другихъ. Дно гнѣзда внутри и круглыя боковыя стѣнки, почти до верха, были вымазаны, и даже промазаны очень гладко, искусно и прочно, собственнымъ каломъ лысухи, отвердѣвшимъ какъ каменная штукатурка *); на днѣ лежала пастилка изъ черныхъ перьевъ и темнаго пуха, выщипаннаго матерью изъ своей хлупи, и наконецъ девять яицъ (немножко поменьше куриныхъ), прекраснаго темно-сизаго, слегка зеленоватаго цвѣта съ глянцемъ, испещренныхъ бѣлыми крапинками. Очевидно было, что гнѣздо прикрѣплялось къ камышу (тѣмъ же самымъ каломъ) и очень крѣпко, потому что верхушки двухъ перерванныхъ камышинъ и одна выдернутая, или перегнившая у корня, плотно приклеенныя къ боку гнѣзда, плавали вмѣстѣ съ нимъ по водѣ; изъ этого можно заключить, что когда гнѣздо не было оторвано отъ камыша, то воды не касалось. Я собиралъ тогда яйца всѣхъ птицъ и безъ памяти обрадовался такой рѣдкой находкѣ. Я взялъ бережно гнѣздо, поставилъ его въ лодку и поспѣшно поплылъ домой; лысуха, покрикивая, или, лучше сказать, похныкивая, провожала меня чрезъ весь прудъ, почти до самаго мельничнаго кауза **).

Маленькіе цыплята лысены бываютъ покрыты почти чернымъ пухомъ. Мать не показываетъ къ дѣтямъ такой сильной горячности, какъ добрыя утки *не*-рыбалки: спрятавъ цыплятъ, она не бросается на глаза охотнику, жертвуя собою, чтобы только отвесть его въ другую сторону, а прячется вмѣстѣ съ дѣтьми, что̀ гораздо и разумнѣе.

Охотники рѣдко, безъ особенныхъ причинъ, стрѣляютъ лысухъ, и потому онѣ очень смирны; мясо ихъ незавиднаго вкуса; даже и черный пухъ ихъ не такъ длиненъ и густъ, какъ пухъ утокъ-рыбалокъ. Впрочемъ, онъ имъ не такъ нуженъ, потому что лысухи много времени проводятъ, сидя и даже ходя по плоскимъ берегамъ пруда или озера, а не безпрестанно плаваютъ по водѣ.

---

*) Что эта обмазка или штукатурка есть не что иное какъ пометъ лысены — убѣдиться не трудно, сличивъ обмазку съ свѣжимъ пометомъ, котораго всегда бываетъ довольно на верху гнѣзда.

**) Каузъ — дверцы, въ которыя течетъ вода по трубамъ на водяныя колеса. Около Москвы называютъ его дворецъ (дверецъ?).

Чуваши, Мордва и Татары охотно ѣдятъ лысухъ, если онѣ имъ попадутся, и мнѣ случалось дарить ихъ этимъ лакомствомъ. Въ мѣстахъ гдѣ я живалъ, въ Оренбургской губерніи, лысены водятся во множествѣ и составляютъ какую-то необходимую принадлежность прудовъ и озеръ. Было бы странно подойдти или подъѣхать къ камышистому пруду и не увидѣть на немъ, порывисто двигающихся въ разныхъ направленіяхъ, черныхъ кочекъ съ бѣлыми костяными бляхами, чѣмъ кажутся издали лысены, и не услышать ихъ тихаго, грустно хныкающаго голоса: картина была бы не полна.

Разрядъ III.

ДИЧЬ СТЕПНАЯ или ПОЛЕВАЯ.

РАЗРЯДЪ III.

ДИЧЬ СТЕПНАЯ или ПОЛЕВАЯ.

Степь.

Собираясь говорить о степной дичи, я считаю нужнымъ разсказать все, что знаю о мѣстѣ ея жительства.

Слово степь имѣетъ у насъ особенное значеніе, и обыкновенно представляетъ воображенію обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности, — и многія степи таковы дѣйствительно; но въ Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, Белебеевскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ *), степи совсѣмъ не таковы: поверхность земли въ нихъ по большой части неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, даже гористая, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой *нови,* никогда непаханной земли, иногда на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда небольшое, — зовутъ тамъ степью. Такія степныя мѣста, какъ слѣдуетъ по настоящему называть ихъ, бываютъ чудно хороши весной — своею роскошною, свѣжею растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ, степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по скатамъ величавыхъ горныхъ хребтовъ, которые вдоль по рѣкамъ, рѣчкамъ и суходоламъ перерѣзываютъ иногда степные сырты и увалы, по-

*) Послѣдніе три уѣзда отошли теперь ко вновь учрежденной Самарской губерніи.

падаются горныя породы мелкорослыхъ травъ: особеннаго вида приземистый разсыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, бѣлая низенькая полынь, чаберъ и богородская трава. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ онѣ воздухъ, и кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣснаго. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степнаго воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ Башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степныя *кочи*, исхудалые, изможденные голодною зимой, и также исцѣленіемъ множества больныхъ уже приговоренныхъ къ смерти врачами. Да не приписываютъ этого исцѣленія употребленію одного кумыса: онъ мало оказываетъ пользы безъ степнаго корма для кобыльихъ матокъ, безъ степнаго воздуха, безъ жизни въ степи.

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать вётошь, то-есть прошлогодняя трава, начинаются *палы* или степные пожары. Это обыкновеніе выпаливать прошлогоднюю сухую траву для того, чтобы лучше росла новая, не обходится иногда безъ дурныхъ послѣдствій. Чѣмъ ранѣе начинаются *палы*, тѣмъ они менѣе опасны, ибо опушки лѣсовъ еще сыры, на низменныхъ мѣстахъ стоятъ лужи, а въ лѣсахъ лежатъ сувои снѣга. Если же вездѣ сухо, то степные пожары производятъ иногда гибельныя опустошенія: огонь, раздуваемый и гонимый вѣтромъ, бѣжитъ съ неимовѣрною быстротою, истребляя на своемъ пути все, что̀ можетъ горѣть: стога̀ зимовавшаго въ степяхъ сѣна, лѣсные колки *), даже гумна съ хлѣбными копнами, а иногда и самыя деревни. Для отвращенія подобныхъ бѣдствій, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ, въ общемъ употребленіи было одно средство: предварительно опалить кругомъ стога̀, лѣсъ, гумна и деревню. Я своими глазами видалъ, какъ цѣлыя толпы крестьянъ и крестьянокъ, съ метлами въ рукахъ, производили такое опаливаніе; они шли по обѣимъ сторонамъ нарочно пущеннаго и бѣгущаго, какъ ручей, огня, тушили его боковые разливы и давали ему надлежащее направленіе. При сильномъ вѣтрѣ, обыкновенно бывающемъ весною и усиливающемся отъ пожаровъ, особенно если трава суха, это предохранительное опаливанье — дѣло до-

*) Колкомъ называется, независимо отъ своей фигуры, всякій отдѣльный лѣсъ; у псовыхъ охотниковъ онъ носитъ имя *острова*.

вольно затруднительное. Случалось, что не могли сладить съ огнемъ, и онъ уходилъ въ поле, такъ что самая предосторожность производила ту же бѣду, отъ которой защищались. Такимъ же образомъ выжигаютъ залежи, поросшія высокимъ бастыльникомъ, и прошлогоднюю жниву. Это дѣлается не столько для удобренія земли, сколько для того, чтобы легче было пахать яровую пашню, ибо, на плодоносной почвѣ густая прошлогодняя жнива бываетъ выше колѣна. Не входя въ разсужденіе о неосновательности причинъ, для которыхъ выжигаютъ сухую траву и жниву, я скажу только, что палы въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину: въ разныхъ мѣстахъ, то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Хорошо, что степныя мѣста никогда не выгораютъ всѣ до тла, а то негдѣ было бы водиться полевой птицѣ. Мокрые долочки, перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ, дороги, въ колеяхъ которыхъ долго держится сырость, наконецъ рѣчки — останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ по близости сухихъ мѣстъ, куда бы могъ онъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье, въ ночной темнотѣ, бываетъ также очень живописно.

Огонь, бѣжавшій широкою рѣкой, разливая кругомъ яркій свѣтъ и заревомъ отражаясь на темномъ небѣ, вдругъ начинаетъ разбѣгаться маленькими ручейками: это значитъ, что онъ встрѣтилъ поверхность земли, мѣстами сырую, и перебирается по сухимъ верхушкамъ травы; огонь слабѣетъ ежеминутно, почти потухаетъ, кое-гдѣ перепрыгивая звѣздочками; мракъ одѣваетъ окрестность.... Но одна звѣздочка перескочила на сухую залежь, и мгновенно разстилается широкое пламя, опять озарены окрестныя мѣста и снова багряное зарево отражается на темномъ небѣ. Спачала, опаленныя степи и поля представляютъ печальный, траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зелени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорѣе развернутся онѣ разновидными листочками и лепестками, и черезъ недѣлю все покроется свѣжею зеленью; еще недѣля... и съ перваго взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Степной кустарникъ, рѣже и менѣе подвергающійся огню, потому что почва около него бываетъ сырѣе, вишенникъ, бобовникъ (дикій персикъ) и чилизникъ (полевая акація) начинаютъ цвѣсти и распространять

острый и пріятный запахъ; особенно роскошно и благовонно цвѣтетъ бобовникъ: густо обростая иногда огромное пространство по отлогимъ горнымъ скатамъ, онъ заливаетъ ихъ сплошнымъ, розовымъ цвѣтомъ *), промежъ котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговины цвѣтущаго чилизника. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя пространства покрыты бѣлыми, но не яркими, а какъ будто матовыми, молочными пелепами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышны: не передаваемое словами *чирканье* стрепетовъ, заливныя, звонкія трели кроншнеповъ, повсемѣстный горячій *бой* перепеловъ, трещанье кречетокъ. На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росою на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній дышутъ сильнѣе, благовоннѣе, — невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи.... Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело!... Таковы степныя мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіе мая.

Если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ; но если іюнь сухъ, то къ концу его травы начинаютъ сохнуть, а ковыль развивать понемногу свои пуховыя нити. Къ концу же іюня, къ Петрову дню, поспѣваетъ ранняя полевая клубника; но самый *растъ* ея бываетъ около лѣтней Казанской, 8-го іюля. Эта чудная, ароматная, превосходная вкусомъ и цѣлебная для здоровья ягода родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ удивительномъ изобиліи: въ голой, чистоковылистой степи ея мало; но около перелѣсковъ, по долинамъ и залежамъ, когда онѣ покинуты уже года три или четыре и начинаютъ лужать, клубника родится сплошная, и когда созрѣетъ, точно краснымъ сукномъ покрываетъ цѣлые загоны. Въ іюлѣ поспѣваетъ полевая вишня:

*) Плоды дикаго персика состоятъ изъ небольшихъ бобовъ, съ серебряный пятачекъ въ окружности, сердцеобразной фигуры. Орѣхи, имѣющіе вкусъ горькаго миндаля и, вѣроятно, всѣ его качества, заключены въ жесткой и крѣпкой скорлупѣ, покрытой сверху мохнатою, зеленоватою кожицей. Въ Оренбургской губерніи бьютъ изъ нихъ масло, вкусъ котораго и запахъ такъ пронзительно остры, что одну ложку его кладутъ на бутылку маковаго масла, и этого достаточно, чтобы сообщить цѣлой бутылкѣ очень сильный, пріятный и ароматическій вкусъ; если персиковаго масла положить болѣе, то оно производитъ желудочныя и головныя боли.

мѣста, гдѣ ростетъ она, называются *вишенными садками;* они занимаютъ иногда огромное пространство и сначала еще ярче краснѣютъ издали, чѣмъ клубника; но спѣлая ягода темнѣетъ и получаетъ свой собственный, вишневый цвѣтъ. Русскіе туземцы только сушатъ полевую клубнику для продажи и для употребленія во время поста, а всѣ азіатскія племена приготовляютъ изъ нея пастилу, которая бываетъ очень вкусна, если сдѣлана изъ отборныхъ спѣлыхъ ягодъ; она извѣстна подъ именемъ *татарской пастилы.* Вишню также сушатъ, а больше садки отдаютъ *на съемъ* пріѣзжающимъ нарочно для этого промысла верховымъ торгашамъ, которые нанимаютъ кучу всякаго народа, набираютъ вишенъ цѣлые десятки возовъ, бьютъ морсъ и увозятъ въ большихъ сорокоушахъ; изъ этого морса выгоняется превосходная водка. Но прежде нашествія человѣческаго, нападаютъ на ягоды птицы: тудаки, стрепета и тетерева съ своими выводками. Послѣдніе исключительно питаются ягодами, пока ягоды не сойдутъ, и въ это время мясо молодыхъ тетеревовъ получаетъ отличный вкусъ.

Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ: выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перловосизыя волокна ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, разсыпаетъ направо и налѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все какъ будто текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, у иныхъ производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Степныя же мѣста не ковылистыя, въ позднюю осень, имѣютъ видъ еще болѣе однообразный, безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на которыхъ, около круглыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, выростаетъ молодая зеленая отава: станицы тудаковъ и стрепетовъ любятъ бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси, огромными вереницами перемѣщаясь съ одной воды на другую, опускаются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травкой.

Необходимая принадлежность степей Оренбургскаго края, съ

весны до поздней осени, — башкирскіе *кочи,* съ ихъ многочисленными стадами мелкаго скота и конскими табунами. Какъ только покажется подножный кормъ, Башкирцы, всѣ безъ исключенія, со всѣми своими семействами, здоровые и больные, со всѣмъ своимъ скарбомъ, переселяются въ степь. Выбираютъ привольное мѣсто, не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи отъ воды и лѣса, съ изобильными пастбищами для скота, ставятъ войлочные свои шатры, вообще извѣстные подъ именемъ *калмыцкихъ кибитокъ,* строютъ плетневые шалаши и водворяются въ нихъ. Тогда-то степи населяются и принимаютъ свой первобытный образъ, блѣднѣющій съ каждымъ годомъ. Здѣсь утонули въ травѣ разсыпанныя стада барановъ, овецъ и козъ, съ молодыми ягнятами и козлятами, матки которыхъ всегда ягнятся на траву; далеко слышно ихъ разноголосное блеянье. Тамъ бродятъ и мычатъ стада коровъ, тамъ пасутся и ржутъ конскіе табуны; а вотъ появляются на концахъ горизонта, то съ одной, то съ другой стороны, какія-то черныя движущіяся точки: это остроконечныя шапки Башкиръ. Иногда такія точки помелькаютъ на крайнихъ чертахъ горизонта и пропадутъ; иногда выплываютъ на степь, выростаютъ и образуютъ цѣлыя полныя фигуры всадниковъ, плотно приросшихъ кривыми ногами къ тощимъ, но крѣпкимъ, не знающимъ устали, своимъ иноходцамъ *): это Башкирцы, лѣниво, безпечно, всегда шагомъ разъѣзжающіе по родной своей степи. Пересѣкая ее во всѣхъ направленіяхъ, они или просто гуляютъ отъ нечего дѣлать, или ѣдутъ въ гости, *шабры-кочи* (сосѣднее кочевье), иногда верстъ за сто, обжираться до послѣдней возможности жирною бараниной и напиваться до-пьяна кумысомъ. Въ первыхъ кочевьяхъ Башкирцы живутъ до тѣхъ поръ, пока не потравятъ кругомъ кормовъ своими стадами; тогда переселяются они на другое мѣсто, а потомъ даже на третье. Въ выборѣ первой кочевки Башкирцы руководствуются правиломъ: сначала занимать такія мѣста, на которыхъ трава скорѣе выгораетъ отъ солнца, то-есть болѣе высокія, открытыя и сухія; потомъ переходятъ они къ долинамъ, къ перелѣскамъ (гдѣ они есть), къ овражкамъ съ родниками и вообще къ мѣстамъ болѣе низменнымъ и влажнымъ. Съ самаго начала

---

*) Въ породѣ башкирскихъ лошадей очень много попадается иноходцевъ, почти всегда головастыхъ, горбатыхъ и вообще не высокаго достоинства, относительно рѣзвости бѣга; но они очень покойны для верховой ѣзды, и Башкирцы очень любятъ на нихъ ѣздить.

весны отдѣлятъ они всѣхъ кобылицъ, кромѣ дойныхъ матокъ, въ одинъ табунъ или косякъ и, подъ начальствомъ жеребца, пускаютъ въ степь. Косячный жеребецъ дѣлается полнымъ хозяиномъ и настоящею главою своего гарема. Онъ держитъ женъ своихъ въ строгомъ повиновеніи: если которая нибудь отобьется въ сторону, — онъ заворачиваетъ ее въ табунъ; онъ переводитъ ихъ съ одного пастбища на другое, на лучшій кормъ; гоняетъ на водопой и загоняетъ на ночлегъ, однимъ словомъ — строго пасетъ свой косякъ, никого не подпуская къ нему близко, ни днемъ, ни ночью. Распустивъ гриву и хвостъ, оглашая степную даль ржаньемъ, носится онъ вокругъ табуна и вылетаетъ навстрѣчу приближающемуся животному или человѣку, и если мнимый врагъ не отойдетъ прочь, то съ яростью бросается на него, рветъ зубами, бьетъ передомъ и лягаетъ задними копытами. Бѣшеная запальчивость его бываетъ до того безумна, что однажды косячный жеребецъ напалъ на тройку лошадей, на которыхъ я ѣхалъ въ охотничьихъ дрожкахъ! Онъ изъѣлъ шею моего корневаго жеребца, и я только выстрѣлами могъ отогнать его.... Наступаетъ суровая осень; голодно и холодно становится въ степи на подножномъ кормѣ, и жеребецъ самъ пригоняетъ ввѣренный ему косякъ жеребыхъ матокъ на дворъ къ своему хозяину.

Но не всѣ лошади кормятся зимою на дворахъ; бо̀льшая часть башкирскихъ табуновъ проводятъ зиму въ степи. Въ деревняхъ остаются только лошади отличныя, по чему-нибудь рѣдкія и дорогія, лошади ѣзжалыя, необходимыя для домашняго употребленія, жеребята, родившіеся весной того же года, и жеребыя матки, которыхъ берутъ однако на дворы не ранѣе, какъ во второй половинѣ зимы: всѣ остальныя *тюбенюютъ,* то-есть бродятъ по степи, и разгребая снѣгъ копытами, кормятся ветошью ковыля и другихъ травъ. Хотя снѣга въ открытыхъ степяхъ и по скатамъ горъ бываютъ мелки, потому что вѣтеръ, гуляя на просторѣ, сдираетъ снѣгъ съ гладкой поверхности земли и набиваетъ имъ глубокіе овраги, долины и лѣсныя опушки; но, тѣмъ не менѣе, отъ такого скуднаго корма, несчастныя лошади къ веснѣ превращаются въ лошадиные остовы, едва передвигающіе ноги, и многія колѣютъ; если же предъ выпаденіемъ снѣга случится гололедица и земля покроется ледяною корой, которая подъ снѣгомъ не *отойдетъ* (какъ то иногда бываетъ), и которую разбивать копытами будетъ невозможно, то всѣ конскіе табуны гибнутъ отъ голода на *тюбеневкѣ.* Башкирцы, по лѣности своей, мало заготовляютъ сѣна

на зиму. Правду сказать, на весь скотъ и на всѣ конскіе табуны, въ такомъ количествѣ, въ какомъ Башкирцы держали ихъ прежде, заготовить сѣна было невозможно; теперь Башкирцы косятъ его вдвое больше, а скота и лошадей противъ прежняго не имѣютъ и въ половину.

Наконецъ, наступаетъ первозимье: снѣгъ покрываетъ землю; ложатся пороши, испещряется степь русачьими *маликами,* лисьими *нарысками,* волчьими *слѣдами* и слѣдами мелкихъ звѣрковъ. Пришла пора сходить и съѣзжать русаковъ. Если вдругъ выпадетъ довольно глубокій снѣгъ, четверти въ двѣ, пухлый и рыхлый до того, что нога звѣря вязнетъ до земли, то Башкирцы и другіе азіатскіе и русскіе поселенцы травятъ или, вѣрнѣе сказать, давятъ въ большомъ числѣ русаковъ не только выборзками, но и всякими дворными собаками; а лисъ и волковъ загоняютъ верхами на лошадяхъ и убиваютъ однимъ ударомъ толстой ременной плети, отъ которой, впрочемъ, и человѣкъ не устоитъ на ногахъ. Успѣхъ травли и гоньбы происходитъ отъ того, что лошадямъ и высокимъ на ногахъ собакамъ — снѣгъ, въ двѣ и двѣ съ половиной четверти глубины, мало мѣшаетъ скакать, а звѣрю напротивъ: онъ вязнетъ почти по уши, скоро устаетъ, выбивается изъ силъ, и догнать его нетрудно. Съ первою оттепелью, съ первою осадкой снѣга и образованьемъ наста, безъ чего рѣдко становится зима, всякое добыванье звѣря въ степи гоньбою прекращается, потому что снѣгъ окрѣпнетъ и, поднимая звѣря, не подниметъ ни человѣка, ни лошади. Однѣ зимнія вьюги, по-оренбургски — бураны, безпрепятственно владычествуютъ на гладкихъ равнинахъ, взрывая ихъ со всѣхъ сторонъ, превращая небо, воздухъ и землю въ кипящій снѣжный прахъ и бѣлый мракъ.... О, не дай Богъ никому испытать жестокость зимнихъ мятелей въ степяхъ оренбургскихъ!

Кромѣ извѣстной дичи: тудаковъ, кроншнеповъ, стрепетовъ и другихъ, въ степяхъ водятся звѣри и разные звѣрки: бѣлесоватая степная лиса, которая хуже мѣхомъ и меньше ростомъ лѣсной, красной лисицы, называемой *огневка,* зайцы, русаки и тумаки, которыхъ охотники называютъ *ковыльниками,* хорьки, горностаи, ласки и карбыши. Въ отрогахъ водятся волки, изрѣдка и барсуки, а по скатамъ горъ водились прежде, въ великомъ множествѣ, сурки. Я еще помню, какъ около самыхъ деревень, куда бывало ни взглянешь, вездѣ по сурчинамъ *) сидятъ они на заднихъ

*) Сурчинами называются бугорки, насыпанные сурками, при рытьѣ своихъ норъ, которыя бываютъ очень глубоки, всегда имѣютъ два входа и проводятся

лапкахъ, какъ медвѣжата, и громкимъ свистомъ перекликаются между собою. По мѣрѣ населенія края, сурки отступали отъ новыхъ пришельцевъ въ мѣста болѣе уединенныя, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, почти перевелись. Безчисленныя сурчины, но уже пустыя, свидѣтельствуютъ о множествѣ прежнихъ жильцовъ. Въ покинутыхъ норахъ нерѣдко поселяются лисы и выводятъ дѣтей, а зайцы-русаки прячутся въ нихъ отъ всякой невзгоды. Крѣпкая кожа и отлично-мягкое сало сурковъ, которые бываютъ до невѣроятности жирны къ осени, весьма пригодны для домашняго обихода. Бить изъ ружей ихъ трудно, потому что сурки сидятъ надъ самою норою и, будучи даже смертельно ранены, надаютъ прямо въ нору и успѣваютъ залѣзать въ нее такъ глубоко, что ихъ не достанешь, а разрывать нору много хлопотъ. Туземцы ловятъ сурковъ петлями, которыя настораживаются надъ лазомъ изъ главной норы, и капканами, которые ставятъ на торныхъ тропахъ, проложенныхъ отъ одной сурчины къ другимъ: сурки любятъ цѣлыми семьями посѣщать своихъ сосѣдей и принимать гостей; соберутся кучкой, посидятъ на заднихъ лапкахъ, посвищутъ и разойдутся. Бывало, станешь приближаться къ такой пріятельской бесѣдѣ, и вдругъ хозяева попрячутся въ норы, а гости побѣгутъ, неуклюже и смѣшно, къ своимъ сурчинамъ. — Сурки рано осенью уходятъ въ норы, затыкаютъ ихъ изнутри сухою травой и засыпаютъ до весны, до пробужденія отъ зимняго сна всей природы.

Со временемъ не останется лоскута нераспаханной степи въ Оренбургской губерніи. Вопреки землемѣрскимъ планамъ и межевымъ книгамъ, всѣ ея земли удобны, всѣ должны быть населены, и все, написанное мною о степныхъ мѣстахъ этого чуднаго края, сдѣлается преданіемъ, разсказомъ старины.

подъ землею на довольно большое разстояніе. Главный или передній входъ, широкій и утолоченный отъ безпрестаннаго влѣзанья, называется *норою*, а задній, мало примѣтный, употребляемый только въ крайности, называется подноркомъ. Эти бугорки, а иногда порядочные бугры, если семейство сурковъ велико, составляются первоначально изъ чернозема, а потомъ, по мѣрѣ углубленія норы, замётываются выгребаемою лапами сурковъ глиною и даже галькой, и потому краснѣются издали, покуда плотно не обростутъ чилизникомъ и бобовникомъ.

1.

ДРОФА *).

Имя *дрофы* — не знаю откуда происходитъ **). Въ Оренбургской губерніи зовутъ ее по-татарски *тудакъ* или *дудакъ* ***). Это же названіе слыхалъ я въ сосѣдственныхъ губерніяхъ; но въ Курской, вмѣсто дрофа, говорятъ „дрохва". Я остаюсь убѣжденъ въ нерусскомъ происхожденіи этого слова.

По величинѣ своей, особенно по тяжести (старая, жирная дрофа вѣситъ до 35 фунтовъ), по вкусному мясу, когда она молода и сыта, по осторожности ея и трудности добыванья, дрофа имѣетъ безспорное право на первенство между степною дичью. Станомъ и статью, образованіемъ головы, носа и ногъ, она очень похожа на дворовую большую индѣйку. Молодая дрофа, въ первый годъ,

---

*) *Дрохва, драхва.* Otis tarda, L. К. Р.

**) Замѣчательно, что въ Сибири она зовется, по Палласу, *драпъ* (или *степная курица)*, что конечно, одного корня съ *дрохвою* и Нѣмецкимъ die Trappe. К. Р.

***) *Дудокъ.* К. Р.

перомъ изсѣра-глинистая; но съ возрастомъ выцвѣтаетъ и дѣлается годъ отъ году бѣлѣе. Голова у дрофы и шея какого-то пепельнаго или зольнаго цвѣта; носъ толстый, крѣпкій, нѣсколько погнутый къ низу, въ вершокъ длиною, темно-сѣрый и не гладкій, а шероховатый; зрачки глазъ желтые; ушныя скважины необыкновенно велики и открыты, тогда какъ у всѣхъ другихъ птицъ онѣ такъ спрятаны подъ мелкими перышками, что ихъ и не примѣтишь; подъ горломъ у нея есть внутренній кожаный мѣшокъ, въ которомъ можетъ вмѣщаться много воды; ноги толстыя, покрытыя крупными, сѣрыми чешуйками, и, въ отличіе отъ другихъ птицъ, на каждой только по три пальца. Пѣтухъ или самецъ, кромѣ бо́льшей величины, отличается тѣмъ, что у него, по обѣимъ сторонамъ головы, ростутъ перья вихрястыя или хохластыя, а около подбородка, вдоль шеи, висятъ косицы, длиною вершка въ два съ половиной, въ видѣ гривы или ожерелья, распускающагося какъ вѣеръ; всего этого нѣтъ у курицы или дрофиной самки, да и вообще зольный цвѣтъ головы и шеи, ржавая краснота перьевъ и темныя струи по спинѣ, у самца ярче. Пухъ у дрофы рѣдкій, изсѣра-розовый; даже перышки на брюхѣ и спинѣ у самыхъ корней имѣютъ розовый цвѣтъ. Она отличается отъ всѣхъ птицъ внутреннимъ устройствомъ своего организма, и одинъ только стрепетъ, какъ мы увидимъ ниже, раздѣляетъ съ нею эту особенность. Дрофа имѣетъ желудокъ, и пища переваривается въ немъ, а не въ зобу. Тудаки водятся, то-есть выводятъ дѣтей, непремѣнно въ степи настоящей, еще не тронутой сохою *); но летаютъ кормиться вездѣ: на залежи, озими и хлѣбныя поля. Я не нахаживалъ гнѣздъ дрофы; но судя по стрепету, имѣющему съ нею большое сходство во всемъ, кромѣ величины, можно повѣрить разсказамъ охотниковъ, что дрофа кладетъ до десяти яицъ (другіе утверждаютъ, что не болѣе трехъ), похожихъ фигурою на яйца индѣйки, съ тою разницею, что дрофиныя нѣсколько больше, круглѣе, цвѣтомъ темныя, съ желтоватыми пятнами. Дрофа питается преимущественно травою, изрѣдка хлѣбными зернами; но глотаетъ всякихъ насѣкомыхъ, даже ящерицъ, неоперившихся птичекъ, мышей, земляныхъ лягушекъ и небольшихъ змѣй, чѣмъ особенно занимается

*) Есть охотники, которые утверждаютъ противное; но я, убѣжденный примѣромъ другихъ птицъ, не вѣрю, чтобы дрофа вила гнѣздо и выводила дѣтей въ молодыхъ хлѣбахъ: вѣроятно, она немедленно перемѣщается туда съ своими цыплятами.

журавль. Весною появляются тудаки небольшими станичками, а къ осени собираются большими стаями; въ это время застрѣлить дрофу еще труднѣе, чѣмъ весною. Во множествѣ онѣ очень сторожки и не допускаютъ на ружейный выстрѣлъ даже картечью, хотя бы охотникъ подъѣзжалъ на крестьянской телѣгѣ, обтыканной зелеными вѣтвями, или спрятанный въ возу травы или сѣна. Но въ одиночку, даже въ парѣ, дрофы нѣсколько смирнѣе; иногда можетъ удаться подъѣхать къ нимъ въ мѣру выстрѣла крупною гусиною дробью или безымянкой: послѣдняя благонадежнѣе потому, что стрѣлять приходится не близко, и потому, что эта птица къ ружью очень крѣпка. Пѣшкомъ подойдти къ ней невозможно; а можно, если мѣстность будетъ благопріятна, какъ-нибудь подползти оврагомъ, подкрасться изъ-за бугра, нежатаго хлѣба или стога сѣна. Дрофу въ одиночку и даже въ парѣ можно *заѣздить*, какъ говорятъ охотники, то-есть, увидавъ ихъ издали, начать ѣздить кругомъ; сначала круги давать большіе, а потомъ съ каждымъ разомъ ихъ уменьшать; дрофа не станетъ нажидать на себя человѣка и сейчасъ пойдетъ прочь, но какъ вездѣ будетъ встрѣчать того же, все ближе подъѣзжающаго охотника, то, походя взадъ и впередъ, ляжетъ въ какую-нибудь ямку, хотя бы въ ней негдѣ было спрятать одной ея головы; въ этомъ глупомъ положеніи, вытянувъ шею и выставивъ напоказъ все свое объемистое тѣло, подпускаетъ она охотника довольно близко. Разумѣется, не на всякой мѣстности можно исполнить этотъ нехитрый маневръ.

Все, что́ я говорю о дрофахъ, — говорю по наслышкѣ отъ достовѣрныхъ охотниковъ. Къ собственному моему удивленію и огорченію, я почти незнакомъ съ нравами и стрѣльбой этой первоклассной степной дичи, хотя долго жилъ въ такой губерніи, гдѣ дрофа, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, продолжаетъ водиться довольно изобильно. Чтобы понять такую странность, надобно принять въ соображеніе огромное пространство Оренбургской губерніи — это обширный край, цѣлое царство. Я живалъ всегда именно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ даже залетныя дрофы считались рѣдкостью. Прежде онѣ водились вездѣ, но теперь держатся только тамъ, гдѣ не такъ сильно умножилось народонаселеніе, гдѣ остались большія пространства нераспаханной, малопосѣщаемой башкирскими табунами, ковылистой степи. Впрочемъ, мнѣ случалось нѣсколько разъ находить дрофъ по одной, по двѣ и даже по нѣскольку штукъ; но не только не удалось убить, даже выстрѣлить въ дрофу при-

велось одинъ разъ во всю жизнь, и то въ летъ, утиною дробью и не въ мѣру. Во встрѣчахъ моихъ съ тудаками господствовала совершенная неудача, полное охотничье несчастіе. Боясь наскучить моимъ читателямъ, я не стану ихъ описывать. Но застрѣленныхъ дрофъ другими охотниками, молодыхъ и старыхъ, худыхъ и жирныхъ, я видѣлъ не одинъ разъ и могъ разсмотрѣть внимательно ихъ наружность и внутренность. Полетъ у дрофы тяжелъ, крыльями она машетъ рѣдко и какъ будто слегка переваливается съ боку на бокъ, но летитъ сильно и скоро. Весною оказывается не рано, а по наступленіи теплой погоды, когда подростетъ уже молодая трава. Говорятъ, что осенью дрофы собираются передъ отлетомъ огромнѣйшими стаями и держатся долго, постепенно подвигаясь къ югу. Разсказывали также мнѣ Башкирцы, что тудаки очень охотно бродятъ цѣлыми станицами по старымъ, уже брошеннымъ башкирскимъ *кочамъ* или *кочевьямъ*. Дрофы предпочтительно любятъ рыться и копаться тамъ, гдѣ стояли плетеные шалаши, или такъ-называемыя *калмыцкія кибитки,* и гдѣ осталось много нечистотъ человѣческихъ и скотскихъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о нравахъ этой замѣчательной птицы, равно и о средствахъ ея добыванія, къ сожалѣнію, сообщить не могу, потому что не люблю основываться на однихъ разсказахъ.

2.

ЖУРАВЛЬ *).

Объемомъ собственно тѣла онъ менѣе, хотя подлиннѣе дрофы и едва-ли будетъ съ большаго стараго гуся; но длинныя перья на спинѣ, бокахъ и величина крыльевъ даютъ ему видъ самой большой птицы. Журавль очень высокъ на ногахъ, шея его также очень длинна, и еслибы носъ соотвѣтствовалъ другимъ членамъ, какъ то бываетъ у куликовъ, то ему слѣдовало бы быть въ полъаршина длиною; но его носъ, крѣпкій и острый къ концу, темнозеленоватаго костянаго цвѣта, не длиннѣе трехъ вершковъ; голова небольшая. Журавль весь свѣтло-пепельнаго, сизаго цвѣта; передняя часть его головы покрыта черными перышками, а задняя, совершенно голая, поросла темно-красными бородавочками и кажется

*) Grus cineria, Bechst.

пятномъ малиноваго цвѣта; отъ глазъ идутъ бѣловатыя полоски, исчезающія въ темно-сѣрыхъ перьяхъ позади затылка; глаза небольшіе, сѣро-каштановые и свѣтлые; хвостъ короткій: изъ него, начиная съ половины спины, торчатъ вверхъ пушистыя, мягкія, довольно длинныя, красиво загибающіяся перья; ноги и три передніе пальца покрыты жесткою, какъ будто истрескавшеюся, черною кожею.

Журавль, такъ-сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся, настоящая *стросвая*, отлетная птица; онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ-разъ прозовутъ журавлемъ. Не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: *не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки;* выраженіе „въ небѣ“ уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *курлыканья,* похожаго на отдаленные звуки волторнъ и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому?... Эти звуки издаютъ одни самцы, и для того у нихъ дыхательное горло имѣетъ особенное устройство. Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя бы стояла холодная погода; эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; за то въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце: „быть рано зимѣ“, говоритъ онъ, „журавли пошли въ походъ“, — и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе. Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь выше и выше, такъ что, наконецъ, не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ. Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки: иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго, по большей части, гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи *журавлиный ключъ*, потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ

простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ крестьянскимъ ключомъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ *). Впрочемъ, изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупаго и почти равносторонняго треугольника.

Въ строгомъ смыслѣ, журавль не степная, а полевая птица. Въ настоящихъ степяхъ рѣдко встрѣтишь журавлей; они любятъ хлѣбныя поля и вспаханную землю; охотно кушаютъ всякія хлѣбныя зерна и всегда охотнѣе — горохъ. Журавль очень прожорливъ, и за недостаткомъ корма, приготовляемаго для него человѣческими руками, жадно глотаетъ все, чтó ни попало: сѣмена разныхъ травъ, ягоды всякаго рода, мелкихъ насѣкомыхъ и земляныхъ червей, наконецъ ящерицъ, лягушекъ, мышей, маленькихъ сусликовъ и карбышей, не оперившихся мелкихъ птичекъ и всякихъ змѣй; къ послѣднимъ журавль имѣетъ особенный аппетитъ. Если попадается слишкомъ длинная змѣя, *желѣзница* или *мѣдяница,* то онъ расклюетъ ее носомъ на нѣсколько частей и проглотитъ: небольшихъ змѣй и ужей глотаетъ цѣликомъ, напередъ нѣсколько разъ подбросивъ ужа или змѣю очень высоко вверхъ; то же дѣлаетъ журавль съ ящерицами и лягушками; вѣроятно, онъ хочетъ (инстинктивно) прежде ихъ убить, а потомъ съѣсть. Я не раздѣляю мнѣнія нѣкоторыхъ охотниковъ, что онъ играетъ, бросая вверхъ свою добычу; но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что его желудокъ переваривает такую пищу безвредно.

Журавли вьютъ гнѣзда всегда на землѣ непаханной, но иногда со всѣхъ сторонъ окруженной пашнею; для гнѣзда выбираютъ сухое, возвышенное мѣсто, нерѣдко старую, брошенную *сурчину,* непремѣнно заросшую чилизникомъ, бобовникомъ или вишенникомъ. Гнѣздо бываетъ свито незатѣйливо: это просто круглая ямка на

*) Ключъ этотъ очень похожъ на молотильный цѣпъ въ наклоненномъ положеніи, съ тою разницею, что висячая, короткая его часть не кругла, а плоска, и двигается не на привязи, а на деревянномъ шпенькѣ (шалнерѣ), устроенномъ въ концѣ длинной рукоятки. Надъ внутреннею задвижкой амбара или клѣти, имѣющею на себѣ зарубку, провертена въ дверномъ косякѣ сквозная дыра; хозяинъ, желая запереть амбарушку, пропускаетъ выпрямленный ключъ снаружи внутрь; опускная короткая его половина, вышедъ изъ отверстія, сейчасъ опускается и попадаетъ прямо въ зарубку; повернувъ направо или налѣво, смотря по устройству двери, онъ задвигаетъ внутренній засовъ. Этотъ ключъ, иногда желѣзный, до сихъ поръ употребляется вездѣ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ города. Разумѣется, такой запоръ не удержитъ ночнаго вора; но ребятишки и скотина не отворятъ запертой двери, и цѣль вполнѣ достигается.

землѣ, слегка устланная сухою травою; два огромныя длинныя яйца, похожія фигурою на куличьи, зеленовато-пепельнаго цвѣта, испещренныя крупными темно-коричневыми крапинками, лежатъ, ничѣмъ не окруженныя и не покрытыя. Журавль съ журавлихой, или *журкой* (такъ ласково называетъ ее народъ), сидятъ попеременно на яйцахъ; свободный отъ сидѣнья ходитъ кругомъ гнѣзда поодаль, кушаетъ и караулитъ; громкій его крикъ возвѣщаетъ приближеніе какой-нибудь опасности, и сидящій на яйцахъ сейчасъ бросаетъ ихъ, отбѣгаетъ, согнувшись, въ сторону, и начинаетъ звать своего дружку, который немедленно къ нему присоединяется; они вмѣстѣ уходятъ отъ гнѣзда дальше или улетаютъ. Очевидно, что большой горячности къ гнѣздамъ и яйцамъ журавли не имѣютъ; немного больше оказываютъ ее и дѣтямъ. Когда выведутся журавлята, то старики уводятъ ихъ въ нежатый хлѣбъ или въ луга, гдѣ ростутъ кусты и высокая трава; если же луга выкосятъ, то журавли скрываются съ молодыми въ мелкомъ лѣсу, кустахъ и камышахъ уремы, а иногда въ лѣсныхъ опушкахъ. Смотря по мѣстности и удобству, журавли выводятъ иногда дѣтей въ лугахъ и даже болотныхъ уремахъ. Журавлята всегда бываютъ неуклюжи, нескладны, слабы и безпрестанно пищатъ очень жалобно. Они выводятся, покрытые сизымъ пухомъ, и долго въ немъ остаются; перятся очень медленно. Будучи пойманы и выкормлены вмѣстѣ съ дворовою птицей, очень скоро привыкаютъ ко всякой пищѣ и дѣлаются совершенно ручными; но какъ скоро подростутъ крылья, то непремѣнно улетятъ, если не въ первый годъ, то въ слѣдующій: если же крылья подрѣзывать, то остаются ручными, но дѣтей не выводятъ.

Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ, или охотничьихъ дрожкахъ, иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Нечего и говорить, что дробь надобно употреблять самую крупную, безымянку; а для журавлиныхъ стай въ осеннее время необходимо имѣть въ запасѣ заряды мелкой картечи. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно и мало убьешь ихъ, а надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, то-есть подкрадываться къ нимъ изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и проч. и проч. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журав-

ли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или на ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

Весьма естественно, что журавль — сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями, и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасною птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его: скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйдти, онъ, на всемъ бѣгу, бросается на спину и начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой храброй обороны: одного криваго охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ ничего нѣтъ смѣшнаго; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, или вздумаетъ приласкаться къ своей дружкѣ, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, или пара соединяющихся супруговъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка.

Я уже сказалъ, что журавлей стрѣлять трудно, по разнымъ

причинамъ, и что никогда не добудешь ихъ много въ одно поле, особенно не убьешь однимъ зарядомъ двухъ или трехъ. Для этого нуженъ какой-нибудь счастливый случай; со мной случилось такихъ два. Одинъ разъ, поздно воротившіеся съ работы крестьяне сказали мнѣ, что проѣхали очень близко мимо станицы спящихъ журавлей; ночь была мѣсячная; я бросился съ ружьемъ въ крестьянскую телѣгу и велѣлъ везти себя по той самой дорожкѣ, по которой ѣхали крестьяне. Журавли подпустили меня очень близко; хотя сторожа ихъ не спали, но не подняли тревоги. Я заѣхалъ такъ, чтобы можно было ударить вдоль линіи спящихъ журавлей, которыхъ было десятка два: я прицѣлился въ третьяго съ края, и однимъ выстрѣломъ убилъ четверыхъ. Это случилось въ августѣ, во время еще сильныхъ жаровъ. Въ другой разъ, въ необыкновенно теплую осень, именно 24-го сентября, увидѣлъ я, разумѣется уже пролетную, огромную стаю журавлей, опустившуюся на хлѣбное сжатое поле. Мѣсто было чистое и подъѣздъ, даже подходъ, невозможенъ. Я поползъ межой, заросшею бобовникомъ и вишенникомъ, и залегъ въ ней, а дрожкамъ своимъ велѣлъ заѣхать съ противоположной стороны. Журавли медленно подвигались прямо на меня, а мои дрожки продолжали ѣздить взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока вся журавлиная стая не подошла ко мнѣ очень близко. Наконецъ, я выстрѣлилъ: три журавля остались на мѣстѣ, а четвертый, тяжело раненый, пошелъ на отлетъ къ низу и упалъ, версты за полторы, въ глухой и болотистой уремѣ, при соединеніи рѣки Боклы съ Насягаемъ. Я искалъ его вплоть до вечера, и наконецъ нашелъ съ помощью собаки, но уже мертваго.

Журавль не можетъ подняться съ мѣста вдругъ. Ему нужно сажени двѣ-три, чтобы разбѣжаться. Въ доказательство этому я видѣлъ своими глазами весьма странный случай: охотникъ, возвращавшійся домой съ двумя борзыми собаками, случайно съѣхался со мной, и мы, продолжая путь вмѣстѣ, увидѣли двухъ журавлей, ходившихъ по скошенному лугу очень близко отъ большаго стога сѣна. Охотникъ вздумалъ показать ихъ своимъ собакамъ: онѣ воззрились и пустились мастерить къ журавлямъ изъ-за стога. Охотникъ, ѣхавшій верхомъ, шутя поскакалъ за собаками. Что же вышло? Одна изъ собакъ, порѣзвѣе, выскочивъ внезапно изъ-за стога, успѣла схватить за ногу тяжело поднимавшагося журавля; скоро подоспѣла другая собака, и обѣ вмѣстѣ, хотя, порядочно исклеванныя, удержали журавля до прибытія охотника, и онъ взялъ его живаго. На этомъ основаніи можно повѣрить разска-

замъ, что въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ къ осеннему отлету собираются безчисленныя станицы журавлей, крестьяне бьютъ ихъ дубинами, предварительно заставя столпиться въ кучу боковыми заѣздами, и наведя такимъ образомъ на засаду, изъ которой бросаются неожиданно на журавлей верховые съ длинными палками.

Мясо старыхъ журавлей всегда сухо и довольно черство, но имѣетъ весьма пріятный вкусъ и запахъ дичины. Мясо же молодыхъ отлично хорошо, мягко и сочно. Журавли никогда не бываютъ жирны, даже передъ своимъ отлетомъ, несмотря иногда на питательную, хлѣбную пищу. Самый сытый осенній журавль имѣетъ только на своей хлупи тонкую пелену жира, лежащую двумя полосами, да по небольшому куску сала подъ мышками; но во внутренности жиру бываетъ довольно. Молодой жареный журавль, по-моему, очень вкусенъ; всего же пригоднѣе онъ для фарша въ паштетъ и для окрошки.

Старинные охотники, да и теперь охотники деревенскіе, дорожатъ журавлями за ихъ величину; хотя мясо и жестковато, за то *есть* что́ *поѣсть*. Я долженъ признаться, что въ молодости самъ съ большимъ увлеченіемъ гонялся за ними, жадничая убить такую крупную дичь.

3.

СТРЕПЕТЪ *).

Народъ называетъ его иногда *стрепелъ:* и то и другое имя характерно выражаетъ взлетъ, или подъемъ, и самый полетъ этой птицы. Стрепетъ точно *встрепенется,* когда поднимается, или, вѣрнѣе сказать, сорвется съ земли. Онъ летитъ очень сильно и проворно. Даже маханье крыльями незамѣтно: такъ часто онъ ими машетъ. Стрепетъ дрожитъ, *трепещетъ* въ воздухѣ, какъ будто на одномъ мѣстѣ, и въ то же время быстро летитъ впередъ. Всегда прямой его полетъ производитъ дребезжащій свистъ, далеко слышный и неравнодушно слышимый охотниками. По крайней мѣрѣ я уважалъ стрепетовъ болѣе всей степной дичи, разу-

*) Въ Малороссіи *хохотва, степная курица;* на Каспіи *степной тетеревъ, трясучка* — названія, вѣрно характеризующія общій складъ, голосъ и полетъ этой птицы. Otis tetrax, L.

К. Р.

мѣется кромѣ дрофъ, которыхъ мнѣ стрѣлять не удавалось. Стрепетъ поменьше нѣсколько старой тетеревиной курочки. Онъ, конечно, въ восемь разъ менѣе матерой дрофы, но сходенъ съ нею во всемъ устройствѣ своихъ наружныхъ и внутреннихъ членовъ, кромѣ цвѣта перьевъ. Онъ преимущественно питается травой, но изрѣдка глотаетъ и насѣкомыхъ; пища переваривается у него не въ зобу, а въ желудкѣ; пухъ на тѣлѣ имѣетъ рѣдкій, розовый, и такого же цвѣта пушистые корни всѣхъ перьевъ; голова, шея, носъ, ноги и весь складъ стрепета — чисто куриный. Весьма трудно передать зеленовато-сѣрую нестроту перьевъ стрепета. Каждое перо, по бланжевому полю, испещрено въ разныя стороны идущими, прямыми извилистыми полосками, но правильно и однообразно расположенными; всѣ же перья вмѣстѣ на спинѣ представляютъ общую пестроту того же цвѣта съ черноватыми пятнами, которая происходитъ отъ того, что одно перо складывается съ другимъ, своими темными полосками или извилинками; изъ этого составляются какъ будто пятна. Шея также пестрая, съ дольными бѣловатыми полосками; головка черновата, а зобъ и верхняя часть хлупи по бѣлому полю испещрены, напротивъ, поперечными полосками; остальная хлупь вся бѣлая и подъ крыльями подбой также бѣлый; въ крыльяхъ три первыя пера сверху темныя, а остальныя бѣлыя, съ темными каймами на концахъ; хвостъ короткій, весь въ мелкихъ сѣрыхъ пестринкахъ; на каждомъ хвостовомъ перѣ, на палецъ отъ конца, лежитъ поперекъ темная узенькая полоска; ноги блѣдно-зеленоватаго цвѣта. Самецъ же отличается тѣмъ, что у него подъ горломъ и на зобу перья темнѣе, и даже кажутся сплошь черными, а поперекъ зоба лежитъ прорѣзная бѣлая полоска. Крылья у стрепета кругловаты и, когда онъ летитъ, кажутся какъ будто выпуклыми. Стрепетъ водится, то-есть выводитъ дѣтей, непремѣнно въ степи, но летаетъ кормиться и даже постоянно держится вездѣ на поляхъ: весной по жнивью, по молодымъ хлѣбамъ и залежамъ, а къ осени — по скошеннымъ лугамъ, когда начнетъ подростать на нихъ молодая отава, и по озимямъ. Онъ охотно ѣстъ всякія хлѣбныя зерна, любитъ клевать лошадиный пометъ, и для добыванья того у другаго упорно держится около степныхъ и полевыхъ дорогъ, по колеямъ которыхъ бѣгаетъ очень проворно; но преимущественная пища его — молодая трава. Кто ѣзжалъ по такимъ дорогамъ, тотъ вѣрно поднималъ стрепетовъ, и даже видалъ, какъ они бѣгаютъ впереди лошадей. Если проѣзжій ѣдетъ тихо, то

стрепетъ, наскучивъ долгимъ бѣгомъ и не желая вѣроятно отдалиться отъ прежняго своего мѣста, сворачиваетъ въ сторону, для чего надобно ему, не безъ труда, перелѣзть чрезъ глубокія колеи, отбѣгаетъ нѣсколько сажень и приляжетъ въ траву до тѣхъ поръ, пока не проѣдетъ мимо телѣга или кибитка. Лежа съ вытянутою шеей, онъ поднимаетъ отъ времени до времени свою черноватую головку, и, видя что проѣзжій спокойно удаляется, возвращается опять на дорогу, и побѣжитъ по ней уже назадъ. Если же повозка ѣдетъ скоро, и стрепетъ видитъ, что его догоняютъ, онъ поднимается, и отлетѣвъ нѣсколько сажень, а иногда и шаговъ, садится на землю и черезъ нѣсколько времени также возвращается опять на дорогу. Это я говорю о стрепетахъ смирныхъ и неиспуганныхъ. Около полдня онъ уходитъ въ степь, а по утрамъ и вечерамъ постоянно колотится около дорогъ. Онъ имѣетъ свой особенный крикъ, звуки котораго трудно передать буквами; онъ нѣсколько похожъ на слогъ: *пржи*. Крикъ этотъ очень обманчивъ: будучи слабъ и глухъ, онъ слышенъ очень далеко; сначала покажется, что стрепетъ кричитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ; неопытный охотникъ бросается съ ружьемъ прямо на этотъ крикъ, ожидая, что стрепетъ сейчасъ поднимется; но крикъ все удаляется, и утомясь понапрасну, охотникъ будетъ принужденъ оставить свои преслѣдованія. Конечно, этому обману много способствуетъ то, что стрепетъ очень скоро бѣгаетъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что охотникъ и заслышалъ этотъ крикъ очень издалека, потому что близко къ человѣку стрепетъ не кричитъ.

Стрепета прилетаютъ весною не рано и, безъ сомнѣнія, большими станицами, точно такъ, какъ улетаютъ осенью; но мнѣ не удавалось видѣть ихъ *пролетныхъ*. Когда наступитъ теплая погода, и вездѣ пойдетъ молодая трава, стрепета вдругъ оказываются по степнымъ мѣстамъ и полямъ уже въ разсыпную. По преимуществу будучи степною птицей, стрепетъ вьетъ гнѣздо въ степи, въ самомъ открытомъ мѣстѣ, почти всегда подъ кустикомъ ковыля. Плоское круглое гнѣздо свивается изъ сухой травы, съ примѣсью собственныхъ перьевъ. Яицъ бываетъ до девяти; по крайней мѣрѣ, я болѣе не нахаживалъ. Стрепетиныя яйца крупнѣе, чѣмъ можно ожидать: они не меньше куриныхъ крупныхъ яицъ, покрытыя яркимъ, зеленымъ лоснящимся цвѣтомъ, съ маленькими желтоватыми крапинками; яйца ихъ необыкновенно красивы. Ничего не могу сказать, одна ли самка сидитъ на яйцахъ, или эту заботу раздѣляетъ съ нею и самецъ. Стрепетиныя гнѣзда

и выводки попадаются охотникамъ очень рѣдко, молодыхъ же стрепетятъ я даже не нахаживалъ, — вѣроятно отъ того, что матка удаляется съ дѣтьми въ даль степей, куда мнѣ рѣдко случалось ходить; гнѣзда я находилъ не такъ далеко отъ хлѣбныхъ полей. Можно предполагать, что стрепета разбиваются на пары, во-первыхъ потому, что никто никогда не замѣчалъ ихъ токовъ, и во-вторыхъ потому, что съ весны, почти всегда, гдѣ поднимешь одного стрепета, тамъ найдется и другой. Различія въ перьяхъ между самцомъ и самкою, кромѣ сказаннаго мною, никакого нѣтъ; но самка нѣсколько меньше. Она сидитъ на яйцахъ до невѣроятности крѣпко; я имѣлъ этому убѣдительное доказательство. Однажды подъѣзжалъ я къ стрепету, который, не допустивъ меня въ настоящую мѣру, поднялся; я ударилъ его въ летъ *на ѣздѣ*, и мнѣ показалось, что онъ подбитъ, и что, опускаясь къ низу саженяхъ во ста отъ меня, онъ упалъ; не выпуская изъ глазъ этого мѣста, я сейчасъ побѣжалъ къ нему; но, не добѣжавъ еще до замѣченной мною мѣстности, я на что-то наткнулся и едва не упалъ; невольно взглянулъ я мелькомъ, за что задѣла моя нога, и увидѣлъ лежащаго стрепета съ окровавленною спиной; я счелъ его за подстрѣленнаго и подумалъ, что ошибся разстояніемъ; видя, что птица жива, я проворно схватилъ ее и поднялъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что подъ нею находилось гнѣздо и девять яицъ: кровь на спинѣ выступила отъ того, что я задѣлъ по ней каблукомъ своего сапога, подбитаго гвоздями, и содралъ лоскутъ кожи шириною въ палецъ. Я еще не видывалъ стрепетиныхъ гнѣздъ, и какъ въ то время я собиралъ птичьи яйца, то чрезвычайно обрадовался этой находкѣ; вдобавокъ яйца были не насиженныя, совершенно свѣжія, и выпускать ихъ внутренность было очень легко. Очевидно, что стрепетиная курочка недавно снесла послѣднее яйцо и сѣла высиживать яйца. Я замазалъ незначительную рану густымъ дегтемъ съ колеса моихъ дрожекъ и пустилъ стрепетиную матку на волю: чрезъ нѣсколько минутъ поднялся мнимо-подбитый стрепетъ, не подпустивъ меня въ мѣру и не давъ почуять себя моей собакѣ; вѣроятно, это былъ самецъ пущенной мною на волю самки. Я считаю это обстоятельство нѣсколько подтверждающимъ мое мнѣніе, что стрепета разбиваются на пары и вмѣстѣ выводятъ дѣтей.

Къ осени стрепета собираются въ стаи, которыя иногда бываютъ очень велики, паръ до пятидесяти: чѣмъ стая больше, тѣмъ труднѣе къ ней подъѣхать, потому что птица во множествѣ всегда

очень сторожка. Стрепета держатся иногда до октября, и въ это время любимое ихъ мѣстопребываніе — озими и скошенная степь; они любятъ щипать вторые, поздніе ростки озимей и молодую травку. Въ холодноватую и ненастную погоду, кромѣ утра и вечера, они держатся остальное время въ залежахъ, заросшихъ высокою полынью, лебедой и козлецомъ: тамъ имъ и тепло, и сухо. Дребезжащій, мѣрный свистъ отъ полета стрепетиной стаи очень далеко слышенъ по зарямъ.

Охоту за стрепетами я любилъ страстно и часто ѣзжалъ за ними очень далеко, потому что тамъ, гдѣ я постоянно жилъ, ихъ водилось немного. Съ весны и въ продолженіе всего лѣта, стрепета въ мѣстахъ степныхъ, далекихъ отъ жилья, не пуганные и не стрѣленные, особенно въ одиночку или попарно, довольно смирны; но весьма скоро дѣлаются чрезвычайно дики и сторожки, особенно стайками, такъ что нерѣдко, изъѣздивъ за ними десятки верстъ и ни разу не выстрѣливъ, я принужденъ бывалъ бросать ихъ, хотя и видѣлъ, что они, перелетѣвъ сажень сто или двѣсти, опускались на землю. Съ напуганными стрепетами не помогаетъ и самый дѣйствительный способъ, то-есть *круговой заѣздъ*. Нечаянно можно иногда наѣхать очень близко не только на одного стрепета, но и на порядочную станичку; за то, какъ скоро они пересядутъ, подъѣздъ сдѣлается гораздо труднѣе. Надобно замѣтить, что стрепета, взлетѣвъ, скоро садятся, и очень рѣдко случается, чтобъ они улетали слишкомъ далеко, то-есть пропадали изъ глазъ. Вообще стрепетъ сторожекъ, если стоитъ на ногахъ или бѣжитъ, и смиренъ, если лежитъ, хотя бы мѣсто было совершенно голое: онъ вытянетъ шею по землѣ, положитъ голову въ какую-нибудь ямочку или впадинку, подъ наклонившуюся травку, и думаетъ, что онъ спрятался; въ этомъ положеніи онъ подпускаетъ къ себѣ охотника (который никогда не долженъ ѣхать прямо, а всегда около него и стороною) очень близко, иногда на три и на двѣ сажени. Въ такой близкой мѣрѣ нѣтъ никакой надобности, но я пробовалъ дѣлать это изъ любопытства. Итакъ, весь успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы стрепетъ или стрепета легли. Благонадежнѣйшее средство для достиженія этой цѣли, какъ я уже и говорилъ, состоитъ въ томъ, чтобы ѣздить кругомъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они лягутъ. Если стрепетъ одинъ и не слишкомъ напуганъ, то ляжетъ сейчасъ. Если же ихъ нѣсколько, то они долго бродятъ вмѣстѣ, пока не разобьются и не полягутъ въ разныхъ мѣстахъ; большая пересѣвшая стая никогда не ляжетъ.

Иногда случается, что отъ выстрѣла и даже отъ двухъ выстрѣловъ въ лежащаго или взлетѣвшаго стрепета, другой, близехонько притаившійся, стрепетъ не поднимается; а потому никогда не должно брать убитаго, и вообще не надобно трогаться съ мѣста, не зарядивъ обоихъ стволовъ своего ружья. Весьма ловко и способно бить стрепетовъ въ летъ, даже лучше чѣмъ сидячихъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда такъ казалось. Обыкновенно, подъѣхавъ въ мѣру, я соскакивалъ съ дрожекъ и шелъ прямо къ стрепету до тѣхъ поръ, пока онъ не поднимался: тогда я стрѣлялъ не торопясь, на какомъ мнѣ угодно разстояніи, и рѣдко прибѣгалъ къ другому стволу. Убить нѣсколько стрепетовъ однимъ зарядомъ — великая рѣдкость: надобно, чтобы большая стая подпустила въ мѣру и сидѣла кучно, или чтобы вся стая нечаянно налетѣла на охотника; убивать пару, то-есть изъ обоихъ стволовъ по стрепету, мнѣ случалось часто; но одинъ только разъ убилъ я изъ одного ствола трехъ стрепетовъ сидячихъ, а изъ другаго двухъ въ летъ; это случилось нечаянно: я наскакалъ на порядочную стаю, которая притаилась въ густой озими, такъ что ни одного стрепета не было видно; въ нѣсколькихъ саженяхъ, двое изъ нихъ подняли свои черныя головки, кучеръ мой увидѣлъ ихъ и указалъ мнѣ; изъ одного ствола выстрѣлилъ я по сидячимъ, а изъ другаго по взлетѣвшей стаѣ: трое остались на землѣ, а два упали сверху; стрепетовъ было штукъ тридцать.

Только самая вѣжливая собака, послушно идущая сзади, почти подъ самыми дрожками, можетъ быть пригодна для стрѣльбы стрепетовъ съ подъѣзда. То же должно сказать о стрѣльбѣ вообще всякой сидячей птицы, кромѣ тетеревовъ и вяхирей, которые, сидя на деревьяхъ и посматривая съ любопытствомъ на рысканье собаки, отъ того даже менѣе обращаютъ вниманія на охотника и ближе его подпускаютъ; всякая другая птица, сидящая на землѣ, гораздо больше боится собаки, чѣмъ приближающагося человѣка. Несмотря на то, добрая собака, съ долгимъ и верхнимъ чутьемъ, весьма полезна для отыскиванья стрепетовъ, которые иногда, особенно въ разсыпную, такъ плотно и крѣпко таятся въ травѣ или молодомъ хлѣбѣ, что охотникъ проѣдетъ мимо и не увидитъ ихъ; но собака съ тонкимъ чутьемъ почуетъ стрепетовъ издалека и поведетъ прямо къ нимъ охотника; за то Боже сохрани отъ собаки горячей и гоняющейся за птицей: съ нею не убьешь ни одного стрепета. Дробь надобно употреблять по большей части 5-го нумера, потому что стрепетъ не изъ крѣп-

кихъ птицъ. Впрочемъ для напуганныхъ стрепетовъ нуженъ и 4-й нумеръ; для большихъ же стай на дальную мѣру можно иногда пустить въ дѣло и самые крупные сорты дроби.

Жирныхъ стрепетовъ я не видывалъ; но прилетные съ весны, особенно отлетные осенью, бываютъ довольно сыты. Мясо ихъ имѣетъ отличный вкусъ, собственно ему принадлежащій: оно нѣсколько похоже на куриное, съ примѣсью тонкаго вкуса дичины. Стрепета считаются самымъ питательнымъ и въ то же время легкимъ и здоровымъ кушаньемъ.

Въ Малороссіи называютъ стрепета *хохотва* — имя тоже чрезвычайно выразительное. Великороссы дали стрепету названіе по его взлету, по трепетному, видимому движенію его крыльевъ, а Малороссы — по особеннымъ звукамъ, производимымъ его полетомъ. Дѣйствительно, эти дребезжащіе звуки похожи на какой-то странный, отдаленный хохотъ.

4.

КРОНШНЕПЪ или СТЕПНОЙ КУЛИКЪ *).

Русскаго имени этого кулика объяснять не нужно; но почему Нѣмцы называютъ его *коронным* или *королевским* куликомъ — я не знаю: на головѣ его ничего похожаго на вѣнецъ или корону непримѣтно; можетъ-быть за величину, которою кроншнепъ безспорно превосходитъ всѣхъ другихъ куликовъ. Французы называютъ его *курли,* русскіе охотники — кроншнепомъ, а народъ — *степнякомъ* или *степнягой,* потому что степь по преимуществу служитъ ему постояннымъ жилищемъ: въ степи выводитъ онъ дѣтей, и въ степи же достигаютъ они полнаго возраста. Его звучный, колокольчикомъ заливающійся голосъ, больше всѣхъ другихъ птичьихъ голосовъ, одушевляетъ однообразную равнину и тишину степи. Кроншнепы, по величинѣ своей, раздѣляются на три рода: большихъ, среднихъ и малыхъ. Кроншнепъ большаго рода, объемомъ своего тѣла, будетъ съ тетеревиную курочку или дворовую курицу; кроншнепъ средній нѣсколько его меньше, а кроншнепъ ма-

*) Также *котрусъ*. Numenius arquata, L.

К. Р.

лый — гораздо меньше, небольше русскаго голубя: послѣдняя порода несравненно многочисленнѣе двухъ первыхъ. Я опишу подробно, разумѣется съ натуры, средняго кроншнепа и потомъ скажу, въ чемъ всѣ три породы различаются между собою; въ пестротѣ же перьевъ и въ складѣ всѣхъ частей тѣла они совершенно сходны. Средній кроншнепъ весь сѣро-пестрый и покрытъ блѣдно-коричневыми пятнами или крапинами: на спинѣ и крыльяхъ, особенно на крайней ихъ половинѣ, крапины гораздо крупнѣе и темно-коричневѣе, а на шеѣ, головѣ и груди мельче, желтоватѣе и свѣтлѣе; брюхо почти бѣлое, кромѣ рѣдкихъ, коричневыхъ, весьма красивыхъ, копьеобразныхъ пятенъ; подбой крыльевъ, идущій около папоротки, состоитъ изъ чисто-бѣлыхъ мелкихъ перышекъ, а изнанка остальныхъ большихъ перьевъ блѣдно-сѣрая, очень красивая и явственно повторяетъ узоръ верхней стороны крыльевъ. Хвостовыя перья сверху пестрыя, а снизу почти бѣлыя; надъ хвостомъ, подъ коричневыми длинными перьями, уже съ половины спины лежатъ ярко-бѣлыя перья съ небольшими копьеобразными крапинками; на шеѣ, подъ горлышкомъ, перышки свѣтлы, даже бѣлесоваты; глаза небольшіе, темные; шея длиною въ три вершка; носъ темно-роговаго цвѣта, довольно толстый, загнутый книзу, въ два вершка съ половиною; крылья очень большія, каждое длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, если измѣрять отъ плечнаго сустава до конца послѣдняго пера; хвостъ коротенькій; ноги въ четверть длиною; пальцы соразмѣрные; цвѣтъ кожи на ногахъ темный, пальцы еще темнѣе, а ногти совсѣмъ черные, небольшіе и крѣпкіе. Особенность кроншнепа — загнутый книзу носъ — мѣшаетъ ему пить обыкновеннымъ образомъ. Кроншнепъ, зачерпнувъ носомъ воды, проворно оборачиваетъ голову и носъ нижнею стороной кверху, чѣмъ и удерживаетъ въ немъ воду, какъ въ вогнутомъ сосудѣ; еще проворнѣе заворачиваетъ онъ назадъ голову и носъ, въ томъ же обращенномъ положеніи, поддѣваетъ подъ ногу (для чего одну ногу подгибаетъ), потомъ быстро вытягиваетъ вверхъ голову и спускаетъ воду въ горло... операція довольно мудреная, которую кроншнепъ выполняетъ очень ловко и легко. Кромѣ превосходства въ величинѣ, кроншнепъ перваго разряда темно-коричневѣе перомъ и голосъ имѣетъ короткій и хриплый; онъ выводитъ иногда дѣтей въ сухихъ болотахъ и въ опушкахъ мокрыхъ, поросшихъ большими кочками, мохомъ, кустами и лѣсомъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ полей или степныхъ мѣстъ; изрѣдка присоединяется къ нему кроншнепъ средній, но никогда малый,

который всегда живетъ въ степяхъ и который перомъ гораздо свѣтлѣе, и крапинки на немъ мельче; голосъ его гораздо чище и пронзительнѣе, чѣмъ у средняго кроншнепа, крикъ котораго нѣсколько гуще и не такъ протяженъ. Всѣ три породы — отличные бѣгуны, особенно кроншнепъ малаго рода: когда станетъ къ нему приближаться человѣкъ, то онъ, согнувши нѣсколько свои длинныя ноги, вытянувъ шею и наклонивъ немного голову, пускается такъ проворно бѣжать, что глазъ не успѣваетъ слѣдить за нимъ, и мелькая въ степной травѣ какою-то вьющеюся лентой, онъ скоро скрывается отъ самаго зоркаго охотника.

Всѣ три породы кроншнеповъ прилетаютъ не рано, въ половинѣ и даже въ исходѣ апрѣля; сначала летятъ большими стаями очень высоко, такъ что ихъ не видно, а слышенъ только особенный, звучный крикъ, который однако не такъ протяженъ какъ въ то время, когда они займутъ свои постоянныя лѣтнія квартиры — зеленыя степи. Вскорѣ послѣ своего ранняго пролета, начнутъ попадаться кроншнепы по вспаханнымъ полямъ, по оттаявшему прошлогоднему жнивью, по берегамъ весеннихъ лужъ, прудовъ, озеръ и даже плоскимъ берегамъ рѣкъ, разлившимся по низменнымъ мѣстамъ. Рѣдко попадались они мнѣ станичками, а почти всегда попарно или въ одиночку. Для всякаго охотника пріятно встрѣтить въ это время и убить кроншнепа: онъ бываетъ тогда сторожекъ, сытъ и довольно рѣдокъ; къ тому же весеннее появленіе и шатанье ихъ продолжается весьма недолго: какъ скоро оттаютъ и провянутъ степи, — кроншнепы уже тамъ. Я даже полагаю, что встрѣчаемые весной по рѣкамъ, озерамъ и прудамъ, степные кулики — всѣ пролетные, еще не долетѣвшіе до своего настоящаго мѣстопребыванія; а коренные жильцы степей прямо опускаются на степи: они тоже въ свою очередь были пролетными и шатались вездѣ, пока не долетѣли до своихъ выводныхъ мѣстъ. Я убѣждаюсь въ справедливости этого предположенія тѣмъ, что почти всегда, объѣзжая весною разливы рѣкъ по долинамъ и болотамъ, встрѣчалъ тамъ кроншнеповъ, которые кричали еще пролетнымъ крикомъ или голосомъ, не столь протяжнымъ и одноколѣннымъ; а поднявшись на гору и подавшись въ степь, на версту или менѣе, сейчасъ находилъ степныхъ куликовъ, которые, очевидно, уже начали тамъ хозяйничать, бились около однихъ и тѣхъ же мѣстъ и кричали по-лѣтнему: звонко заливались, когда летѣли кверху, и брали другое трелевое колѣно, звуки котораго гуще и тише, когда опускались и садились на землю. Точно

то же замѣчали и другіе охотники. Первое колѣно въ крикѣ кроншнепа, можно сказать, состоитъ изъ верхнихъ нотъ, а второе изъ нижнихъ. Есть еще крикъ у него, который похожъ на какое-то завыванье или затягиванье голоса въ себя: онъ испускаетъ его *только* въ сидячемъ положеніи, собираясь летѣть. Часто эти звуки открываютъ его, притаившагося въ травѣ. Кроншнепы съ прилета, какъ и всякая птица, довольно сторожки; но, оглядясь, скоро дѣлаются нѣсколько смирнѣе, и тогда можно подъѣзжать къ нимъ на охотничьихъ дрожкахъ или крестьянскихъ роспускахъ; какъ же только примутся они за витье гнѣздъ, то становятся довольно смирны, хотя не до такой степени, какъ болотные кулики и другіе мелкіе куличики. Бѣда для кроншнеповъ ранняя, теплая и сухая весна! Они скоро совьютъ гнѣзда и сядутъ на яйца, и въ это время застигаютъ ихъ степные пожары или палы. Я имѣлъ уже случай говорить объ этомъ губительномъ обычаѣ; степная дичь терпитъ отъ него ужасное раззоренье. Если весна поздняя и мокрая, то огонь не можетъ распространиться вездѣ, не уходитъ далеко въ глубь степей, и птица бываетъ спасена; но въ раннюю, сухую весну, потокъ пламени обхватываетъ огромное пространство степей и губитъ не только всѣ гнѣзда и яйца, но нерѣдко и самихъ птицъ... Когда огненный ураганъ пронесется, земля остынетъ и перестанетъ дымиться, уцѣлѣвшіе кроншнепы, иногда далеко отогнанные разливомъ огня, сейчасъ возвращаются къ своимъ гнѣздамъ, и если найдутъ ихъ сгорѣвшими, то немедленно завиваютъ новыя, какъ можно ближе къ старымъ и непремѣнно на мѣстахъ или мѣстечкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ огня. Несомнѣнная истина, что на горѣломъ мѣстѣ никакая птица гнѣзда не вьетъ; иногда это можетъ показаться несправедливымъ, потому что птица живетъ и выводится, очевидно, на паленыхъ степяхъ; но я, внимательнымъ изысканіемъ, убѣдился, что гнѣздо всегда свивается на мѣстѣ *не паленомъ*, хотя бы оно было величиною въ сажень, даже менѣе, и обгорѣло со всѣхъ сторонъ. Когда выростетъ трава, то, при поверхностномъ обозрѣніи, нельзя замѣтить, гдѣ горѣло и гдѣ нѣтъ; но, разогнувъ свѣжую зеленую траву, около самаго гнѣзда, вы всегда найдете прошлогоднюю, сухую траву, чего на горѣломъ мѣстѣ нѣтъ и быть не можетъ, и въ чемъ убѣдиться нетрудно. Если же палы случатся поздно (что̀ иногда бываетъ), и у степныхъ куликовъ пропадутъ яйца, уже насиженныя, или они сами обожгутся какъ-нибудь, во время пожара, особенно въ ночное время, то кулики другихъ гнѣздъ не заводятъ и оста-

ются на этотъ годъ холостыми, продолжая колотиться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ погорѣли ихъ гнѣзда. Мнѣ случалось находить и убивать такихъ холостыхъ кроншнеповъ; они всегда жирнѣе тѣхъ, у которыхъ есть дѣти: у иныхъ я даже находилъ слегка опаленныя перья.

Итакъ, во второй половинѣ апрѣля кроншнепы занимаютъ степи или степныя мѣста, иногда со всѣхъ сторонъ окруженныя пашнею, и немедленно вьютъ, или, вѣрнѣе сказать, устраиваютъ свои гнѣзда, потому что витья тутъ немного. Устройство гнѣзда очень просто: небольшая ямочка на сухомъ мѣстѣ, подъ кустикомъ прошлогодняго ковыля, дно и бока которой невысоки, окружены и устланы сухою травой — вотъ и все. Самка несетъ четыре яйца, обыкновенной куличьей формы; величина яицъ зависитъ отъ величины кроншнеповъ: у большихъ они бываютъ крупнѣе куриныхъ, а у малыхъ — не больше мелкихъ яичекъ цыцарки, а только длиннѣе; цвѣтъ яицъ зеленовато-сѣрый, они испещрены крапинами, или пятнами, которыя на тупомъ концѣ яйца крупнѣе и темнѣе. Самецъ раздѣляетъ съ самкою высиживанье яицъ и всѣ заботы о дѣтяхъ. Черезъ три недѣли вылупляются кулчата, покрытые сизо-зеленоватымъ пухомъ: ихъ почти всегда бываетъ четыре, потому что болтуны очень рѣдки; они очень скоро оставляютъ гнѣздо и начинаютъ проворно бѣгать, но въ первые дни отецъ съ матерью кормятъ ихъ. Пища и старыхъ и молодыхъ состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ, и преимущественно изъ червей, которыхъ они весьма искусно вытаскиваютъ своими кривыми носами изъ земли, не всегда мягкой. Впрочемъ, иногда мнѣ случалось находить въ ихъ зобахъ сѣмена разныхъ травъ и хлѣбныя зерна. Когда кулчата подростутъ, и труднѣе станетъ прятаться имъ въ степной, иногда невысокой травѣ; отецъ съ матерью выводятъ ихъ въ долочки и вообще въ такія мѣста, гдѣ трава выше и гуще, или гдѣ ростетъ мелкій, степной кустарникъ; тамъ остаются они до совершеннаго возраста молодыхъ, до ихъ взлета или подъема. Въ это время трудно найдти ихъ, ибо отъ большихъ дѣтей старые кулики уже не вылетаютъ навстрѣчу человѣку или собакѣ и не вьются надъ ними, даже не издаютъ никакого голоса, который могъ бы открыть охотнику ихъ потаенное убѣжище.

Степные кулики въ степяхъ то же, что болотные кулики въ болотахъ: также далеко встрѣчаютъ человѣка, собаку, даже всякое животное, приближающееся къ ихъ гнѣздамъ или дѣтямъ, также сначала налетаютъ близко на охотника, вьются надъ нимъ

и садятся кругомъ, стараясь отвесть его въ противоположную сторону; но все это дѣлаютъ они съ меньшею горячностью и большею осторожностью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ степные кулики отдаляются и становятся сторожки. Впрочемъ, въ степяхъ, не слыхавшихъ ружейнаго выстрѣла, первый натискъ кроншнеповъ, особенно на ѣдущаго охотника съ собакою, бываетъ очень смѣлъ. Въ молодости случалось мнѣ много ѣзжать по степнымъ дорогамъ Оренбургской и Симбирской губерній, и цѣлыя стаи степныхъ куликовъ, налетавшихъ со всѣхъ сторонъ, бывало преслѣдовали меня десятки верстъ, смѣняясь вновь прилетающими, свѣжими кроншнепами, по мѣрѣ удаленія моего отъ гнѣзда однихъ и приближенія къ другимъ. Весь воздухъ наполнялся ихъ звонкими, заливными трелями: одни вились надъ лошадьми, другіе опускались около дороги на землю и бѣжали съ неимовѣрнымъ проворствомъ, третьи садились по вѣхамъ *). Тутъ можно было настрѣлять кроншнеповъ сколько угодно, ибо безпрестанно попадались новые непуганные кулики. Я много разъ приходилъ въ затруднительное положеніе для горячаго охотника: проѣзжая по какой-нибудь надобности, иногда очень спѣшной, набивъ кроншнеповъ цѣлую кучу, не находя мѣста, куда ихъ класть, и не зная, что съ ними потомъ дѣлать, безпрестанно я давалъ себѣ обѣщанье — не останавливаться, не вылѣзать изъ тарантаса, не стрѣлять.... Но вдругъ налетала новая стая, крупнѣе и смѣлѣе прежней, — и снова падали кроншнепы отъ мѣткихъ моихъ выстрѣловъ. Гораздо болѣе смѣлости и горячности къ дѣтямъ показываютъ кроншнепы малаго рода, средніе — осторожнѣе, а большіе даже съ перваго раза никогда не налетаютъ слишкомъ близко на человѣка, развѣ какъ-нибудь нечаянно: они сейчасъ удалятся на безопасное разстояніе и начнутъ летать кругомъ, испуская свои хриплыя, какъ будто скрипящія, короткія трели. Тутъ молодой, горячій охотникъ можетъ много посѣять дроби по зеленой степи, не убивъ ни одного большаго кроншнепа, особенно если станетъ употреблять не самые крупные сорты дроби. Правда, чѣмъ крупнѣе дробь, тѣмъ шире она разносится и рѣже летитъ, и тѣмъ труднѣе попасть въ цѣль; но дѣло въ томъ, что на далекомъ разстояніи, то-есть шаговъ на шестьдесятъ или на семьдесятъ, не

*) По степнымъ дорогамъ Оренбургской губерніи вѣхи становятся частыя, довольно толстыя и высокія. Должно замѣтить, что степные кулики очень охотно садятся на сучья сухихъ деревьевъ или на высокіе пни.

убьешь большаго кроншнепа, даже дробью 3-го нумера, ибо степной куликъ гораздо крѣпче къ ружью, чѣмъ болотные и другіе кулики. Удивительно, до какой степени обманывается зрѣніе! Приглядится ли охотникъ къ кругамъ, которые даетъ около него птица, и они начнутъ казаться ему меньше, или при поворотахъ, иногда крутыхъ, за которыми поворачивается и самъ охотникъ, покажется ему, что куликъ летитъ прямо на него?... Не знаю, только этому обману нерѣдко подвергался я самъ, и множества промаховъ были его слѣдствіемъ. Иногда, убивъ кроншнепа и смѣрявъ разстояніе, которое казалось обыкновеннымъ, находилъ я, что оно бывало далеко за семьдесятъ шаговъ, а на эту мѣру я не сталъ бы и стрѣлять. Въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, видя, что утиная дробь не *забираетъ,* какъ выражаются охотники, употреблялъ я гусиную, и хотя изрѣдка, но добывалъ по нѣскольку огромныхъ степняковъ.

Какъ только молодые начнутъ перелетывать, то старые начнутъ шататься съ ними, отдѣльными выводками, по вспаханнымъ полямъ, недавнимъ залежамъ и вообще по мѣстамъ, гдѣ земля помягче; потомъ соединяются въ станички, выводки по двѣ и по три, наконецъ сваливаются въ большія стаи, въ которыхъ бываютъ смѣшаны иногда всѣ три рода кроншнеповъ, и начинаютъ посѣщать болота, разливы большихъ прудовъ и плоскіе берега большихъ озеръ. Тамъ проводятъ они по нѣскольку часовъ, около полденъ, и отдыхаютъ, лежа на хлупи, даже дремлютъ. Всего охотнѣе бродятъ они по грязнымъ, мокрымъ мѣстамъ, растоптаннымъ стадами. Пошатавшись такимъ образомъ недѣли двѣ, кроншнепы, несмотря на теплое, иногда даже жаркое время, въ половинѣ августа пропадаютъ, то-есть, соединясь еще въ огромнѣйшія стаи, подвигаются къ югу. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ Оренбургской губерніи.

Стрѣльба кроншнеповъ весьма различна и по своей добычливости, и по достоинству добычи: степные кулики весною, *пролетные,* еще не разбившіеся на пары, или, по крайней мѣрѣ, не начавшіе вить гнѣздъ, бываютъ довольно сыты, вкусны и, что̀ всего важнѣе, рѣдки. Конечно, въ числѣ разной пролетной дичи слышишь и видишь пролетающія стаи кроншнеповъ, но за дальностью разстоянія стрѣлять ихъ невозможно. Потомъ начнешь встрѣчать ихъ изрѣдка, также вмѣстѣ съ другою дичью, по грязнымъ берегамъ прудовъ, весеннихъ лужъ и разлившихся рѣкъ; но подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла бываетъ очень трудно; во-

первыхъ потому, что они сторожки, а во-вторыхъ потому, что другая мелкая дичь, взлетывая безпрестанно отъ вашего приближенья, пугаетъ и увлекаетъ своимъ примѣромъ кроншнеповъ: подкрасться же изъ-за чего-нибудь или даже подползти — невозможно потому, что мѣста почти всегда бываютъ открытыя и гладкія. Однимъ словомъ, весенній пролетный, степной куликъ — дорогая добыча для охотника. Въ степи, на мѣстахъ своего постояннаго жительства, они также сначала довольно сторожки. Конечно, они скоро дѣлаются смирнѣе, но уже разбившись на пары, принявшись за витье гнѣздъ и похудѣвъ съ невѣроятною скоростью. Въ послѣдствіи времени, когда кроншнепы сядутъ на яйца или выведутъ молодыхъ, можно добывать ихъ гораздо больше, а въ мѣстахъ не стрѣляныхъ, какъ я уже говорилъ, нетрудно убивать ихъ во множествѣ; но въ это время, еще болѣе исхудалые, сухіе и черствые на вкусъ, они потеряютъ свою цѣну, особенно степняки третьяго, малаго рода. Вся эта стрѣльба производится съ начала весны съ подъѣзда по сидячимъ и, всего чаще, по бѣгущимъ кроншнепамъ, а потомъ — въ летъ, когда, при первомъ появленіи охотника, кулики отъ гнѣздъ станутъ налетать и виться около него.

Когда молодые кроншнепы поднимутся и начнутъ летать выводками, по полямъ, а потомъ и стаями по берегамъ прудовъ или озеръ, — стрѣльба ихъ получаетъ опять высокую цѣну, потому что ихъ трудно отыскивать и еще труднѣе подъѣзжать къ нимъ, ибо они бываютъ очень сторожки и, послѣ перваго выстрѣла, улетаютъ на другія, отдаленныя мѣста. Къ отлету своему старые кроншнепы до того разжирѣютъ, что вся хлупь покрывается саломъ; даже молодые бываютъ довольно жирны. Вотъ пора, въ которую дорого и лестно добыванье кроншнеповъ; но, къ сожалѣнію, добыча бываетъ незначительна и случайна; собственно охоты за кроншнепами въ это время уже нѣтъ. Если и наткнешься какъ-нибудь нечаянно, объѣзжая берега пруда, озера или рѣчнаго плеса, на большую станицу степныхъ куликовъ, то хорошо, если удастся и одинъ разъ въ нихъ выстрѣлить; надобно, чтобы мѣста были очень обширны и привольны, и чтобы стая кроншнеповъ пересѣла на другой берегъ или другое мѣсто послѣ вашего выстрѣла, а не улетѣла совсѣмъ. Вышибить изъ стаи однимъ или двумя выстрѣлами нѣсколько штукъ — можно только въ томъ случаѣ, если мѣстность позволитъ подкрасться изъ-за чего-нибудь къ бродящей стаѣ, или если она налетитъ на охотника, который имѣлъ возмож-

ность притаиться въ кусту, въ рытвинѣ, въ овражкѣ, въ камышѣ, или просто на землѣ; но для этого нужно, чтобы охотникъ зналъ заранѣе, когда прилетаютъ кроншнепы и на какомъ любимомъ мѣстѣ садятся, чтобъ онъ дожидался ихъ, или увидѣлъ, по крайней мѣрѣ, издали летящую стаю. У меня былъ въ сосѣдствѣ, верстахъ въ двадцати, такой прудъ *), на который кроншнепы прилетали передъ своимъ отлетомъ осенью, ежедневно въ полдень; этотъ прилетъ повторялся постоянно каждый годъ въ исходѣ іюля или въ началѣ августа, и продолжался недѣли двѣ. По счастію, именно вдоль того самаго берега, плоскаго и открытаго, на который обыкновенно садилась вся стая, тянулся старый, полусогнившій плетень, нѣкогда окружавшій коноплянникъ, болѣе десяти лѣтъ оставленный; плетень обросталъ всегда высокою травой, и мнѣ ловко было въ ней прятаться. Около полдня садился я въ свое скрытное убѣжище и ожидалъ прилета кроншнеповъ. Плавно и беззаботно налетала на меня огромнѣйшая станица степныхъ куликовъ всѣхъ трехъ породъ; не только шумъ, — вѣтеръ слышалъ я отъ ихъ тяжелаго полета; надо мной неслась темная туча, вся составленная изъ длинныхъ крыльевъ, ногъ, шей и кривыхъ носовъ.... Въ первый разъ я такъ оторопѣлъ, что пропустилъ стаю, и выстрѣлилъ уже въ догонку въ одного отставшаго кулика и поранилъ его въ крыло. Въ послѣдствіи я былъ спокойнѣе и цѣлилъ или въ самаго большаго кроншнепа, или въ то мѣсто, гдѣ гуще слеталась стая, не подпуская ее къ себѣ слишкомъ близко, или пропустя; выстрѣлить въ слишкомъ близкомъ разстояніи — значитъ убить и нерѣдко разорвать только одного кулика. Иногда я допускалъ ихъ садиться и стрѣлялъ по сидячимъ, и мнѣ случалось вышибать однимъ зарядомъ по три и по четыре кроншнепа. Испуганная стая, взволновавшись, съ шумомъ улетала, но, сдѣлавъ кругъ и не видя нигдѣ присутствія человѣка, возвращалась назадъ и нерѣдко вновь опускалась на прежнее мѣсто, единственно потому, что я не выходилъ изъ своего убѣжища *и не подбиралъ* убитыхъ или подстрѣленныхъ кроншнеповъ; послѣднее обстоятельство очень важно, потому что къ раненой птицѣ почти всегда опустится стая. Вторичный выстрѣлъ доставлялъ мнѣ новую добычу, и кроншнепы улетали окончательно до слѣдующаго дня. Впрочемъ, я никогда не пріѣзжалъ два дня сряду, а всегда

*) Принадлежавшій А. М. Карамзину и называвшійся «Карамзинскимъ».

чрезъ день или два, и всегда находилъ ихъ до самаго отлета, который никогда не случался позже 17 августа.

Вкусъ мяса кроншнеповъ такъ же совершенно различенъ, какъ и охота за ними: съ прилета они довольно сочны и вкусны, во время вывода дѣтей — сухи и черствы, а на отлетѣ и молодые и особенно старые, облитые жиромъ, превосходны.

5.

КРЕЧЕТКА или СТЕПНАЯ ПИГОЛИЦА *).

Безъ сомнѣнія, она такъ названа по своему крику или голосу: *кречь, кречь, кречь* повторяетъ она безпрестанно, завидя человѣка или летая надъ нимъ. Кречетка — настоящая коренная жительница степей, и я никогда не видывалъ ея въ другихъ мѣстахъ. Величиною и складомъ она совершенно похожа на чибиса или болотную пиголицу, только нѣсколько ея пошире и на ногахъ пониже; голова у ней побольше, и хохолка нѣтъ. Она такъ же проворно бѣгаетъ, такіе же имѣетъ круглыя крылья и такой же, какъ у чибиса, *особенный* полетъ. Издали, видя, какъ она рѣдко машетъ крыльями и перевертывается на лету вверхъ брюхомъ, ее рѣшительно можно принять за болотную пиголицу; но цвѣтомъ перьевъ она совсѣмъ на нее непохожа: кречетка вся сизая, дымчатая, съ темными отливами и пятнами. Вообще кречетокъ очень мало, и онѣ имѣютъ ту особенность, что никто изъ охотниковъ не

*) *Дикая пиголица* или *пыжикъ* на Волгѣ; *конка* на Каспіи. Charadrius gregarius, Pall. К. Р.

видывалъ ихъ прилета и отлета, между тѣмъ какъ онѣ не пролетная дичь; напротивъ, выводятъ у насъ дѣтей постоянно, и всякій охотникъ каждый годъ встрѣчалъ кречетокъ въ степи, гдѣ онѣ всегда живутъ вмѣстѣ съ степными куликами, такъ же какъ чибисы, — вмѣстѣ съ болотными. Степными пиголицами зовутъ ихъ одни охотники, а не народъ; но и изъ всего сказаннаго мною видно, что кречетки имѣютъ на это имя полное право. Вѣроятно, кречетки прилетаютъ позднѣе кроншнеповъ, потому что на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ съ начала весны кроншнепы жили одни, въ послѣдствіи, недѣли двѣ позднѣе, мнѣ случалось много разъ находить вмѣстѣ съ ними и кречетокъ, всегда уже вьющихся надъ человѣкомъ или собакой, очевидно отъ гнѣздъ, которыя, безъ сомнѣнія, устраиваются ими очень поспѣшно. Молодыя мнѣ не попадались, а гнѣзда съ яйцами изрѣдка я находилъ: они были свиты очень просто; въ нихъ всегда лежали четыре небольшія яичка, похожія фигурой на чибисиныя, сѣро-пестраго цвѣта. Кречетки живутъ парами; самецъ и самка сидятъ поперемѣнно на яйцахъ не болѣе двухъ недѣль съ половиною; оба кружатся надъ охотникомъ, стараясь отвлечь его въ сторону, налетаютъ гораздо ближе и вьются неотступнѣе кроншнеповъ, съ которыми вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, питаются совершенно одинакимъ кормомъ. Можно предположить, что и въ послѣдствіи времени самецъ раздѣляетъ съ самкою всѣ заботы о дѣтяхъ, до полнаго ихъ возраста, хотя кречетки исчезаютъ такъ скоро, что нельзя сдѣлать наблюденія надъ выводками молодыхъ, уже начавшихъ летать. Въ началѣ іюля, нѣсколько ранѣе степныхъ куликовъ, кречетки оставляютъ степи и совершенно пропадаютъ.

Охотники не уважаютъ кречетокъ единственно потому, что встрѣчаютъ ихъ только въ то время, когда онѣ бываютъ очень худы тѣломъ, какъ и всякая птица во время вывода дѣтей; но я никогда не пренебрегалъ кречетками изъ уваженія къ ихъ малочисленности, ибо въ иной годъ и десятка ихъ не убьешь, даже не увидишь. Мясо ихъ сухо, черство, имѣетъ общій вкусъ съ мясомъ куликовъ и чибиса, когда они худы.

Встрѣчая кречетокъ только въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала мая до начала іюля, въ исключительную эпоху ихъ жизни, я, къ сожалѣнію, ничего не могу сказать болѣе о нравахъ этой, довольно крѣпкой, складной и красивой птицы.

6.

КУРОПАТКА ПОЛЕВАЯ или СѢРАЯ *).

Весь складъ, всѣ части тѣла этой птицы совершенно куриные, отъ чего и получила она свое имя; *полевою* же или *сѣрою* называется она сколько въ отличіе отъ лѣсной, бѣлой въ зимнее время, куропатки, о которой будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, столько же и потому, что сѣра перомъ и живетъ въ полѣ. Сѣрая куропатка, по моему мнѣнію, если не лучшая, то одна изъ лучшихъ птицъ во всѣхъ породахъ степной и лѣсной дичи, кромѣ вальдшнепа. Какъ красивы ея пестрыя, темныя, красно-желтыя, коричневыя и свѣтло-сѣрыя перья! Какъ она стройно, кругло и крѣпко сложена! Какъ она жива, проворна, ловка и миловидна во всѣхъ своихъ движеніяхъ! Какъ жирна и вкусна бываетъ осенью и зимою! Даже лѣтомъ, исхудалая матка отъ яицъ или дѣтей не совсѣмъ теряетъ сочность, мягкость и пріятность вкуса. Величиною эта бойкая птичка будетъ, на взглядъ, нѣсколько больше русскаго голубя, но гораздо его мясистѣе: она будетъ съ цыпленка въ полкурицы. Она имѣетъ подъ горлышкомъ и около

*) *Куропáшка* въ Камчаткѣ; *курóхта, полевой, степной, рябикъ* въ Сибири; *каменный рябчикъ* въ Дауріи. Perdix cinerea, Briss.

К. Р.

носика перья красноватыя или свѣтло-коричневыя; такого же цвѣта нижнія хвостовыя перья и, въ видѣ подковы, пятна на груди или на верхней половинѣ хлупи, которыя нѣсколько больше, ярче и темнѣе; красноватыя поперечныя полоски лежатъ по сѣрымъ перьямъ боковъ. Зобъ и часть головы сѣро-дымчатые; на верхней первой половинѣ красновато-пестрыхъ крыльевъ виднѣются бѣлыя, дольныя полоски, узенькія какъ ниточки, которыя ни что иное, какъ бѣлыя стволинки перьевъ; вторая же крайняя половина крыльевъ испещрена бѣловатыми, поперечными крапинками по темно-сизоватому полю; ножки роговаго цвѣта, мохнатыя только сверху, до перваго сустава, какъ у птицы, назначенной для многаго бѣганья по грязи и снѣгу. Куропатка — настоящая наша туземка, не покидающая родимой стороны и зимой. Это первая *не перелетная*, не улетающая дичь, о которой я начинаю говорить. Она отличается проворствомъ своего бѣга и необыкновенною силой и быстротой своего прямаго, какъ стрѣла, полета. Взлетъ или подъемъ ея быстръ, шуменъ и можетъ испугать, если человѣкъ его не ожидаетъ. Несмотря на силу и скорость полета, куропатки всегда летятъ не высоко отъ земли и не далеко улетаютъ. У куропатокъ есть три рода крика или голоса: первый, когда онѣ цѣлою станицей найдутъ кормъ и начнутъ его клевать, разгребая снѣгъ или землю своими лапками; тутъ онѣ кудахчутъ, какъ куры, только гораздо тише и пріятнѣе для уха; второй, когда, увидя или услыша какую-нибудь опасность, собираются улетѣть или окликаются между собою: этотъ крикъ тоже похожъ нѣсколько на куриный, когда куры завидятъ ястреба или коршуна; и наконецъ третій, собственно имъ принадлежащій, когда вспуганная стая летитъ со всею силой своего быстраго полета. Пища куропатокъ состоитъ изъ сѣмянъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Изрѣдка попадались мнѣ въ ихъ зобахъ червячки и другія насѣкомыя. Куропатки, если не спятъ или не лежатъ во время отдыха, то безпрестанно бѣгаютъ, суетятся, роются и клюютъ всякую всячину. Куропатки имѣютъ рѣшительную склонность къ обществу и никогда не попадаются въ одиночку, даже парами, исключая время вывода дѣтей, въ чемъ сходны съ ними тетерева.

О жизни и нравахъ куропатокъ съ весны до осени я ничего не знаю и воспользуюсь наблюденіями другаго охотника. Я всегда живалъ въ такихъ мѣстахъ, близко которыхъ куропатки дѣтей не выводили, и самому мнѣ никогда не случалось найдти куропаточья-

го гнѣзда. Во всю мою жизнь попалась мнѣ одна только выводка молодыхъ; но за то очень много бивалъ и наблюдалъ я куропатокъ осенью, когда онѣ собирались уже въ стаи; также по первому зимнему мелкому снѣгу, когда ихъ можно вослѣдить, бѣгающихъ по жнивью, и наконецъ зимою, когда глубокій снѣгъ и мятели подгонятъ ихъ къ жилью человѣческому: въ хлѣбныя гумна, а на ночь — даже въ крытые тока и сараи. Въ выводкѣ, мною найденной, находилась одна старка и восемь цыпленковъ; я перебилъ всѣхъ, потому-что дѣло происходило на гладкой степи: хотя молодые пересаживались очень далеко, но спрятаться было негдѣ, и добрая собака перебрала ихъ по одиночкѣ. Изъ этого опыта я заключаю, что тамъ, гдѣ можно найдти много куропаточьихъ выводковъ, эта охота должна быть очень весела: молодыя куропатки — не тетеревята; онѣ довольно сильны и крѣпки; деревьевъ нѣтъ да куропатки и не садятся на деревья; улетаютъ иногда очень далеко и летятъ ужасно быстро; стрѣлять надобно живо, а не то онѣ какъ разъ вылетятъ изъ мѣры.

Вотъ описаніе вывода куропатокъ, стрѣльбы молодыхъ и особеннаго способа, посредствомъ котораго разводятъ ихъ въ назначенныхъ мѣстахъ, составленное однимъ опытнымъ, вполнѣ достовѣрнымъ охотникомъ Симбирской губерніи, коротко знакомымъ съ охотой этого рода:

„Весною, какъ только начинаютъ показываться въ поляхъ и кустарникахъ проталины, то-есть, смотря по погодѣ, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, куропатки раздѣляются попарно. Самецъ съ самкою живутъ вмѣстѣ, не измѣняя другъ другу; понимаются же онѣ съ наступленіемъ совершенно теплой погоды, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Самка не свиваетъ гнѣзда, а расчищаетъ для него мѣстечко, дѣлая въ густой травѣ, въ озимяхъ или подъ кустикомъ, небольшую ямку, какъ бы окруженную или опушенную перышками и пухомъ, нащипанными изъ собственной хлупи. Молодая самка несетъ отъ 12-ти до 15-ти, а старая — отъ 15-ти до 20-ти яицъ, овальной фигуры, блѣдно-оливковаго цвѣта. Высиживаніе продолжается до 3-хъ недѣль. Молодыя куропатки выводятся около половины іюня и вылупляются особеннымъ образомъ: онѣ не пробиваютъ носикомъ тонкой скорлупы, чтобы выйдти изъ нея. Скорлупу куропаточьихъ яицъ всегда находятъ развалившеюся вдоль, на двѣ совершенно равныя части, какъ бы разрѣзанною острымъ ножомъ. Цыплята тотчасъ начинаютъ порхать и бѣгать за старыми. Самецъ, вмѣстѣ съ самкою, сзываетъ,

водитъ и охраняетъ выводку. Черезъ нѣсколько дней, молодые начинаютъ уже летать, потому что выводятся съ перьями въ крыльяхъ. Цвѣтъ пуха на молодой куропаткѣ красновато-сѣрый, и вообще она похожа тогда на взрослую перепелку; къ осени же, достигая совершеннаго возраста, она перелиниваетъ и выцвѣтаетъ. Какъ только молодые начнутъ свободно летать, то всякое утро, на разсвѣтѣ, вся стая поднимается съ мѣста почлега лётомъ и перемѣщается на недальнее разстояніе; побѣгавъ немного, чрезъ нѣсколько минутъ, скликается, дѣлаетъ, другой перелетъ и тамъ остается на цѣлый день. Вечеромъ, сейчасъ по захожденіи солнца, самецъ и самка опять сзываютъ молодыхъ дѣлаютъ опять два перелета и располагаются на почлегъ.

„Охота за молодыми куропатками начинается въ исходѣ іюля; но лучшее для того время — когда всѣ хлѣба сжаты и скошены, то-есть въ августѣ и сентябрѣ. Хорошо дрессированная, послушная и не слишкомъ горячая легавая собака необходима для удачной охоты за куропатками. Въ іюлѣ выводки держатся въ полѣ, въ степныхъ лугахъ съ мелкимъ кустарникомъ, *въ некосяхъ,* въ бастыльникѣ. Сначала онѣ очень смирны, и когда собака нападетъ на слѣдъ, то старый самецъ начнетъ бѣгать, вертѣться и даже перепархивать у ней подъ носомъ, чтобы отвести ее отъ выводки. Опытный охотникъ замѣтитъ это по поиску собаки, отзываетъ ее, идетъ въ противоположную сторону и отыскиваетъ стаю. Въ августѣ и сентябрѣ куропаточьи выводки держатся преимущественно въ мѣстахъ гористыхъ и овражистыхъ, въ яровыхъ поляхъ, около скирдовъ, на просяницахъ, гречневыхъ и гороховыхъ загонахъ. Въ октябрѣ иногда находишь ихъ въ озимяхъ, а когда время сдѣлается холоднѣе, онѣ спускаются въ луга, поймы, къ таловымъ кустамъ. Тогда онѣ становятся гораздо бойчѣе, поднимаются всею стаей вдругъ, съ шумомъ и трескомъ, почти всегда внѣ выстрѣла. Поднявши стаю, надобно слѣдить глазами за ея полетомъ, всегда прямолинейнымъ, и идти или, всего лучше, ѣхать верхомъ по его направленію; стая перемѣщается не далеко: завалившись въ долинку, въ овражекъ или за горку, она садится, большею частію, въ ближайшій кустарникъ и рѣдко въ чистое поле, развѣ тамъ, гдѣ перелетъ до кустовъ слишкомъ далекъ; перемѣстившись, она бѣжитъ шибко; но собака, напавши на слѣдъ снова, легко ее находитъ. Во второй разъ куропатки вылетаютъ гораздо ближе, часто не всѣ вдругъ, а по двѣ, по три разомъ; тогда, если удастся разбить стаю, онѣ лежатъ смирно и выле-

таютъ изъ-подъ ногъ собаки. Такимъ образомъ можно застрѣлить много куропатокъ, а при большомъ терпѣніи — перебить всю стаю. Если какъ-нибудь не скоро нападешь на слѣдъ разрозненныхъ куропатокъ, то, черезъ полчаса послѣ перемѣщенья, можно подманивать ихъ особаго рода свисткомъ, на который онѣ отвѣчаютъ, или подождать, когда онѣ сами начнутъ скликаться, и тогда немедленно идти на голосъ: онѣ скоро опять соединяются въ стаи, и тогда уже не отзываются. Куропатка съ подбитымъ крыломъ, упавъ на землю, спасается быстрымъ бѣгомъ, иногда даже уходитъ отъ поиска собаки: бываетъ, что, послѣ долгихъ отыскиваній, нападешь снова на собравшуюся стаю, и тутъ же найдешь подбитую куропатку.

„Нѣкоторые охотники заказываютъ крестьянамъ приносить къ нимъ крытыхъ куропатокъ живыхъ, и сажаютъ ихъ на зиму въ большія, нарочно устроенныя клѣтки, гдѣ онѣ живутъ очень хорошо, чтобы весною высадить ихъ для размноженія. Высаживанье это производится такимъ образомъ: весною, какъ только окажутся проталины, изъ клѣтки, гдѣ куропатки провели зиму, разбираютъ самцовъ и самокъ въ отдѣльныя коробки, наблюдая, чтобы въ нихъ входилъ воздухъ и чтобы въ тѣснотѣ куропатки не задохлись; потомъ ѣдутъ въ избранное для высаживанья мѣсто, для чего лучше выбирать мелкій кустарникъ, гдѣ бы въ послѣдствіи было удобно стрѣлять, преимущественно въ озимомъ полѣ, потому что тамъ не пасутъ стадъ и не ѣздятъ туда для пашни крестьяне, обыкновенно пускающіе своихъ лошадей, во время полдневнаго отдыха, въ близлежащій кустарникъ; въ ржаное поле вообще никто почти до жатвы не ходитъ и не мѣшаетъ высаженнымъ куропаткамъ выводиться. Выбравъ такое мѣсто, берутъ пару куропатокъ, самца и самку, сажаютъ ихъ подъ лукошко, къ которому привязана длинная бичевка; кругомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, насыпаютъ для корма разнаго ухвостья и, отошедъ подальше, осторожно, потихоньку, поднимаютъ лукошко посредствомъ бичевки, перекинутой чрезъ него. Высаживаемая пара куропатокъ не замедлитъ выбѣжать изъ-подъ лукошка и начнетъ перекликаться; когда она убѣжитъ изъ виду, тогда опрокинутое лукошко притягиваютъ къ себѣ и удаляются такъ, чтобы не вспугнуть высаженную пару. Обыкновенно, засидѣвшіяся зимой куропатки не перелетаютъ на дальнее разстояніе, и находя по близости готовый и знакомый кормъ, остаются и выводятъ дѣтей въ томъ мѣстѣ, гдѣ были высажены. Такъ въ небольшой отъемникъ можно высадить

двѣ, три пары, и къ осени найдти ихъ по близости съ выводками" *).

Теперь обращаюсь къ моему описанію образа жизни и стрѣльбы куропатокъ осенью. Въ началѣ октября начинаютъ попадаться куропатки уже станицами, въ двѣ и три выводки. Весьма охотно бѣгаютъ онѣ по дорогамъ, особенно по тѣмъ, по которымъ возятъ въ гумна снопы и подбираютъ насорившіяся зерна; впрочемъ, мнѣ случалось очень часто находить ихъ на такихъ степныхъ дорогахъ, по которымъ никогда сноповъ не возили. Сжатыя хлѣбныя поля и предпочтительно тѣ десятины, на которыхъ производилась молотьба гречи, гороха и другихъ хлѣбовъ (въ сухую погоду молотятъ иногда въ поляхъ сыромолотомъ), также охотно посѣщаются стаями куропатокъ. Нерѣдко зарываются онѣ въ кучи соломы, оставленной на десятинѣ, особенно гречневой и гороховой, даже прячутся въ нихъ, если завидятъ ястреба, беркута и вообще хищную птицу. Мнѣ случалось наѣзжать на стаи куропатокъ, которыя при мнѣ прятались такимъ образомъ, потому что въ то же время видѣли плавающаго въ облакахъ своего смертельнаго врага. Стрѣльба выходила славная и добычливая: куропатки вылетали изъ соломы по одиночкѣ, рѣдко по парѣ, и очень близко, изъ-подъ самыхъ ногъ: тутъ надобно было иногда или послать собаку въ солому, или взворачивать ее самому ногами. Можно было бить ихъ рябчиковою дробью, даже 7-мъ и 8-мъ нумеромъ, чего уже никакъ нельзя сдѣлать на обыкновенномъ неблизкомъ разстояніи, ибо куропатки, особенно старыя, крѣпче къ ружью многихъ птицъ, превосходящихъ ихъ своею величиною, и уступаютъ въ этомъ только тетереву: на 45 шаговъ или 15 саженей, если не переломишь крыла, куропатку не добудешь, то-есть не убьешь наповалъ рябчиковою дробью; она будетъ сильно ранена, но унесетъ дробь и улетитъ изъ виду вонъ; можетъ-быть, она послѣ и умретъ, но это будетъ хуже промаха — пропадетъ даромъ. Чѣмъ становится погода холоднѣе, тѣмъ крѣпче дѣлаются куропатки, и я всегда съ успѣхомъ употреблялъ на нихъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, мелкую утиную дробь, или 5-й нумеръ.

Отыскивать куропатокъ осенью, по голу, довольно трудно; издали не увидишь ихъ ни въ травѣ, ни въ жнивѣ; онѣ, завидя человѣка, успѣютъ разбѣжаться и попрятаться, и потому нужно брать съ собой на охоту собаку, но отлично вѣжливую; въ про-

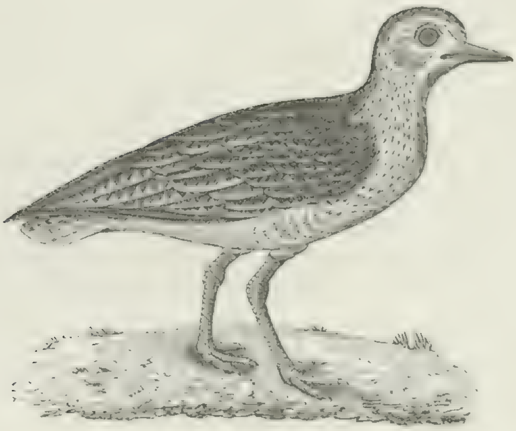
*) Этимъ любопытнымъ описаніемъ обязанъ я Н. П. Ах—ву.

тивном случаѣ она будетъ только мѣшать. Искать ихъ надобно всегда около тѣхъ десятинъ, на которыхъ онѣ повадились доставать себѣ хлѣбный кормъ. За то по первому мелкому снѣгу очень удобно находить куропатокъ: во-первыхъ потому, что на снѣжной бѣлизнѣ онѣ гораздо виднѣе; а во-вторыхъ потому, что ихъ можно douslѣдить. Куропаточья стая бѣжитъ широко, въ разсыпную, и оставляетъ за собою безчисленныя нити слѣдовъ, которыя, расходясь, сходясь и перекрещиваясь, издали кажутся кружевными узорами. Стрѣльбу эту не всегда можно назвать добычливою; если охотникъ и застигнетъ куропатокъ въ сборѣ, въ кучѣ, то онѣ рѣдко подпустятъ его въ мѣру; онѣ побѣгутъ сначала въ разныя стороны и вдругъ поднимутся, и потому изъ порядочной станицы, по большей части, убьешь одну, много двухъ куропатокъ. Если же удастся разбить стаю въ розноту, или найдти куропатокъ, зарывшихся въ снѣгу по розницѣ, то можно убить ихъ много; въ послѣднемъ случаѣ онѣ такъ крѣпко лежатъ, что надобно ихъ выталкивать ногой. Когда же наступитъ настоящая зима и сугробами снѣговъ завалитъ хлѣбныя поля и озими, то куропаткамъ нельзя будетъ бѣгать по глубокому снѣгу, да и безполезно, потому что никакого корма въ поляхъ нѣтъ. Стаи куропатокъ приближаются тогда къ деревнямъ и появляются на гумнахъ, гдѣ подбираютъ зерна, наточившіяся около копенъ и кладей; бѣгаютъ по дорожкамъ, по которымъ возятъ хлѣбъ сушить на ригу или овинъ, и также около токовъ, на которыхъ молотятъ и вѣютъ хлѣбъ. Стаи куропатокъ почуютъ гдѣ-нибудь по близости селенья, въ лѣсныхъ оврагахъ, въ таловыхъ кустахъ по рѣчкѣ, и непремѣнно въ урёмѣ, если урема есть. Едва только черкнетъ заря, несмотря на довольно еще сильную темноту, куропатки поднимаются съ ночлега, на которомъ иногда совсѣмъ заноситъ ихъ снѣгомъ, и прямо летятъ на знакомыя гумна; если на одномъ изъ нихъ уже молотятъ, что̀ обыкновенно начинаютъ дѣлать задолго до зари, при свѣтѣ пылающей соломы, то куропатки пролетаютъ мимо, на другое гумно. Если помѣшаютъ на другомъ, онѣ перелетятъ на третье; однимъ словомъ, работающіе крестьяне куропаткамъ не большая помѣха; онѣ уживаются съ ними дружно, летятъ мимо, если гумно занято, и уступаютъ мѣсто, когда крестьяне ихъ тамъ застанутъ. Часовъ въ 10 утра, куропатки улетаютъ въ тѣ мѣста, гдѣ ночевали, и проводятъ тамъ на отдыхѣ нѣсколько часовъ, лежатъ, до половины зарывшись въ снѣгъ, и даже спятъ. За часъ до захожденія солнца онѣ опять

являются на гумнахъ и остаются до поздней ночи. Во время зимнихъ мятелей или, по-оренбургски, бурановъ, куропатки нерѣдко и ночуютъ на гумнахъ, забиваясь въ огромные вороха соломы, между высокими кладями, гдѣ не беретъ ихъ вѣтеръ, или подъ крытые тока̀ и сараи. Куропатки иногда такъ привыкаютъ къ житью своему, на гумнахъ, особенно въ деревняхъ степныхъ, около которыхъ нѣтъ удобныхъ мѣстъ для ночевки и полдневнаго отдыха, что вовсе не улетаютъ съ гуменъ, и завидя людей, прячутся въ отдаленные вороха соломы, въ господскіе большіе гуменники, всегда отдѣльно и даже не близко стоящіе къ ригамъ, и вообще въ какія-нибудь укромныя мѣста; прячутся даже въ большіе сугробы снѣга, которые намететъ буранъ къ заборамъ и околицѣ, подѣлаютъ въ снѣгу небольшія норы и преспокойно спятъ въ нихъ по ночамъ или отдыхаютъ въ свободное время отъ приискиванья корма. Вызнавъ все это предварительно, охотнику уже не трудно будетъ отыскивать куропатокъ; конечно, онъ прежде перебьетъ бо́льшую половину стаи, чѣмъ она броситъ мѣста, къ которымъ привыкла. Стрѣльба бываетъ и въ летъ и по сидячимъ или бѣгущимъ куропаткамъ, всегда довольно близко, и потому рябчиковая дробь для нея весьма пригодна. Такимъ образомъ мнѣ случалось стрѣлять куропатокъ до самой весны, то-есть до апрѣля, когда уже на токахъ, въ полдень, стояли лужи воды.

Куропатки столько оказываютъ въ себѣ наклонности къ привычкѣ и готовности *сдѣлаться* ручными, что я почти увѣренъ въ возможности переродить ихъ въ дворовыхъ куръ. На всякую хлѣбную приваду онѣ идутъ весьма охотно. Для того, чтобъ онѣ могли скорѣе увидѣть, гдѣ насыпанъ для нихъ кормъ, проводятся, въ разныя стороны отъ привады, дорожки изъ хлѣбной мякины, въ видѣ расходящихся лучей; какъ только нападетъ на одну изъ нихъ куропатка, то сейчасъ побѣжитъ по ней и закудахчетъ; на ея голосъ свалится вся стая и, прямо по мякинѣ, изъ которой мимоходомъ, на бѣгу, выклюетъ всѣ зерна, отправится къ привадѣ. Тамъ обыкновенно кроютъ ихъ шатромъ, такъ же какъ тетеревовъ; но куропатки гораздо повадливѣе и смирнѣе, то-есть глупѣе; тетеревиная стая иногда сидитъ около привады, пристально глядитъ на нее, но нейдетъ и не пойдетъ совсѣмъ; иногда нѣсколько тетеревовъ клюютъ овсяные снопы на привадѣ ежедневно, а другіе только прилетаютъ смотрѣть; но куропатки съ перваго раза всѣ бросаются на разсыпанный кормъ, какъ дворовыя куры; тетеревовъ надобно долго пріучать, а куропатокъ кроютъ на другой же день;

никогда нельзя покрыть всю тетеревиную стаю, а куропатокъ, напротивъ, непремѣнно перекроютъ всѣхъ до одной. Мнѣ случилось однажды цѣлый мѣсяцъ, каждый день, стрѣлять ихъ на одномъ и томъ же току; кромѣ убиваемыхъ на мѣстѣ, нѣкоторыя пропадали отъ того, что были поранены; стая убавлялась съ каждымъ днемъ, и наконецъ остались двѣ куропатки и продолжали прилетать на тотъ же токъ въ урочное время.... Изъ уваженія къ такому постоянству, я пощадилъ ихъ.



7.

СИВКИ, РЖАНКИ, ОЗИМЫЯ КУРЫ *).

Всѣ три названія — охотничьи и книжныя. Народъ называетъ стаи этихъ пролетныхъ, кратковременныхъ гостей *полевыми курухтанчиками*. Не знаю, откуда взялось имя „сивка", но „ржанка" и „озимая курочка" очевидно происходятъ отъ того, что эти птички всегда бываютъ видимы на ржаныхъ или озимыхъ поляхъ. Сивка гораздо больше скворца, гораздо его шире въ груди и мясистѣе; хотя она такъ же имѣетъ куриный складъ, какъ и куропатка, но не такъ кругла, и станъ ея длиненъ, относительно къ величинѣ, а голова велика; носъ куриный, обыкновеннаго темнаго, роговаго цвѣта; ножки блѣдно-зеленоватыя. Сивка вся покрыта темно-оливковаго цвѣта перьями, испещренными бѣлыми, желтоватыми и ярко-зелеными крапинками; брюшко свѣтлѣе, а шея подъ горломъ, щеки и зобъ черные. Вообще сивки очень плотнаго, крѣпкаго сложенія и довольно красивы; летаютъ быстро и бѣгаютъ чрезвычайно проворно; появляются всегда огромными станицами. Я уже имѣлъ случай говорить о сивкахъ, особенно объ ихъ голосѣ или пискѣ, описывая весенній пролетъ птицы. Онѣ появляются позднѣе всѣхъ породъ дичи, и каждый годъ весьма неодинаково. Въ моихъ запискахъ отмѣчено, что иногда сивокъ бывало очень мало, а иногда

*) *Семенухи;* въ Сибири *пѣтушекъ*. Charadrius pluvialis.

К. Р.

очень много; были года, въ которые я слышалъ только ихъ пискъ и видѣлъ ихъ стаи, кружившіяся подъ небесами, какъ темное облако, но не видалъ ихъ опущающихся на землю; въ 1811 году сивки не прилетали совсѣмъ. Появленіе этой пролетной птички весьма загадочно, по крайней мѣрѣ въ Оренбургской губерніи; обыкновенно она гоститъ тамъ въ маѣ, отъ двухъ до четырехъ недѣль, и неизвѣстно куда пропадаетъ. Еслибъ это былъ весенній пролетъ, какъ у нѣкоторыхъ мною описанныхъ куликовъ, то былъ бы и обратный, осенній пролетъ, уже съ молодыми; но осенью никогда озимыхъ куръ я не видывалъ. Притомъ, пропадая въ исходѣ мая, онѣ, кажется, уже пропускаютъ время для вывода дѣтей, которыхъ гдѣ-нибудь да выводятъ же. Должно предположить, что сивки возвращаются на зимнее мѣстопребываніе уже другою дорогой, или летятъ осенью такъ высоко и тихо, что ихъ никто не видитъ и не слышитъ. Любопытно было бы сдѣлать наблюденіе надъ появленіемъ сивокъ въ другихъ полосахъ Россіи *). Я очень любилъ ихъ стрѣлять, и каждый годъ, съ большимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ мелодическихъ, серебряныхъ звуковъ, льющихся съ неба изъ невидимыхъ стай озимыхъ куръ, вертящихся въ вышинѣ съ удивительною быстротой и неутомимостью. Услыша эти желанные звуки, я уже всякій день начиналъ искать сивокъ по озимямъ, объѣзжая иногда понапрасну огромныя пространства разныхъ полей. Изрѣдка случалось мнѣ видѣть, что сивки опускались даже на скошенныя прошлаго года луговины и на яровыя поля, покрытыя молодыми хлѣбными всходами. Станица сивокъ никогда не садится прямо на землю; кружась безпрестанно, то свиваясь въ густое облако, то развиваясь широкою пеленой, начинаетъ она дѣлать свои круги все ниже и ниже и, опустясь уже близко къ землѣ, вдругъ съ шумомъ покрываетъ цѣлую десятину; ни одной секунды не оставаясь въ покоѣ, озимыя куры проворно разбѣгаются во всѣ стороны. Мгновенно поверхность занимаемаго ими мѣста представится вамъ движущеюся, живою! Въ глазахъ зарябитъ, если долго посмотришь на эту волнующуюся пестроту! Съ появленіемъ озимыхъ куръ начинается горячая, хлопотливая, бывало, очень любимая мною стрѣльба этой дичи. Жадность и горячность увеличивались отъ мысли, что пребываніе озимыхъ куръ ненадежно, и что, можетъ-быть, завтра или послѣ завтра онѣ и совсѣмъ пропадутъ.

*) Я встрѣтилъ охотника, который самъ не видалъ, но слышалъ, что въ губерніяхъ болѣе южныхъ, осенью, бываютъ пролетныя стаи сивокъ.

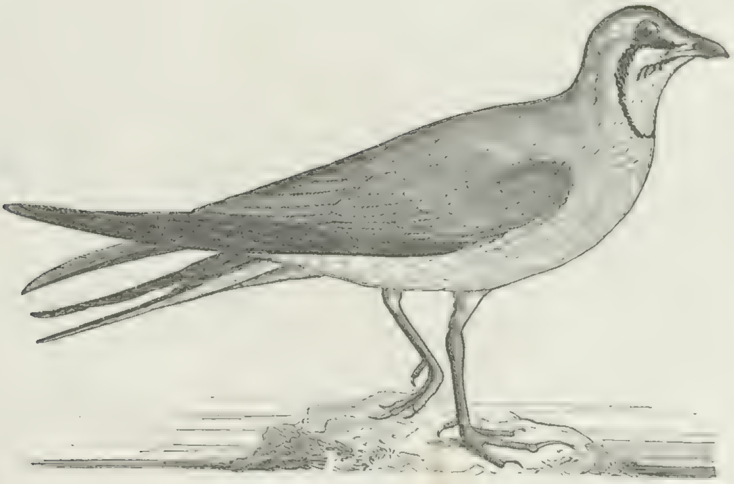
Съ подхода стрѣлять нельзя: сивки, не подпуская въ мѣру, начнутъ по одиночкѣ перелетывать съ мѣста на мѣсто, да и бѣгутъ такъ проворно, что не поспѣешь за ними. Съ подъѣзда онѣ смирнѣе и подпускаютъ ближе, хотя и тутъ тѣ же отчасти неудобства, то-есть безпрестанное бѣганье и взлетыванье. Рѣдко случалось мнѣ убивать болѣе трехъ штукъ однимъ зарядомъ; но не должно жадничать и выжидать, покуда сбѣжится стая плотнѣе. Надобно принять за правило: какъ скоро подъѣдешь въ мѣру, то стрѣлять въ ближайшихъ; цѣля всегда въ одну, по большей части убьешь пару и даже изрѣдка трехъ. Желая убить больше однимъ зарядомъ, — измучишь себя и лошадей, и убьешь несравненно меньше, потому что угонишь далеко и безпрестаннымъ преслѣдованіемъ напугаешь озимыхъ куръ гораздо скорѣе, чѣмъ рѣдкими выстрѣлами. Обыкновенно послѣ каждаго выстрѣла поднимается вся стая, и, сдѣлавъ невысоко кругъ или два, опять садится. Такимъ образомъ на одномъ полѣ иногда удастся подъѣхать и выстрѣлить нѣсколько разъ, потому что сивки, наигравшись прежде въ вышинѣ и опустясь на землю, уже неохотно поднимаются вверхъ, а только перелетываютъ съ мѣста на мѣсто. Одинъ разъ нечаянно сдѣлалъ я открытіе, что сивки вьются довольно низко надъ подстрѣленными своими товарищами, что̀, впрочемъ, замѣчается и въ другихъ птицахъ. Вотъ какъ это было: выстрѣливъ въ стаю озимыхъ куръ и взявъ двухъ убитыхъ, я слѣдилъ полетъ остальной стаи, которая начала подниматься довольно высоко: вдругъ одна сивка пошла книзу на отлетъ (вѣроятно, она ослабѣла отъ полученной раны) и упала или сѣла не близко; въ одно мгновеніе вся стая быстро опустилась и начала кружиться надъ этимъ мѣстомъ очень низко; я немедленно поскакалъ туда и нашелъ подстрѣленную сивку, которая не имѣла силъ подняться, а только ползала, потому что одна нога была переломлена: стая поднялась выше. Я сейчасъ отослалъ дрожки и лошадей прочь, а самъ легъ недалеко отъ подстрѣленной птицы; стая сивокъ стала опускаться и налетѣла на меня довольно близко; однимъ выстрѣломъ я убилъ пять штукъ, послѣ чего остальныя перелетѣли на другое поле. Потомъ я уже много разъ пользовался этимъ средствомъ съ успѣхомъ. — Самое выгодное время стрѣлять озимыхъ куръ — дождливые, ненастные дни; тогда онѣ гораздо смирнѣе: мало вьются вверху, менѣе бѣгаютъ по мокрой пашнѣ и даже иногда сидятъ на одномъ мѣстѣ, собравшись въ кучу. Покуда не были изобрѣтены пистоны, дождь не только мѣшалъ стрѣлять, но даже иногда прогонялъ съ

поля охотника, потому что у ружей съ кремнями очень трудно укрывать полку съ порохомъ: онъ какъ-разъ отсырѣетъ и даже замокнетъ, а при сильномъ дождѣ и никакое сбереженіе невозможно; но съ пистонами дождь не помѣха, и сивокъ, безъ сомнѣнія, можно убить очень много въ одно поле. Говорю это предположительно: съ тѣхъ поръ, какъ ввелись въ употребленіе замки новаго устройства, мнѣ не удалось и видѣть озимыхъ куръ.

Вообще, какъ я уже сказалъ, сивка довольно сильная и крѣпкая къ ружью дичь, и потому дробь надобно употреблять не мельче 6-го или 7-го нумера. Впрочемъ, все зависитъ отъ разстоянія. Мнѣ случалось стрѣлять ихъ бекасинникомъ въ ненастную погоду и крупною утиною дробью въ вёдро, когда онѣ вьются вверху. Сивки никогда не бываютъ жирны, но за то и не бываютъ худы, а всегда сыты. Мясо ихъ очень сочно и вкусно.

Въ 1822-мъ году, въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, поѣхалъ я осматривать яровые всходы, разумѣется съ ружьемъ, потому что я съ нимъ никогда не разставался. Вдругъ ѣхавшій со мной крестьянинъ указалъ мнѣ пересѣвшую небольшую станичку *полевыхъ курухтанчиковъ*. Я приказалъ сейчасъ поворотить къ нимъ и, подъѣхавъ въ мѣру, выстрѣлилъ. Станичка, десятка въ три или четыре, быстро взвилась и улетѣла вонъ изъ виду: я убилъ три штуки. Когда ихъ принесли, я пришелъ въ крайнее изумленіе: вмѣсто обыкновенныхъ темно-зеленыхъ, пестрыхъ озимыхъ куръ, я увидѣлъ птицъ, совершенно похожихъ на сивокъ складомъ, только нѣсколько поменьше, но совершенно неизвѣстныхъ по ихъ перьямъ. Какъ досадно, что я тогда же не описалъ ихъ съ натуры! Крестьянинъ увѣрялъ меня, что такихъ много шатается по полямъ, но онъ ошибся: я не только въ эту весну, но и никогда уже такихъ сивокъ не встрѣчалъ; я все называю ихъ сивками, потому что неизвѣстныя птички были совершенно на нихъ похожи всѣмъ своимъ образованьемъ, кромѣ того, что головки ихъ показались мнѣ не такъ велики и болѣе соразмѣрны съ общею величиною тѣла. Онѣ были очень красивы: цвѣтъ перьевъ свѣтло-коричневый, и отъ глазъ, вдоль шеи, лежали бѣловатыя полоски... Больше не помню ничего.

Есть еще порода „болотныхъ сивокъ“, близко подходящихъ перьями къ кроншнепу. Онѣ стаями не летаютъ, а попадаются въ одиночку, по отмелямъ рѣкъ и берегамъ прудовъ; но я ихъ почти не знаю.



8.

МОРСКАЯ ЛАСТОЧКА, КРАСНОУСТИКЪ *).

Первое названіе заимствовано мною изъ „Совершеннаго егеря“. Дано ли это имя по сходству птички съ ласточкой, а слово „морская“ пошло въ придачу такъ, безъ всякаго основанія, или точно живетъ она около морей и тамъ называется *морскою ласточкой,* — ничего сказать не могу. Нѣкоторые оренбургскіе охотники, въ томъ числѣ и я, называютъ ее „красноустикъ“, а крестьяне, такъ же какъ и сивку, — „полевой курухтанчикъ“; но послѣднее имя ей совершенно нейдетъ: складъ ея не похожъ на куриный, а очень сходна она своимъ образованьемъ именно съ ласточкой. Красноустикомъ мы называли эту птицу потому, что зѣвъ ея рта оторочен или окаймленъ рубчикомъ яркаго краснаго цвѣта. Я удержу это послѣднее имя. Красноустикъ вдвое или почти втрое больше обыкновенной ласточки; цвѣтъ его перьевъ темно-кофейный, издали кажется чернымъ; брюшко нѣсколько свѣтлѣе; носикъ желтоватый; шея коротенькая; головка довольно велика и кругла; ножки тонкія, небольшія, какого-то неопредѣленнаго

---

*) *Тиркуша* (по голосу); *песчанка, луговица; чернобровка; стрижъ, стриженъ, грицикъ, степная ласточка.* Glareola melanoptera, Nordm.

К. Р.

дикаго цвѣта, очевидно не назначенныя для многаго бѣганья; хвостикъ бѣлый, а концы хвостовыхъ перьевъ черноватыя; крылья длинныя, очень острыя къ концамъ, которые, когда птичка сидитъ, накладываются одинъ на другой, какъ у всѣхъ птицъ имѣющихъ длинныя крылья, напримѣръ у сокола, кончика и даже у обыкновенной ласточки. Появленіе и пребываніе красноустиковъ въ Оренбургской губерніи еще загадочнѣе появленія и пребыванія сивокъ. Рѣдко я встрѣчалъ ихъ два года сряду, а чаще черезъ два года въ третій; но однажды замѣтилъ я появленіе красноустиковъ два раза въ одинъ годъ: въ іюнѣ, когда парятъ паръ (время обыкновеннаго ихъ прилета), и въ началѣ августа, во время ржанаго сѣва. Это послѣднее обстоятельство совершенно сбиваетъ меня съ толку. Какъ назвать первое появленіе красноустиковъ? Если весеннимъ пролетомъ, то осенній возвратъ слишкомъ скоръ, и нѣтъ времени имъ вывесть дѣтей и возвратиться съ молодыми. Я убилъ тогда нѣсколько красноустиковъ, и одинъ изъ нихъ былъ съ яйцомъ; если не счесть его *жировымъ* *), то можно предположить, что красноустики выводятъ дѣтей осенью, разумѣется, гдѣнибудь въ тепломъ климатѣ, и что они летятъ туда въ августѣ. Яичко было очень красиво: по блѣдно-палевому основанію оно испещрено коричневыми крапинками. Красноустики летаютъ очень рѣзво и безпрестанно вьются надъ вновь вспаханною землею, хватая толкущихся надъ ней мошекъ, разныхъ крылатыхъ насѣкомыхъ и также насѣкомыхъ, ползающихъ по землѣ, для чего часто садятся, но ходятъ мало и медленно. Въ этотъ же единственный разъ въ моей жизни я нашелъ красноустиковъ въ августѣ мѣсяцѣ, не на пашнѣ и не въ полѣ, а примѣтилъ ихъ въ поздніе сумерки, летающихъ взадъ и впередъ и вьющихся по берегамъ заливовъ, вверху пруда. Я убилъ четырехъ; на другой день рано поутру остальныхъ уже не было. Для меня, какъ для охотника, который съ ранней молодости имѣлъ безотчетную страсть къ наблюденію и возможному изслѣдованію образа жизни и нравовъ птицъ, появленіе красноустиковъ было особенно любопытно. Всегда удивляло меня то, что какъ скоро начнутъ парить паръ, такъ они и появятся. Время пара и ржанаго сѣва не вездѣ и не всегда со-

*) Жировыми яйцами называются тѣ, которыя несетъ самка безъ совокупленія съ самцомъ. Такія яйца бываютъ у всѣхъ домашнихъ птицъ; вѣроятно и у дикихъ, но дѣтей изъ нихъ никогда не выводится. Я дѣлалъ опыты надъ жировыми яйцами куръ, индѣекъ и цыцарокъ.

вершенно одинаково; да и нельзя предположить, чтобъ они знали его по инстинкту и прилетали именно къ сроку издалека. Слѣдовательно должно заключить, что они жили до того времени гдѣ-нибудь по близости, хотя и это предположеніе довольно невѣроятно. Красноустики появляются всегда небольшими станичками; ихъ скоро увидишь издали, потому что они безпрестанно кружатся или снуютъ взадъ и впередъ, около одного и того же мѣста, и садятся только на короткое время. Они не такъ дики, особенно сначала; стрѣлять почти всегда приходится въ летъ. Я становился обыкновенно на срединѣ той десятины или того мѣста, около котораго вьются красноустики, бралъ съ собой даже собаку, разумѣется вѣжливую, и они налетали на меня иногда довольно въ мѣру; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, красноустики перемѣщались понемногу на другую десятину или загонъ, и я подвигался за ними, преслѣдуя ихъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока они не оставляли поля совсѣмъ и не улетали изъ виду вонъ. Стрѣлять ихъ довольно трудно, потому что они летаютъ не близко, вьются не надъ человѣкомъ, а около него, и стелются по землѣ, именно какъ ласточки, отъ чего, особенно въ сѣрый день, цѣль не видна, и для охотника, сколько-нибудь близорукаго (какимъ я былъ всегда), стрѣльба становится трудною; притомъ и летаютъ они очень быстро. Много убить ихъ мнѣ никогда не удавалось, хотя и занимался ими прилежно; они летаютъ врознь, а не кучей, и потому больше одного однимъ зарядомъ убить нельзя. Къ ружью они не такъ крѣпки, и для нихъ очень достаточно мелкой рябчиковой дроби, то-есть 7-го нумера и даже 8-го. Такъ же какъ и озимыя куры, красноустики никогда не бываютъ жирны во время краткаго своего пролета, но всегда довольно сыты, и мясо ихъ очень мягко, сочно и очень вкусно.

9.

КОРОСТЕЛЬ *).

Можетъ-быть, покажется страннымъ причисленіе коростеля къ разряду степной или полевой дичи, потому что главнѣйшее его мѣстопребываніе — луга, поросшіе изрѣдка кустами, не только лежащіе въ сосѣдствѣ болотъ, но и сами иногда довольно мокрые; все это справедливо: точно, тамъ дергуны живутъ съ весны и тамъ выводятъ дѣтей; но за то сейчасъ съ молодыми перебираются они въ хлѣба, потомъ въ травянистыя межи и залежи и, наконецъ, въ лѣсныя опушки. Итакъ, куда причислить коростеля? Не составлять же для него особаго отдѣла болотисто-луговой дичи? Да и это будетъ невѣрно. Въ болотахъ же, гдѣ онъ также иногда держится, есть свой коростель, постоянно въ нихъ живущій, — погонышъ, о которомъ я уже говорилъ.

---

*) Crex pratensis, Bechst.

К. Р.

Коростель — названіе охотничье и книжное; *дергунъ, дергачъ* — вотъ русскія народныя имена. Городская и, особенно, столичная публика мало знаетъ коростеля; но за то всѣ деревенскіе жители, отъ мала до велика, вдоволь наслушались его неугомонныхъ криковъ. Но какъ пріятны весной и лѣтомъ эти неблагозвучные, хриплые звуки, особенно когда они впервые начнутъ раздаваться, что впрочемъ никогда не бываетъ рано; довольно поднявшаяся трава и зазеленѣвшіе кусты — вотъ необходимое условіе для дергуновой пѣсни, поистинѣ похожей на какое-то однообразное дерганье.

Коростель немного больше перепелки объемомъ своего тѣла, только нѣсколько длиннѣе станомъ, но, при первомъ взглядѣ, кажется гораздо ея больше; причиною тому длинная шея, длинныя ноги и перья. Несмотря на то, все устройство его членовъ также чисто-куриное. Коростель покрытъ перьями красно-бураго цвѣта, съ небольшими продолговатыми, темными полосками или пестринками; крылья у него гораздо краснѣе; по всей спинѣ лежатъ длинныя перья, темноватыя по срединѣ и съ свѣтлокоричневыми обводками по краямъ; брюшко гораздо свѣтлѣе; зобъ отливаетъ какимъ-то слегка сизымъ глянцемъ; носъ обыкновеннаго роговаго, а ноги свѣтло-костянаго цвѣта; подбой крыльевъ красный; на бокахъ, подъ ними, перышки пестрыя. Эта пестрота простирается къ хвосту и даже на верхнія части ногъ, покрытыя мелкими перышками; хвостъ коротенькій, также пестрый. Полстомъ своимъ онъ отличается отъ всѣхъ птицъ; задъ у него всегда виситъ, какъ будто онъ подстрѣленъ, отъ чего дергунъ держится на лету не горизонтально, а точно ѣдетъ по воздуху, почти стоймя; притомъ онъ имѣетъ ту особенность, что, взлетѣвъ, не старается держаться противъ вѣтра, какъ всѣ другія птицы, но охотно летитъ по вѣтру, отъ чего перья его заворачиваются, и онъ кажется какимъ-то косматымъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это охота невольная, и онъ летитъ по вѣтру вслѣдствіе устройства своихъ небольшихъ крыльевъ, слабости силъ и полета, который всегда наводилъ на меня сомнѣніе: какъ можетъ эта птичка, такъ тяжело, неловко и плохо летающая, переноситься черезъ огромное пространство и даже черезъ море, чтобы провесть зиму въ тепломъ климатѣ? Притомъ никто не видывалъ коростелей не только прилетными или отлетными станицами, но двухъ или трехъ вмѣстѣ; весной они появляются по одиночкѣ и осенью пропадаютъ такъ же. Какъ не подумать, что коростели забиваются осенью въ какія-нибудь лѣсныя трущобы и проводятъ зиму въ состояніи оцѣпенѣнія, какъ

напримѣръ коршуны, которыхъ находятъ въ дуплахъ замерзшими, жесткими какъ дерево, и которые, оттаявъ въ теплѣ, оживаютъ, что я видалъ самъ. Между тѣмъ отлетъ коростелей не подверженъ сомнѣнію. — Возвращаюсь къ описанію коростеля: летаетъ онъ плохо, за то бѣгаетъ удивительно проворно и неутомимо. Если собака причуетъ его въ большой травѣ, то дергунъ, надѣясь больше на свои ноги, чѣмъ на крылья, не скоро поднимется; онъ измучитъ охотника, особенно въ жаркое время. Чѣмъ собака лучше дрессирована, чѣмъ крѣпче у нея стойка, тѣмъ труднѣе ей поднять коростеля: почуявъ близко дичь, издающую изъ себя особенно сильный запахъ, отъ чего всякая собака ищетъ по коростелю необыкновенно горячо, она сейчасъ дѣлаетъ стойку; а коростель, какъ будто съ намѣреніемъ пріостановясь на минуту, пускается бѣжать во всѣ лопатки. Покуда охотникъ успѣетъ сказать „пиль" и собака подойдти или броситься къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла птица, коростель убѣжитъ за десять, за двадцать саженей; снова начнетъ искать собака по горячему слѣду, снова сдѣлаетъ стойку, и опять повторится та же продѣлка; собака разгорячится, начнетъ преслѣдовать прыжками безпрестанно ее обманывающаго дергуна и, наконецъ, спугнетъ его; но это чрезвычайно портитъ собаку. Вотъ почему охотники не даютъ молодой хорошей собакѣ искать по коростелямъ, и вотъ почему бьютъ ихъ не такъ много; впрочемъ, для старой, твердо дрессированной собаки, пріискиванье коростелей безвредно, особенно для имѣющей верхнее чутье; она, не утомляя себя разбираньемъ и бѣганьемъ по перепутаннымъ, безконечнымъ дергуновымъ слѣдамъ, поведетъ охотника скоро и прямо къ нему, и онъ принужденъ будетъ подняться. На мѣстахъ, поросшихъ невысокою и негустою травой, коростели подымаются гораздо скорѣе, потому что боятся подпускать собаку къ себѣ слишкомъ близко. Но вотъ странность: мнѣ и другимъ охотникамъ часто случалось спугивать дергуновъ неожиданно, безъ собаки, ходя совсѣмъ не за ними и даже въ большой травѣ; кажется, имъ было бы очень легко спрятаться или убѣжать.

Всего замѣчательнѣе въ коростелѣ — его голосъ или крикъ, доставляющій ему общенародную извѣстность. Этотъ крикъ очень похожъ на слогъ: *дергъ, дергъ, дергъ,* повторяемый имъ иногда до 15 разъ сряду. Въ хриплыхъ звукахъ этого крика есть какая-то горячность и задорность. Прислушиваясь внимательно, сейчасъ почувствуешь, что это не просто спокойный голосъ или пѣнье птицы, а крикъ страсти. Этотъ крикъ имѣетъ еще ту особенность,

что въ одно время слышится въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ; сначала я думалъ, что кричатъ нѣсколько коростелей вдругъ, но въ послѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, что кричитъ одинъ и тотъ же коростель. Я увидѣлъ своими глазами причину, отъ которой происходитъ этотъ обманъ: коростель кричитъ какъ бѣшеный, съ неистовствомъ, съ надсадой, вытягивая шею, подаваясь впередъ всѣмъ тѣломъ при каждомъ вскрикиваньи, какъ будто наскакивая на что-то и безпрестанно повертываясь на одномъ мѣстѣ въ разныя стороны, отъ чего и происходитъ разность въ силѣ и близости крика. Какъ скоро коростель крикнетъ, отвернувшись головой въ противоположную сторону, крикъ покажется гораздо дальше, и наоборотъ. Притомъ коростель, прокричавъ разъ съ десять или болѣе, сейчасъ начинаетъ бѣгать взадъ и впередъ, и, отбѣжавъ на сажень или на двѣ, опять начинаетъ кричать, слѣдственно безпрестанно перемѣняетъ мѣсто. Различія въ полнотѣ и силѣ голоса коростеля, которое замѣчается у перепеловъ, я не находилъ, но есть разница въ числѣ криковъ или ударовъ. Изъ всего вышесказаннаго я заключаю, что крики коростеля не что иное какъ призванье самки и выраженіе собственнаго чувства сладострастія. Много хлопоталъ я, чтобы все это узнать поближе и поподробнѣе; но, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, никакъ не могъ подглядѣть ихъ совокупленія, потому что въ травѣ и въ кустахъ ничего разглядѣть нельзя, несмотря на довольно сильную зрительную трубку, которою я вооружался въ своихъ наблюденіяхъ. Мнѣ сказывалъ крестьянинъ, что однажды онъ спалъ въ кустахъ и проснувшись увидѣлъ, что недалеко отъ него дергунъ совокуплялся съ дергунихой самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, послѣ чего самка, отряхнувшись, убѣжала, а самецъ, немного погодя, началъ кричать. Это подтверждаетъ мое предположеніе, что коростель крикомъ зоветъ самку, которая или къ нему прибѣжитъ, или подастъ ему отъ себя голосъ, какъ перепелка: голоса этого, впрочемъ, никто изъ охотниковъ не слыхивалъ. — Несмотря на неопредѣленность и неполноту этихъ свѣдѣній, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) коростели не разбиваются на пары; 2) не имѣютъ токовъ; 3) совокупленіе происходитъ случайно, съ разными самками, и 4) самецъ не раздѣляетъ съ самкою заботъ о выводѣ дѣтей.

Близкое знакомство съ коростелями увлекло меня нѣсколько впередъ; но я возвращаюсь къ принятому мною порядку. Я уже сказалъ, что никто не видалъ прилета коростелей. Судя по вре-

мени начала ихъ крика, можно подумать, что коростели появляются очень поздно; но это будетъ заключеніе ошибочное: коростели прилетаютъ едва ли позднѣе дупельшнеповъ, только не выбѣгаютъ на открытыя мѣста, потому что еще нѣтъ на нихъ травы, а прячутся въ чащѣ кустовъ, въ самыхъ корняхъ, въ густыхъ уремахъ, иногда очень мокрыхъ, куда въ это время года не зачѣмъ лазить охотнику. Я догадывался объ этомъ давно по горячему поиску собаки, даже видалъ что-то взлетавшее въ кустахъ, и по краснотѣ перьевъ думалъ, что это вальдшнепы, но потомъ убѣдился, что это были коростели; я убивалъ ихъ въ исходѣ апрѣля, а кричать начинаютъ они въ исходѣ мая. Въ это же послѣднее время, два раза случилось мнѣ найдти гнѣзда коростелей, тщательно свитыя изъ сухой травы и устроенныя весьма скрытно въ непроходимой чащѣ кустовъ, растущихъ на опушкѣ уремы. Яицъ я не находилъ болѣе десяти, но, говорятъ, ихъ бываетъ до пятнадцати, чему я не совсѣмъ вѣрю, потому что въ послѣднемъ случаѣ коростели были бы многочисленнѣе; яички маленькія, нѣсколько продолговатой формы, желтовато-сизаго цвѣта, покрыты красивыми коричневыми крапинками. На гнѣздѣ сидитъ одна самка. Коростелята выводятся очень мелки и покрыты чернымъ, какъ уголь, пухомъ, скоро оставляютъ гнѣздо и бѣгаютъ съ большимъ проворствомъ. Вообще, и гнѣзда, и выводки коростелей попадаются очень рѣдко. Какъ скоро немного подростутъ молодые, матка уводитъ ихъ въ хлѣбныя поля, и съ этого времени до поздней осени я уже не нахаживалъ молодыхъ коростелей выводками, а всегда по одиночкѣ. Самцы, и вообще коростели холостые, остаются около луговъ даже тогда, когда ихъ скосятъ, перемѣщаясь на время въ сосѣднія поля, залежи и не очень мокрыя болота или опушки уремы. Коростели перестаютъ кричать ранѣе перепеловъ: въ половинѣ іюля. Не знаю, когда спятъ дергуны. Они кричатъ и день и ночь, преимущественно по зарямъ, которыя, именно въ это время года, одна съ другою сходятся: вѣроятно, они дремлютъ около полденъ.

Собственно за одними коростелями охоты нѣтъ; они попадаются между другой дичью: въ лугахъ — между дупелями и болотными куликами, въ полѣ — между перепелками, и въ мелкихъ перелѣскахъ — между молодыми тетеревами. Коростелей никогда не убьешь много: десятокъ въ одно поле — это самое большое число. Во-первыхъ, они не такъ многочисленны, а во-вторыхъ, подымать ихъ тяжело и для собаки и для охотника.

Я описалъ полетъ коростелей, и потому не трудно заключить,

что стрѣльба ихъ весьма легка; къ ружью они слабы, и для нихъ очень достаточно мелкой бекасиной дроби. По большей части они поднимаются такъ близко и всегда летятъ такъ медленно, что ихъ надобно выпускать въ мѣру. Молодые, горячіе охотники, забывающіе это необходимое правило, нерѣдко разбиваютъ въ дребезги коростеля или даютъ промахъ, что́ бываетъ очень досадно, и что̀ (надо признаться) случалось со мной. Въ кустахъ и около кустовъ стрѣлять коростеля труднѣе: онъ сейчасъ завернетъ за кустъ, сквозь который, когда онъ одѣтъ зелеными листьями, птицы не видно, и убить ее невозможно.

Весною и лѣтомъ, до исхода іюля, коростели довольно худы, но съ перемѣщеніемъ въ поля очень скоро тамъ жирѣютъ, такъ что къ концу августа буквально заплываютъ саломъ, и въ это время коростель имѣетъ отличный вкусъ, потому что жиръ его не такъ приторенъ, какъ перепелиный. Впрочемъ, коростели всегда недурны. Въ болотныхъ лугахъ они питаются всякою дрянью, то-есть всякими насѣкомыми, а въ поляхъ кушаютъ чистый хлѣбъ и созрѣвшія сѣмена нѣкоторыхъ травъ, также очень питательныя. Весь августъ бьются коростели около хлѣбныхъ полей, укрываясь, въ свободное отъ прійскиванья корма полдневное время, въ широкихъ травянистыхъ межахъ, поросшихъ мелкимъ полевымъ кустарникомъ: это любимое ихъ мѣстопребываніе; но за неимѣніемъ его держатся и въ сосѣдственныхъ залежахъ, долочкахъ съ мелкимъ лѣсомъ и въ лѣсныхъ опушкахъ, куда перебираются уже окончательно передъ отлетомъ или, вѣрнѣе сказать, передъ своимъ пропаданьемъ. Я нахаживалъ коростелей до десятаго сентября и, признаюсь, тогда считалъ ихъ дорогою добычей.

Коростелей, вмѣстѣ съ перепелками, травятъ ястребами; но нельзя сказать, чтобы всякій ястребъ *бралъ* коростеля, и по весьма смѣшной причинѣ: какъ скоро ястребъ станетъ догонять коростеля и распуститъ на него свои когти, послѣдній сильно закричитъ: этотъ крикъ похожъ на щекотанье сороки или огрызанье хорька. Если въ первый разъ ястребъ испугается и пролетитъ мимо, то уже никогда не станетъ брать коростелей. Разумѣется, это случается съ ястребами молодыми, *гнѣздарями* (вынутыми изъ гнѣздъ и выкормленными въ клѣткѣ); а старые или *слетки*, уже заловившіе на волѣ, не испугаются коростелинаго щекотанья. Иногда беретъ ихъ и жадный гнѣздарь, уже много ловившій до встрѣчи съ коростелемъ.

10.

ПЕРЕПЕЛКА *).

Эта миловидная птичка гораздо извѣстнѣе коростеля, по своей многочисленности, даже городскимъ жителямъ. Народъ слышитъ и видитъ ее безпрестанно, почти при всѣхъ своихъ полевыхъ работахъ: во время полотья, пара, степнаго сѣнокоса и жнитва. Уменьшительное имя „перепелочка“ употребляется иногда, какъ слово ласки, хотя далеко не такъ часто, какъ имена нѣкоторыхъ другихъ птицъ. Перепелка или *перепелица* зашла и въ русскую пѣсню. Молодой парень, распѣвая о томъ, какъ ловко и легко пройдетъ онъ къ своей красной дѣвицѣ, между прочимъ говоритъ:

Ужь я улицею — сѣрой утицею,
Черезъ черную грязь — перепелицею.

Очевидно, что легкость и проворство перепелинаго бѣга внушили ему это живописное сравненіе. — Перепелка немного больше скворца, по мясистѣе его; впрочемъ, кто же ея не видывалъ, по крайней мѣрѣ на стогѣ? Кто не ѣдалъ ея сочнаго, мягкаго, вкуснаго, иногда до приторности жирнаго мяса? Устройствомъ всѣхъ частей своего тѣла перепелка есть не что иное какъ курица, или

*) *Перепелъ, подполуха;* въ Малороссіи *перепелица.* Coturnix dactylisonans, Mey.
К. Р.

куропатка, въ уменьшенномъ видѣ, только она кажется еще складнѣе и миловиднѣе даже куропатки: вѣроятно отъ того, что несравненно ея меньше. Перепелки, равно и куропатки, въ высшей степени имѣютъ свойства и пріемы домашнихъ куръ; онѣ точно такъ же безпрестанно роются, копаются, разгребая проворно ножками соръ, песокъ и рыхлую землю; онѣ дѣлаютъ это и для отысканья корма, и для того, чтобы присѣсть ловчѣе на отдыхъ или ночлегъ. Трудно описать сѣрыя, пестрыя перышки перепелки; къ тому же они слишкомъ всѣмъ извѣстны. Повидимому въ нихъ ничего нѣтъ красиваго; но для меня такъ пріятна эта не яркая, не разноцвѣтная пестрота, что я предпочитаю ее блестящей красотѣ перьевъ другихъ птицъ. Самка разнится отъ самца тѣмъ, что зобъ ея свѣтлѣе, бѣлесоватѣе, а у самца онъ красноватъ и подъ горломъ находится черное пятнышко; притомъ носикъ его темнѣе, и у корня опушенъ какъ будто волосками. Перепелка не только бѣгаетъ проворно, но и летаетъ очень быстро, когда она худа и легка. Это настоящая степная птичка, и хотя очень любитъ хлѣбный кормъ и хлѣбныя поля, особенно засѣянныя просомъ, но водится изобильно и постоянно держится въ настоящихъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ иногда на далекое разстояніе вовсе нѣтъ пашни. Тамъ питается она разными мелкими насѣкомыми и травяными сѣменами. Ни весенняго прилета, ни осенняго отлета перепелокъ никто не видалъ. Въ стаи онѣ тоже никогда не собираются. Появляются непримѣтно по одиночкѣ и пропадаютъ также непримѣтно. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а чаще въ началѣ мая, когда уже подростетъ молодая трава, начинаютъ попадаться перепелки всегда въ самомъ маломъ числѣ, въ степныхъ лугахъ и залежахъ, но никогда на прошлогодней жнивѣ. Въ это время онѣ не такъ смирны, не такъ близко и долго выдерживаютъ стойку собаки, пересаживаются далеко и летятъ отмѣнно быстро. Полетъ ихъ всегда очень прямъ; несмотря на то, съ весны стрѣлять ихъ довольно трудно; за то осенью все перемѣняется и стрѣльба дѣлается самою легкою. Какъ скоро трава поднимется повыше, такъ что птицѣ будетъ удобно въ ней прятаться, начинается всѣмъ извѣстный крикъ перепеловъ, называемый по-охотничьи *бой*. Онъ состоитъ изъ двухъ колѣнъ: сначала перепел *вавачетъ*, то-есть кричитъ похоже на слоги *ва — вва, ва — вва*. Онъ повторяетъ ихъ до трехъ разъ, иногда меньше, но никогда больше, по крайней мѣрѣ я не слыхалъ; послѣ чего слѣдуетъ собственно *бой*, похожій на слова: *подь — полодь*. Такъ, по крайней мѣрѣ, пере-

даетъ этотъ крикъ русскій народъ. Бой повторяется сряду, безъ перемежки, отъ четырехъ до десяти разъ; послѣднее число считается рѣдкостью. Перепела кричатъ съ такою же горячностью и съ такими же движеніями, какъ дергуны. Есть перепела, у которыхъ голосъ очень чистъ и громокъ, такъ что ихъ слышно весьма далеко. Русскій человѣкъ любитъ бой перепеловъ, хотя въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго для уха, и многіе держатъ ихъ въ клѣткахъ. Даже теперь въ Москвѣ, по нѣкоторымъ небольшимъ улицамъ и переулкамъ, сквозь стукъ колесъ и гамъ народа, нерѣдко можно услышать голосъ перепела. Нечего и говорить, что этотъ жалкій, заглушаемый шумомъ крикъ не похожъ на звучный, вольный, перепелиный бой въ чистыхъ поляхъ, въ чистомъ воздухѣ и тишинѣ; какъ бы то ни было, только на Руси бывали, а можетъ-быть и теперь гдѣ-нибудь есть, страстные охотники до перепеловъ, преимущественно купцы: чѣмъ громче и чище голосъ, чѣмъ болѣе ударовъ сряду дѣлаетъ перепелъ, тѣмъ онъ считается дороже. Я слыхалъ, что въ старину плачивали по сту рублей за отличнаго перепела. Крикъ или бой нѣкоторыхъ перепеловъ продолжается до половины августа.

Съ начала перепелинаго боя начинаются ихъ любовныя похожденія, а, правильнѣе сказать, этотъ крикъ есть ни что иное какъ уже начало безотчетнаго стремленія одного пола къ другому. Я говорилъ не утвердительно о коростеляхъ, но совокупленіе перепелокъ я знаю положительно. Еще будучи мальчикомъ, часто хаживалъ я съ старымъ охотникомъ ловить перепеловъ сѣтью *на дудки*, то-есть смотрѣть, какъ онъ ловилъ ихъ. Ловля эта, вполнѣ открывающая процессъ совокупленія, производится слѣдующимъ образомъ: запасшись *перепелиными дудками*, устройство которыхъ я описывать не стану, издающими звуки, сходные съ тихимъ, мелодическимъ голосомъ перепелиной самки; запасшись квадратнымъ полотномъ тонкой сѣти, аршинъ въ 12 и болѣе, ячейки которой вяжутся такой величины, чтобы головка перепела свободно могла пролѣзть въ нихъ, — охотникъ отправляется въ поле. Выбравъ луговину, около которой слышны перепелиные бои и на которой трава повыше, или, чтó еще лучше, ростутъ небольшіе кустики дикаго персика или чилизника, охотникъ бережно разстилаетъ по ихъ верхушкамъ свою сѣть, а самъ ложится возлѣ одного ея края. Лишь только онъ ударитъ нѣсколько разъ въ дудку, перепела отзовутся со всѣхъ сторонъ: дальніе перелетываютъ, а ближніе бѣгутъ. Какъ скоро охотникъ увидитъ, что нѣсколько перепеловъ

подошли подъ сѣть, очень близко къ нему, онъ стремительно вскакиваетъ; перепела взлетаютъ и запутываются въ сѣтку. Здѣсь не мѣсто описывать подробности и тонкости этой ловли; дѣло въ томъ, что тутъ насмотрѣлся я вдоволь на любовныя продѣлки и совокупленіе перепеловъ съ перепелками, потому что на голосъ дудки прибѣгаютъ иногда и самки. Перепела до неистовства горячи въ совокупленіи; бросаются на самку по нѣскольку разъ, и одинъ послѣ другаго, но между собой не дерутся; по крайней мѣрѣ, я никогда драки не видалъ *); обыкновенно исторія оканчивалась тѣмъ, что слишкомъ удовлетворенная перепелка обращалась въ бѣгство или улетала, а перепела ее преслѣдовали. Очевидно, что при таковомъ соединеніи нѣтъ паръ, нѣтъ супружества, и что самецъ не раздѣляетъ съ самкой никакихъ заботъ о выводѣ дѣтей. Когда перепелки разберутся по гнѣздамъ и сядутъ на яйца, перепела напрасно ищутъ и зовутъ своихъ временныхъ подругъ, озабоченныхъ уже другимъ дѣломъ: горячность самцовъ доходитъ до опьяненія, до безумія. Въ это время они до невѣроятности ходко идутъ на дудки подъ сѣть и, говорятъ, дерутся между собою. Мой товарищъ, старый охотникъ, пробовалъ, вмѣсто дудки, употреблять живую самку, ставя ее подъ сѣть въ небольшой низенькой клѣткѣ, и я видѣлъ своими глазами, какъ по два и по три перепела вскакивали на клѣтку и бились на ней, чтобы достать самку. Этого мало: проказливый старикъ, свернувши заблаговременно мячикомъ свою перчатку, бросалъ ее каткомъ навстрѣчу перепеламъ, когда они подбѣгали очень близко: въ слѣпой ярости они вскакивали на перчатку и топтали, какъ перепелку.

Въ половинѣ мая нѣкоторыя перепелки уже сидятъ на гнѣздахъ; такіе выводы называются *ранниками;* за то иныя выводятъ дѣтей въ исходѣ іюля, которыя и называются *поздышами.* Итакъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ всегда можно найдти самыхъ маленькихъ перепелятъ. Это исключительное свойство перепелокъ заставляетъ многихъ охотниковъ думать, что одна и та же самка выводитъ два раза дѣтей въ одно лѣто. Хотя необыкновенное размноженіе перепелокъ къ осени даетъ нѣкоторую вѣроятность этому предположенію, но я, съ моей стороны, нисколько его не утверждаю. — Гнѣздо перепелки свивается на голой землѣ, изъ сухой травы, предпочтительно въ густомъ ковылѣ. Гнѣздо, всегда

*) Я слыхалъ отъ охотниковъ и даже читалъ, что перепела въ клѣткахъ очень горячо дерутся за кормъ; но мнѣ не случалось этого видѣть.

устланное собственными перышками матки, слишкомъ широко и глубоко для такой небольшой птички; но это необходимо потому, что она кладетъ до 16-ти яицъ, а многіе говорятъ, что и до 20-ти; по моему мнѣнію, количество яицъ доказываетъ, что перепелки выводятъ дѣтей одинъ разъ въ годъ. Перепелиныя яички очень похожи, свѣтлокоричневыми крапинками, на воробьиныя, только слишкомъ вдвое ихъ больше и зеленоватѣе. Послѣ обыкновеннаго трехнедѣльнаго сидѣнья вылупляются перепелята, покрытые сѣрымъ пухомъ, съ пеньками въ крыльяхъ, изъ которыхъ, въ нѣсколько дней, выростаютъ перышки, отъ чего перепелята еще въ пуху начинаютъ понемногу перепархивать и называются *поршками.* Много разъ находилъ я, въ одной и той же перепелиной выводкѣ, поршковъ разнаго возраста и величины. Охотники объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что перепелка не вдругъ высиживаетъ всѣхъ своихъ цыплятъ, что будто она вытаскиваетъ изъ гнѣзда первыхъ вылупившихся перепелятъ и продолжаетъ сидѣть на остальныхъ яйцахъ. Я не видалъ этого своими глазами и потому не могу признать справедливымъ такого объясненія; я нахожу нѣсколько затруднительнымъ для перепелиной матки въ одно и то же время сидѣть въ гнѣздѣ на яйцахъ, доставать пищу и самой кормить уже вылупившихся дѣтей, которыя, по слабости своей, въ первые дни должны колотиться около гнѣзда безъ всякаго призора, не прикрытыя въ ночное или дождливое время теплотою материнскаго тѣла. Я нахаживалъ перепелятъ, еще не сбѣжавшихъ съ гнѣзда, видѣлъ, какъ мать ихъ кормила изъ своего рта, и всѣ они были одного возраста. Не лучше ли объяснить это странное обстоятельство тѣмъ, что выводка, у которой мать какъ-нибудь погибла, разбѣгается и присоединяется къ другимъ выводкамъ, старшимъ или младшимъ, какъ случится? Вотъ отъ чего можетъ происходить большая разница между перепелятами, повидимому одной выводки.

Какъ скоро начнутъ поспѣвать хлѣба, особенно просо, перепелки сбѣгаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ и постоянно около нихъ держатся. На такомъ привольномъ и сытномъ кормѣ, не только старыя, но и молодыя перепелки жирѣютъ съ изумительною скоростью, особенно перепела и холостыя самки. Въ это время онѣ уже весьма неохотно подымаются съ земли; летятъ очень тяжело и медленно, и отлетѣвъ нѣсколько саженей, опять садятся; выдерживаютъ долгую стойку собаки, находясь у ней подъ самымъ рыломъ, такъ что ловчивая собака нерѣдко ловитъ ихъ на мѣстѣ,

а изъ-подъ ястреба *) можно брать ихъ руками. Перепелки особенно лакомы къ просу, и когда дожинается десятина или загонъ съ этимъ хлѣбомъ, то при каждомъ взмахѣ серпа вылетаетъ по нѣскольку перепелокъ. Не желая таскаться въ жаркое время съ собакой, я пользовался этимъ средствомъ и, стоя спокойно посреди жницъ и жнецовъ, стрѣлялъ взлетающихъ перепелокъ. Нерѣдко убивалъ я болѣе двухъ десятковъ, а взлетѣвшихъ перепелокъ съ одной десятины насчитывали иногда далеко за сотню; но такое многочисленное сборище сбѣгается только по вечерамъ, передъ захожденіемъ солнца; разумѣется, оно тутъ же и остается на всю ночь, а днемъ разсыпается врозь, во всѣ стороны, скрываясь въ окружныхъ межахъ, залежахъ и степныхъ луговинахъ. Когда хлѣба сожнутъ, перепелки продолжаютъ кормиться по жнивѣ, забиваясь нерѣдко въ снопы, особенно подъ горсти еще не связаннаго проса, и мнѣ часто случалось взворачивать ихъ ногой, чтобы выгнать оттуда перепелокъ. Онѣ продолжаютъ посѣщать даже и тѣ десятины, съ которыхъ хлѣбъ свезенъ, особенно поросшія, долго зеленѣющими посреди желтой соломы, жабрами и чередой, и подбираютъ тамъ паточившіяся изъ колосьевъ переспѣлыя зерна. Такъ проходитъ цѣлый августъ и даже первыя числа сентября; но тутъ перепелки начинаютъ примѣтно уменьшаться и къ половинѣ сентября иногда совсѣмъ пропадаютъ; морозы или холодное ненастье, разумѣется, ускоряютъ, а теплая погода замедляетъ ихъ отлетъ. Надобно замѣтить, что перепелки пропадаютъ не вдругъ, а постепенно. Бывъ съ молоду *перепелятникомъ*, то-есть охотникомъ травить перепелокъ ястребомъ, я имѣлъ случай много разъ наблюдать за постепенностью ихъ отлета. Еслибъ я былъ только ружейнымъ охотникомъ, я никогда бы не могъ узнать этого обстоятельства во всей подробности: сталъ ли бы я ежедневно таскаться за одними перепелками въ такое драгоцѣнное для стрѣльбы время? — Первое уменьшеніе числа перепелокъ, послѣ порядочнаго мороза или внезапно подувшаго сѣвернаго вѣтра, довольно замѣтно; оно случается иногда въ исходѣ августа, а чаще въ началѣ сентября; потомъ всякій день начинаешь травить перепелокъ какимъ-нибудь

*) Это выраженіе буквально точно, но относится уже къ травлѣ перепелокъ ястребами. Когда собака віищетъ перепелку и станетъ надъ ней, то охотникъ поднимаетъ руку, на которой сидитъ ястребъ, какъ можно выше, надъ самой птицей. Жирная и тяжелая перепелка, увидя ястреба и боясь летѣть, со страху прижимается плотнѣе къ травѣ и очень часто допускаетъ взять себя руками.

десяткомъ меньше; наконецъ съ семидесяти и даже восьмидесяти штукъ сойдешь постепенно на три, на двѣ, на одну; мнѣ случалось нѣсколько дней сряду оставаться при этой послѣдней единицѣ, и ту достанешь, бывало, утомивъ порядкомъ свои ноги, исходивъ всѣ мѣста, любимыя перепелками осенью: широкія межи съ полевымъ кустарникомъ и густою наклонившеюся травой и мягкія ковылистыя ложбинки въ степи, проросшія сквозь ковыль какою-то особенною пушистою, шелковистою травкой. Хороша въ это время, вся облитая жиромъ, перепелка! Давно бросивши для ружья перепелиную охоту съ ястребомъ, я любилъ однако добывать иногда ружьемъ, въ это позднее время, уже весьма рѣдкихъ перепелокъ.

Никакому сомнѣнію не подверженъ отлетъ ихъ на зиму въ теплыя страны юга. Много читали и слышали мы отъ самовидцевъ, какъ перепелки безчисленными станицами переправляются черезъ Черное море и нерѣдко гибнутъ въ немъ, выбившись изъ силъ отъ противнаго вѣтра. Теперь предстоитъ вопросъ: когда и гдѣ собираются онѣ въ такія огромныя стаи? Очевидно, что у нихъ должны быть гдѣ-нибудь сборныя мѣста, хотя во всѣхъ губерніяхъ средней полосы Россіи, по всѣмъ моимъ освѣдомленіямъ, никто не замѣчалъ ни прилета, ни отлета, ни пролета перепелокъ. Даже никто не поднималъ, не видалъ ихъ собравшихся въ стаи. Нельзя предположить, чтобы каждая перепелка отдѣльно летѣла прямо на берегъ моря, за многія тысячи верстъ, и потому нѣкоторые охотники думаютъ, что онѣ собираются въ станицы и совершаютъ свое воздушное путешествіе по ночамъ, а день проводятъ гдѣ случится, разсыпавшись врознь, для пріисканія корма, по той мѣстности, на какую попадутъ. Я долженъ упомянуть, что зналъ одного охотника, который увѣрялъ меня, что перепелки не улетаютъ, а уходятъ, и что ему случилось замѣтить, какъ онѣ пропадали въ одномъ мѣстѣ и показывались во множествѣ, но не стаей, въ другомъ, гдѣ ихъ прежде было очень мало, и что направленіе этого похода, совершаемаго днемъ, а не ночью, по его замѣчаніямъ, производилось прямо на югъ. Этотъ охотникъ преслѣдовалъ идущихъ въ походъ перепелокъ и замѣчалъ, что онѣ показывались на новыхъ мѣстахъ не по утру, а въ полдень и болѣе къ вечеру. Я не берусь рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе; для этого нужны точнѣйшія наблюденія не одного, а многихъ охотниковъ. Я слыхалъ также отъ достовѣрныхъ людей, что перепелокъ нахаживали случайно зимою, именно подъ наклономъ густой, высокой травы,

ростущей по межамъ, и даже въ сурочьихъ норахъ, изнутри всегда плотно затыкиваемыхъ самими сурками не близко къ выходу; перепелки были живы, но находились въ какомъ-то полусонномъ состояніи; будучи внесены въ теплое жилье и посажены въ клѣтку, онѣ скоро принимались за кормъ и совсѣмъ оправлялись. Отсюда родилась ложная мысль у нѣкоторыхъ старинныхъ охотниковъ, которую я слыхалъ и отъ крестьянъ, что перепелки у насъ зимуютъ. По моему мнѣнію, найденныя зимой перепелки были *поздыши* или хворыя: и тѣ и другія не имѣли силъ улетѣть или уйдти во́-время и принуждены были зазимовать. Перенесли ли бы онѣ всю зиму или померзли — это вопросъ.

Изъ всего описанія образа жизни и нравовъ перепелокъ можно видѣть, что стрѣльба ихъ должна производиться изъ-подъ собаки, и всегда въ летъ. Всѣ мелкіе сорты дроби пригодны для этой стрѣльбы, потому что перепелокъ, особенно осенью, охотникъ можетъ стрѣлять на какомъ угодно разстояніи: чистое поле, крѣпость лежки и близость взлета, къ которому можно заблаговременно приготовиться, если собака имѣетъ хорошую стойку, дѣлаютъ охотника полнымъ господиномъ разстоянія; онъ можетъ выпускать перепелку въ мѣру, смотря по сорту дроби, которою заряжено его ружье. Очевидно, что выпусканіе въ мѣру здѣсь также необходимо, какъ при стрѣльбѣ коростелей. Вообще перепелокъ, относительно къ ихъ множеству и достоинству, стрѣляютъ мало, а простые добычливые охотники никогда не стрѣляютъ, считая, что такая маленькая птичка не сто́итъ заряда; да и стрѣлять въ летъ многіе не умѣютъ. Настоящіе же охотники предпочитаютъ перепелкамъ, что́ и весьма справедливо, болотную дичь, которая достигаетъ лучшей своей поры именно въ августѣ, то-есть въ одно время съ перепелками; но въ мѣстахъ, гдѣ болотъ мало или совсѣмъ нѣтъ, стрѣльба перепелокъ очень пріятна и добычлива; къ тому же можно иногда вырвать часокъ-другой времени изъ охоты за болотною дичью и посвятить его жирнымъ осеннимъ перепелкамъ. Я сказалъ, что относительно стрѣляютъ ихъ мало, но за то ловятъ несчетное количество: на дудки, о чемъ я уже говорилъ; *наволочною* сѣтью, которую натаскиваютъ, *наволакиваютъ* на перепелку и на собаку, когда послѣдняя приищетъ первую и сдѣлаетъ стойку; а всего болѣе травятъ ихъ ястребами. Пойманныхъ двумя первыми способами перепелокъ сажаютъ въ садки, то-есть въ большія клѣтки, гдѣ онѣ живутъ очень хорошо и отъѣдаются

весьма жирно. Въ такихъ клѣткахъ можно перевозить ихъ живыхъ на далекое разстояніе. Для предохраненія отъ порчи жирнаго мяса травленныхъ перепелокъ, ихъ слегка просаливаютъ и заливаютъ въ кадкахъ или боченкахъ коровьимъ масломъ; по мнѣнію многихъ, свѣжепросольныя перепелки лучше свѣжихъ.

Разрядъ IV.

ДИЧЬ ЛѢСНАЯ.

РАЗРЯДЪ IV.

ДИЧЬ ЛѢСНАЯ.

ЛѢСЪ.

Вся лѣсная дичь живетъ, болѣе или менѣе, въ лѣсу; нѣкоторыя же породы никогда его не покидаютъ. Итакъ, я предварительно разсмотрю и опредѣлю, сколько умѣю, разность лѣсовъ и лѣсныхъ породъ.

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы"; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса — хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ *).

*) Есть много селеній, навсегда потерявшихъ воду отъ истребленія лѣса, которымъ нѣкогда обростали головы ихъ рѣчекъ или родниковыхъ ручьевъ. Нѣкоторыя деревни замѣнили ихъ колодцами, а нѣкоторыя переселились на другія мѣста. Я видѣлъ примѣръ, какъ значительное село, сидѣвшее на прекрасной родниковой рѣчкѣ (Большой Сююшъ), которая поднимала постоянно мукомольный поставъ, въ одинъ годъ лишилось воды. Это случилось очень просто: въ жестокую бурную зиму, крестьяне, чтобы не ѣздить далеко, вырубили на дрова березникъ и олешникъ (ольховый лѣсъ), густо росшій около кругловидной пато-

Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ* или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимой не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязь, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ* или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, чернталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ развѣ, гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчно-однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, — можетъ-быть отъ того, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна — рѣдкость. И такъ я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части, чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, ростущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья ростутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольчины, изъ которой вытекало болѣе двадцати родниковъ, составлявшихъ рѣчку Сююшъ; весна была сухая; всѣ обнаженные отъ лѣсной тѣни родники лѣтомъ изсякли, и рѣчка пересохла. Только въ третій годъ, когда чивая ольха опять подросла, начали вновь открываться родники, и только лѣтъ черезъ десять потекла рѣчка по-прежнему.

ная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало ростетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина *) и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью; золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

„Зарость“ или „поросль“, то-есть молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ бо̀льшая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые *темные лѣса;* но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, — незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею, дубовъ, липъ, березъ и

*) Народъ говоритъ: «горькая осина» и употребляетъ эти слова въ бранномъ смыслѣ. Кора осины точно горька, но зайцы предпочтительно любятъ глодать молодой осинникъ.

осинъ *). При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ рости и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ.... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно ростущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: *лѣшими* и *лѣсными дѣвками,* такъ же какъ и рѣчные и озерные омута — *водяными чертовками;* но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликиваются иволги **), стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски ***), и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣв-

*) Дубъ живетъ многія столѣтія, липа — болѣе 150-ти лѣтъ, береза — за сто, а осина — менѣе ста лѣтъ. Общій признакъ старости деревьевъ, даже при зеленыхъ, но уже рѣдкихъ листьяхъ, — повисшіе книзу главныя сучья; этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ березѣ, когда ей исполнится сто лѣтъ.

**) Иволги имѣютъ еще другой противоположный крикъ или визгъ, пронзительный и непріятный для уха. Находя въ этихъ звукахъ сходство съ отвратительнымъ крикомъ грызущихся кошекъ, народъ называетъ иволгу „дикою кошкой“.

***) Едва ли здѣсь не обмолвка поэта: по крайней мѣрѣ подъ Москвою, да

чее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ *). Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по-моему, очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, *гнѣздами,* и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки **). Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то *горлянками,* и *бѣлки-летяги* ***); послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вы-

---

очень вѣроятно и въ Оренбургской губ., свиристель, лѣсной жаворонокъ и дубоносъ не могутъ встрѣтиться вмѣстѣ, потому что дубоносъ здѣсь только веснуетъ, лѣсной жаворонокъ только лѣтуетъ, а свиристель только зимуетъ; притомъ же свиристель и дубоносъ не поютъ. К. Р.

*) Дуплястое дерево, занимаемое пчелами, называется *борть.* Замѣтивъ отверстіе, въ которое лазятъ пчелы, его выдалбливаютъ и обдѣлываютъ *долженями,* чтобы можно было вынимать ихъ и свободно доставать соты душистаго зеленаго меда, извѣстнаго подъ именемъ „липца". Бортевые промыслы въ Оренбургской губерніи были прежде весьма значительны, но умножившееся народонаселеніе и невѣжественная жадность при доставаніи меда, который нерѣдко вынимаютъ весь, не оставляя запаса на зиму, — губятъ дикихъ пчелъ, которыхъ и безъ того истребляютъ медвѣди, большіе охотники до меда, нѣкоторыя породы птицъ и жестокость зимнихъ морозовъ.

**) Въ нѣкоторыхъ, болѣе лѣсныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ ростутъ породы и смолистыхъ деревьевъ, водятся олени, рыси и россомахи; въ гористыхъ мѣстахъ — дикія козы, а въ камышахъ и камышистыхъ урсмахъ по Уралу — кабаны.

***) Совершенно отдѣльный родъ звѣрка — *полетуха* (Pteromys volans, L.) встрѣчается въ подмосковныхъ губерніяхъ, и еще недавно жилъ въ Московской. К. Р.

шло, что я застрѣлилъ *звѣря въ летъ*. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостки, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухія филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ, въ ночное время, испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что́ же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* и *хохотомъ* лѣшаго?

Если случится ѣхать лѣсистою дорогой, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами, не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острыя когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтамъ. Если же не удастся схватить добычи, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ *ставку* и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же птичка, или будетъ вспугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не-охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается и то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетаютъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ — загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ *вынашивать* копчиковъ (то же что́ дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить

ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкаетъ совершенно, и будетъ ходить на руку, даже безъ *вабила* (кусокъ мяса); стóитъ только свиснуть, да махнуть рукой, стóитъ копчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ: но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда *). Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ или умиралъ съ голоду, — не знаю.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водой, называются *уремою* **). Уремы бываютъ различны: по большимъ рѣкамъ и рѣчкамъ средней величины, берега которыхъ всегда песчаны, урема состоитъ предпочтительно изъ вяза, осокоря, ракиты или ветлы и изрѣдка изъ дуба, достигающихъ огромнаго роста и объема; черемуха, рябина, орѣшникъ и крупный шиповникъ почти всегда имъ сопутствуютъ, разливая кругомъ, во время весенняго цвѣтенія, сильный ароматическій запахъ. Вязъ не такъ высокъ, но толстый, свилеватый пень его бываетъ въ окружности до трехъ саженей; онъ живописно-раскидистъ, и прекрасна не яркая, густая зелень овальныхъ, какъ будто тисненыхъ его листьевъ. За то осокорь достигаетъ исполинской вышины; онъ величавъ, строенъ и многолиственъ; его блѣдно-зеленые листья похожи на листья осины и также легко колеблются на длинныхъ стебелькахъ своихъ при малѣйшемъ, незамѣтномъ движеніи воздуха. Его толстая, и въ то же время легкая, мягкая, красная внутри кора идетъ на разныя мелочныя подѣлки, всего болѣе на наплавки къ рыболовнымъ сѣтямъ, неводамъ и удочкамъ. Такія уремы не бываютъ густы, имѣютъ много глубокихъ заливныхъ озеръ, богатыхъ всякою рыбою и водяною дичью. Вездѣ по

---

*) И все-таки это неправда! Изъ „Книги сокольничья пути“ очевидно, что копчиками травили: итакъ, мы не умѣемъ только ихъ вынашивать.

Поздн. примѣч. сочинителя.

**) Отсюда конечно происходитъ названіе *ремеза* (Parus pendulinus, L), особеннаго вида синицы, живущаго по уремамъ, и столь извѣстнаго въ народѣ своимъ кошелеобразнымъ гнѣздомъ.

К. Р.

берегамъ рѣкъ и озеръ, по песчанымъ пригоркамъ и косогоркамъ, предпочтительно передъ другими лѣсными ягодами, растетъ въ изобиліи *ежевика* (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ *куманикой)*, цѣпляясь за все своими гибкими, ползучими, слегка колючими вѣтками; съ весны зелень ея убрана маленькими бѣлыми цвѣточками, а осенью — черноголубыми или сизыми ягодами превосходнаго вкуса, похожими наружнымъ образованьемъ и величиною на крупную малину. Хороша такая урема; огромныя деревья любятъ просторъ, растутъ не часто, подъ ними и около нихъ, по размѣру тѣни, нѣтъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ, и потому вся на виду величавая красота ихъ. Уремы другаго рода образуются по рѣкамъ, которыхъ нельзя причислить къ рѣкамъ средней величины, потому что онѣ гораздо меньше, но въ то же время быстры и многоводны; — по рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ, песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту. Тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ или осокорь, тамъ ростетъ березникъ, осинникъ и ольха *); тамъ, кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Эти-то уремы особенно мнѣ нравятся. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны, проткапы и живописно обвиты до самого верха цѣпкими побѣгами дикаго хмѣля и обвѣшаны, сначала, его зелеными, листьями, похожими на виноградные листья, а потомъ палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ, *хмѣльныя* сѣмена. Множество соловьевъ, варакушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ густоростущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце, и *ночники* смѣняютъ до утра усталыхъ денныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, тепломъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и обаятельную силу соловьиныя пѣсни.... но онѣ болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, пыли и шумѣ экипажей, или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

*) Ольха самое чивое къ росту дерево; она любитъ почву сырую и обыкновенно густо ростетъ по берегамъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ. Если же грунтъ болотистъ, то покрываетъ и гористые скаты. Ольха достигаетъ довольно большаго роста и толщины, но дерево ея мягко, хрупко и непрочно; однако столяры употребляютъ его, распиливъ на филенги, для оклейки разной мебели.

По небольшимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, особенно по низменной и болотистой почвѣ, уремы состоятъ изъ одной ольхи и таловыхъ кустовъ, по большей части сквозь проросшихъ мелкимъ камышомъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ кривобокія березы, которыя не боятся мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ. Такія уремы бываютъ особенно густы, часты и болотисты; иногда имѣютъ довольно маленькихъ озерковъ и представляютъ полное удобство къ выводу дѣтей для всей болотной и водяной дичи; всякіе звѣрки находятъ въ нихъ также безопасное убѣжище *).

И этотъ лѣсъ, такъ поверхностно, недостаточно мною описанный, эту красу земли, прохладу въ зной, жилище звѣрей и птицъ, — лѣсъ, изъ котораго мы строимъ дома и которымъ грѣемся въ долгія жестокія зимы, — не бережемъ мы въ высочайшей степени. Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ не далеко до бѣдности; срубить дерево безъ всякой причины у насъ ничего не значитъ. Положимъ, что въ настоящихъ лѣсныхъ губерніяхъ, при всемъ стараніи не такъ многочисленнаго ихъ населенія, лѣсу не выведутъ; но во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда росли лѣса, остались голыя степи, и солома замѣнила дрова. То же можетъ случиться и въ Оренбургской губерніи. Не говорю о томъ, что крестьяне вообще поступаютъ безжалостно съ лѣсомъ, что вмѣсто валежника и бурелома, безполезно тлѣющаго, за которымъ надобно похлопотать, потому что онъ толстъ и тяжелъ, — крестьяне обыкновенно рубятъ на дрова молодой лѣсъ; что у старыхъ деревьевъ обрубаютъ на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляютъ сохнуть и гнить; что косятъ траву или пасутъ стада, безъ всякой необходимости, тамъ, гдѣ пошли молодые лѣсные побѣги и даже заросли. Все это еще не въ такой степени губительно, какъ *выварка* поташа и сидѣнье или *сидка* дегтя: для поташа пережигаютъ въ золу преимущественно ильму, липу и вязъ, не щадя впрочемъ и другихъ древесныхъ породъ; а для дегтя снимаютъ бересту, то-есть верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка сначала кажется не такъ губительною, потому что береза гибнетъ не вдругъ, а снятая осторожно, лѣтъ черезъ десять, наращаетъ новую кожу, которую снимаютъ вторич-

*) Въ Оренбургской губерніи урему, поросшую разными мелкими кустиками, постоянно заливаемую, *занимаемую* весной полою водою, называютъ иногда *займищемъ;* а урему, состоящую исключительно изъ однихъ таловыхъ кустовъ, плотно растущихъ, — *талы.*

но; но станутъ ли наемные работники осторожно *бить бересту*, то-есть снимать съ березы кожу? И притомъ ни одна, съ величайшею осторожностью *снятая* береза не достигаетъ уже полнаго развитія: она хилѣетъ постепенно и умираетъ, не доживъ всего вѣка.

Изъ всего растительнаго царства, дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду.... Но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ.... Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже наденія одного большаго подрубленнаго дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающею быстротой и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

I.

ГЛУХОЙ ТЕТЕРЕВЪ, ГЛУХАРЬ, МОХОВИКЪ *).

Глухой тетеревъ, по его величинѣ, малочисленности, осторожности и трудности добыванія, безпрекословно можетъ назваться первою лѣсною дичью. Онъ не отлетаетъ на зиму; напротивъ, водится въ изобиліи въ самыхъ холодныхъ мѣстахъ Сибири. Имя *глухаря* дано ему не потому, что онъ глухъ, а потому, что водится въ глухихъ, уединенныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ; точно такъ и послѣднее имя *моховика* происходитъ отъ моховыхъ, лѣсныхъ болотъ, въ которыхъ живутъ глухари. — Въ молодости моей я еще встрѣчалъ стариковъ охотниковъ, которые думали, что глухіе тетерева — глухи, основываясь на томъ, что они не боятся шума и стука, особенно когда токуютъ. Мнѣніе это совершенно ошибочно. Во-первыхъ, птица вообще мало боится шума и стука, если не видитъ предмета, его производящаго; во-вторыхъ, токующій тете-

*) *Мошникъ,* въ Лапландіи самецъ — *мóшенъ,* самка — *копало;* въ Архангельскѣ *чукáрь* и *тятёра*. Tetrao urogallus, L.

К. Р.

ревъ, особенно глухой, о чемъ я буду говорить ниже, не только ничего не слышитъ, но и не видитъ. Народъ также думалъ, да и теперь думаетъ, что глухарь глухъ. Это доказываетъ всѣмъ извѣстная укорительная поговорка, которою потчиваютъ того, кто, будучи крѣпокъ на ухо, или по разсѣянности, что-нибудь не дослышалъ: „эхъ ты, глухая тетеря“. Глухарь, напротивъ, имѣетъ необыкновенно тонкій слухъ, что̀ знаетъ всякій опытный охотникъ. — Въ Оренбургской губерніи глухіе тетерева не такъ крупны. Я взвѣшивалъ многихъ глухихъ косачей (самцовъ); самый большой вѣсилъ $12^1/_2$ фунтовъ, между тѣмъ какъ косачъ-моховикъ, напримѣръ около Петербурга (говорю слышанное), вѣситъ до 17-ти фунтовъ. Глухой косачъ не совсѣмъ похожъ на косача тетерева полеваго, хотя они составляютъ одну породу; а курочки ихъ перомъ совершенно сходны, съ тою разницею, что глухарка красноватѣе и темныя пестрины на ней чернѣе. Глухарь, самецъ имѣетъ на хвостѣ черныя косицы (менѣе загнутыя, чѣмъ у самца-полевика), почему называется косачомъ; величиною онъ будетъ съ молодаго, годовалаго индѣйскаго пѣтуха и похожъ на него своею фигурой. Если вытянуть глухаго косача, то отъ клева до конца хвостовыхъ перьевъ будетъ полтора аршина. Впрочемъ, тѣло его занимаетъ около двухъ четвертей длины, а въ хвостѣ и шеѣ съ головой — по полуаршину. Клевъ толстый, твердый, нѣсколько погнутый книзу, блѣдно-зеленоватаго костянаго цвѣта, длиною почти въ вершокъ. Глаза темные, брови широкія и красныя, голова небольшая, шея довольно толстая; издали глухарь-косачъ покажется чернымъ, но это несправедливо: его голова и шея покрыты очень темными, но въ то же время узорно-сѣрыми перышками; зобъ отливаетъ зеленымъ глянцемъ, хлупь испещрена бѣлыми пятнами по черному полю, а спина и особенно верхняя сторона крыльевъ — по сѣрому основанію имѣютъ коричневыя длинныя пятна; нижнія хвостовыя перья темныя, съ бѣлыми крапинками на лицевой сторонѣ, а верхнія, отъ спины идущія, покороче и сѣрыя; подбой крыльевъ, подъ плечными суставами, ярко бѣлый съ черными крапинами, а остальной — сизо-дымчатый; ноги покрыты мягкими, длинными, сѣро-пепельнаго цвѣта, перышками и очень мохнаты до самыхъ пальцевъ; пальцы же облечены какою-то скорлупообразною, свѣтлою, чешуйчатою бронею и оторочены кожаною твердою бахромой; ногти темные, большіе и крѣпкіе.

Глухая курочка несравненно менѣе самца; я ни одной изъ нихъ тяжеле шести фунтовъ не убивалъ. — Я не стану говорить о то-

кахъ глухихъ тетеревовъ и о выводѣ тетеревятъ, потому что въ этомъ они совершенно сходны съ простыми тетеревами, *полевиками* или *березовиками*, какъ ихъ называютъ; послѣдніе гораздо ближе мнѣ извѣстны, и я буду говорить о нихъ съ большою подробностію. Глухари предпочтительно водятся въ краснолѣсьѣ; для нихъ необходимы: сосна, ель, пихта и можжевельникъ; погонцы, молодые побѣги этихъ деревьевъ, составляютъ ихъ преимущественную пищу, отъ чего мясо глухаря почти всегда имѣетъ смолистый запахъ. Впрочемъ, въ чернолѣсьѣ, гдѣ изрѣдка ростутъ сосны, глухари водятся иногда и держатся вмѣстѣ съ тетеревами березовиками. Вмѣстѣ же съ ними кроютъ ихъ иногда шатрами, — но всегда въ маломъ количествѣ, — для чего къ обыкновенной привадѣ изъ овсяныхъ сноповъ прибавляютъ вершинки молоденькихъ сосенъ и елей, которыми обтыкаютъ кругомъ приваду. Глухари мало ѣдятъ хлѣбныхъ зеренъ и рѣдко летаютъ въ хлѣбныя поля. Вообще они гораздо уединеннѣе, строже меньшихъ своихъ братій, простыхъ тетеревовъ, держатся постоянно въ крупномъ лѣсу, гдѣ вьютъ гнѣзда ихъ курочки на голой землѣ, въ небольшихъ ямкахъ. Яйца ихъ, почти всегда въ числѣ семи или восьми, вдвое болѣе куриныхъ, рыжеватаго цвѣта, съ темно-коричневыми крапинами.

Глухарь — очень плотная, бодрая и крѣпкая птица. Хотя нѣкоторые охотники считаютъ, что глухіе косачи слабѣе къ ружью косачей-полевиковъ, но я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Я могу только сказать, что глухари, относительно своей величины, не такъ крѣпки къ ружью, какъ можно бы ожидать; но я положительно убѣжденъ, что они крѣпче простыхъ тетеревовъ. Въ доказательство я укажу на то, что всѣ охотники употребляютъ самую крупную дробь для стрѣльбы глухарей; разумѣется, я говорю объ охотѣ въ позднюю осень, или по первозимью, и преимущественно о косачахъ.

Я уже сказалъ, что глухарь необыкновенно пугливъ и остороженъ. Онъ любитъ садиться на вершинахъ огромныхъ сосенъ, особенно растущихъ по неприступнымъ оврагамъ и горамъ. Разумѣется, сидя на такомъ мѣстѣ, онъ совершенно безопасенъ отъ ружья охотника; если вы подъѣдете или подойдете близко къ соснѣ, то нижнія вѣтви закроютъ его, и вамъ ничего не будетъ видно; если же отойдете подальше, и глухарь сдѣлается виденъ, то разстояніе будетъ такъ велико, что нѣтъ никакой возможности убить дробью такую большую и крѣпкую птицу, хотя бы ружье было заряжено безъимянкой или нулемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что стрѣльба глу-

харей самая трудная и тяжелая, особенно косачей, ибо курочки гораздо смирнѣе, слабѣе и чаще садятся на невысокія деревья. Всего удобнѣе бить глухихъ косачей маленькой пулей изъ винтовки, что̀ и дѣлаютъ не только сибирскіе стрѣлки-звѣроловы, но и Вотяки и Черемисы въ Вятской и Пермской губерніяхъ. Но многіе ли изъ обыкновенныхъ нашихъ ружейныхъ охотниковъ умѣютъ стрѣлять мастерски изъ винтовки? Тутъ не помогутъ проворство, ловкость и даже мѣткость глаза; ко всему этому тутъ необходима въ высшей степени вѣрная рука. Я знаю это по себѣ: я былъ хорошій стрѣлокъ дробью изъ ружья, а пулей изъ винтовки или штуцера не могъ попасть и близко цѣли; то же можно сказать о большей части хорошихъ охотниковъ. Впрочемъ, страстная охота, несмотря на трудности, все преодолѣваетъ; она имѣетъ желѣзное терпѣніе, и я нерѣдко изъ обыкновеннаго ружья, обыкновенною гусиною дробью, убивалъ штукъ до 6-ти глухарей въ одно утро. Подъѣхать въ мѣру на саняхъ или дрожкахъ рѣдко удавалось по неудобству мѣстности, и я подкрадывался къ глухарямъ изъ-за деревьевъ; если тетерева совершенно не видно и стрѣлять нельзя, то я подбѣгалъ подъ самое дерево и спугивалъ глухаря, для чего иногда жертвовалъ однимъ выстрѣломъ своего двухствольнаго ружья, а другимъ убивалъ дорогую добычу въ летъ, цѣля по крыльямъ; но для этого нужно, чтобы дерево было не слишкомъ высоко. Употреблялъ я также съ успѣхомъ и другой маневръ: замѣтивъ, по первому улетѣвшему глухарю, то направленіе, куда должны улѣтеть и другіе, — ибо у всѣхъ тетеревовъ неизмѣнный обычай: куда улетѣлъ одинъ, туда летѣть и всѣмъ, — я становился на самомъ пролетѣ, а товарища охотника, или кучера съ лошадьми, посылалъ пугать остальныхъ глухарей. Долго приходилось иногда ждать и зябнуть, стоя смирно на одномъ мѣстѣ; горы и овраги надобно было далеко обходить или объѣзжать, чтобы спугнуть глухихъ тетеревовъ, но за то мнѣ удавалось изъ небольшой стаи убивать по двѣ штуки. Это особенно удобно потому, что глухарь, слетѣвъ съ высокой сосны, всегда возьметъ книзу и летитъ въ вышину обыкновенныхъ деревьевъ: слѣдовательно мѣра не далека, если онъ полетитъ прямо надъ вами, или не далеко отъ васъ. Нечего и говорить, что довольно случалось промаховъ и еще больше подбитыхъ глухарей, которыхъ, ходя и ѣздя по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ по нѣскольку дней сряду, я нахаживалъ иногда на другой день мертвыми. Надобно признаться, что при осенней стрѣльбѣ глухарей, по большей части, только тѣ достаются въ руки,

у которыхъ переломлены крылья; этому причиной не одна ихъ крѣпость, а неудобства стрѣльбы отъ высокихъ, густыми иглами покрытыхъ сосенъ. — Очевидно, какъ внимательно надобно смотрѣть — не подбитъ ли глухарь: не отсталъ ли отъ другихъ? Нѣтъ ли крови на снѣгу по направленію его полета? Не сѣлъ ли онъ въ полдерева? Не пошелъ ли книзу? При каждомъ изъ сказанныхъ мною признаковъ подбоя, сейчасъ должно преслѣдовать раненнаго и добить его: подстрѣленный будетъ смирнѣе и подпуститъ ближе.

Къ токующему глухому косачу раннею весной можно подходить не только изъ-за дерева, но даже по чистому мѣсту, наблюдая ту осторожность, чтобъ идти только въ то время, когда онъ токуетъ, и вдругъ останавливаться, когда онъ замолчитъ; весь промежутокъ времени, пока косачъ не токуетъ, охотникъ долженъ стоять неподвижно, какъ статуя; забормочетъ косачъ, — идти смѣло впередъ, пока подойдешь въ мѣру. Больше о глухарѣ я ничего особеннаго сказать не могу, а повторяю сказанное уже мною, что онъ во всемъ остальномъ совершенно сходенъ съ обыкновеннымъ тетеревомъ, слѣдовательно и стрѣльба молодыхъ глухихъ тетеревятъ совершенно та же, кромѣ того, что они никогда не садятся на землю, а всегда на дерево, и что всегда находишь ихъ въ лѣсу, а не на чистыхъ мѣстахъ.

Мясо молодыхъ глухарей очень вкусно, въ чемъ согласны всѣ; мясо же старыхъ, жесткое и сухое, имѣетъ особенный, не для всѣхъ пріятный вкусъ крупной дичи и отзывается сосной, елью или можжевеловыми ягодами; есть большіе любители этого вкуса.

Трудная и малодобычливая стрѣльба старыхъ глухарей въ глубокую осень, по голу или по первому снѣгу, меня чрезвычайно занимала: я страстно и неутомимо предавался ей. Надобно признаться, что значительная величина птицы, особенно при ея крѣпости, осторожности и немногочисленности, удивительно какъ возбуждаетъ жадность не только въ простыхъ, добычливыхъ стрѣлкахъ, но и во всѣхъ родахъ охотниковъ: по крайней мѣрѣ, я всегда испытывалъ это на себѣ.

2.

ТЕТЕРЕВЪ *).

Кто не знаетъ тетерева, простаго, обыкновеннаго, полеваго тетерева-березовика, котораго народъ называетъ „тетера", а чаще „тетерька"? Глухарь или глухой тетеревъ — это дѣло другое. Онъ не пользуется такою извѣстностью, такою народностью. Вѣроятно, многимъ и видѣть его не случалось, развѣ за обѣдомъ, но я уже говорилъ о глухарѣ особо. Итакъ, я не считаю нужнымъ описывать въ подробности величину, фигуру и цвѣтъ перьевъ полеваго тетерева, тѣмъ болѣе, что, говоря о его жизни, я буду говорить объ измѣненіяхъ его наружнаго вида. Нужно только замѣтить, что тетеревъ изъ всѣхъ птицъ, равныхъ ему величиною, самая сильная и крѣпкая птица. Летаетъ онъ очень проворно и неутомимо; машетъ крыльями съ такою быстротой, что производитъ рѣзкій и сильный шумъ своимъ полетомъ, особенно поднимаясь съ земли.

*) Въ Малороссіи *тетервакъ*. Также самецъ: *косачъ, косецъ*, а самка: *касатка, полуха, кополиха, маракуша*. Tetrao tetrix, L.

К. Р.

Тетерева водятся вездѣ: и въ большомъ и маломъ, и въ красномъ и черномъ лѣсу, въ перелѣскахъ, въ рѣдколѣсьѣ, и даже въ мѣстахъ безлѣсныхъ, если только не распахана вся степь, ибо тетеревиная самка никогда не совьетъ гнѣзда на землѣ, тронутой сохою. Въ губерніяхъ, не тѣсно населенныхъ, въ мѣстахъ, привольныхъ хлѣбомъ и особенно лѣсомъ, тетерева живутъ въ великомъ множествѣ. Они не отлетаютъ на зиму, равно какъ и глухари. Жесткость морозовъ для нихъ безвредна, и едва ли они не больше плодятся тамъ, гдѣ холоднѣе. Но начнемъ съ начала.

Въ маѣ мѣсяцѣ тетеревиныя самки вьютъ гнѣзда въ опушкахъ лѣса, по рѣдколѣсью и преимущественно по молодымъ зарослямъ, а въ мѣстахъ степныхъ — въ какомъ-нибудь полевомъ кустарникѣ. Самка несетъ до 10 и даже до 12 яицъ, какъ говорятъ охотники, но я самъ никогда болѣе 9 не нахаживалъ. Она сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, такъ что не только всѣ хищные звѣри и звѣрки, но даже дворныя собаки ловятъ иногда ее на гнѣздѣ. Мнѣ самому случалось наѣзжать тройкой на тетеревиныхъ курочекъ, сидящихъ на гнѣздахъ, и одинъ разъ моя коренная даже задавила копытомъ тетерьку на яйцахъ. Три недѣли матка почти не слѣзаетъ съ гнѣзда и день и ночь; только въ полдни сходитъ она на самое короткое время, непремѣнно закрывъ гнѣздо травою и перьями, чтобы яйца не простыли. Тетеревята выводятся изъ яицъ обыкновенно около половины іюня. Впрочемъ, это случается и позднѣе, если первыя яйца по какому-нибудь несчастному случаю пропадутъ. Нерѣдко гибнутъ они отъ паловъ, если палы производятся поздно, о чемъ я уже говорилъ. Сначала тетеревята, всѣ безъ исключенія, бываютъ сѣровато-желто-пестраго цвѣта, такъ что нельзя и различить самца отъ самки; первый впослѣдствіи называется *косачомъ* (отъ косицъ въ хвостѣ), а вторая курочкой. Въ исходѣ августа на самцѣ начинаютъ показываться мѣстами темныя перья, какъ будто букеты темно-коричневыхъ цвѣтовъ; въ это время онъ имѣетъ особенный и весьма красивый видъ, и тогда охотники говорятъ: „тетеревята помѣшались". Косачъ уже и въ этомъ періодѣ возраста крупнѣе курочки, и брови у него шире и краснѣе: преимущество, которое онъ навсегда сохраняетъ. Старый самецъ всегда тяжелѣе однимъ фунтомъ старой курочки. Въ началѣ зимы косачъ становится темно-кофейнаго цвѣта, черныя косицы въ хвостѣ отростаютъ, концы ихъ загибаются: одна половина направо, а другая налѣво. Фигура этихъ косицъ очень похожа на загнутое лезвее стариннаго столоваго ножа. Косачи чернѣютъ годъ

отъ году, а на третій годъ становятся совершенно черными, съ маленькою сѣриною на спинѣ между крыльевъ и съ отливомъ вороненой стали по всему тѣлу и особенно по шеѣ. Впрочемъ, внутренняя сторона крыльевъ подбита мелкими бѣлыми перышками, также и косицы въ хвостѣ, и бѣлая же поперечная полоса видна на правильныхъ перьяхъ. Курочка существенно не измѣняетъ своего цвѣта; только къ зимѣ перья дѣлаются жестче и крупнѣе, а пестрины темнѣе и желтѣе.

Тетеревята имѣютъ то особенное свойство, что черезъ нѣсколько дней послѣ вылупленія своего изъ яицъ начинаютъ понемногу летать или, точнѣе сказать, перепархивать, отъ чего самые маленькіе называются въ иныхъ мѣстахъ, такъ же какъ перепелята, *порхиками*. Питаются они спачала разными травяными сѣменами и мелкими насѣкомыми, потомъ разными ягодами: полевою клубникой, костяникой и вишней, до которыхъ они большіе охотники, а въ мѣстахъ лѣсныхъ — всякими лѣсными ягодами. Способъ, посредствомъ котораго тетеревята лакомятся вишнями, растущими гораздо выше ихъ роста, очень оригиналенъ: они пускаютъ вишенные кустики между ногъ и, подвигаясь впередъ, постепенно ихъ наклоняютъ, до тѣхъ поръ, пока ягоды не приблизятся къ самому ихъ рту. Въ это время молодые тетерева бываютъ особеннаго и отличнаго вкуса, разумѣется тамъ, гдѣ ягóдъ такъ много, что онѣ могутъ составлять единственную или преимущественную ихъ пищу. Въ послѣдствіи времени они кормятся хлѣбными зернами, и наконецъ, когда хлѣба уберутъ въ гумно, а поля покроются снѣгомъ, древесныя почки, дубовые желуди *), березовыя сережки, ольховыя шишечки, можжевеловыя ягоды, сосновые и еловые погонцы доставляютъ имъ обильный и питательный кормъ.

Стрѣльба тетеревовъ раннею весной незначительна; она прекращается, когда курочки сядутъ на гнѣзда, а косачи спрячутся въ лѣсные овраги и другія крѣпкія мѣста, чтó бываетъ въ исходѣ мая. Въ іюнѣ косачи и холостыя курочки линяютъ; матки линяютъ послѣ вывода дѣтей гораздо позднѣе. Стрѣльба молодыхъ тетеревовъ начинается въ іюлѣ и продолжается до начала сентября; разумѣется, всегда изъ-подъ собаки. Когда же деревья облетятъ, а трава отъ дождей и морозовъ завянетъ и приляжетъ къ землѣ, тетерева по утрамъ и вечерамъ начинаютъ садиться на деревья,

---

*) Дубовые желуди глотаютъ тетерева вмѣстѣ съ чашечками и даже маленькими вѣточками, въ изумительномъ количествѣ.

сначала выводками, а потомъ собравшимися стаями, въ которыхъ старые уже смѣшиваются съ молодыми. Эти стаи нерѣдко состоятъ изъ однихъ косачей или однѣхъ курочекъ. Чѣмъ становится позднѣе осень, тѣмъ сидятъ они долѣе, если не сгонитъ сильный вѣтеръ. При тихой погодѣ, особенно при мелкомъ дождѣ, только въ полдень слетаютъ тетеревиныя стаи на землю на поляны и чистыя мѣста, гдѣ бы не безпокоили ихъ дождевыя капли, падающія безпрестанно съ мокрыхъ древесныхъ вѣтвей. Когда же солнце начнетъ склоняться къ западу, тетерева поднимаются съ *лежки*, т. е. съ мѣста своего отдохновенія, опять садятся на деревья и сидятъ нахохлившись, какъ будто дремлютъ, до глубокихъ сумерокъ; потомъ пересаживаются въ полдерева и потомъ уже спускаются на ночлегъ; ночуютъ всегда на землѣ. Также въ полдерева и близко къ древесному стволу садятся тетерева въ вѣтреное время, чтобы ихъ, вмѣстѣ, съ вѣтвями, не качало вѣтромъ, чего они не любятъ. Опускаясь на ночлегъ, они не слетаютъ, а какъ будто падаютъ внизъ, безъ всякаго шума, точно пропадаютъ, такъ что, завидя издали большое дерево, унизанное десятками тетеревовъ, и подъѣзжая къ нему съ осторожностью, вдругъ вы увидите, что тетеревовъ нѣтъ, а они никуда не улетали! Если вы вздумаете подойдти къ дереву ближе, то поднимете всю стаю, усѣвшуюся на ночевку. Въ зимніе бураны заноситъ ихъ снѣгомъ совершенно, такъ что надобно необыкновенную силу тетерева, чтобы выбиться изъ снѣжнаго сугроба. Вотъ тутъ-то губятъ ихъ лиса и волкъ, которые отыскиваютъ лакомую добычу чутьемъ. Мнѣ случалось не разъ, бродя рано по утрамъ, попадать нечаянно на мѣсто тетеревинаго ночлега; въ первый разъ я былъ даже испуганъ: нѣсколько десятковъ тетеревовъ вдругъ, совершенно неожиданно, поднялись вверхъ столбомъ и осыпали меня снѣжною пылью, которую они подняли снизу и еще болѣе стряхнули сверху, задѣвъ крыльями за вѣтви деревьевъ, напудренныхъ инеемъ. Конецъ осени и начало зимы — самая лучшая и добычливая стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда и на чучела. Она прекращается только глубокими снѣгами, слѣдственно можетъ продолжаться иногда до исхода декабря.

Это общій очеркъ тетерева. Говоря о стрѣльбѣ его, я стану говорить подробнѣе объ его нравахъ, измѣняющихся съ перемѣнами времени года, и мой очеркъ долженъ отчасти повториться.

Въ исходѣ марта начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, разогрѣвается остывшая кровь въ косачахъ, проснется безотчетное

стремленіе къ совокупленію съ самками, и самцы начинаютъ *токовать*, т. е., сидя на деревьяхъ, испускать какіе-то глухіе звуки, изрѣдка похожіе на гусиное шипѣнье, а чаще на голубиное воркованье или бормотанье, слышное весьма далеко въ тишинѣ утренней зари, на восходѣ солнца. Вѣроятно многимъ удавалось слышать, не говоря объ охотникахъ, „вдали тетеревовъ глухое токованье" *), и вѣрно всякій испытывалъ какое-то неопредѣленное, пріятное чувство. Въ самихъ звукахъ ничего нѣтъ привлекательнаго для уха, но въ нихъ безсознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонію жизни въ цѣлой природѣ.... Итакъ, косачъ пускается токовать: сначала токуетъ не по-долгу, тихо, вяло, какъ будто бормочетъ про себя, и то послѣ сытнаго завтрака, набивши полный зобъ надувающимися тогда древесными почками. Потомъ, съ прибавленіемъ теплоты въ воздухѣ, съ каждымъ днемъ токуетъ громче, дольше, горячѣе, и наконецъ доходитъ до изступленія: шея его распухаетъ; перья на ней поднимаются, какъ грива; брови, спрятанныя во впадинкахъ, прикрытыя въ обыкновенное время тонкою, сморщенною кожицею, надуваются, выступаютъ наружу, изумительно расширяются, и красный цвѣтъ ихъ получаетъ блестящую яркость. Косачи рано утромъ, до солнечнаго всхода, похвативъ уже кое-какъ нѣсколько корма (видно и птицѣ не до пищи, когда любовь на умѣ), слетаются на избранное заранѣе мѣсто, всегда удобное для будущихъ подвиговъ. Это бываетъ или чистая поляна въ лѣсу, или лугъ между деревьевъ, растущихъ на опушкѣ и иногда стоящихъ на открытомъ полѣ, преимущественно на пригоркѣ. Такое мѣсто, неизмѣнно посѣщаемое, всегда одно и то же, называется *токомъ* или *токовищемъ*. Надобно постоянное усиліе человѣка, чтобы заставить тетеревовъ бросить его и выбрать другое. Даже сряду нѣсколько лѣтъ токи бываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Косачи, сидя на верхнихъ сучьяхъ деревьевъ, безпрерывно опуская головы внизъ, будто низко кланяясь, присѣдая и выпрямляясь, вытягивая съ напряженіемъ раздувшуюся шею, шипятъ съ свистомъ, бормочутъ, токуютъ, и, при сильныхъ движеніяхъ, крылья ихъ нѣсколько распускаются для сохраненія равновѣсія. Они часъ отъ часу приходятъ въ бо́льшую ярость: движенія ускоряются, звуки сливаются въ какое-то клокотанье, косачи бѣснуются, и бѣлая пѣна брызжетъ изъ ихъ постоянно разинутыхъ ртовъ.... Вотъ откуда родилась старинная басня, которой, впрочемъ,

*) Стихъ Державина изъ стихотворенія: *Жизнь Званская.*

уже давно никто не вѣритъ, будто тетеревиныя самки, бѣгая по землѣ, подхватываютъ и глотаютъ слюну, падающую изо ртовъ токующихъ на деревьяхъ самцовъ, и тѣмъ оплодотворяются. Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, нѣсколько времени токующихъ уединенно: курочки уже давно прислушивались къ нимъ и наконецъ начинаютъ прилетать на тока̀; сначала садятся на деревья въ нѣкоторомъ отдаленіи, потомъ подвигаются поближе, но никогда не садятся рядомъ, а противъ косачей. Неравнодушно слушая странное шипѣнье и бормотанье своихъ черныхъ кавалеровъ, и пестрыя дамы начинаютъ чувствовать всемогущій голосъ природы и оказываютъ сладострастныя движенія: онѣ охорашиваются, повертываются, кокетливо перебираютъ носами свои перья, вздрагивая распускаютъ хвосты, взмахиваютъ слегка крыльями, какъ будто хотятъ слетѣть съ дерева, и вдругъ, почувствовавъ полное увлеченіе, въ самомъ дѣлѣ быстро слетаютъ на землю... Стремглавъ всѣ косачи бросаются къ нимъ.... И вотъ, между мирными, флегматическими тетеревами мгновенно вскипаетъ ревность и вражда, ибо курочекъ бываетъ всегда гораздо менѣе, чѣмъ косачей, а иногда на̀ многихъ самцовъ — одна самка. Начинается остервенѣлая драка: косачи, уцѣпивъ другъ друга за шеи носами, таскаются по землѣ, клюются, царапаются безъ всякой пощады; перья летятъ, кровь брызжетъ..... А между тѣмъ счастливѣйшіе, или болѣе проворные, около самой арены, совокупляются съ самками, совершенно равнодушными къ происходящему за нихъ бою *). Оплодотворенная курочка сейчасъ начинаетъ заботиться о своемъ потомствѣ: въ рѣдколѣсьѣ, или мелкомъ лѣсу, выбираетъ мѣсто сухое, не низкое, разрываетъ небольшую ямочку, натаскиваетъ ветоши, т. е. прошлогодней сухой травы, вьетъ круглое гнѣздо, устилаетъ его дно мелкими перышками, нащипанными ею самою изъ собственной хлупи, и кладетъ первое яйцо. На другой день она опять вылетаетъ на токовище, тща-

*) Въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ, тока̀ происходятъ въ степи, на голой землѣ, но предпочтительно на мѣстахъ высокихъ и открытыхъ. Нѣкоторые охотники увѣряли меня, что видали нѣчто подобное весеннимъ тетеревинымъ токамъ въ позднюю теплую осень: косачи не дрались между собою, а только бормотали, бѣгая по озимямъ или лугу и надуваясь, какъ индѣйскіе пѣтухи. Я никогда не замѣчалъ въ Оренбургской губерніи осенняго тетеревинаго токованья, но около Москвы каждую осень токуютъ косачи, т. е. бормочутъ, сидя на деревьяхъ въ одиночку, и брови ихъ выступаютъ и краснѣютъ, какъ весной. Курочки не принимаютъ въ этомъ никакого участія.

тельно прикрывъ гнѣздо травой и перьями, опять оплодотворяется отъ перваго ловкаго косача, кладетъ второе яйцо и продолжаетъ ту же исторію до тѣхъ поръ, пока гнѣздо будетъ полно, или временное чувство сладострастія вполнѣ удовлетворено. Нѣсколько времени косачи продолжаютъ слетаться на токовища, постепенно оставляемыя курочками, и тока, слабѣя день ото дня, наконецъ прекращаются. Время любви прошло, распухшая кожа на шеѣ косачей опадаетъ, брови прячутся, перья лѣзутъ.... пора имъ въ глухія, крѣпкія мѣста, въ лѣсные овраги; скоро придетъ время *линять*, т. е. перемѣнять старыя перья на новыя, — время если не болѣзни, то слабости для всякой птицы.

Весенняя стрѣльба тетеревовъ не добычлива и не легка. Какъ только начнетъ пригрѣвать солнце, а поверхность снѣговъ, проникнутая его лучами, вовсе незамѣтно для глазъ, начнетъ въ полдень притаивать, то образуется на ней тонкая, блестящая брилліантовыми огнями, кора: она называется *насть*. По этому-то насту можно весною въ мартѣ, а иногда и въ началѣ апрѣля, подкрадываться къ сидящимъ на деревьяхъ и токующимъ въ одиночку косачамъ, а также и къ слушающимъ ихъ курочкамъ. Подкрадываться надобно съ величайшею осторожностью изъ-за другихъ деревьевъ, безъ всякаго шума, всегда идя такъ, чтобы голова тетерева, къ которому подходитъ охотникъ, была закрыта сучками, или пнемъ дерева. Когда тетеревъ токуетъ, то можно подходить смѣлѣе; но какъ скоро перестанетъ бормотать, то надобно или остановиться, или идти только въ такомъ случаѣ, когда толщина древеснаго пня совершенно закрываетъ стрѣлка. Косачъ, токуя, ничего не слышитъ и не видитъ въ своей горячности, но какъ скоро перестаетъ бормотать отъ утомленія, или отъ какого-нибудь нечаяннаго испуга, то слухъ и зрѣніе сейчасъ къ нему возвращаются. Собаки тутъ не нужно, а нужно ружье, которое бы било далеко, кучно и сильно: хотя въ это время года тетеревъ уже не такъ крѣпокъ къ ружью, какъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы, но за то стрѣлять приходится почти всегда далеко и нерѣдко сквозь вѣтви и сучки. Это не то, что съ подъѣзда, гдѣ останавливаешься и стрѣляешь тогда, когда тетеревъ сидитъ въ мѣру и ничѣмъ не закрытъ. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: если подкрался къ ближайшему дереву, изъ-за котораго нельзя высунуться, не испугавъ птицы, то ужь близко ли, далеко ли, ловко или неловко, стрѣлять надо. Само собою разумѣется, что не мало бываетъ промаховъ, и нельзя убить много тетеревовъ. Когда же снѣгъ растаетъ, а гдѣ не растаетъ,

по крайней мѣрѣ обмелѣетъ, такъ что можно ѣздить хотя какъ-нибудь и хотя на чемъ-нибудь, то сдѣлается возможенъ и подъѣздъ къ тетеревамъ: спачала, рано по утрамъ, на самыхъ токахъ, а потомъ, когда выстрѣлы ихъ разгонятъ, около токовъ: ибо далеко они не полетятъ, а все будутъ биться вокругъ одного мѣста до тѣхъ поръ, пока придетъ время разлетаться имъ съ токовъ по своимъ мѣстамъ, то-есть часовъ до девяти утра. Разумѣется, съ подъѣзда можно убить больше, чѣмъ съ подхода, но все немного. Вотъ и вся бѣдная весенняя стрѣльба тетеревовъ, которая продолжается до начала, много до половины мая, и которою охотники очень мало и рѣдко занимаются, ибо въ это время года идетъ самая горячая охота за прилетною дичью всѣхъ родовъ *).

Итакъ, съ начала или много половины мая, тетеревъ совершенно пропадаетъ изъ глазъ охотника. Косачи и холостыя курочки скрываются въ самыхъ глухихъ, лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ и линяютъ въ продолженіе іюня мѣсяца. Въ іюлѣ появляются на сцену тетеревята. Покуда они малы, матка или *старка*, какъ называютъ ее охотники, держитъ свою выводку около себя въ перелѣскахъ и опушкахъ, гдѣ много молодыхъ древесныхъ побѣговъ, особенно дубовыхъ, широкіе и плотные листья которыхъ почти лежатъ на землѣ, — гдѣ растетъ густая трава и гдѣ удобнѣе укрываться ея беззащитнымъ цыплятамъ, которые, при первыхъ призывныхъ звукахъ голоса матери, проворно прибѣгаютъ къ ней и прячутся подъ ея распростертыми крыльями, какъ цыплята подъ крыльями дворовой курицы, когда завидитъ она въ вышинѣ коршуна и тревожно закудахчетъ. Надобно при семъ случаѣ сказать, что обыкновенные тетерева весьма близки къ домашнимъ курамъ. Во всѣхъ нравахъ ихъ и пріемахъ видна одна и та же натура: куропатки и перепелки еще болѣе имѣютъ этого сходства. Хотя, во всѣхъ породахъ птицъ, матери горячѣе отцовъ любятъ своихъ дѣтей, но тѣ самки, съ которыми самцы не раздѣляютъ этого чувства, а напротивъ раззоряютъ ихъ гнѣзда (какъ то дѣлаютъ всѣ селезни утиныхъ породъ), — показываютъ дѣтямъ болѣе горячности. Не могу утверждать, какъ поступаютъ косачи, но многіе охотники меня увѣряли, что они также раззоряютъ гнѣзда сво-

*) Стрѣльба косачей или чернышей на токахъ изъ шалашей въ Оренбургской губерніи неизвѣстна, а равно и стрѣльба ихъ во время линьки, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ большомъ употребленіи и бываетъ очень добычлива, особенно въ Костромской губерніи, какъ я слышалъ отъ тамошнихъ охотниковъ.

ихъ курочекъ. Какъ бы то ни было, но тетеревиная матка, не меньше утиной, бережетъ своихъ дѣтей, и при всякой опасности жертвуетъ за нихъ своею жизнью. Много хлопотъ бываетъ ей, ибо не только самая дрянная хищная птица, но даже вороны и сороки таскаютъ маленькихъ тетеревятъ. Не говорю уже о томъ, что волки, а особенно лисы нерѣдко ихъ истребляютъ. Когда же тетеревята подростутъ въ полтетерева, то матка водитъ ихъ на болѣе открытыя мѣста, гдѣ они могутъ кормиться ягодами.

Въ это время начинается настоящая охота за молодыми тетеревятами. Стрѣльба самая добычливая, легкая и самая веселая для многихъ охотниковъ, но не для меня: я предпочитаю осеннюю стрѣльбу, съ подъѣзда. Въ стрѣльбѣ тетеревятъ главную роль играетъ собака, а не искусство, не ловкость охотника; отъ ея чутья, стойки и вѣжливости зависитъ весь успѣхъ. Хотя духъ отъ цѣлой тетеревиной выводки весьма силенъ, и даже тупая собака горячо ищетъ по ея слѣдамъ, но знойное время года много ей мѣшаетъ; по раннимъ утрамъ и позднимъ вечерамъ сильная роса заливаетъ чутье, а въ продолженіе дня жаръ и духота скоро утомляютъ собаку, и притомъ пыль отъ иныхъ отцвѣтшихъ цвѣтковъ и засохшихъ листьевъ бросается ей въ носъ и также отбиваетъ чутье; а потому нужна собака нестомчивая, съ чутьемъ тонкимъ и верхнимъ. Не имѣющая же этихъ качествъ, разбирая безчисленныя и перепутанныя нити слѣдовъ, сейчасъ загорится и отупѣетъ, ибо тетеревята бѣгаютъ невѣроятно много. Итакъ, охотникъ съ легавою собакой отправляется въ тѣ мѣста, гдѣ должны держаться тетеревиныя выводки. Добрая собака, особенно съ верхнимъ чутьемъ, не станетъ долго копаться надъ ихъ слѣдами, а рыская на кругахъ въ недальнемъ разстояніи отъ охотника, скоро почуетъ выводку, сдѣлаетъ стойку, иногда за сто и болѣе шаговъ, и поведетъ своего хозяина прямо къ птицѣ. Если выводка будетъ настигнута въ кучѣ, то нерѣдко поднимается вдругъ; если же она разсыпана, то-есть тетеревята находятся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга отдаленіи, то обыкновенно поднимается прежде старка, не для того, чтобы скорѣе улетѣть прочь, но чтобы привлечь все вниманіе на себя и отвесть непріятеля въ сторону. Для этого, поднявшись съ шумомъ и клохтаньемъ, она едва летитъ, какъ будто хворая или подстрѣленная, трясется въ воздухѣ почти на одномъ мѣстѣ, безпрестанно садится и вновь поднимается. Невѣжливая собака сейчасъ бросится за ней и будетъ уведена за версту и болѣе, а тетеревята между тѣмъ разбѣ-

гутся въ разныя стороны. Даже охотникъ, разумѣется новичокъ, ошибется и захочетъ, не тратя заряда, поймать ее руками. Но охотникъ, знающій эти продѣлки, сейчасъ убиваетъ матку; потомъ собака по одиночкѣ найдетъ всѣхъ тетеревятъ, и хорошій стрѣлокъ, если не станетъ горячиться и будетъ выпускать тетеревенка въ мѣру, перебьетъ всѣхъ безъ промаха. Когда же выводка поднимается вся вдругъ, то тетеревята летятъ врозь, предпочтительно къ лѣсу, и, пролетѣвъ иногда довольно значительное пространство, смотря по возрасту и силамъ, падаютъ на землю и лежатъ неподвижно, какъ камень. Въ этомъ случаѣ, послѣ уже всей выводки, или по крайней мѣрѣ послѣдняя и всегда очень близко отъ охотника, взлетаетъ старка и начинаетъ свои отводы. Разумѣется, она сейчасъ бываетъ убита, но для собаки отыскать пересѣвшихъ тетеревятъ гораздо труднѣе, потому что они, какъ я уже сказалъ, лежатъ неподвижно, притаясь подъ молодыми деревьями, въ кустахъ или густой травѣ. Къ тому же и бить ихъ уже не такъ ловко между рѣдколѣсьемъ и кустарниками. Тетеревята вообще сидятъ очень крѣпко, а пересѣвшихъ собака переловитъ всѣхъ, если къ тому поважена. Когда тетеревята подростутъ еще побольше и начнутъ понемногу мѣшаться, то уже чаще, особенно если мѣсто голо, поднимаются цѣлою выводкой и начинаютъ садиться на деревья: иногда на разныя, а иногда всѣ на одно большое дерево; они садятся обыкновенно въ полдерева, на толстые сучья, поближе къ древесному стволу, и ложатся вдоль по сучку, протянувъ по немъ шеи. Тутъ уже вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ разглядѣть: перебить же всѣхъ до единаго ничего не стоитъ, ибо они ни за что съ дерева не слетятъ *). Къ концу августа тетеревята дѣлаются такъ велики и сильны, что, будучи подняты собакой, улетаютъ очень далеко въ лѣсъ, такъ что ихъ и не найдешь: слѣдственно выстрѣлишь одинъ разъ. Стрѣльба молодыхъ тетеревовъ кончилась, но черезъ мѣсяцъ начнется другая стрѣльба.

---

*) Спрашиваю я охотниковъ до этой стрѣльбы: что за радость душить молодыхъ тетеревятъ, которыхъ не только переловитъ собака, но которыхъ можно перебрать изъ-подъ нея руками? Притомъ, мудрено ли попасть въ тетеревенка, который летитъ, какъ шапка, прямо по одному направленію, или лежитъ на сучкѣ неподвижно надъ вашею головой?

Этотъ вопросъ возбудилъ общее противорѣчіе охотниковъ, и нѣкоторые энергически защищали охоту за тетеревятами; но я, уважая вкусы другихъ, не могу измѣнить своего. *Позднѣйш. примѣч. сочинителя.*

Въ этотъ промежутокъ трудно добывать тетеревовъ; они кроются въ лѣсу. Между тѣмъ молодые тетерева выростутъ совершенно: косачи получаютъ свой темный, съ синимъ отливомъ, первогодный цвѣтъ; косицы въ хвостахъ вытянутся и расправятся, какъ слѣдуетъ. Отдѣльныя семьи, то-есть выводки, собираются сначала въ маленькія общества, въ небольшія стаи, а потомъ въ огромныя станицы. По утрамъ и вечерамъ летаютъ онѣ въ поля на хлѣбные скирды и копны; особенно любятъ гречу, называемую въ Оренбургской губерніи *дикушей,* и упорно продолжаютъ посѣщать десятины гдѣ она была посѣяна, хотя греча давно обмолочена, и остались только кучи соломы. Въ концѣ сентября деревья начинаютъ сильно облетать, и тетерева уже садятся на нихъ по утрамъ и вечерамъ.

Стрѣльба тетеревовъ въ осень по голу, или по черностопу, какъ говорятъ охотники, а также по первозимью, по неглубокому еще снѣгу, имѣетъ свой особенный характеръ. Она называется: стрѣльба съ подъѣзда. Осенніе дожди, утренніе морозы и вѣтры обнажили деревья. Намоченная земля сдѣлалась мягкая, и подъѣзжать къ тетеревамъ стало удобно, не шумно, даже на колесахъ. Но вотъ, наконецъ, первый пушистый снѣгъ покрываетъ землю — вотъ лучшее время подъѣзда.

Уже шесть часовъ утра, а еще совершенно темно. Охотникъ давно проснулся, давно всталъ и одѣлся со свѣчкой. Ружье и всѣ охотничьи вещи и припасы съ вечера приготовлены и лежатъ на особомъ столѣ. Лошади поданы. Мѣста стрѣльбы не близки, разсвѣнетъ дорогой, пора ѣхать. Онъ садится въ невысокія сани съ широкими наклестками, чтобы ловко было, прицѣливаясь, опереться на нихъ локтемъ, и бережно закрываетъ ружье суконнымъ чахломъ или просто шинелью, чтобы не заметало его снѣгомъ изъ-подъ конскихъ копытъ. Полетѣла бойкая тройка *). Вездѣ путь

*) Страннымъ покажется подъѣздъ къ тетеревамъ тройкой: но это особенность Оренбургской губерніи, тамошнихъ разстояній и охотниковъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что я и другіе охотники часто дѣлывали до обѣда, то-есть до 2-го часа, по 50 верстъ, гоняясь за улетающими стаями тетеревовъ и ошибаясь иногда въ ихъ направленіи. Если снѣгъ не мелокъ (а мы ѣзжали до глубокаго снѣга), то на одной лошади далеко не уѣдешь. Притомъ очень часто ѣздишь, бывало, до позднихъ сумерокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучше подъѣзжать въ одну лошадь; по мелкому лѣсу, кустамъ и опушкамъ гораздо удобнѣе проѣзжать въ одиночку, да и тетерева менѣе боятся одной лошади, чѣмъ двухъ или трехъ вмѣстѣ, ибо они привыкли видѣть одноконныя телѣги и дровни, на

по первому мелкому снѣгу: горы и овраги не помѣха простому и крѣпкому устройству охотничьихъ саней. Вотъ наконецъ и хлѣбныя поля, еще не совсѣмъ занесенныя снѣгомъ, куда тетерева повадились летать за лакомствомъ, сытною пищею; вотъ и опушки лѣса, молодыя осиновыя и березовыя заросли, въ которыхъ тетерева непремѣнно почуютъ, если большой ястребъ или беркутъ не угналъ ихъ наканунѣ куда-нибудь подальше. Здѣсь надобно остановиться, лошадямъ вздохнуть и самому охотнику осмотрѣться и подождать вылета тетеревовъ. Вотъ уже совсѣмъ развѣло, вороны закаркали и полетѣли съ ночлега, сороки вдалекѣ щекочутъ, завидя какую-то диковинку.... Съ нетерпѣніемъ озирается во всѣ стороны охотникъ и, привычный къ дѣлу, его кучеръ: ничего не видать. Вдругъ на обнаженныхъ сучьяхъ далекой, старой березы, появилось темное, кругловатое тѣло, вотъ другое, третье.... Это тетерева подымаются съ ночлега. Охотникъ скачетъ къ нимъ во весь опоръ, чтобы напасть на голодныхъ и еще не собравшихся въ одну большую стаю, ибо большая стая летаетъ иногда за кормомъ очень далеко въ хлѣбныя поля, куда повадилась она летать съ осени. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать къ тетеревамъ, выбирая ближайшаго, или крайняго. Главное условіе подъѣзда: никогда не направлять лошадей прямо на тетерева и никогда не подъѣзжать къ нему сзади, разумѣется, если выполнить то и другое позволяетъ мѣстность; надобно такъ подъѣзжать, что какъ будто вы ѣдете мимо. Тетерева (да и всякая птица) не любятъ, когда ѣдутъ прямо на нихъ, особенно, если ѣдутъ сзади. Они начнутъ безпрестанно оглядываться и скоро улетятъ, не подпустивъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Случается иногда, если имъ почему-нибудь не хочется слетать съ дерева, что тетерева поворачиваются носами къ подъѣзжающему сзади охотнику, но это исключеніе. Если тетеревъ, сидя на сучкѣ, въ то же время хватаетъ древесныя почки или плотно сидитъ нахохлившись, это значитъ, что тетеревъ смиренъ и не думаетъ улетѣть: слѣдовательно, охотникъ можетъ подъѣзжать ближе. Когда же тетеревъ вытянулъ шею, всталъ на ноги, безпрестанно повертываетъ голову направо и налѣво, или, дѣлая боковые шаги къ тонкому концу сучка, поти-

которыхъ крестьяне ѣздятъ за дровами и сѣномъ. Но со всѣмъ тѣмъ, только *отъѣздя* осень на тройкѣ отличныхъ крѣпкихъ лошадей, можно убить такое количество тетеревовъ, какое бивалъ я и другіе охотники: 300 штукъ въ одну осень — это бывало дѣломъ обыкновеннымъ. Въ 1816 году, съ исхода сентября до 6-го декабря, я убилъ съ подъѣзда около 500 тетеревовъ.

хоньку кудахчетъ, какъ курица, то охотникъ долженъ стрѣлять немедленно, если подъѣхалъ уже въ мѣру: тетеревъ сбирается въ путь; онъ вдругъ присядетъ и слетитъ. Безъ крайней необходимости не должно стрѣлять тетеревовъ далеко, особенно въ летъ: отъ 35 до 45 шаговъ — вотъ настоящая мѣра. Конечно, можно убить тетерева на 60 и даже на 70 шаговъ, но это рѣдкость; онъ необыкновенно крѣпокъ къ ружью, особенно косачъ; на большую мѣру очень рѣдко убьешь его наповалъ, и не только раненный слегка, но раненный смертельно, онъ улетаетъ на большое разстояніе и пропадаетъ. Мнѣ случалось видѣть, что у подстрѣленнаго тетерева каплетъ кровь изо рта (вѣрный признакъ внутренней, смертельной раны) — и онъ летитъ. Этого мало: у тетерева такъ разшибенъ задъ, что висятъ кишки, — и онъ летитъ. Послѣднему обстоятельству повѣрятъ только охотники, которые сами это видали, или слыхали отъ достовѣрныхъ самовидцевъ. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что послѣ каждаго выстрѣла, если тетеревъ не упалъ, надобно смотрѣть за нимъ, пока онъ не улетитъ изъ глазъ. Правило — необходимое и важное для всякой дичи. Весьма часто случается, что тяжело раненный тетеревъ слетаетъ съ дерева какъ ни въ чемъ не бывало; но, пролетѣвъ иногда довольно значительное пространство, вдругъ подымается вверхъ столбомъ и падаетъ мертвый. Очень рѣдко бываетъ, чтобы раненный тетеревъ упалъ на лету прямо внизъ, не сдѣлавъ подъема къ верху. Надобно весьма хорошо замѣтить мѣсто, гдѣ онъ упадетъ, и скакать туда немедленно, особенно если снѣгъ довольно глубокъ и тетеревъ упалъ въ лѣсъ или въ кустахъ; пухлый снѣгъ совершенно его засыплетъ, и потерявъ мѣсто изъ глазъ, вы ни за что его послѣ не найдете, развѣ укажутъ сороки и вороны, которыя сейчасъ налетятъ на мертвую птицу, лишь бы только замѣтить имъ, что она упала.

Найденныхъ сначала, голодныхъ тетеревовъ охотникъ долженъ преслѣдовать и стрѣлять до тѣхъ поръ, пока они разобьются и разлетятся въ разныя стороны. Потомъ онъ поскачетъ отыскивать другія тетеревиныя стаи на обыкновенныхъ мѣстахъ ихъ корма, и если не застанетъ тамъ, то найдетъ гдѣ-нибудь въ окрестности. Тетерева, утоливъ голодъ, сядутъ отдыхать или на одно большое, развѣсистое дерево и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ, или разсядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ; но всегда зобами противъ вѣтра. Тутъ опять начинается та же исторія: если тетерева въ кучѣ, то не подпустятъ и, слетая одинъ за другимъ, всѣ размѣ-

стятся въ разсыпную по разнымъ окольнымъ деревьямъ. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать всегда къ крайнему тетереву и предпочтительно къ одному или двумъ: ибо чѣмъ меньше тетеревовъ на деревѣ, тѣмъ они смирнѣе и подпускаютъ ближе. Такая стрѣльба можетъ продолжаться до вечера, разумѣется, если мѣстность удобна и тетеревамъ некуда улетѣть далеко. — Не стрѣленныя тетеревиныя стаи, сидящія въ разсыпную, бываютъ очень смирны. Одного убьешь, а другіе сидятъ кругомъ спокойно; но напуганныя частой стрѣльбой становятся очень сторожки и подпускаютъ въ мѣру только рано утромъ, пока голодны. Такую напуганную стаю надо на время оставить и отыскать другую; черезъ недѣлю можно опять воротиться къ ней: она сдѣлается смирнѣе. Вообще курочки смирнѣе косачей; и тѣ и другіе смирнѣе въ туманную, мокрую и тихую погоду, чѣмъ въ ясную, сухую и вѣтреную. — Крѣпость къ ружью тетеревовъ растетъ съ морозами и доходитъ иногда до такой степени, что приводитъ въ отчаяніе охотника; по крайней мѣрѣ я и другіе мои товарищи испытали это не одинъ разъ на себѣ. Не одинъ разъ думалъ я, что мое ружье разстрѣлялось или погнулось, что слабъ порохъ или невѣрны заряды; мнѣ случалось дѣлать до 25 выстрѣловъ, и убить трехъ или четырехъ тетеревовъ. Даже подбитыхъ было мало. Воротясь домой, я отвертывалъ казенникъ, прикладывалъ стволъ на струну, проходилъ его легкимъ пустомъ, и все оказывалось исправно. Пробовалъ въ цѣль — ружье било хорошо, какъ прежде. Сдѣлавъ тщательно заряды самъ, отправлялся я за тетеревами, и ружье било опять очень плохо. Съ другимъ и третьимъ ружьемъ повторялась та же исторія. Между тѣмъ эти же самыя ружья весною начинали бить, по-прежнему, хорошо. Настоящая причина этой неимовѣрной крѣпости, особенно косача, происходитъ отъ того, что перья, покрывающія его зобъ и верхнюю часть хлупи (не говорю уже о большихъ перьяхъ въ крыльяхъ), дѣлаются отъ холода такъ жестки и гладки, что дробь, въ извѣстномъ разстояніи и направленіи, скользитъ по нимъ и скатывается. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но я приглашаю всякаго невѣрующаго сдѣлать, осенью или зимой, сравнительный опытъ надъ домашнимъ пѣтухомъ, котораго слѣдуетъ положить въ тридцати шагахъ на землю, завернуть голову подъ крыло и выстрѣлить въ его зобъ утиною дробью. Пѣтухъ останется невредимъ. Косачъ-тетеревъ — тотъ же дикій пѣтухъ, и ничего нѣтъ мудренаго, что онъ, особенно старый, въ сильные ноябрскіе морозы укрѣпленный холодомъ, уже не подпускающій

охотника близко, очень рѣдко подвергается губительному дѣйствію охотничьихъ выстрѣловъ *). Прямымъ доказательствомъ моему мнѣнію служитъ то, что такой же косачъ, поднятый охотникомъ нечаянно въ лѣсу въ концѣ весны, лѣтомъ и даже въ началѣ осени, падаетъ мертвый, какъ снопъ, отъ вашего выстрѣла, хотя ружье было заряжено рябчиковою дробью и хотя мѣра была не слишкомъ близка. Въ позднее время года я всегда стрѣлялъ тетеревовъ крупною гусиною дробью и избѣгалъ цѣли въ зобъ, отъ чего видѣлъ нѣкоторую пользу. Вотъ гдѣ сердито и крупно бьющее ружье, кладущее дробь звѣздочками, получаетъ свою настоящую высокую цѣну, а стрѣльба тетеревовъ — свой истинно охотничій интересъ.

Наконецъ подъѣздъ къ тетеревамъ отбивается. Снѣгъ углубѣлъ и тетерева сваливаются огромными стаями во внутрь большихъ лѣсовъ, или въ густыя урема, гдѣ имъ теплѣе и кормнѣе. Мнѣ случалось однако стрѣлять тетеревовъ и въ декабрѣ, даже за 25 градусовъ мороза. Тетерева смирны въ жестокую стужу, а звуки выстрѣловъ такъ слабы, что походятъ на хлопанье кнутомъ. Сначала я думалъ, что заряды малы, не повѣрилъ глазамъ своимъ, видя падающаго тетерева, котораго почти не видно въ густомъ инеѣ, обыкновенно опушающемъ въ такое время всѣ вѣтви деревьевъ. Неудобство стрѣльбы въ сильную стужу состоитъ въ неловкости движеній, потому что охотникъ долженъ тепло одѣться, и главное — въ неловкости заряжать ружье, особенно съ кремнемъ, гдѣ надобно насыпать пороху на полку. Впрочемъ, большая рѣдкость, чтобы въ Оренбургской губерніи, въ декабрѣ, было мало снѣгу, и можно ѣздить на саняхъ вездѣ *цѣликомъ* какъ говорится.

Много есть охотниковъ до стрѣльбы тетеревовъ на чучела; но я до нея не большой охотникъ. Она много имѣетъ сходства съ приманкою селезней на ученую дикую или русскую утку и побіеніемъ ихъ изъ шалаша. Какое тутъ удовольствіе, что обманутая птичка сядетъ или подплыветъ къ вамъ подъ носъ, и вы застрѣлите ее въ нѣсколькихъ шагахъ! Эта охота имѣетъ уже характеръ добыванія дичи и составляетъ переходъ къ ловлѣ тетеревовъ: вес-

*) Много разъ случалось со мной и съ другими охотниками, что тетеревъ выдерживалъ по два и по три выстрѣла и улеталъ даже не подбитый. Мнѣ сказывалъ вполнѣ достовѣрный охотникъ, что ему привелось выстрѣлить *семь* разъ въ одного косача, который, послѣ седьмаго выстрѣла, закудахталъ и улетѣлъ невредимъ. Надобно прибавить, что кудахтанье считается признакомъ, что тетеревъ не раненъ.

ною на токахъ — поножами въ силья, осенью — ковшами и пружками, и наконецъ зимою — накрываньемъ ихъ посредствомъ сѣти, называемой, по своей фигурѣ, шатромъ. Послѣднимъ способомъ ловятъ ихъ по нѣскольку десятковъ вдругъ; такое истребленіе дичи ненавистно настоящему ружейному охотнику; но для нѣкоторыхъ страстныхъ любителей стрѣльбы па чучела, которую я пробовалъ и самъ, разскажу о ней все, что знаю.

Тетерева имѣютъ особенное свойство, о чемъ я уже говорилъ: куда улетѣлъ одинъ, первый изъ нихъ, непремѣнно туда же улетитъ вся стая; гдѣ сядетъ одинъ, тамъ сядутъ и всѣ. На этомъ основаніи, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: на открытыхъ мѣстахъ и даже въ рѣдколѣсьѣ, гдѣ часто пролетаютъ и садятся тетерева, строится просторный шалашъ, круглый, или четырехъугольный, но не узкій къ верху и не низкій; надобно, чтобъ охотникъ могъ встать и, хотя въ наклонномъ положеніи, зарядить ружье. Полукругомъ около шалаша, не далѣе 12 шаговъ, становятся *присады,* то-есть втыкаются въ землю молодыя деревья, въ двѣ или три сажени вышиною, очищенныя отъ листьевъ и лишнихъ вѣтвей, даже ставятъ жерди съ искусственными сучками; на двухъ, трехъ или четырехъ присадкахъ (это дѣло произвольное) укрѣпляются тетеревиныя чучела, приготовляемыя тремя способами. Первый, самый употребительный, состоитъ въ томъ, что безъ всякой церемоніи выкраиваютъ изъ чернаго крестьянскаго сукна *нѣчто* подобное тетереву, набиваютъ шерстью или сѣнною трухой, изъ красненькаго суконца нашиваютъ на головѣ брови, а по бокамъ изъ бѣлой холстины двѣ полоски, и наконецъ натычутъ въ хвостъ обыкновенныхъ тетеревиныхъ косицъ, если онѣ есть, — впрочемъ дѣло обходится и безъ нихъ. Второй способъ заключается въ томъ, что дѣлаютъ чучела изъ папье-маше, разрисовываютъ ихъ и кроютъ масляннымъ лакомъ. Третій способъ — въ томъ, что набиваютъ шерстью или хлопками настоящія кожи косачей, снявъ ихъ осторожно съ перьями. — Первый способъ всего простѣе. Во всякой деревнѣ есть для него искусникъ и матеріалъ. Второй, напротивъ, всего труднѣе и дороже, ибо бумажныя чучела должно заказывать въ Москвѣ. Третій неудобенъ потому, что надобно умѣнье набивать чучела́; притомъ, они всегда выходятъ менѣе настоящихъ тетеревовъ, а нужно, чтобъ они были больше и виднѣлись издали; да и хищныя птицы: орлы, беркуты и ястреба-гусятники нерѣдко вцѣпляются въ нихъ и уносятъ, если они воткнуты на присады, а не привязаны (такимъ образомъ убилъ я однажды огромнаго бер-

кута). Шалаши строятся и присады ставятся въ началѣ осени для того, чтобы тетерева къ нимъ привыкли. Еще до свѣта охотникъ, разставивъ свои чучела, также зобами противъ вѣтра, съ ружьемъ и со всѣми охотничьими снарядами, входитъ въ шалашъ, и отверстіе за собой затыкаетъ соломой. Какъ только тетерева подымутся съ ночлега и полетятъ кормиться, то сейчасъ увидятъ чучела́ и къ нимъ сядутъ. Испуганные нѣсколькими выстрѣлами, они улетятъ на хлѣбныя поля; возвращаясь оттуда, опять увидятъ чучела́ и опять къ нимъ сядутъ. Этого мало: ихъ можно подогнать къ присадамъ, для чего достаточно двухъ верховыхъ загонщиковъ. Тетерева легко поддаются обману, принимая чучела за своихъ товарищей, и, пересѣвъ послѣ выстрѣла на ближайшія деревья, какъ скоро ихъ оттуда спугнутъ, сейчасъ возвращаются къ чучеламъ. Тетерева такъ глупы въ этомъ отношеніи, что если воткнуть на присады обожженные чурбаны, кочки или шапки, то они и къ нимъ будутъ садиться; я слыхалъ о подобныхъ продѣлкахъ. Притомъ, не видя человѣка, котораго они боятся больше всѣхъ звѣрей, и послѣ выстрѣла и паденія одного изъ своихъ товарищей рѣдко оставляютъ присады, а перелетаютъ съ одной на другую. Если на присадѣ сидятъ нѣсколько тетеревовъ, то охотникъ обыкновенно бьетъ нижняго, а верхніе нерѣдко сидятъ, смотрятъ на упавшаго и кудахчутъ, какъ будто переговариваясь и удивляясь: отъ чего онъ свалился? Такъ поступаютъ тетерева смирные, не стрѣленные, а напуганные разлетаются послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и не возвращаются. — Въ мѣстахъ, гдѣ водятся и держатся тетерева въ большомъ множествѣ, а подъѣзжать къ нимъ неудобно, стрѣльба на чучела составляетъ добычливую охоту. Она имѣетъ еще ту выгоду, что человѣкъ лѣнивый, старый, или слабый здоровьемъ, который не въ состояніи проскакать десяти верстъ на охотничьихъ дрожкахъ или саняхъ, кружась за тетеревами и безпрестанно подъѣзжая къ нимъ по всякой неудобной мѣстности и часто понапрасну, — такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, можетъ съ большими удобствами, безъ всякаго утомленія, сидѣть въ шалашѣ на креслахъ, курить трубку или сигару, пить чай или кофе, который тутъ же на конфоркѣ приготовитъ ему его спутникъ, даже читать во время отсутствія тетеревовъ, и, когда они прилетятъ (за чѣмъ наблюдаетъ его товарищъ), онъ можетъ, просовывая ружье въ то или другое отверстіе, нарочно для того сдѣланное, — преспокойно *пощелкивать тетеревковъ* (такъ выражаются этого рода охотники).... Но гдѣ же тутъ охота? Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Уби-

тыхъ изъ шалашей тетеревовъ надобно сбирать въ то время, когда нигдѣ кругомъ не видно сидящаго тетерева, а всего лучше по окончаніи стрѣльбы, иначе распугаешь тетеревовъ; хотя должно признаться, что, несмотря на доброе ружье, крупную дробь и близкое разстояніе (кажется, достаточныя ручательства, что тетерева должны быть убиты наповалъ, или смертельно ранены), — рѣдко бываетъ поле, чтобъ охотникъ собралъ всѣхъ тетеревовъ, по которымъ стрѣлялъ и которые падали съ присадъ, какъ будто убитые наповалъ: одного или двухъ всегда не досчитываются. Стрѣльба на чучела можетъ продолжаться только до полденъ. Передъ захожденіемъ солнца тетерева опять вылетаютъ и садятся къ чучеламъ; но сидятъ сторожко и не долго: все какъ будто торопятся, да и времени очень мало *). Въ мѣстахъ, изобильныхъ тетеревами и удобныхъ для подгона, можно убить въ одно утро, на одно ружье, паръ до двѣнадцати. Впрочемъ, мнѣ нерѣдко случалось, вѣроятно и другимъ охотникамъ, убивать съ подъѣзда, также въ одно утро, до 35 тетеревовъ. Но можетъ ли убійство изъ шалаша сравняться съ подъѣздомъ къ тетеревамъ? Чѣмъ вознаградится это живое, постоянное занятіе, движеніе, это ожиданіе, опасеніе: подпуститъ ли тетеревъ или нѣтъ? Это волненіе въ душѣ охотника, когда онъ видитъ, что добыча ежеминутно сбирается улетѣть? Наконецъ, гдѣ то удовольствіе, которое чувствуетъ стрѣлокъ отъ удачныхъ, блистательныхъ выстрѣловъ по дальности разстоянія или неудобству, побѣжденнымъ далекобойностью ружья, мѣткостью и проворствомъ, — выстрѣловъ, которые весьма нерѣдко случаются при стрѣльбѣ съ подъѣзда и сохраняются навсегда въ памяти охотника?... Напримѣръ: тетерева сторожки, безпрестанно слетаютъ, не допуская въ мѣру, — можно подъѣзжать такъ, чтобъ они, слѣдуя уже принятому направленію, заранѣе замѣченному, должны были летѣть мимо васъ или черезъ васъ: вы можете сдѣлать, не слѣзая съ дрожекъ, два славныхъ удара изъ обоихъ стволовъ и спустить иногда пару тетеревовъ на землю! А какъ весело ссадить косача мѣткимъ выстрѣломъ съ самой вершины огромнаго дерева и смотрѣть, какъ онъ, медленно падая, *считая сучки,* какъ говорятъ, то-есть валясь съ сучка на сучокъ, рухнетъ наконецъ на

---

*) Около Москвы, по Троицкой дорогѣ, стрѣляютъ тетеревовъ на чучела весною, еще по насту, разумѣется, въ самомъ маломъ числѣ. Въ Оренбургской губерніи я объ этомъ не слыхивалъ, да и теперь не понимаю, на какомъ основаніи это дѣлается.

землю! Иногда случается, что тетеревъ завязнетъ на деревѣ, между сучками; тогда, дѣлать нечего, надобно лѣзть за нимъ.

Объ истребительной охотѣ егерей-промышленниковъ, петербургскихъ и московскихъ, которая мнѣ, какъ и всякому истинному охотнику, противна, я распространяться не стану. Скажу только, что всякую дичь, и даже зайцевъ, они умѣютъ подманивать весьма искусно. Всего болѣе истребляютъ они выводки тетеревовъ, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ: сначала убиваютъ старку, подманя ее голосомъ дѣтеныша, а потомъ перебьютъ всѣхъ молодыхъ, подманивъ ихъ голосомъ матери.

Мясо молодыхъ тетеревовъ остается бѣлымъ, какъ у рябчиковъ, до тѣхъ поръ, пока они помѣшаются; тогда оно постепенно начнетъ темнѣть и принимаетъ наконецъ свой обыкновенный видъ. Извѣстно всѣмъ, что молодые тетеревята считаются однимъ изъ лакомыхъ блюдъ; но и достигшіе полнаго возраста тетерева, особенно въ первый и второй годъ своей жизни, очень вкусны, питательны и здоровы. Впослѣдствіи они дѣлаются жестче, но жирный тетеревъ, что̀ бываетъ не часто, всегда отлично вкусенъ. Тетеревовъ употребляютъ въ пищу великое множество, по большей части крытыхъ шатрами; хищныя птицы и звѣри также много ихъ истребляютъ. Изумительно, откуда берутся они? Впрочемъ, надобно вспомнить необъятность Россіи и безпредѣльность ея лѣсовъ.

Въ заключеніе рѣчи о тетеревѣ, я разскажу удивительный случай, котораго былъ самовидцемъ, еще будучи мальчикомъ. Сидѣлъ я однажды въ шалашѣ съ старымъ охотникомъ, который крылъ тетеревовъ шатромъ. Тетерева уже подходили, и старикъ, держа въ рукѣ веревку, чтобъ уронить шатеръ, когда подойдетъ тетеревовъ побольше, смотрѣлъ въ отверстіе, а я глядѣлъ въ скважину, которую проковырялъ пальцами. Вдругъ вся стая, какъ будто чѣмъ испуганная, стремительно поднялась. Старикъ выскочилъ изъ шалаша, а за нимъ и я, чтобы посмотрѣть, кто испугалъ тетеревовъ... Что̀ же мы увидѣли? Тетерева летѣли безъ оглядки въ ближній лѣсъ, а одна курочка шла столбомъ вверхъ, будто подстрѣленная. Поднявшись довольно высоко, она упала, и отъ нея отскочила и побѣжала *ласка* или *ласточка:* маленькій хищный звѣрокъ, всѣмъ извѣстный, не длиннѣе четверти аршина и немного толще большаго пальца мужской руки. Тетеревъ бился не долго: у него была перекушена жила на шеѣ, подъ горломъ. Какова хищность и отвага! Очевидно, что ласка впилась въ шею тетерева, сидѣвшаго на снѣгу, и поднялась съ нимъ на воздухъ. Впослѣдствіи убѣ-

дился я, что этотъ крошечный звѣрокъ точно также умерщвляетъ зайцевъ и напивается изъ нихъ крови. Долго я не хотѣлъ вѣрить этому, но однажды самъ нашелъ въ снѣжной норѣ мертваго, уже остывшаго русака, котораго сошелъ по свѣжему *малику* (слѣду): у зайца также оказалась прокушенною жила на окровавленной шеѣ и никакого слѣда въ норѣ не было, кромѣ слѣдовъ ласки.

3.

РЯБЧИКЪ *).

Рябчика во многихъ мѣстахъ называютъ *рябцомъ;* имена эти онъ вполнѣ заслуживаетъ: онъ весь рябой, весь пестрый. Величиною рябчикъ, самый старый, немного больше русскаго голубя, но будетъ нѣсколько покруглѣе и помясистѣе. Складъ его совершенно тетеревиный. Брови красныя, глаза довольно большіе и черные, перышки на головѣ темнаго цвѣта, иногда приподнимаются и кажутся чѣмъ-то въ родѣ хохолка, ножки мохнатыя, кромѣ пальцевъ. Пестрины или рябины на шеѣ, зобу и брюшкѣ — разноцвѣтныя: черноватыя, бѣлыя, желтоватыя и даже красноватыя, особенно на бокахъ подъ крыльями; пухъ на тѣлѣ и корняхъ перьевъ темный; фигура пестринъ похожа на пятна кругловатыя и нѣсколько дугообразныя; спинка и хвостъ, состоящій изъ жесткихъ перьевъ, умѣренной длины, испещрены только сѣрыми крапинами; такими же сѣрыми, коротенькими поперечными полосками покрыты перья на крыльяхъ; самецъ имѣетъ подъ горломъ темное пятно,

*) Tetrao bonasia, L.

брови у него краснѣе и вообще онъ пестрѣе самки, которая кажется сѣрѣе. Крылья у рябчика небольшія и короткія, отъ чего онъ вспархиваетъ или взлетываетъ съ большимъ усиліемъ и шумомъ. Очевидно, что природа назначила ему только перелетывать небольшія разстоянія; но бѣгаетъ онъ весьма проворно. Рябчикъ — зимующая у насъ и по преимуществу лѣсная дичь и уже вполнѣ, въ точности, заслуживаетъ это названіе. Всѣ другія породы лѣсной дичи, для добыванія корма или для избѣжанія капели съ деревьевъ въ ненастную погоду, иногда хоть на короткое время оставляютъ лѣсъ, а рябчикъ — никогда; онъ даже не водится въ отдѣльныхъ лѣсныхъ колкахъ: сплошные лѣса, занимающіе большое пространство, предпочтительно краснолѣсье — вотъ его постоянное жилище и лѣтомъ и зимой; впрочемъ, онъ водится и держится иногда и въ обширномъ чернолѣсьѣ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я живалъ и охотился, рябчиковъ нѣтъ, и потому я мало знакомъ съ ихъ нравами; я стрѣливалъ ихъ въ Вятской губерніи; тамошніе дремучіе лѣса, идущіе непрерывно до Архангельска, населены рябчиками въ изобиліи. Я не нахаживалъ ихъ гнѣздъ и выводковъ молодыхъ потому, что охотился за ними не въ то время, когда они выводятъ дѣтей; но вотъ что разсказывали мнѣ туземные Вятскіе охотники: рябчики въ началѣ мая садятся на гнѣзда, которыя вьютъ весьма незатѣйливо, всегда въ лѣсу на голой землѣ, изъ сухой травы, древесныхъ листьевъ и даже мелкихъ прутиковъ; тока у нихъ бываютъ въ мартѣ; самка кладетъ отъ 10-ти до 15-ти яицъ; она сидитъ на нихъ одна, безъ участія самца, въ продолженіе 3-хъ недѣль; молодые очень скоро начинаютъ бѣгать; до совершеннаго ихъ возраста матка держится съ ними предпочтительно въ частомъ и даже мелкомъ лѣсу, по оврагамъ, около лѣсныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Говорятъ, что и во всякое время рябчики очень любятъ текущую воду и охотно слушаютъ ея журчанье, сидя кругомъ на деревьяхъ. Какъ скоро охотникомъ или собакой будетъ поднята выводка молодыхъ, уже нѣсколько поматерѣвшихъ, то они непремѣнно разсядутся по деревьямъ весьма низко и такъ плотно прижмутся къ главнымъ толстымъ сучьямъ, такъ лежатъ неподвижно, что ихъ разглядѣть очень трудно, особенно на еляхъ.

Рябчики никогда не бываютъ очень жирны; пища ихъ состоитъ изъ почекъ всѣхъ древесныхъ породъ чернаго и краснаго лѣса; послѣднія сообщаютъ имъ особенный смолистый вкусъ; до всякихъ лѣсныхъ ягодъ они большіе охотники.

Весною, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, рябчики-самцы начинаютъ *откликаться*, летѣть или *идти на пищикъ*, какъ говорятъ охотники. Я уже упоминалъ объ этомъ нехитромъ инструментѣ, который издаетъ звуки, похожіе на голосъ или пискъ рябчиковой самки. Пищики дѣлаются изъ липовыхъ прутьевъ, толщиною въ гусиное перо и длиною вершка въ полтора, изъ которыхъ до половины искусно вынимается деревянная внутренность и которыхъ одинъ конецъ обдѣлывается на подобіе тростниковой дудки; такіе же пищики приготовляются изъ гусиныхъ перьевъ, даже выливаются изъ олова. Нѣкоторые добычливые стрѣлки умѣютъ звать рябчиковъ собственнымъ свистомъ. Стрѣльба начинается со второй половины марта — сначала на лыжахъ, а потомъ по насту. Эта охота продолжается до половины лѣта, съ тою разницею, что съ весны рябчики-самцы не только откликаются на искусственный голосъ самки, но и летятъ на него съ большою горячностью, такъ что садятся по деревьямъ весьма близко отъ охотника, и бить ихъ въ это время очень легко; со второй половины мая до половины іюля, они откликаются охотно, но идутъ тупо; потомъ перестаютъ совсѣмъ приближаться на голосъ самки, а только откликаются, и потому охотникъ долженъ отыскивать ихъ уже съ собакой. Осенью находятъ рябчиковъ, которые сначала держатся выводками, а потомъ парами, также посредствомъ легавой собаки; въ исходѣ октября и въ ноябрѣ они опять идутъ на пищикъ. Поднявшись съ земли, рябчики сейчасъ садятся на деревья. Тутъ необходимо острое зрѣніе, чтобы разглядѣть ихъ, спрятавшихся въ густой и темной зелени сосенъ и елей. У туземцевъ Пермской, Вятской и другихъ лѣсныхъ губерній, способность эта развита въ высшей степени, и я не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться необыкновенной ихъ зоркости. Рябчикъ къ ружью не крѣпокъ: 6-ой и 7-ой нумера очень достаточны для ихъ стрѣльбы; но простые охотники Пермяки, Вятичи и Архангельцы бьютъ ихъ обыкновенно мелкою и крупною утиной дробью изъ ружей очень узкоствольныхъ и зарядъ кладутъ самый маленькій; употребляютъ иногда даже чугунную дробь. Они стрѣляютъ рябчиковъ нерѣдко изъ винтовокъ, которыя такъ узки, что заряжаются пулечкой немного побольше одной дробины нуля или безымянки. Стрѣляютъ они мастерски и часто такою крошечною пулечкой прострѣливаютъ голову рябчика; маленькіе заряды употребляютъ они изъ экономіи; звуки ихъ выстрѣловъ такъ слабы, что даже въ самомъ близкомъ разстояніи не сочтешь ихъ за выстрѣлы, а развѣ за взрывы пистоновъ. Эти охотники и до сихъ

поръ употребляютъ ружья съ кремнями и охотятся за рябчиками до половины зимы, употребляя лыжи, когда снѣгъ углубѣетъ.

Рябчиковъ ловятъ много сильями, которыя называются *пружки*. Весь этотъ снарядъ состоитъ изъ наклоненнаго сучка, въ концу котораго прикрѣпленъ волосяной силокъ, а позади повѣшенъ пучекъ рябины или калины, ибо рябчики большіе охотники до этихъ ягодъ. Ловцы, по большей части Чуваши, Черемисы и Вотяки, запасаются ягодами съ осени и продолжаютъ ловлю во всю зиму. Снарядъ такъ устроенъ, что рябчикъ не можетъ достать ягодъ, не просунувъ головы сквозь силокъ и не тронувъ сторожка, который держитъ древесный сукъ въ наклоненномъ положеніи. Сучокъ мгновенно выпрямляется, петля затягивается, и рябчикъ повѣшенъ.

Простой народъ не ѣстъ давленной птицы; но въ городахъ мало объ этомъ заботятся; да гдѣ и когда разглядывать, стрѣленные рябчики или удавленные привозятся на рынокъ? Притомъ, для продажи имъ ломаютъ крылья и прокалываютъ головы перомъ, чтобъ они казались подстрѣленными и приколотыми.

Петербургъ, Москва, всѣ губернскіе и даже уѣздные города потребляютъ рябчиковъ несмѣтное число; но, благодаря лѣснымъ мѣстамъ сѣверной Россіи, рябчики не переводятся. Къ удивленію моему, они водятся, хотя въ маломъ числѣ, даже около Москвы.

Бѣлое мясо рябчиковъ, нѣжное, здоровое и хотя нѣсколько сухое, но превосходное вкусомъ, извѣстно всѣмъ; внутренность его и ножки нѣсколько горьковаты, что́ особенно уважается гастрономами.

4.

БѢЛАЯ ЛѢСНАЯ КУРОПАТКА *).

Бѣлою называется она потому, что выцвѣтаетъ къ зимѣ, какъ заяцъ, и становится совершенно бѣлою, какъ снѣгъ; а лѣсною — потому, что, подобно рябчику, круглый годъ, постоянно, безвыходно живетъ въ лѣсу преимущественно въ красномъ и болотистомъ. Я не слыхивалъ даже, чтобы бѣлыя куропатки водились въ чернолѣсьѣ. Въ Оренбургской губерніи, да и во всей средней полосѣ Россіи, совсѣмъ нѣтъ бѣлыхъ куропатокъ; даже около Москвы, несмотря на преобладаніе краснолѣсья, онѣ не водятся; но въ Тверской губерніи и вообще на сѣверо-западѣ уже начинаютъ попадаться. Около Петербурга до сихъ поръ ихъ очень много. Величиною лѣсная куропатка будетъ гораздо больше полевой или сѣрой, на которую, даже лѣтомъ, она нисколько не похожа перьями. Она вся искрасна желто-пестрая и, при первомъ взглядѣ, имѣетъ какое-то сходство съ тетеревиною курочкой, на которую дѣйствительно похожа складомъ тѣла, красноватыми бровями и вкусомъ мяса, только нѣсколько поменьше; глаза имѣетъ черные, очень свѣтлые, а ножки мохнатыя, покрытыя бѣлыми перушками до самыхъ пальцевъ. Отличительное ея качество отъ всѣхъ другихъ птицъ состоитъ въ томъ, что она, какъ я уже сказалъ, зи-

*) Въ Сибири — *бѣлый тетеревъ, куропатка.* Tetrao albus, Gmel.

мою бываетъ чисто-бѣлая. Какъ только наступитъ холодное и ненастное время, у ней начнутъ показываться бѣлыя перья, а сѣро-пестрыя, лѣтнія, начнутъ вылѣзать, такъ что въ началѣ ранней зимы, или въ концѣ поздней осени, она имѣетъ, не скажу красивый, но очень странный видъ: по бѣлому полю кое-гдѣ разсыпаны букеты или пятна красно-желтыхъ, пестрыхъ перьевъ. Я совершенно незнакомъ съ нравами лѣсныхъ куропатокъ, даже одинъ разъ только въ жизни видѣлъ ихъ живыхъ, но знаю, что охотники стрѣляютъ ихъ въ глубокую осень *въ узеркъ,* точно, какъ выцвѣтшихъ, побѣлѣвшихъ зайцевъ. Напрасно прячутся онѣ въ лѣсной чащѣ; ярко-бѣлый цвѣтъ перьевъ измѣняетъ имъ: онѣ виденъ издалека, и охотники бьютъ ихъ сидячихъ. Мясо бѣлыхъ куропатокъ, которыя никогда не бываютъ жирны, а всегда сухи и довольно черствы, далеко уступаетъ не только мясу сѣрыхъ куропатокъ, но и тетеревовъ. Впрочемъ, во время линьки послѣднихъ, когда онѣ бываютъ очень худы и тощи, находясь въ полуболѣзненномъ состояніи, — вкусъ ихъ мяса бываетъ очень сходенъ со вкусомъ мяса бѣлыхъ куропатокъ. Въ Петербургѣ онѣ очень много употребляются для стола во всякое время; въ Москвѣ же только въ концѣ осени и зимою появляются онѣ въ продажѣ.

Бѣлою куропаткой заключается небольшое число не улетающей на зиму дичи.

ГОЛУБИ.

Дикихъ голубей три породы; но онѣ такъ различны, что я о каждой буду говорить особо, предварительно сказавъ нѣсколько словъ вообще о ихъ свойствахъ.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою чистоты, кротости и любви, — и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками: авторитетъ убѣдительный и неопровержимый. Слова ласки и сожалѣнія, *голубчикъ* и *голубушка*, постоянно слышны въ рѣчахъ простаго народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы, и непремѣнно скажутъ: „они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга“. Желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: „у него голубиная душа“. Сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя“. Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла; какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно. — Народъ глубоко чувствуетъ нравственныя качества голубей и питаетъ къ нимъ особенную любовь. Русскихъ голубей, безъ сомнѣнія, переродившихся изъ дикихъ, многіе домохозяева кормятъ хлѣбными зернами, ставятъ имъ полки для гнѣздъ, и всякій хозяинъ считаетъ благопріятнымъ знакомъ, если голуби хорошо ведутся у него на дворѣ. Крестьяне никогда не ѣдятъ голубей, и во многихъ деревняхъ не позволяютъ ихъ стрѣлять.

5.

ВЯХИРЬ или ВИТЮТИНЪ *).

Это самый крупный изъ голубей. Трудно опредѣлить происхожденіе обоихъ его именъ. Народъ употребляетъ ихъ какъ нарицательныя, въ укоризненномъ смыслѣ: „экой вяхирь“ или „витютинъ“, говорятъ про человѣка вялаго или несмѣтливаго. Говорятъ также про себя или другаго, въ случаѣ ошибки: „какую вяху далъ“; слова: вяхирь и вяха очевидно происходятъ отъ одного корня. Но въ свойствахъ голубя витютина нѣтъ ничего оправдывающаго такое злоупотребленіе его имени. Вѣроятно, незлобіе и робость его были тому причиной. Имѣя такъ мало физическихъ средствъ для своей защиты, нельзя же голубямъ быть храбрыми противу хищныхъ и хорошо вооруженныхъ враговъ своихъ. — Величиною витютинъ въ полтора раза превосходитъ обыкновеннаго русскаго голубя. Перомъ онъ очень красивъ: весь сизый, дымчатый, съ легкимъ розовымъ отливомъ, особенно на зобу и шеѣ; этотъ отливъ двуличенъ и на свѣту или на солнцѣ отражается зелено и розово-золотистымъ блескомъ. На верхней половинѣ шеи лежитъ поперечная бѣлая полоса, которая однако подъ

*) Въ Малороссіи—*припутень, трепетень.* Columba palumbus, L. К. Р.

горломъ не соединяется, и Нѣмцы не совсѣмъ вѣрно называютъ витютина „кольцовый голубь" (Ringtaube); на плечномъ сгибѣ крыла также видно бѣлое, нѣсколько продолговатое пятно, которое вытягивается полосою, если распустить крыло; концы крайнихъ длинныхъ перьевъ въ крыльяхъ и хвостѣ — темнаго цвѣта; на нижней внутренней сторонѣ хвостовыхъ перьевъ лежитъ поперекъ опять бѣлая полоса, состоящая изъ бѣлыхъ пятенъ на каждомъ перѣ, которыхъ на другой верхней сторонѣ совсѣмъ не замѣтно; ножки красныя, какъ у русскаго голубя; носъ блѣдно-красноватый или розовый; глаза ясные, не темные и не сѣрые, — какого-то неопредѣленнаго свѣтло-пепельнаго цвѣта. Вяхири прилетаютъ весною не рано, почти всегда во второй половинѣ апрѣля. Подъ словомъ *прилетаютъ* я разумѣю то время, когда они уже садятся на деревья или оттаявшія поля. Недѣли за двѣ до того, они уже летятъ большими стаями, довольно высоко, рѣдко опускаясь на землю. Я никогда не нахаживалъ ихъ весной съ прилета иначе, какъ маленькими станичками, штукъ по десяти, а по большей части пары по двѣ и по три. Вскорѣ послѣ своего прилета, вяхири разбиваются на пары, понимаются и начинаютъ устраивать свои гнѣзда на толстыхъ сучьяхъ большихъ деревьевъ. Всѣ породы голубей — нѣжные и вѣрные супруги. Задолго прежде, чѣмъ голубка начнетъ нести яйца, голубь витютинъ уже не разстается съ ней ни на одну минуту, очень часто ласкается, цѣлуетъ ее страстно и продолжительно, или воркуетъ, ходя кругомъ, безпрестанно наклоняясь, выпрямляясь и раздувая перья на шеѣ, какъ гриву, а хвостъ — какъ вѣеръ. Цѣлованье голубей — отличительная черта, которая ставитъ ихъ выше другихъ птицъ: тутъ видно выраженіе сердечнаго чувства. Я старательно наблюдалъ за многими птицами: у нѣкоторыхъ есть что-то похожее на цѣлованье, но у голубей оно совершается опредѣленнѣе. Иногда голубка не хочетъ цѣловаться, и голубь долго старается разжать ей стиснутый носикъ; обыкновенно же оба соединяютъ свои разинутые носы и глаза обоихъ часто закрываются отъ удовольствія.... Но вотъ голубка послышитъ въ себѣ значительное увеличеніе яичекъ, и поспѣшно свивается или складывается гнѣздо на толстомъ сучкѣ у самаго древеснаго пня, изъ мелкихъ прутиковъ, и устилается внутри мягкою, сухою травою и перышками. Голубка кладетъ только два *) яйца или три (какъ утверждаютъ иные

*) Я видѣлъ болѣе десяти гнѣздъ витютина и всегда находилъ по два яйца.

охотники), блѣдно-розоваго или бланжеваго цвѣта, обыкновенной куриной формы, но гораздо крупнѣе и круглѣе яицъ русскихъ голубей. Голосъ витютина по настоящему нельзя назвать воркованьемъ: въ звукахъ его есть что-то унылое; они протяжны и болѣе похожи на стонъ или завыванье, очень громкое и въ то же время не противное, а пріятное для слуха; оно слышно очень издалека, особенно по зарямъ и по вѣтру, и нерѣдко открываетъ охотнику гнѣздо витютина, ибо онъ любитъ, сидя на сучкѣ ближайшаго къ гнѣзду дерева, предпочтительно сухаго, выражать свое счастье протяжнымъ воркованьемъ или, что̀ будетъ гораздо вѣрнѣе, завываньемъ. Когда же голубка захочетъ поѣсть и порасправить свои усталыя отъ долгаго сидѣнья крылья, голубь сейчасъ садится на ея мѣсто. — Съ прилета вяхири не очень смирны, да и всегда они гораздо осторожнѣе другихъ голубиныхъ породъ; когда же заведутся у нихъ гнѣзда, то они не летятъ далеко отъ нихъ, дѣлаются смирнѣе и съ подъѣзда подпускаютъ довольно близко; но пѣшкомъ къ нимъ не подойдешь, развѣ подкрадешься какъ-нибудь изъ-за дерева. Вообще витютинъ очень сильная и крѣпкая къ ружью птица и, по моему замѣчанію, уступаетъ въ этомъ качествѣ только тетереву, слѣдовательно дробь надобно употреблять утиную, 4-го и даже 3-го нумера.

Голубь и голубка сидятъ попеременно на яйцахъ въ продолженіе двухъ съ половиною недѣль. Многіе охотники говорятъ, что всѣ голубиныя породы выводятъ дѣтей по три раза въ одно лѣто. Не могу съ точностью подтвердить этого мнѣнія, но считаю его вѣроятнымъ потому, что въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ нахаживалъ я голубей, сидящихъ на яйцахъ; а равно и потому, что яицъ бываетъ всегда только по два. Голубята выводятся покрытые блѣдно-желтоватымъ пухомъ; они не оставляютъ гнѣзда, покуда не оперятся, да и потомъ долго держатся по сучьямъ родимаго дерева, или *гнѣздоваго*, сначала перепрыгивая съ сучка на сучокъ, а потомъ и перелетывая. Въ продолженіе всего этого времени отецъ и мать постоянно кормятъ ихъ и поятъ водою изъ собственнаго рта, для чего должны безпрестанно отлучаться отъ дѣтей за кормомъ; покуда голубята малы, голубь и голубка улетаютъ попеременно, а когда подростутъ — оба вмѣстѣ. Кормъ ихъ состоитъ изъ всякихъ древесныхъ и травяныхъ сѣмянъ; всего болѣе любятъ они хлѣбныя зерна; но какъ, во время выкармливанія раннихъ дѣтей, хлѣба̀ еще не поспѣли, да и сѣмена травъ большею частію еще не вызрѣли, то молодые питаются преимущественно всякими насѣкомы-

ми, которыхъ ловятъ отецъ и мать и къ нимъ приносятъ. Въ этихъ заботахъ проходитъ для нихъ цѣлый день, отъ ранняго утра до поздняго вечера. Голуби имѣютъ замѣчательную способность, въ которой превосходятъ они всѣхъ другихъ птицъ, — набивать себѣ полонъ зобъ всякаго рода кормомъ и потомъ, прилетѣвъ домой, то-есть къ своему гнѣзду, извергать всю эту пищу назадъ и кормить сю дѣтей. Голубь и голубка вкладываютъ свой носъ въ разинутый ротъ голубенка, и, безъ замѣтнаго усилія, пища переходитъ въ горло дѣтеныша такъ скоро, что онъ едва успѣваетъ глотать: это повторяется нѣсколько разъ въ день. Вслѣдствіе такого обильнаго питанія, голубята, еще не слетѣвъ съ гнѣздъ, становятся необыкновенно жирны и вкусны.

Витютинъ имѣетъ также особенный полетъ: слетѣвъ съ дерева, сначала онъ круто беретъ вверхъ и, ударя однимъ крыломъ объ другое или обоими крыльями о свои бока, производитъ звукъ весьма похожій на хлопанье въ ладоши, который повторяется нѣсколько разъ; потомъ витютинъ направляетъ свой полетъ немного внизъ и летитъ уже прямо, обыкновеннымъ образомъ, но всегда очень сильно и скоро. Къ тому времени, когда голубята совершенно оперятся и начнутъ летать какъ старые, уже поспѣютъ хлѣба, и витютины съ молодыми, соединясь въ небольшія станички, каждый день, утро и вечеръ, проводятъ въ хлѣбныхъ поляхъ. Преимущественно посѣщаютъ они выжатыя десятины: покуда хлѣбъ не свезенъ, облѣпляютъ они сначала *пятки,* а потомъ длинные *скирды* *); когда же снопы уберутся съ полей, витютины бродятъ по жнивью, подбирая обломившіеся колосья и насорившіяся зерна. Конечно, они гораздо охотнѣе клюютъ зерна голыя, безъ шелухи, какъ-то: рожь, яровую пшеницу и горохъ. Но, за недостаткомъ ихъ, не пренебрегаютъ всѣми породами яровыхъ хлѣбовъ. Разумѣется, отъ такой сытной, питательной пищи они очень скоро жирѣютъ, и тутъ наступаетъ самое лучшее время для стрѣльбы вяхирей. Стрѣлять ихъ надобно съ подъѣзда, а пѣшкомъ рѣдко удастся подойдти въ мѣру, развѣ мѣстность позволитъ изъ-за чего-нибудь подкрасться; впрочемъ, покуда скирды стоятъ въ полѣ и довольно часты (какъ

*) Въ Оренбургской губерніи становятъ сначала сжатые снопы пятками, а если жнива травянистая или погода сырая, то оставляютъ ихъ на нѣсколько дней для просушки; если же и время и солома сухи, то снопы въ тотъ же день складываются въ скирды, которые, по множеству посѣвовъ, остаются иногда въ полѣ очень долго. Тетерева посѣщаютъ ихъ также очень охотно по утрамъ и вечерамъ.

бываетъ при сильныхъ урожаяхъ), то подкрадываться изъ-за нихъ весьма удобно, и нерѣдко можно убить однимъ зарядомъ нѣсколько штукъ. Витютины гораздо смирнѣе рано утромъ, покуда еще не успѣли наѣсться: тутъ они неохотно прерываютъ свой обильный завтракъ и не летятъ прочь, а только перелетываютъ съ одного мѣста на другое. Если же по близости, иногда на тѣхъ же хлѣбныхъ десятинахъ, находятся деревья, то послѣ перваго выстрѣла они сейчасъ разсядутся на нихъ, чтобъ опять спуститься на кормъ, когда охотникъ удалится. Они къ этому привыкаютъ потому, что во время сноповой возки безпрестанно повторяютъ этотъ маневръ, то-есть садятся на деревья, когда крестьяне пріѣдутъ за снопами, и слетаютъ опять на скирды, когда крестьяне уѣдутъ съ нагруженными телѣгами. Въ половинѣ сентября витютины сваливаются въ большія стаи, дѣлаются очень сторожки и вскорѣ совсѣмъ улетаютъ. Передъ отлетомъ они всѣ становятся очень жирны и очень вкусны, особенно молодые; во время же вывода дѣтей, мясо старыхъ вяхирей сухо и жестко.

6.

КЛИНТУХЪ, ДИКІЙ ГОЛУБЬ *).

Первымъ, не-русскимъ именемъ зовутъ его охотники, а вторымъ — народъ. Клинтухъ очень похожъ на чисто-сизаго русскаго голубя; на всѣхъ его перьяхъ нѣтъ никакихъ отмѣтинъ, никакого пятнышка, даже подъ хвостомъ; когда клинтухъ сидитъ и даже летитъ надъ вами, ни малѣйшей бѣлизны не видно. Повторяю сказанное мною прежде, что его не вдругъ различишь съ чисто-сизымъ **) русскимъ молодымъ голубемъ, а стараго онъ будетъ нѣсколько поменьше. Перомъ клинтухъ темновато-сизаго матоваго цвѣта; на шеѣ примѣтенъ небольшой зеленоватый отливъ, если посмотрѣть къ свѣту; носъ свѣтло-роговой, ноги блѣдно-бланжеваго или, какъ говорится въ охотничьихъ книжкахъ, *абрикосоваго* цвѣта. Во всѣхъ своихъ правахъ, свойствахъ и образѣ жизни, клинтухи совершенно схожи съ вяхирями: слѣдовательно, нѣтъ надобности говорить о нихъ особенно. Вся разница состоитъ, по моимъ наблюденіямъ, въ слѣдующемъ: клинтухи появляются чрезвычайно рано, задолго до всякой другой дичи, всегда въ мартѣ мѣсяцѣ, и даже одинъ разъ я нашелъ пару клинтуховъ на гумнѣ въ исходѣ февраля, что̀ и замѣчено въ моихъ охотничьихъ запискахъ; но я не знаю, назвать ли это раннее появленіе прилетомъ. По большей части, находилъ я первыхъ клинтуховъ въ одиночку, иногда по парѣ и очень рѣдко по двѣ пары. Это появленіе бываетъ недѣли

---

*) Columba livia, Briss. Обыкновенно *клинтухомъ* называется иной видъ голубя: Columba oenas, Gm. К. Р.

**) Потому и не прилагаемъ изображенія. К. Р.

за двѣ, даже за три до настоящаго прилета, когда клинтухи начнутъ летать и опускаться на землю огромнѣйшими стаями. Впрочемъ, и этотъ прилетъ бываетъ гораздо ранѣе прилета витютиновъ. Я нахаживалъ въ исходѣ марта станицы клинтуховъ въ нѣсколько сотенъ, сидящія на рѣдкихъ еще тогда проталинахъ, и убивалъ однимъ выстрѣломъ по десятку; они гораздо смирнѣе вяхирей. Клинтухи устраиваютъ свои гнѣзда также на главныхъ сучьяхъ большихъ деревьевъ, но выбираютъ мѣста уединеннѣе, въ лѣсахъ обширнаго объема. Воркованья и вообще голоса клинтуховъ я не слыхалъ, а также и другіе охотники, которыхъ я объ этомъ спрашивалъ. Полетъ клинтуховъ не имѣетъ ничего особеннаго. Въ продолженіе лѣта они попадаются рѣдко; но съ половины августа до исхода сентября встрѣчаются уже станичками и вскорѣ начинаютъ пролетать огромными стаями. Странно, что во время осенняго валоваго пролета и даже послѣ него опять попадаются клинтухи въ одиночку и парами и держатся до октября, то-есть точно такъ же пропадаютъ осенью, какъ появляются весной. Осеннихъ клинтуховъ я всегда считалъ отсталыми, по болѣзни или позднему выводу; но какъ объяснить раннее, одиночное ихъ появленіе въ мартѣ, иногда при 20-ти градусныхъ морозахъ, и даже въ февралѣ, который и по календарю считается зимнимъ мѣсяцемъ? Вотъ мое предположеніе: клинтухи начинаютъ летѣть съ сѣвера на югъ ранѣе, чѣмъ мы думаемъ, даже въ февралѣ; но летятъ по ночамъ и высоко, какъ многія породы дичи, почему никто о томъ не знаетъ; въ большихъ стаяхъ, вѣроятно, всегда есть усталые и слабые, которые отстаютъ отъ станицъ въ продолженіе дороги, гдѣ случится, и какъ некуда болѣе дѣваться, то поселяются, до настоящей весны, на гумнахъ; ихъ-то такъ рано встрѣчаютъ охотники.

Мясо клинтуха точно такого же качества, какъ и витютина, даже нѣжнѣе, слѣдственно лучше. Къ ружью они гораздо послабѣе старшихъ своихъ братьевъ — вяхирей. Охотники мало уважаютъ эту дичь, когда попадается она въ одиночку; но когда изъ большой стаи можно вышибить нѣсколько паръ, особенно съ прилета, — охотники не пренебрегаютъ клинтухами. Я уже говорилъ, какъ дорого раннее появленіе ихъ весною.

7.

ГОРЛИЦА или ГОРЛИНКА *).

Третья голубиная порода называется горлицей — по книжному и горлинкой — по общенародному употребленію. Происхожденіе этого имени опредѣлить не умѣю; не происходитъ ли оно отъ пятна на горлѣ, которое имѣетъ горлица? — Горлинка не пользуется особеннымъ значеніемъ въ понятіяхъ народныхъ; она исчезаетъ въ общемъ значеніи голубя, но за то въ публикѣ нашей пользуется большою извѣстностью. Господа стихотворцы и прозаики, однимъ словомъ, поэты, въ концѣ прошедшаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго, много выѣзжали на страстной и вѣрной супружеской любви горлицъ, которыя будто бы не могутъ пережить другъ друга, такъ что, въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ,

*) *Горленокъ, туркавка.* Columba turtur, L.

К. Р.

другой лишаетъ себя жизни насильственно, слѣдующимъ образомъ: овдовѣвшій горликъ или горлица, отдавъ покойнику послѣдній долгъ жалобнымъ воркованьемъ, взвивается какъ можно выше надъ кремнистою скалой или упругою поверхностью воды, сжимаетъ свои легкія крылья, падаетъ камнемъ внизъ и убивается. Чувствительная публика вѣрила такому чувствительному разсказу.... Горлицы не только служили идеаломъ вѣрной любви, но имѣли обязанность сочувствовать пламеннымъ и особенно несчастнымъ любовникамъ. Не краснѣя, а съ истиннымъ чувствомъ писалъ поэтъ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ.

И съ искреннимъ сочувствіемъ повторяла эти стихи публика... Но время это прошло, и я, къ сожалѣнію, долженъ сказать сущую правду, что повѣсть трогательнаго самоубійства не имѣетъ никакого основанія; я держалъ горлинокъ въ клѣткахъ; онѣ водили дѣтей; случалось, что одинъ изъ пары умиралъ, а оставшійся въ живыхъ очень скоро понимался съ новымъ другомъ и вмѣстѣ съ нимъ завивалъ новое гнѣздо.

Горлинка гораздо меньше клинтуха и слишкомъ вдвое или почти втрое менѣе витютина. Перьями очень красива и рѣзко отличается отъ другихъ голубей, строго сохраняя всѣ ихъ стати. Что же касается до миловидности и нравственныхъ качествъ, то горлинку должно признать высшимъ ихъ выраженіемъ или, по крайней мѣрѣ, очевиднѣйшимъ, потому что она смирна, не боится человѣка, не прячется отъ него и даетъ полную возможность къ наблюденію своихъ нравовъ, даже нелюбопытному человѣку. Горлинки не только прилетаютъ въ сады или огороды, но нерѣдко садятся на широкіе зеленые дворы деревенскихъ помѣщичьихъ усадьбъ и ихъ простые заборы. Носикъ у нея съ пережабинкой, свѣтло-роговаго цвѣта; голова, шея и зобъ сизо-розовые; около темныхъ, прекрасныхъ глазъ лежитъ ободочекъ, довольно широкій, изъ незаросшей перышками кожицы свѣтло-малиноваго цвѣта; на обѣихъ сторонахъ шеи, на палецъ отъ глазъ, есть продолговатое, очень красивое, кофейное пятно, пересѣкаемое бѣлыми полосками, или, лучше сказать, — три темно-кофейныя пятнышка, обведенныя бѣлою каемочкой; по крыльямъ отъ плечъ лежатъ темныя продолговатыя пятна, отороченныя коричневымъ ободочкомъ; длинныя перья въ крыльяхъ свѣтло-кофейныя, такого же цвѣта и хвостъ, довольно

длинный; два верхнія хвостовыя пера безъ космокъ, а всѣ нижнія оканчиваются бѣлой полосой, въ палецъ шириною; по спинѣ видны небольшія, неясныя пестринки; хлупь чисто бѣлая и ножки розовыя.

Изъ этого описанія видно, что горлинки похожи перьями и величиною на египетскихъ голубей *); даже въ воркованьи и тѣхъ и другихъ есть что-то сходное; впрочемъ, горлинки воркуютъ тише, нѣжнѣе, не такъ глухо и густо; издали воркованье горлицъ похоже на прерываемое, по временамъ, журчанье отдаленнаго ручейка, и очень пріятно для слуха; оно имѣетъ свое замѣчательное мѣсто въ общемъ хорѣ птичьихъ голосовъ и наводитъ на душу какое-то невольное, нѣсколько заунывное и сладкое раздумье.

Горлинки прилетаютъ весною позднѣе всѣхъ голубей, по крайней мѣрѣ позднѣе оказываются. Мнѣ не случалось видѣть ихъ пролетными стаями, что̀, безъ сомнѣнія, бываетъ, и что̀ многіе охотники видали. Я всегда встрѣчалъ ихъ уже парами, уже занятыхъ своими гнѣздами, которыя вьютъ они въ лѣсныхъ опушкахъ, въ переселкахъ и предпочтительно на деревьяхъ, ростущихъ по рѣчкамъ и ручьямъ, — но никогда въ срединѣ густаго и большаго лѣса. Горлинки понимаются, вьютъ, или, лучше сказать, устраиваютъ гнѣзда, несутъ яйца, выводятъ дѣтей и выкармливаютъ ихъ точно такъ же, какъ витютины и клинтухи; я не замѣчалъ въ ихъ нравахъ ни малѣйшаго отступленія отъ общей жизни голубиныхъ породъ и потому не стану повторять одного и того же. Вся разница, если это только можно назвать разницей, состоитъ въ томъ, что горлинки несравненно смирнѣе другихъ голубей, такъ-что къ нимъ не только можно близко подъѣхать, но всегда можно подойдти пѣшкомъ; онѣ почти также смирны, какъ воробьи, галки и русскіе голуби. Сдѣлать ихъ ручными весьма легко, особенно если вынуть голубятъ изъ гнѣзда еще не совсѣмъ оперившихся; надобно только посадить ихъ въ просторную клѣтку, деревянную или изъ сѣтки (это все равно), и хорошенько кормить хлѣбными зернами; достигнувъ полнаго возраста, онѣ начнутъ выводить дѣтей и жить, какъ дворовые голуби. — Осенью горлинки улетаютъ довольно рано, въ августѣ, задолго до наступленія холодной погоды. Большими станицами передъ отлетомъ онѣ никогда мнѣ не попадались, но маленькими станичками, отъ трехъ паръ до пяти, я встрѣчалъ ихъ нерѣдко. Въ это время года, онѣ бываютъ до-

*) Съ которыми весьма охотно понимаются.

вольно жирны и очень вкусны, да и во всякую другую пору мясо ихъ лучше мяса прочихъ голубиныхъ породъ. Къ ружью онѣ не такъ крѣпки, и рябчиковой дроби для нихъ достаточно.

Горлинокъ стрѣляютъ мало; простые охотники не бьютъ ихъ, сколько изъ уваженія къ ихъ голубиной природѣ, столько же и потому, что онѣ мелки; а настоящіе стрѣлки пренебрегаютъ ими, какъ слишкомъ смирною дичью.

Надобно прибавить еще одну общую черту къ голубиной характеристикѣ; всѣ изъявленія ихъ чувствъ до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ, при угрожающей имъ очевидной опасности, не оказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже взлѣзать на него, — и голубь съ голубкой не бросались на меня, какъ болотные кулики, не отводили въ сторону, прикидываясь, что не могутъ летать, какъ то дѣлаютъ утки и тетеревиныя курочки: голуби перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, не похожіе на ихъ обыкновенное воркованье. Однимъ словомъ, голубиная, кроткая природа вполнѣ выражалась и тутъ.

8.

ДРОЗДЫ.

Дроздовыхъ породъ считается семь: 1) *сѣрый дроздъ,* самый крупный изъ всѣхъ, величиною почти съ горлинку; онъ весь свѣтло-сѣрый; зобъ и брюшко бѣлесоваты и покрыты мелкими темноватыми крапинками; спина и верхняя сторона крыльевъ изсѣро-сизыя, даже какъ будто зеленоватыя; глаза темные; носъ свѣтло-роговаго цвѣта. Этотъ дроздъ довольно рѣдокъ въ Оренбургской губерніи. 2) *Большой дроздъ рябинникъ,* нѣсколько поменьше сѣраго дрозда; онъ очень любитъ клевать рябину, почему и названъ рябинникомъ; пестрины на немъ довольно крупны; онѣ лежатъ въ видѣ продолговатыхъ темно-коричневыхъ пятенъ по сѣро-желтоватому полю; спина и верхнія перышки на крыльяхъ коричневыя, съ темно-сизыми оттѣнками; глаза и клевъ темнаго, почти чернаго цвѣта. Водится вездѣ во множествѣ особенно въ Оренбургской губерніи. 3) *Малый дроздъ рябинникъ,* или *можжевельникъ,* совершенно похожъ перьями на большаго рябинника, но вдвое его меньше и несравненно малочисленнѣе. Гдѣ ростетъ можжевельникъ, тамъ онъ предпочтительно держится въ немъ и питается можжеловыми ягодами, почему и называютъ его можжевельникомъ. Въ Оренбургской губерніи зовутъ его „малый рябчикъ". 4-я и 5-я) породы — *черные дрозды* — величиною будутъ немного поменьше большаго рябинника; онѣ различаются между собою тѣмъ, что у одной породы перья темнѣе, почти черныя, около глазъ находятся желтые ободочки, и носъ желто-розоваго цвѣта; а у другой породы перья темно-кофейныя, чистаго цвѣта, носъ бѣловатый къ концу, и никакихъ ободочковъ около глазъ нѣтъ; эта порода, кажется, нѣ-

сколько помельче первой *). Вообще у дроздовъ ножки темныя, а у черныхъ совсѣмъ черныя. 6) *Пѣвчій дроздъ* при первомъ взглядѣ очень похожъ перьями на сѣраго дрозда, но вдвое его меньше и пятна имѣетъ крупнѣе, круглѣе, почти черныя, но рѣдкія, отъ чего и кажется издали сѣрымъ; поетъ очень хорошо и передразниваетъ даже соловья. 7) *Водяной дроздъ* — почти такой же величины какъ пѣвчій, или немного его поменьше, темно-пепельнаго цвѣта; ножки очень черны; подъ горломъ имѣетъ бѣлое пятно; онъ держится по маленькимъ рѣчкамъ и ручьямъ и бѣгаетъ по ихъ бережкамъ; онъ нерѣдко перебѣгаетъ по дну рѣчки съ одного берега на другой, погружаясь въ воду, на аршинъ и болѣе глубиною, даже ловитъ мелкую рыбешку; носъ имѣетъ прямой и жесткій, свѣтло-роговаго цвѣта.

Шестая и седьмая породы дроздовъ мнѣ мало знакомы. Пѣвчихъ дроздовъ я видалъ въ клѣткахъ, а водяныхъ — только издали, и потому описываю ихъ со словъ достовѣрнаго охотника.

Всѣ дрозды имѣютъ одинъ складъ, нѣсколько похожій на сорочій, и всѣ скачутъ, т. е. прыгаютъ обѣими ногами вмѣстѣ вдругъ. Этой *поскочи* не имѣетъ ни одна порода дичи; а потому, по народному понятію, дроздовъ не слѣдуетъ ѣсть, какъ скачущихъ воронъ, сорокъ, галокъ, воробьевъ и проч. Разумѣется, добычливые деревенскіе охотники дроздовъ не стрѣляютъ, не столько изъ ува-

*) Тотъ же почтенный профессоръ, о которомъ я говорилъ на стр. 24-ой, сдѣлалъ мнѣ слѣдующія замѣчанія: 1) что описанные мною черные дрозды, какъ двѣ породы, есть не что иное какъ самецъ и самка одной породы, и 2) что птица, описанная мною подъ именемъ «водянаго дрозда», не принадлежитъ къ роду дроздовъ и называется «водяная оляпка». Я не могу съ увѣренностью опровергать перваго замѣчанія, потому что не имѣлъ случая наблюдать вблизи жизнь черныхъ дроздовъ, о чемъ мною и сказано; въ Оренбургской губерніи они не водятся. На замѣчаніе второе я могу только отвѣчать, что такъ думаютъ охотники и народъ. Вообще я долженъ сказать, что писалъ о томъ, что̀ видѣлъ своими глазами, и называлъ птицъ, какъ называютъ ихъ народъ и охотники, мои туземцы. Ученая классификація уже не мое дѣло. *Авт.*

И мы согласны съ этими замѣчаніями; прибавимъ только, что дрозды темнокофейнаго цвѣта суть молодыя птицы черной породы, въ томъ видѣ, какъ они отъ насъ отлетаютъ на зиму. Вообще авторъ обращаетъ гораздо менѣе вниманія на мелкихъ птицъ изъ отряда пѣвчихъ, какъ не составляющихъ предмета охоты въ строгомъ смыслѣ, и потому мы не почли нужнымъ прибавлять къ ихъ описанію ни изображеній, ни замѣчаній, для которыхъ вообще намъ, кромѣ Наумана, Кейзерлинга и Блазіуса, служили источники, о которыхъ мы говорили въ третьемъ изданіи «*Записокъ объ уженьѣ*».

К. Р.

женія къ народному предразсудку, сколько потому, что они мелки и не стоютъ заряда; около же большихъ городовъ, особенно около столицъ, крестьяне стрѣляютъ дроздовъ очень много, а еще болѣе ловятъ, и выгодно продаютъ для роскошныхъ столовъ богатыхъ городскихъ жителей.

Дроздъ — живая, бодрая, веселая и въ то же время пѣвчая птичка. Большой рябинникъ, съ крупными продолговатыми пятнами, и черный дроздъ, съ желтыми ободочками около глазъ, считаются лучшими пѣвцами послѣ пѣвчаго дрозда. Про „черпаго" ничего не могу сказать утвердительно; но „рябинника" я держалъ долго въ большой клѣткѣ: онъ пѣлъ довольно пріятно и тихо, чего нельзя ожидать по его жесткому крику, похожему на какое-то трещанье, взвизгиванье и щекотанье. Каждому охотнику извѣстны звуки, всего чаще издаваемые дроздами *), которые я всегда слушалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, похожіе на слоги: „*чокъ, чокъ, чокъ.*" Ими нерѣдко обличаетъ себя дроздъ, сидя въ густыхъ древесныхъ вѣтвяхъ и листьяхъ, или на вершинѣ высокаго дерева. Большая же стая дроздовъ, разсѣвшись по деревьямъ, подпимаетъ такое чоканье, что его услышишь издалека. Я всего болѣе знакомъ съ породами большаго и малаго дрозда-рябинника, и потому, говоря вообще, буду говорить собственно о нихъ. Дрозды обѣихъ этихъ породъ появляются весною ранѣе почти всей дичи, обыкновенно въ исходѣ марта. Я всегда находилъ ихъ въ кустахъ, около обтаявшихъ кругомъ родниковъ или теплыхъ навозныхъ кучъ. Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что дрозды не улетаютъ на зиму за море или въ теплѣйшій нашего климатъ, основываясь на томъ, что часто нахаживали ихъ зимою, изрѣдка даже въ немаломъ количествѣ, около не замерзающихъ ключей, но это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что они могутъ выносить нашу зиму; утки, безъ сомнѣнія, отлетная птица, но по рѣчкамъ, не замерзающимъ зимою, всегда можно найти кряковныхъ и даже сѣрыхъ утокъ, которыя на нихъ зимуютъ. По моему мнѣнію, эти утки позднихъ выводокъ, отсталыя, запоздавшія къ отлету по какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ: точно такими же отсталыми могутъ быть и дрозды, находимые зимой около родниковъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться, что дрозды улетаютъ куда-нибудь не далеко, потому что они улетаютъ иногда очень поздно и нерѣдко держатся даже по снѣгу. Что же касается до меня, то я никогда, нигдѣ, зимою

*) Такъ кричатъ дрозды сѣрые, большіе рябинники и обѣ породы черныхъ.

дроздовъ не встрѣчалъ. Какъ бы то ни было, дрозды появляются весною очень рано и сначала по одиночкѣ; но вскорѣ огромныя ихъ стаи разсыпаются по мелкому лѣсу и по кошеннымъ около него луговинамъ. Нельзя сказать, чтобы дрозды и съ прилета были очень дики; но во множествѣ всякая птица сторожка, да и подъѣзжать или подкрадываться къ нимъ, разсыпаннымъ на большомъ пространствѣ, по мелкому голому лѣсу или также по голой еще землѣ, весьма неудобно: сейчасъ начнется такое чоканье, прыганье, взлетыванье и перелетыванье, что они сами пугаютъ другъ друга, и много ихъ въ эту пору никогда не убьешь *), хотя съ прилета и дорожишь ими. Это я говорю про большихъ дроздовъ — рябинниковъ, малые же появляются позднѣе и всегда въ небольшомъ числѣ; они гораздо смирнѣе и предпочтительно сидятъ или попрыгиваютъ въ чащѣ кустовъ, у самыхъ корней; ихъ трудно было бы замѣтить, еслибъ они сидѣли молча, но тихіе звуки, похожіе на слоги: „цу-цу", помогаютъ охотнику разглядѣть ихъ.

Погостивъ съ недѣлю повсемѣстно и въ большомъ множествѣ во время весенняго валоваго пролета, дрозды вдругъ пропадаютъ, и во все лѣто уже рѣдко встрѣтишь ихъ холостыхъ. Они разбиваются на пары и устраиваютъ свои гнѣзда на древесныхъ сучьяхъ въ лѣсахъ и рощахъ, а около Москвы даже въ заброшенныхъ паркахъ и садахъ; самка кладетъ четыре яйца, немного меньше голубиныхъ, но продолговатой формы, зелено-пестраго цвѣта, и попеременно съ самцомъ, въ три недѣли, высиживаютъ молодыхъ, которыхъ и отецъ и мать кормятъ постоянно, до совершеннаго возраста, только-что начинающими наливаться въ то время, зелеными ягодами, всякими сѣменами и насѣкомыми. Отъ гнѣздъ съ яйцами, особенно отъ дѣтей, старые дрозды бываютъ еще смирнѣе или, вѣрнѣе сказать, смѣлѣе, и если не налетаютъ на охотника, то по крайней мѣрѣ не улетаютъ прочь, а только перепархиваютъ съ сучка на сучокъ, съ дерева на дерево, немилосердо треща и чокая и стараясь отвести человѣка въ другую сторону. Выводъ дроздятъ бываетъ довольно рано, въ первой половинѣ іюня, но они долго остаются въ гнѣздѣ и на сучьяхъ выводнаго дерева, пока не начнутъ летать, какъ старые; потомъ нѣкоторое время держатся весьма скрытно въ частыхъ и мелкихъ лѣсныхъ поростяхъ; потомъ начи-

*) Мнѣ сказывалъ одинъ достовѣрный охотникъ, что ему случилось въ одну, весьма холодную зиму, убить на родникахъ, въ одно поле 18 дроздовъ-рябинниковъ, почти всѣхъ въ летъ; но это дѣло другое.

паютъ небольшими станичками летать на ягоды, а потомъ уже къ осени сваливаются въ большія станицы. Ягоды всѣхъ родовъ — любимая пища дроздовъ, для чего они охотно и постоянно посѣщаютъ ягодные сады, и если послѣдніе оберегаются въ день сторожами, то они производятъ свои опустошительные налеты очень рано по утрамъ, даже до восхожденія солнца. Въ привольныхъ оренбургскихъ лѣсахъ, особенно въ обширныхъ рѣчныхъ уремахъ, самую лакомую и питательную пищу доставляетъ дроздамъ черемуха, рябина и калина; двѣ послѣднія ягоды послѣ морозовъ становятся слаще, и дрозды жадно лакомятся ими до самой зимы. Чѣмъ болѣе они употребляютъ въ пищу ягодъ, тѣмъ сами становятся вкуснѣе и бываютъ очень жирны. Стрѣлять ихъ должно рябчиковою дробью, потому что они, относительно къ своей величинѣ, довольно крѣпки къ ружью. Охота за дроздами, предпочтительно рябинниками, производится весной и осенью. Пожалуй, можно бить ихъ лѣтомъ отъ дѣтей, но они въ то время очень худы. Весенняя стрѣльба слишкомъ кратковременна, но осенняя продолжается иногда очень долго. Собаки тутъ не нужно. Вообще дрозды не дики, но они безпрестанно перелетываютъ съ сучка на сучокъ, съ дерева на дерево, и всегда сидятъ такъ, что ихъ не вдругъ разглядишь въ чащѣ вѣтвей и листьевъ. По большей части, стрѣляютъ ихъ съ подхода, сидячихъ или прыгающихъ. Было бы ловчѣе бить ихъ въ летъ, но въ лѣсу всегда мѣшаютъ деревья.

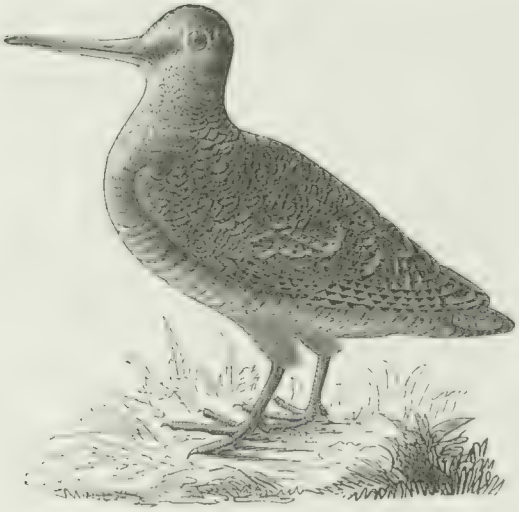
Въ Оренбургской губерніи ловятъ дроздовъ на пучки спѣлой рябины или калины, далеко краснѣющіеся, особенно на яркой бѣлизнѣ первыхъ снѣговъ; дрозды попадаютъ въ силья, которыми опутываютъ со всѣхъ сторонъ, повѣшенныя на дерево, ягодныя кисти; ихъ даже кроютъ лучками изъ сѣтки, приманивая на приваду тою же рябиной или калиной.

Около Москвы много черныхъ дроздовъ обѣихъ породъ; они исключительно водятся тамъ, гдѣ ростетъ красный лѣсъ, и особенно любятъ ельникъ; они еще смѣлѣе и хищнѣе къ истребленію ягодъ, чѣмъ дрозды — большіе рябинники. Мнѣ не случалось находить гнѣздъ черныхъ дроздовъ, и я никогда не замѣчалъ, чтобы они соединялись въ стаи, хотя въ разсыпную ихъ бываетъ очень много. Они преимущественно держатся въ мелкомъ еловомъ лѣсу, по большей части садятся на нижнія вѣтви или прыгаютъ по землѣ, точно какъ малые рябинники. Стрѣлять ихъ очень легко, но разглядывать на еляхъ трудно.

Сѣрыхъ большихъ дроздовъ я убилъ только трехъ въ Оренбург-

ской губерніи. Они находились въ стаѣ обыкновенныхъ большихъ рябинниковъ и, даже издали, казались крупнѣе тѣломъ и гораздо свѣтлѣе перомъ. Около Москвы я не встрѣчалъ сѣрыхъ дроздовъ и ничего болѣе о нихъ не знаю.

Жирный дроздъ считается лакомымъ кускомъ. Онъ славился своимъ изящнымъ вкусомъ еще въ древнемъ Римѣ, на пирахъ Лукулла, который плачивалъ баснословную цѣну за сѣрыхъ дроздовъ. Дроздъ одинъ изъ всей дичи пользуется знаменитою привилегіей бекасовъ, то-есть его жарятъ въ кострюлѣ не потрошеннымъ. За что онъ удостоивается этой чести — совершенно не знаю. Не за славу ли предковъ? Но во всякомъ случаѣ этотъ способъ приготовленія очень хорошъ, и я уже совѣтовалъ поступать такимъ образомъ со всѣми породами дичи. По моему мнѣнію, жирный дроздъ очень вкусенъ, но не лучше всякой другой жирной дичи. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что дрозды, питающіеся исключительно одними ягодами, плодами или виноградомъ, какъ то́ бываетъ въ теплыхъ странахъ, должны имѣть превосходнѣйшій вкусъ.



9.

ВАЛЬДШНЕПЪ, ЛѢСНОЙ КУЛИКЪ, СЛУКА *).

По достоинству своему, это — первая дичь; но такъ какъ она, хотя по мѣсту жительства принадлежитъ къ отдѣлу лѣсной дичи, но въ то же время совершенно разнится съ нею во всемъ: въ устройствѣ своихъ членовъ, чисто-куличьемъ, въ пищѣ и нравахъ, — то я рѣшился говорить о вальдшнепѣ послѣ всѣхъ породъ лѣсной дичи.

Объ иностранномъ и русскихъ именахъ вальдшнепа я уже говорилъ довольно. Должно замѣтить, что по-польски и на югѣ Россіи его называютъ „слонка" или „сломка", и что это названіе, вѣроятно, имѣетъ одно происхожденіе съ именемъ „слука".

Какъ-то странно, что вальдшнепъ, съ своими длинными ногами и носомъ, однимъ словомъ, что куликъ живетъ въ лѣсу и перѣдко въ лѣсной чащѣ. Устройство членовъ его требуетъ простора, и съ понятіемъ о куликѣ соединяется болото или, по крайней мѣрѣ, берега рѣкъ, прудовъ и озеръ. Конечно, кроншнепъ живетъ же въ степи; но за то тамъ хотя сухо, да просторно, и притомъ онъ, въ

*) *Ломка, сломка, слонка*; въ Харьковской губерніи — *славка, хаква;* въ Сибири — *кряхтунъ*. Scolopax rusticula. L.

К. Р.

извѣстныя времена года, бываетъ постояннымъ посѣтителемъ мокрыхъ и мягкихъ береговъ всякихъ водъ. Казалось бы, вальдшнепу неловко бѣгать и особенно летать въ лѣсу; онъ, кажется, долженъ цѣпляться за сучья и вѣтви длинпымъ носомъ и ногами; но на дѣлѣ выходитъ не то: онъ такъ проворно шныряетъ по землѣ и по воздуху въ густомъ, высокомъ и мелкомъ лѣсу, что это даже изумительно.

Вальдшнепъ, безпрекословно, превосходнѣйшая, первая дичь во всѣхъ отношеніяхъ; онъ даже первенствуетъ въ благородномъ семействѣ бекасовъ, къ которому принадлежитъ по отличному вкусу своего мяса, по сходству съ нимъ въ пестротѣ перьевъ, красотѣ большихъ черныхъ глазъ, быстротѣ и увертливости полета, по способу добыванья пищи и даже по трудности стрѣльбы. Вальдшнепъ, несмотря на длинныя ноги, шею и носъ, тѣломъ круглъ и мясистъ: величиною будетъ съ крупнаго русскаго голубя. Складомъ членовъ особенно сходенъ съ дупельшнепомъ; да и самыя перья, кромѣ красноватаго или коричневаго цвѣта, своими пестринами нѣсколько похожи на дупелиныя. Вальдшнепъ очень красивъ. Всѣ пятна или пестрины его перьевъ состоятъ изъ смѣшенія темныхъ, красноватыхъ, сѣропепельныхъ оттѣнковъ, неуловимыхъ для описанія, какъ и у другихъ бекасиныхъ породъ. На головѣ у вальдшнепа сверху лежатъ четыре поперечныя полоски или растянутыя пятна темнаго цвѣта; красноты больше — на спинѣ и верхней сторонѣ крыльевъ, а нижняя, зобъ и брюхо — свѣтлѣе и покрыты правильными, поперечными, сѣро-пепельными полосками; хвостъ коротенькій, исподнія его перья подлиннѣе верхнихъ, очень темны, даже черны, и каждое оканчивается съ изнанки бѣлымъ пятнышкомъ, а сверху красно-сѣрымъ; верхнія же хвостовыя перышки помельче, покороче и свѣтло-коричневыя; носъ въ длину вершокъ съ четвертью; ноги для кулика такой величины коротки; цвѣтъ носа и ногъ свѣтло-роговой.

Первое одиночное появленіе вальдшнеповъ весною иногда бываетъ очень рано, такъ что и проталинъ нигдѣ нѣтъ. Непостижимо, гдѣ они могутъ держаться и чѣмъ питаться въ это время? Вѣроятно, около какихъ-нибудь, не замерзшихъ зимою и еще болѣе оттаявшихъ съ приближеніемъ весны, родниковыхъ озерковъ и ключей. Не одинъ разъ случалось мнѣ поднять и убить вальдшнепа посреди глубокихъ, еще не тронувшихся снѣговъ: это бывало даже въ исходѣ марта. Замѣчательно, что всѣ ранніе вальдшнепы бываютъ довольно жирны. — Потомъ, съ наступленіемъ теплой

погоды и дружной весны (почти всегда около 12 апрѣля въ Оренбургской губерніи), начинается валовой пролетъ вальдшнеповъ. Высыпки ихъ бываютъ иногда чрезвычайно многочисленны, большею частію по лѣснымъ опушкамъ, по порубамъ, по мелкому лѣсу и по кустарникамъ, а около Москвы по плодовитымъ и ягоднымъ садамъ. Охотнику надобно пользоваться этими высыпками, потому что пролетные вальдшнепы рѣдко остаются, одни и тѣ же, болѣе трехъ сутокъ на одномъ мѣстѣ. Пролетающихъ или прилетающихъ вальдшнеповъ стаями никто никогда не видалъ: безъ сомнѣнія, они летятъ ночью. Въ недѣлю — пролетъ и высыпки кончатся; жилые, туземные вальдшнепы займутъ свои лѣса, и сейчасъ начинается тяга или *цугъ*. Я уже объяснялъ значеніе этихъ словъ, и въ послѣдствіи, говоря о стрѣльбѣ вальдшнеповъ, займусь подробнѣе этою особенностью ихъ нравовъ. Въ половинѣ мая вальдшнепы садятся на гнѣзда, а въ половинѣ іюня выводятся молодые. Гнѣздо свивается въ большомъ и крупномъ лѣсу, на землѣ, изъ старой сухой травы и перышекъ. Самка кладетъ четыре яйца, немного побольше голубиныхъ, продолговатой куличьей формы, испещренныя коричневыми крапинками. Не могу ничего утвердительнаго сказать — разбиваются ли вальдшнепы на пары и раздѣляетъ ли самецъ съ самкою заботы въ устройствѣ гнѣзда и высиживаніи яицъ. Нѣкоторые охотники увѣряли меня, что при выводкахъ молодыхъ всегда бываютъ и самецъ и самка; но мнѣ не случалось убѣдиться въ этомъ собственнымъ опытомъ. Точно также ничего не знаю о подробностяхъ и, можетъ-быть, особенностяхъ ихъ совокупленія. Хотя я и сказалъ утвердительно въ первомъ изданіи этой книги, что тяга вальдшнеповъ не токъ, но нѣкоторыми охотниками были сдѣланы мнѣ возраженія, которыя я признаю столь основательными, что не могу остаться при прежнемъ моемъ мнѣніи. Вотъ наблюденія, сообщенныя мнѣ достовѣрными охотниками: 1) летающіе вальдшнепы, всегда самцы (какъ и мною замѣчено было), иногда внезапно опускаются на землю, услышавъ голосъ самки, которому добычливые стрѣлки искусно подражаютъ, и вальдшнепы налетаютъ на нихъ очень близко; 2) если стоящій на тягѣ охотникъ, увидя приближающагося вальдшнепа, броситъ вверхъ шапку, фуражку, или свернутый комомъ платокъ, то вальдшнепъ опустится на то мѣсто, гдѣ упадетъ брошенная вещь; 3) тамъ, гдѣ вальдшнепы дѣтей не выводятъ, хотя съ весны держатся долго и во множествѣ, тяги не бываетъ. Основываясь на такихъ убѣдительныхъ доказательствахъ, съ достовѣрностью можно заключить, что

тяга — токъ вальдшнеповъ: самцы летаютъ по лѣсу и крикомъ своимъ зовутъ самокъ; послѣднія откликаются, самцы отыскиваютъ ихъ по голосу и совокупляются съ ними. Итакъ, принявъ тягу за токъ, уже нельзя сомнѣваться, что самки однѣ выводятъ дѣтей. Что же касается до того, что вальдшнепы на тягахъ ловятъ мошекъ и мелкихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, толкущихся или порхающихъ около древесныхъ вершинъ, — въ чемъ иные охотники сомнѣваются, — то это обстоятельство не подлежитъ сомнѣнію: я нарочно и много разъ разрѣзывалъ зобы сейчасъ застрѣленныхъ на тягѣ вальдшнеповъ и всегда находилъ только-что проглоченныхъ мошекъ, большихъ комаровъ, сумеречныхъ бабочекъ и летающихъ жукалокъ. Впрочемъ ничто не мѣшаетъ летающимъ на токахъ вальдшнепамъ ловить попадающихся имъ насѣкомыхъ.

Какъ скоро молодые вальдшнепята подростутъ, матка выводитъ ихъ изъ крупнаго лѣса въ мелкій, но предпочтительно частый; тамъ остаются они до совершеннаго возраста, даже до осени, въ началѣ которой перемѣщаются, смотря по мѣстности, или въ опушки большихъ лѣсовъ, около которыхъ лежатъ озимыя поля, — ибо корешки ржаныхъ всходовъ составляютъ любимую ихъ пищу, — или сваливаются прямо изъ мелкихъ лѣсовъ въ болотистыя уремы и потныя мѣста, заросшія кустами, особенно къ родникамъ, паточинамъ, гдѣ остаются иногда очень долго, потому что около родниковъ грязь и земля долго не замерзаютъ. Въ это время вальдшнепы охотно и смѣло приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, къ мельничнымъ прудамъ и плотинамъ, особенно къ коноплянникамъ и огородамъ; днемъ скрываются въ густыхъ садахъ, паркахъ, рощахъ, ольховыхъ и таловыхъ кустахъ, растущихъ почти всегда около прудовъ, плотинъ и рѣчекъ, а ночью летаютъ въ огороды и капустники, гдѣ ловко имъ въ мягкой, рыхлой землѣ доставать себѣ пищу. Они любятъ также посѣщать тѣ мѣста, гдѣ днемъ бродилъ или стоялъ рогатый скотъ. Они охотно клюютъ свѣжій коровій пометъ, состоящій изъ пережеванныхъ травъ и мелкихъ червячковъ, которые въ немъ сейчасъ заводятся. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ много водится вальдшнеповъ, не найдешь вчерашняго помета, который не былъ бы истыканъ ихъ носами; но старый, крѣпко загустѣвшій сверху, остается неприкосновеннымъ *). Пища вальдшнеповъ, какъ и другихъ бекасиныхъ породъ, предпочти-

*) Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что вальдшнепы не ѣдятъ коровьяго помета, а только ищутъ въ немъ червячковъ.

тельно состоитъ изъ корешковъ разныхъ лѣсныхъ и болотныхъ травъ, которые они мастерски достаютъ своими длинными и довольно крѣпкими носами, а также изъ разныхъ насѣкомыхъ. Я уже сказалъ, что съ прилета вальдшнепы бываютъ довольно сыты, но потомъ скоро худѣютъ и до самой осени мясо ихъ становится сухимъ, черствымъ и теряетъ свое высокое достоинство; за то чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ жирнѣе становятся вальдшнепы и, наконецъ, совсѣмъ заплываютъ саломъ. Впрочемъ, это бываетъ не каждый годъ: по бо̀льшей части они пропадаютъ, не успѣвъ разжирѣть хорошенько. Мнѣ особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1822 годъ. Осень стояла долгая, сначала очень ясная и холодная, а потомъ теплая и мокрая; всѣ вальдшнепы безъ исключенія свалились въ мелкіе кусты, растущіе по сырымъ и потнымъ мѣстамъ, держались тамъ до 8-го ноября и разжирѣли до невѣроятности! Брося всѣ другія охоты, я неутомимо, ежедневно, ходилъ за вальдшнепами: 6-го ноября я убилъ восемь, 7-го двѣнадцать, а въ ночь на 8-е выпалъ снѣгъ въ четверть глубиною и хватилъ морозъ въ 15 градусовъ. Предполагая, что не могли же всѣ вальдшнепы улетѣть въ одну ночь, я бросился съ хорошею собакой обыскивать всѣ родники и ключи, которые не замерзли и не были занесены снѣгомъ и гдѣ наканунѣ я оставилъ довольно вальдшнеповъ; но, бродя цѣлый день, я не нашелъ ни одного; только подходя уже къ дому, въ корняхъ непроходимыхъ кустовъ, около родниковаго болотца, подняла моя неутомимая собака вальдшнепа, котораго я убилъ; онъ оказался хворымъ и до послѣдней крайности исхудалымъ, и вѣроятно на другой бы день замерзъ. Двадцать вальдшнеповъ, облитые саломъ, застрѣленные 6-го и 7-го ноября и висѣвшіе въ амбарѣ, замерзли какъ камень. Съ этого времени началась жестокая зима, и я до самаго великаго поста лакомился, отъ времени до времени, совершенно свѣжими вальдшнепами, что̀, конечно, можетъ считаться большою рѣдкостью. Осеннее разжирѣніе этой драгоцѣнной дичи, при оскудѣвающемъ ежедневно кормѣ, всегда меня удивляло, но не объясняется ли оно тѣмъ, что корешки травъ дѣлаются въ это время особенно питательными, потому что соки растеній устремляются въ корень? По большей части, вальдшнепы пропадаютъ около половины октября. Весенній и осенній пролеты ихъ, сопровождающіеся высыпками, бываютъ весьма различны: иногда чрезвычайно многочисленны и продолжаются осенью около двухъ недѣль, иногда такъ скудны, что въ цѣлый день не отыщешь и двухъ паръ. Случается и то, что вдругъ вездѣ поя-

вится множество вальдшнеповъ, и въ однѣ сутки всѣ пропадутъ: послѣднее обстоятельство считается вѣрнымъ признакомъ скораго наступленія постоянной зимы, что́ и справедливо; но временное выпаденіе даже большаго снѣга, не сопровождаемое морозомъ, вальдшнепы выдерживаютъ безъ вреда, и часто не только дождутся времени, когда снѣгъ растаетъ, но и послѣ него остаются долго. Не одинъ разъ случалось мнѣ видѣть въ осеннюю, теплую, печатную, какъ говорится, порошу, весь снѣгъ, по мелкому лѣсу и кустамъ, испещренный узорами вальдшнеповыхъ слѣдовъ; подобное тому бываетъ и весной, при внезапныхъ выпаденіяхъ снѣга, какія случаются иногда даже въ первыхъ числахъ мая.

Стрѣльба вальдшнеповъ начинается съ самаго ихъ прилета. Покуда появляются они въ розницу, въ одиночку, — стрѣльба незначительна и случайна. Вдругъ поднимешь вальдшнепа тамъ, гдѣ и не думалъ его найти, и наоборотъ, въ самыхъ лучшихъ, *угодныхъ* мѣстахъ — нѣтъ ни одного. Въ это время вальдшнепъ — неожиданный и, конечно, драгоцѣнный подарокъ, но собственно за вальдшнепами охоты нѣтъ. Когда же начинается настоящій валовой пролетъ и окажутся высыпки вальдшнеповъ, стрѣльба ихъ получаетъ особенную важность и самый высокій интересъ для настоящихъ охотниковъ, тѣмъ болѣе, что продолжается очень не долго, и что въ это раннее время, послѣ шести-мѣсячнаго покоя, еще не насытилась охотничья жадность; не говорю уже о томъ, что вальдшнепы — дичь сама по себѣ первоклассная, и что никогда никакой охотникъ не бываетъ къ ней равнодушенъ. Весною, какъ скоро поднимешь въ одномъ мѣстѣ двухъ-трехъ вальдшнеповъ, навѣрно можно сказать, что тутъ высыпка, что тутъ ихъ много. Разумѣется, оставя всякую другую пролетную дичь, истинный охотникъ бросится за вальдшнепами, и добрая легавая собака, не горячая, преимущественно вѣжливая, будетъ очень ему полезна. Хотя на весеннихъ высыпкахъ вальдшнепы не такъ близко подпускаютъ собаку и стойки можетъ она дѣлать только издали, но при всемъ томъ безпрестанно случается, что дальніе вальдшнепы поднимаются, а ближайшіе, плотно притаясь, сидятъ такъ крѣпко, что, безъ собаки, пройдешь мимо ихъ; выстрѣлишь въ поднявшагося далеко, а сзади или сбоку поднимаются вальдшнепы въ нѣсколькихъ шагахъ. Собака съ долгимъ чутьемъ, не гоняющаяся за взлетающею дичью, много поправитъ неудобства этой стрѣльбы: она сейчасъ потянетъ и тѣмъ издали укажетъ, гдѣ сидитъ вальдшнепъ; охотникъ не пройдетъ мимо и поставитъ себя въ такое

положеніе, чтобы кусты и мелкій лѣсъ не помѣшали выстрѣламъ. Высыпки бываютъ иногда такъ многочисленны, что даже опытный и хладнокровный охотникъ смутится и растерятся, а молодой, горячій, просто съ ума сойдетъ; и если къ этому присоединится собака, которая гоняется за птицей, то въ нѣсколько минутъ распугается и разлетится, Богъ знаетъ куда, сотенная высыпка. Когда случится нечаянно наткнуться на высыпку, вальдшнепы вдругъ начнутъ вскакивать, производя довольно сильный шумъ крыльями, и мелькая во всѣхъ направленіяхъ: впереди, съ боковъ и даже сзади. Если они еще не напуганы выстрѣлами, то, описавъ небольшую дугу, равную вышинѣ деревьевъ или кустовъ, сейчасъ садятся. За непремѣнное правило должно взять: не бѣгать къ тѣмъ вальдшнепамъ, которые пересѣли въ глазахъ охотника и которыхъ онъ сначала даже видитъ бѣгущихъ или стоящихъ неподвижно. Надобно подвигаться впередъ тихимъ, ровнымъ шагомъ, осматривая или заставляя собаку обыскивать всѣ мѣста направо и налѣво, стараясь держаться такъ, чтобы деревья и кусты, гдѣ всегда происходитъ эта стрѣльба, сколько можно менѣе мѣшали выстрѣламъ. Это правило очень важно: пересѣвшіе вальдшнепы въ первыя минуты такъ сторожки, что не подпустятъ охотника въ мѣру, а бѣгая къ нимъ понапрасну, онъ будетъ оставлять вальдшнеповъ позади и по сторонамъ, — вальдшнеповъ, которые сидѣли крѣпко и близко около него. Если нужда заставляетъ охотиться съ собакой, которая гоняется, то какъ скоро она найдетъ высыпку, надобно сейчасъ привязать собаку, потому что гораздо больше убьешь безъ нея, особенно если нѣсколько человѣкъ, съ ружьями или безъ ружей, будутъ идти около охотника, не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, равняясь въ одну линію. Надобно осматривать внимательно каждый отдѣльный кустъ, каждую рытвинку, каждое крѣпкое мѣстечко, всегда заранѣе становясь въ выгодное положеніе. Только такимъ образомъ производимая охота можетъ быть успѣшна и добычлива, во время весеннихъ высыпокъ. Всѣ затрудненія исчезаютъ, если стрѣльба производится въ мелкомъ, частомъ кустарникѣ или лѣсныхъ поросляхъ, вышиною въ полчеловѣка, не заслоняющихъ взлетающей птицы отъ глазъ охотника и отъ ружейнаго дула. Обширные ягодные сады около Москвы, состоящіе изъ малинника, крыжовника, смородинныхъ и барбарисовыхъ кустовъ, представляютъ самое богатое и выгодное мѣсто для стрѣльбы вальдшнеповъ во время весеннихъ и осеннихъ высыпокъ, которыя, какъ я слыхалъ, бываютъ иногда баснословно

многочисленны. Въ этомъ случаѣ всего лучше нѣсколькимъ охотникамъ идти рядомъ, растянувшись въ какую угодно линію; даже безъ собакъ (если идти потѣснѣе) охота будетъ добычливая; но съ вѣжливыми собаками она будетъ еще успѣшнѣе и веселѣе. Вальдшнепъ не крѣпокъ къ ружью, и какъ довольно рѣдко случается стрѣлять его далеко, а по большей части близко, но за то въ вѣтвяхъ и сучьяхъ, то крупнѣе рябчиковой дроби употреблять не нужно; даже 8-го нумера весьма достаточно, а иногда и 9-го. Стрѣлять вальдшнеповъ и легко и трудно; на чистыхъ мѣстахъ онъ летитъ прямо и плавно, а въ лѣсу и кустахъ вертится и ныряетъ между сучьями очень проворно; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ иногда мелькаетъ, какъ молнія, а потому стрѣльба въ лѣсу, довольно высокомъ и частомъ, требуетъ чрезвычайнаго проворства и ловкости. Надобно бить вальдшнепа на подъемѣ, когда онъ выбирается къ верху и покуда частая сѣть вѣтвей не совсѣмъ закрыла его или если онъ летитъ діагонально, косвенно, надо ловить тѣ мгновенія, когда онъ вымелькнетъ на сколько-нибудь чистое мѣсто. Это ужь не то, что въ полѣ или голомъ болотѣ, гдѣ можно выпускать въ мѣру, тянуть и прицѣливаться въ птицу на просторѣ: вальдшнепа, мелькающаго въ лѣсу, надобно такъ же быстро стрѣлять, какъ ныряющаго на водѣ гоголя. Много бываетъ промаховъ по вальдшнепамъ, но за то нигдѣ не бываетъ такихъ непостижимо удачныхъ выстрѣловъ, какъ въ охотѣ за ними. Часто случалось мнѣ не вѣрить глазамъ, когда, послѣ отчаяннаго выстрѣла, пущеннаго въ кустъ или въ чащу древесныхъ вѣтвей, по тому направленію, по какому юркнулъ вальдшнепъ, — вдругъ собака выносила мнѣ изъ кустовъ убитаго вальдшнепа. Какъ частые сучья, правда безъ листьевъ, за которыми не видно птицы, не мѣшаютъ иногда дроби попасть въ нее — не понимаю и теперь!...

Какъ скоро весной *слетятъ* высыпки, начинается стрѣльба вальдшнеповъ на тягѣ, которая происходитъ всегда въ лѣсу, черезъ поляны, просѣки и лѣсныя дороги. Высота полета зависитъ отъ вышины лѣса: вальдшнепы всегда летятъ надъ самыми верхушками деревьевъ. Весною тяга начинается на закатѣ солнца и продолжается до совершенной темноты или, справедливѣе сказать, во всю ночь и даже поутру до солнечнаго восхода, въ чемъ я имѣлъ случай не одинъ разъ убѣдиться. Чѣмъ болѣе весна переходитъ въ лѣто, тѣмъ позднѣе по вечерамъ начинаютъ тянуть вальдшнепы, такъ что въ началѣ іюля тяга начинается тогда, когда уже

совсѣмъ стемнѣетъ и стрѣлять нельзя. Вальдшнепы сопровождаютъ свой полетъ особеннаго рода крикомъ или голосомъ: онъ похожъ на какое-то хрюканье или хрипѣнье и слышенъ задолго до появленія вальдшнепа, что́ очень помагаетъ стрѣльбѣ, ибо безъ этого предварительнаго звука охотникъ, особенно стоя въ узкомъ мѣстѣ, не замѣтитъ большей части пролетающихъ вальдшнеповъ, а когда и замѣтитъ, то не успѣетъ поднять ружья и прицѣлиться. Этотъ крикъ раздѣляется, такъ сказать, на двѣ ноты или на два колѣна: первое состоитъ изъ хриплыхъ, короткихъ звуковъ, повторяющихся раза три, а второе изъ нѣсколько продолженнаго звука, похожаго на слогъ *цсу*. Во всякое другое время, кромѣ тяги, вальдшнепы не издаютъ никакого голоса. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ водится много и гдѣ мѣста для стоекъ удобны, стрѣльба на тягѣ довольно весела, особенно цѣлымъ обществомъ охотниковъ. Только въ этомъ случаѣ можно допустить, что чѣмъ больше стрѣлковъ, тѣмъ лучше: разставленные по своимъ мѣстамъ, они другъ другу не мѣшаютъ, а помогаютъ, потому что, испуганный выстрѣломъ одного охотника, вальдшнепъ налетитъ на другаго, а отъ другаго на третьяго и такъ далѣе, и кто-нибудь да убьетъ его. Если общество велико и вальдшнеповъ много, то выстрѣлы раздаются безпрестанно, какъ бѣглый ружейный огонь; иногда лѣсное эхо звучно повторяетъ ихъ въ тонкомъ, прохладномъ весеннемъ воздухѣ, раскатывая отголоски по лѣснымъ оврагамъ; съ изумленіемъ останавливается проѣзжій или прохожій, удивляясь такой частой и горячей стрѣльбѣ, похожей на перестрѣлку съ непріятелемъ въ передовой цѣпи. Ночная темнота прекращаетъ стрѣльбу. Сходятся охотники; съ напряженнымъ вниманіемъ устремляются глаза каждаго на яхташи своихъ товарищей, стараясь разглядѣть въ темнотѣ: много ли добычи у другихъ? Громко и весело разсказываетъ про свою удачу одинъ, съ досадою — про свои неудачи другой. Впрочемъ, эта охота никогда не бываетъ очень добычлива, относительно къ числу охотниковъ, и нейдетъ въ сравненіе со стрѣльбою на высыпкахъ, даже весеннихъ, а объ осеннихъ и говорить нечего: самому счастливому охотнику рѣдко удастся убить на тягѣ болѣе двухъ паръ, а нѣкоторымъ не достанется ни одной штуки. Очевидно, что въ одиночку такая охота не заманчива, хотя очень спокойна: можно курить, сидѣть, прохаживаться, даже лежать, если угодно; но она уже слишкомъ не добычлива и даже можетъ быть скучновата, потому что иногда летъ вальдшнеповъ располагается весьма неудачно: во всѣхъ направленіяхъ слышны ихъ голоса, а

именно на то мѣсто, гдѣ стоитъ охотникъ, не налетитъ въ мѣру ни одинъ, и, простоявъ часа три, охотникъ принужденъ будетъ воротиться домой, не разрядивъ даже ружья. — Но я любилъ изрѣдка стоятъ на тягѣ и одинъ, выбирая для этого ясные и тихіе майскіе вечера. Въ погоду сумрачную и вѣтреную вальдшнеповъ не разглядишь и не разслышишь, да они мало и тянутъ. Теплый, весенній или почти лѣтній вечеръ въ исходѣ маѣ, именно въ чернолѣсьѣ, имѣетъ невыразимую прелесть: деревья и кусты только что распустились, особенно липа и дубъ, которые распускаются поздно; по захожденіи солнца весь воздухъ наполняется тонкимъ благовоніемъ молодыхъ листьевъ, заглушаемымъ иногда густымъ потокомъ запаха цвѣтущей черемухи. Всякая птица, отъ соловья до голубенькаго крошечнаго бѣсочка, горячо и торопливо поетъ свои вечернія пѣсни, умолкая постепенно вмѣстѣ съ темнѣющими сумерками, которыя въ лѣсу ложаться ранѣе и быстрѣе. Наконецъ все утихнетъ, наступитъ совершенная тишина: слышны не только прыжки зайца, но даже шелестъ мелкихъ звѣрковъ. Невольно задумаешься иногда и вздрогнешь, услыхавъ хриплый голосъ вальдшнепа, который, съ приближеніемъ его, становится часъ отъ часу явственнѣе... Исчезли и распукающійся лѣсъ, и чудный вечеръ, и вся природа!... Съ какимъ волненіемъ, бывало, ждешь появленія вальдшнепа изъ-за вершинъ деревьевъ, и какъ обрадуешься удачному выстрѣлу!

Съ наступленіемъ настоящаго лѣта прекращается стрѣльба вальдшнеповъ до осени. Молодыхъ вальдшненятъ отыскивать въ лѣсу трудно, да и бить такую славную дичь, не достигшую полнаго возраста, какъ-то жалко, а потому этого рода охотой никто не занимается; но въ исходѣ августа молодые выровняются и начнутъ попадаться въ мелкомъ лѣсу или въ опушкахъ большаго; обо всемъ этомъ было говорено уже довольно. Около 6-го сентября, а иногда и позднѣе, начинается настоящая осенняя охота за вальдшнепами. Тутъ добрая легавая собака дѣлается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: безъ ея помощи эта стрѣльба невозможна. Вальдшнепы сидятъ крѣпко и плотно таятся въ корняхъ деревьевъ и кустовъ, въ частыхъ, мелкихъ порosляхъ, въ крупной, высокой травѣ, и очень любятъ лѣсныя, сырыя опушки около озимей и небольшіе овражки съ рытвинами и водоемипами, густо поросшіе таловыми кустами и молодыми ольхами, особенно если по овражку бѣжитъ рѣчка или ручеекъ, а по берегамъ есть родниковыя наточинки. Послѣдняя мѣстность всего удобнѣе для двухъ охотниковъ: они пойдутъ по

обѣимъ сторонамъ овражка, собака отправится въ кусты, а вальдшнепы будутъ вылетать направо и налѣво; но лѣснымъ же опушкамъ лучше ходить одному, разумѣется съ собакой. Если такихъ удобныхъ мѣстъ много, то охота бываетъ чудесная и чрезвычайно добычливая. Это все я говорю о тѣхъ вальдшнепахъ, которые вывелись въ сосѣднихъ лѣсахъ, свалились изъ нихъ въ мелкіе кусты и болотистыя уремы; но, независимо отъ нихъ, еще за долго до отлета вальдшнеповъ, такъ сказать туземныхъ, начинаются осеннія высыпки вальдшнеповъ пролетныхъ, предпочтительно по мелкимъ лѣсамъ и кустамъ; эти высыпки въ иные годы бываютъ необыкновенно многочисленны, а иногда совсѣмъ незамѣтны. Вотъ на этихъ-то осеннихъ высыпкахъ происходитъ самая горячая многодобычливая охота. Жаль только, что высыпки по большей части весьма кратковременны, и что нерѣдко, пострѣлявъ вдоволь одинъ день, на другой, на томъ же мѣстѣ, не найдешь ни одного вальдшнепа. Къ тому же пролетные вальдшнепы выбираютъ каждый годъ *разныя* мѣста для высыпокъ, а не одни и тѣ же; вѣроятно, это дѣлается случайно. Въ иной годъ потому и нѣтъ пролетныхъ вальдшнеповъ, что не попадешь во-время на ихъ высыпки. Никакъ не умѣю объяснить, отчего, вслѣдъ за пролетѣвшими, сейчасъ же не улетаютъ туземные вальдшнепы, а, напротивъ, держатся иногда послѣ нихъ очень долго?

Иногда осенняя охота за вальдшнепами получаетъ особенный характеръ. Хотя они постоянно держатся въ это время въ частыхъ лѣсныхъ опушкахъ и кустахъ уремы, кромѣ исключительныхъ и почти всегда ночныхъ походовъ или отлетовъ для добыванія корма, но въ одномъ только случаѣ вальдшнепы выходятъ въ чистыя мѣста: это въ осеннее ненастье, когда кругомъ обложится небо сѣрыми, низкими облаками, когда мелкій, непримѣтный дождь сѣетъ, какъ ситомъ, и день и ночь; когда всѣ отдаленные предметы кажутся въ туманѣ, и все какъ будто свѣтаетъ или смеркается; когда начнется *капель*, то-есть когда крупныя водяныя капли мѣрно, звонко и часто начнутъ падать съ обвисшихъ и потемнѣвшихъ древесныхъ вѣтвей. Эти-то капли, которыхъ паденія не любитъ и боится всякая птица и звѣрь, выгоняютъ вальдшнеповъ не только изъ лѣса, но даже изъ лѣсныхъ опушекъ и кустовъ. Въ самомъ дѣлѣ, однообразное, неумолкаемое паденіе капель въ лѣсу имѣетъ въ себѣ что-то печальное и пугающее. Сколько разъ случалось мнѣ вслушиваться въ этотъ странный шумъ, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мнѣ

въ лицо.... Итакъ, кромѣ пугающаго шума, капель внѣшнимъ образомъ безпокоитъ птицу и заставляетъ ее безпрестанно переходить съ мѣста на мѣсто. За то какая чудесная выходитъ стрѣльба вальдшнеповъ, когда они выбѣгутъ въ чистыя луговины около лѣса, или болотистыя мѣста около уремы. Впрочемъ, подъ словомъ *чистыя,* не должно разумѣть такихъ гладкихъ мѣстъ, на которыхъ негдѣ было бы спрятаться и притаиться. Вальдшнепъ не маленькая птичка; ему нужны кочки, некошенная крупная трава, межи, обросшія бобовникомъ и чилизникомъ, или глубокія борозды рослыхъ озимей, гдѣ бы можно было укрыться, и все это въ самомъ близкомъ разстояніи отъ лѣса или кустовъ. Какъ скоро, хотя на время, уймется дождь и перемежится капѐль, вальдшнепы перемѣщаются въ лѣсъ, отъ котораго отдаляются рѣдко далѣе нѣсколькихъ саженъ и куда сейчасъ возвращаются, не смотря на дождь и капѐль, если будутъ спуганы. Въ это время вальдшнепы очень смирны, сидятъ крѣпко, подпускаютъ охотника близко и долго выдерживаютъ стойку собаки; очевидно, что тутъ бить ихъ весьма нетрудно, особенно потому, что вальдшнепы въ мокрую погоду, сами мокрые отъ дождя, на открытомъ мѣстѣ летаютъ тихо, какъ вороны; только очень плохой или слишкомъ горячій охотникъ станетъ давать въ нихъ промахи. Можно подумать, что такая простая, легкая стрѣльба не доставитъ удовольствія настоящему, опытному и, разумѣется, искусному стрѣлку; но такая охота рѣдка, кратковременна, вообще мало-добычлива, имѣетъ особенный характеръ, и притомъ вальдшнепъ такая завидная дорогая добыча, что никогда не теряетъ своего высокаго достоинства. Въ этой охотѣ еще пріятно то, что можно видѣть хорошую собаку во всей ея красотѣ и вполнѣ ею любоваться. Въ лѣсу, кустахъ, въ камышѣ, высокой травѣ и осокѣ, охотникъ почти не видитъ собаки, но здѣсь она вся на виду. Вальдшнепъ издаетъ сильный запахъ, и всѣ собаки очень горячо по немъ ищутъ. Только истинные охотники могутъ оцѣнить всю прелесть этой картины, когда собака, безпрестанно останавливаясь, подойдетъ наконецъ вплоть къ самому вальдшнепу, подинмаетъ ногу и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, устремивъ страстные, очарованные, какъ будто позеленѣвшіе глаза на то мѣсто, гдѣ сидитъ птица, станетъ изсѣченнымъ изъ камня истуканомъ, *„умретъ на мѣстѣ“*, какъ выражаются охотники.

10.

ЗАЙЦЫ.

Къ числу дичи, какъ я уже сказалъ, принадлежатъ не однѣ птицы, но и звѣри, какъ-то: медвѣди, олени, кабаны, дикія козы, и зайцы. Мнѣ хорошо извѣстны только зайцы, и о нихъ-то я намѣренъ поговорить теперь.

Въ Оренбургской губерніи, да кажется и во всѣхъ другихъ, зайцы водятся трехъ породъ: русаки, бѣляки и тумаки. Я не причисляю къ дичи *земляного зайчика* или *тушканчика,* котораго въ пищу не употребляютъ. Имя русака происходитъ, вѣроятно, не отъ того, что онъ живетъ на Руси, а развѣ отъ того, что и зимою хребетъ спины остается у него сѣрый, какъ будто русый. Бѣлякъ очевидно названъ по совершенной бѣлизнѣ своей шерсти въ зимнее время. Тумакъ, происходя отъ совокупленія русака съ бѣлякомъ, получилъ имя обличающее его происхожденіе: слово тумакъ значитъ помѣсь. Обыкновенное мѣстопребываніе русака и тумака — степь или безлѣсныя горы, бѣляка — лѣсъ. Но всегда есть исключенія; иногда и въ степи попадаются бѣляки, иногда и въ лѣсныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ около Москвы, водятся русаки, только они почти никогда не ложатся на дневку въ большомъ лѣсу, а всегда на открытыхъ мѣстахъ или въ мелкомъ кустарникѣ; старый русакъ, матерой, какъ говорятъ охотники, всегда крупнѣе и жирнѣе бѣляка одного съ нимъ возраста и, въ то же время, какъ-то складнѣе; уши у русака острѣе; лапки его, особенно переднія, но меньше и поуютнѣе, и потому русачій *маликъ* (слѣдъ) отличается съ перваго взгляда отъ бѣлячьяго. Всѣмъ извѣстно, что русакъ

бѣжитъ несравненно рѣзвѣе бѣляка, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній; но лихой тумакъ бываетъ рѣзвѣе самаго рѣзваго русака. Лѣтомъ русакъ такъ же сѣръ, какъ и бѣлякъ, и не вдругъ различишь ихъ, потому что лѣтній русакъ отличается отъ лѣтняго бѣляка только чернымъ хвостикомъ, который у него нѣсколько подлиннѣе, черною верхушкой ушей, большею рыжеватостью шерсти на груди и бокахъ; но зимой они не похожи другъ на друга: бѣлякъ весь бѣлъ, какъ снѣгъ, а у русака, особенно стараго, грудь и брюхо нѣсколько блѣдно-желтоваты, по спинѣ лежитъ довольно широкій, весьма красивый, пестрый ремень изъ темныхъ, желтоватыхъ и красноватыхъ крапинокъ, въ небольшихъ завиткахъ, или, точнѣе сказать, вихряхъ, похожій на крымскую крупную мерлушку. Тумакъ сохраняетъ всѣ отличія русака отъ бѣляка, только въ слабомъ видѣ: желтизна на груди и брюхѣ едва замѣтна, ремень на спинѣ узокъ, безъ завитковъ, и цвѣтъ его не ярокъ, не пестръ, а сизовато-сѣръ. Зайцы необыкновенно *плодущи*, по простонародному и охотничьему выраженію, смыслъ котораго непосредственно относится къ бѣлякамъ; порода русаковъ несравненно малочисленнѣе, а тумаки даже рѣдки. *Течка* бѣляковъ *) начинается съ января, а въ исходѣ марта, еще по снѣгу, зайчиха уже мечетъ самыхъ раннихъ, первыхъ зайчатъ, которые и называются *настовики;* въ исходѣ іюня — вторыхъ, называемыхъ *лѣтниками и травниками* **), а въ исходѣ сентября — третьихъ, носящихъ имя *листопадниковъ:* такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ деревенскіе охотники. Я, съ своей стороны, ничего не могу сказать противъ этого мнѣнія. Могу только съ достовѣрностью подтвердить, что крошечные зайчата попадались мнѣ во всѣ три вышесказанные срока, но мечетъ ли одна и та же зайчиха три раза въ годъ — не знаю. Судя по скорому, иногда въ одинъ годъ совершающемуся, изумительному размноженію зайцевъ, такое мнѣніе допустить можно. Зайчиха, какъ говорятъ, *ходитъ сукотна* девять недѣль и зайчатъ мечетъ до девяти; говорятъ также, что они родятся слѣпые и до 12-ти дней сосутъ мать. Гг. ученые натуралисты думаютъ, что зайчиха ходитъ сукотна *четыре* недѣли, зайчатъ мечетъ отъ 3 до

*) Время ихъ совокупленія.

**) Есть еще заячій пометъ, который въ губерніяхъ южнѣе называется *сынтники*, т.-е. зайчата, родящіеся тогда, когда поспѣетъ трава сныть, вѣроятно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Вообще можно съ достовѣрностью предположить, что зайчихи мечутъ съ исхода марта до исхода сентября; странно, что зайцы самаго поздняго помета называются у охотниковъ *ярышами*.

6-ти и кормитъ ихъ своимъ молокомъ *одну* недѣлю. Кто правъ — не знаю; но въ четырехъ-недѣльномъ срокѣ сукотности зайчихъ очень сомнѣваюсь. Это время слишкомъ коротко. Заяцъ — первый годъ отъ рожденія — называется *прибылой,* а во всѣ послѣдующіе годы — *матерой.*

Наружность зайца извѣстна всѣмъ; но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную особенность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ, и снабжены необыкновенно эластическими, крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ *), и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, т.-е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротой и силой разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло; едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спиннаго хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору, и наоборотъ, очень ловко — на гору или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ, онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ: какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги, — такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу, и охотники говорятъ, что заяцъ *садокъ.* Надобно еще замѣтить, что шея у зайца не повертывается, и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ упирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши. Зайцы положительно травоядныя животныя, хотя имѣютъ очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возмутъ ихъ въ руки неловко:

*) Трехъ-аршинную мѣру заячьихъ прыжковъ можно найти на всякомъ взбудномъ слѣдѣ, но одинъ извѣстный охотникъ (А. С. Х.) сказывалъ мнѣ, что русакъ на бѣгу перепрыгиваетъ глубокія рытвины или разсѣлины до семи аршинъ шириною.

живаго зайца должно всегда держать за уши и заднія ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлѣбными посѣвами, и особенно любятъ озимь. Зимою гложутъ они древесную кору, предпочтительно молодыхъ осинъ и таловыхъ кустовъ, а въ степяхъ всякую травяную ветошь, разгребая для того своими лапками довольно большіе снѣжные сугробы. Плодовые сады могутъ жестоко пострадать отъ зайцевъ въ продолженіи зимы, если не будутъ взяты извѣстныя предохранительныя мѣры. Заяцъ имѣетъ особенный, жалобный крикъ, похожій на плачъ младенца. Онъ испускаетъ его, будучи раненъ и попавъ въ когти, зубы или руки врага. На течкахъ же зайцы кричатъ особеннымъ образомъ, и, подражая этому крику, манятъ ихъ охотники.

Заяцъ — самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: *труслива какъ заяцъ*. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища, *встаетъ съ логова;* ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіи ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и *жируетъ*, то-есть рѣзвится, и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи, заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что̀ каждый охотникъ, *сходившій* русаковъ по *маликамъ*, извѣдалъ на опытѣ *).

Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ — не косы: это знаетъ каждый; но будучи пугливъ, тороплива и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника, или на пенекъ, оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали

*) Сходить зайца по малику — терминъ охотничій и значитъ отыскать его по слѣдамъ. Вообще ружейные охотники держатся терминологіи псовыхъ охотниковъ, чему и я послѣдую.

его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго въ-торопяхъ мимо того предмета, который онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицанiемъ: „эхъ ты косой заяцъ", или: „куда забѣжалъ скосу"? Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки, о чемъ я имѣлъ уже случай говорить. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такiе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большiе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое *логово;* если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его, зоркiй до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшiй и сильнѣйшiй изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожiй на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ, — увидитъ и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстоянiе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ, на мирныхъ гулянкахъ, большiя совы и филины *). Сказывалъ мнѣ одинъ достовѣрный охотникъ, что орлы и беркуты сходятъ зайцевъ по маликамъ. Это довольно странно: орлы, беркуты — не пѣшеходныя твари, но дѣло доказывается тѣмъ, что эти хищники попадаются иногда въ кап-

*) Мнѣ разсказывали охотники, что совы и филины ловятъ по начамъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: они подстерегаютъ ихъ на тропахъ, одною ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и, такимъ образомъ, держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой и окончательно задушитъ. Къ этому прибавляютъ, что заяцъ отрываетъ иногда вкогтившуюся въ него лапу (разумѣется, въ то время, когда сова другой лапой держится за кустъ), что охотникамъ случалось затравливать зайцевъ, на которыхъ висѣла вкогтившаяся въ тѣло, оторванная и уже высохшая, лапа совы. Признаюсь, послѣднее обстоятельство я считалъ выдумкою, но тотъ же охотникъ и знатокъ этого дѣла, на котораго я недавно ссылался (А. С. Х.), удостовѣрилъ меня, что это совершенно справедливо. То же подтверждаетъ и другой стрѣлокъ-охотникъ, Ю. Ѳ. С.

каны, которые ставятся на зайцевъ, именно на сплетеніи маликовъ, называемомъ *заячьею тропой* *).

Случайно можно застрѣлить бѣляка и даже русака во всякое время года; но охота, особенно за бѣляками, начинается весной, около большихъ и среднихъ рѣкъ, на островахъ, залитыхъ со всѣхъ сторонъ полою водой. Эта охота очень добычлива; на иной небольшой островокъ набѣжитъ зайцевъ множество, и они, *взбуженные* **) охотниками, бѣгаютъ, какъ угорѣлые, взадъ и впередъ, подобно испуганному и разсѣянному стаду овецъ; которые отъ страха бросаются въ воду, и переплываютъ иногда не малое пространство. Въ это время стрѣляютъ ихъ въ большомъ количествѣ; но я никогда не любилъ такой охоты, похожей на какую-то бойню загнанной въ загородь скотины. Я предпочиталъ весною стрѣльбу бѣляковъ, обыкновенно ложащихся по снѣжнымъ сувоямъ, которые, когда все уже кругомъ растаяло, остаются неприкосновенными нѣсколько времени и тянутся длинными, бѣлыми гривами по лѣснымъ опушкамъ и кустамъ; снѣгъ скипится и окрѣпнетъ, какъ ледъ, и свободно подымаетъ охотника. Зайцы любятъ лежать на сувояхъ днемъ, послѣ ночныхъ похожденій для добыванья корма. Эту стрѣльбу удобнѣе производить нѣсколькимъ охотникамъ вмѣстѣ: одинъ, двое или трое, смотря по ширинѣ снѣга, должны идти по самому сувою, а остальные около его краевъ; зайцы будутъ вскакивать въ мѣру и, неохотно оставляя снѣгъ, станутъ набѣгать на котораго-нибудь изъ охотниковъ. Этою весеннею охотой оканчивается настоящая стрѣльба зайцевъ до осени; впрочемъ и лѣтомъ, когда въ лѣсу нападутъ на зайцевъ клещи, они выбѣгаютъ, особенно по утрамъ и вечерамъ, на чистыя поляны, опушки и дороги; проѣхавъ по лѣсной дорогѣ или пройдя поляной и опушкой, всегда можно убить нѣсколько бѣляковъ, непремѣнно съ нѣсколькими клещами, которые плотно впились въ нихъ, насосались крови и висятъ, какъ синія моченыя сливы. Я никогда не хаживалъ въ эту пору нарочно за зайцами, а бивалъ ихъ, когда попадались нечаянно. Стрѣляютъ также зайцевъ (съ весны, въ концѣ лѣта, когда выкосятъ травы, и осенью) изъ подъ гончихъ собакъ цѣлымъ обществомъ охотниковъ, и многіе находятъ эту стрѣльбу очень ве-

*) 1854 года, декабря 11, принесли мнѣ средней величины желто-бурую сову, попавшую въ капканъ, поставленный на заячьемъ маликѣ: очевидно, что и совы сходятъ зайцевъ по слѣдамъ. *Позднѣйш. примѣч. сочинителя.*

**) То-есть испуганные, поднятые съ мѣста; отсюда — *взбудный слѣдъ*.

селою, особенно въ глубокую осень, когда всѣ зайцы побѣлѣютъ, и вмѣстѣ съ ними можетъ выскочить на охотника изъ острова красный звѣрь: волкъ или лиса. Я не оспариваю удовольствія этой осенней стрѣльбы, но у всякаго свой вкусъ: я не люблю охоты, гдѣ надобно содѣйствіе постороннихъ людей, иногда вовсе не охотниковъ, и долженъ признаться, что не люблю ни гончихъ, ни борзыхъ собакъ и слѣдовательно не люблю псовой охоты.

Самая лучшая стрѣльба бѣляковъ производится по черностопу, въ позднюю осень, когда они выцвѣтутъ, побѣлѣютъ и сдѣлаются видны издалека. Эта стрѣльба называется *узеркъ* или *узерка*. Необходимое условіе для нея — долгая мокрая осень; въ сухую и короткую зайцы не успѣваютъ выцвѣсть; нерѣдко выпадаетъ снѣгъ и застаетъ ихъ въ лѣтней сѣрой шкурѣ. Въ ненастное же время зайцы, чувствуя непріятную мокроту, безпрестанно трутся о деревья, кусты, стоги сѣна, или просто валяются по землѣ. По мнѣнію охотниковъ, именно потому они бѣлѣютъ скоро, что отъ тренія лѣзутъ сѣрые, лѣтніе, слабые волосы и вмѣсто нихъ выходятъ бѣлые, зимніе, крѣпкіе. Зайцы выцвѣтаютъ не вдругъ: сначала дѣлаются чалыми, потомъ побѣлѣетъ внѣшняя сторона заднихъ ногъ или *гачи*, и тогда говорятъ: *заяцъ въ штанахъ;* потомъ побѣлѣетъ брюхо, а за нимъ всѣ прочія части, и только пятномъ на лбу и полосою по спинѣ держится красноватая, сѣрая шерсть; наконецъ заяцъ весь побѣлѣетъ, какъ *лунь,* какъ *колпикъ* *) какъ первый снѣгъ. Издалека мелкаетъ и сквозитъ на почернѣвшей землѣ какая-то неопредѣленная бѣлизна: въ лѣсу, въ чащѣ кустовъ, въ поляхъ и даже въ степи, гдѣ иногда ложатся бѣляки, — и, по какому-то тоже неопредѣленному чутью, издалека узнаетъ привычный, зоркій глазъ охотника, что эта бѣлизна — заяцъ, хотя бываютъ иногда и самыя смѣшныя ошибки. Странное дѣло: отчего стрѣльба зайцевъ въ узеркъ очень нравится почти всѣмъ настоящимъ охотникамъ высшаго разряда, не говоря уже о простыхъ добычливыхъ стрѣлкахъ? Повидимому, въ ней нѣтъ ничего заманчиваго. Зайца увидишь, по большей части, издали, можешь подойдти къ нему близко, потому что лежитъ онъ въ

*) Лунь — чегликъ (самецъ) *бѣлохвостика*, довольно большой хищной птицы низшаго разряда: онъ весь бѣлый и нисколько не похожъ на свою темно-красноватую, пеструю самку, превосходящую его величиной почти вдвое; а колпикъ — бѣлый аистъ съ красными ногами и носомъ: онъ водится около Астрахани.

мокрое время крѣпко, по инстинкту зная, что на голой и черной землѣ ему, побѣлѣвшему бѣдняку, негдѣ спрятаться отъ глазъ враговъ своихъ, что даже сороки и вороны нападутъ на него со всѣхъ сторонъ съ такимъ крикомъ и остервенѣніемъ, что онъ, въ страхѣ, не будетъ знать куда дѣваться, — и такъ подойдешь къ зайцу близко или подозришь его нечаянно, еще ближе, прицѣлишься, выстрѣлишь и убьешь. Вотъ и вся исторія. Что же тутъ есть особенно веселаго, возбуждающаго, *лестнаго,* какъ говорятъ простые охотники?... Рѣшительно нѣтъ ничего. Но я самъ, разсуждающій теперь такъ спокойно и благоразумно, очень помню, что въ старые годы страстно любилъ стрѣльбу въ узеркъ, и несмотря на безпрерывный ненастный дождь, отъ котораго часто сырѣлъ на полкѣ порохъ, несмотря на проклятыя вспышки (ружья были тогда съ кремнями), которыя приводили меня въ отчаяніе, — цѣлые дни, правда очень короткіе, отъ зари до зари, не пивши, не ѣвши, мокрый до костей, десятки верстъ исхаживалъ за побѣлѣвшими зайцами.... То же дѣлали и другіе. Какія же тому причины? Я говаривалъ объ этомъ не одинъ разъ со многими охотниками. Всѣ соглашались, что, точно, это странность, и всякій объяснялъ ее по-своему: одинъ говорилъ, что заяцъ — крупная штука, а на крупную штуку всегда охотникъ *зарится,* то-есть жадничаетъ добыть ее; другой объяснялъ вопросъ тѣмъ, что весело бить зайцевъ *въ поръ,* когда они выцвѣли, *выкуньли,* что тутъ не пропадетъ даромъ и шкурка, а пойдетъ кому-нибудь въ пользу. Все это отчасти справедливо; но мнѣ кажется, что есть и другая, такъ сказать нравственная, прямая, чисто-охотничья причина: стрѣльба зайцевъ въ узеркъ совсѣмъ не такъ легка и проста, какою кажется съ перваго взгляда, что̀ и доказывается не малымъ числомъ промаховъ, особенно у новичковъ, покуда они не примѣнятся къ дѣлу. Промахи же случаются оттого, что логово зайца почти всегда защищено: оно прикрыто сучками, прутьями (когда онъ лежитъ подъ срубленною вершиной, что̀ очень любитъ), или пеньками деревъ, завялою крупною травой, вообще какимъ-нибудь дрязгомъ, всегда находящимся въ корняхъ кустовъ или въ лѣсной чащѣ. Не нужно объяснять, что дробь, касаясь какихъ-нибудь препятствій на своемъ пути, уклоняется отъ цѣли, и выстрѣлъ дѣлается невѣренъ. Но этого мало: промахи бываютъ по зайцамъ, лежащимъ въ степи на совершенно голыхъ и чистыхъ мѣстахъ. Послѣднее происходитъ, по моему мнѣнію, оттого, что въ травѣ виденъ только верхъ бѣлѣющей шерсти, которую заяцъ, обыкно-

венно сжимаясь въ комокъ на логовѣ, всегда приподнимаетъ: если цѣлить именно въ ту крайнюю черту бѣлизны, которая граничитъ съ воздухомъ, то зарядъ ляжетъ высоко, и случается иногда (случалось и со мною), что дробь выдеретъ бѣлый пухъ и осыплетъ имъ полукругъ около логова, а заяцъ убѣжитъ. Впрочемъ, опытные охотники знаютъ секретъ, берутъ на цѣль пониже, подъ самую бѣлизну; кучнымъ зарядомъ вскинетъ убитаго зайца вверхъ, и въ мѣру, на чистомъ мѣстѣ, промаха никогда не будетъ. Прибавьте ко всему, мною сказанному, что подозривъ издалека нѣчто болѣе, подходишь съ сомнѣніемъ, высматриваешь, то убѣждаешься, что это заяцъ, то покажется, что совсѣмъ не заяцъ, а какая-то бѣлая кость; иногда вся бѣлизна пропадетъ изъ глазъ, потому что на ходу уголъ зрѣнія охотника, заслоняемый и пересѣкаемый разными предметами, измѣняется безпрестанно; наконецъ, увѣрившись совершенно, что это заяцъ, очень рѣдко будешь имѣть терпѣніе подойдти къ нему близко: все кажется, что какъ-нибудь зашумишь, испугаешь зайца, что онъ сейчасъ вскочитъ и уйдетъ, и охотникъ, особенно горячій, всегда выстрѣлитъ на дальную мѣру.... Вотъ причины многихъ промаховъ; вотъ отъ чего эта стрѣльба горячитъ охотниковъ и за что они ее любятъ.

Въ долгую, мокрую, безморозную осень, въ плодородный на зайцевъ годъ, стрѣльба въ узеркъ бываетъ очень добычлива: мнѣ самому случалось убивать въ одно поле до 24-хъ зайцевъ, — а это цѣлый возъ. Въ постоянно дождливую погоду, капель съ деревьевъ выгоняетъ бѣляковъ въ опушки лѣса и даже въ чистыя поля. Я помню не одну такую осень; бывало, подъѣдешь къ небольшому отъемному острову или лѣсному острогу, и около него, даже по озимямъ, вездѣ виднѣются бѣловатыя пятна: это зайцы. Въ одну такую осень, именно въ 1816 году, октября 28-го, мнѣ случилось убить диковинной величины бѣляка. Онъ напугалъ меня не на шутку: ходя по лѣсу въ сѣрый, туманный день, я убилъ уже много зайцевъ и развѣсилъ ихъ по сучьямъ, чтобы собрать послѣ, вмѣстѣ съ другимъ охотникомъ; отъ наступающихъ сумерекъ становилось темно; вдругъ вижу я огромное подобіе бѣлаго зайца, сидящаго на корточкахъ, *въ воздухѣ,* какъ мнѣ показалось, на аршинъ отъ земли. Охотники нѣсколько суевѣрны, и я не хочу запираться, что сначала сильно испугался; долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ и думалъ, что мнѣ померещилось, что обманъ исчезнетъ. Наконецъ я успокоился, ободрился и разглядѣлъ, что огромный бѣлякъ сидѣлъ не на воздухѣ, а на толстомъ липовомъ пень-

кѣ, что зайцы дѣлаютъ нерѣдко. Онъ сидѣлъ нѣсколько бокомъ ко мнѣ, шевелилъ ушами и передними лапками, прислушивался къ шуму и, повидимому, меня не замѣчалъ; разстояніе было не далекое; оба ствола моего ружья заряжены крупною гусиною дробью; я собрался съ духомъ, приложился, выстрѣлилъ, — заяцъ необычайно пронзительно и жалобно закричалъ и повалился, какъ снопъ, на землю.... Я убѣжалъ, отыскалъ своего товарища и, вмѣстѣ съ нимъ и кучеромъ, пришелъ па то мѣсто, гдѣ выстрѣлилъ въ диковиннаго бѣляка: убитый наповалъ, онъ лежалъ у пенька, и въ самомъ дѣлѣ это было чудо! По крайней мѣрѣ въ полтора раза, если не вдвое, былъ онъ больше самаго матераго русака. По всему его тѣлу, подъ кожей, находились какія-то шишки, а на скулахъ, также подъ кожей, лежали твердые мясистые желваки, чуть не въ кулакъ величиною. Я долго сберегалъ этого зайца и показывалъ охотникамъ; но мяса такого урода никто ѣсть не сталъ. Одинъ крестьянинъ, стрѣлокъ, объяснилъ мнѣ, что это *заячій князекъ,* и что онъ появляется лѣтъ черезъ сто. Очень досадно, что я не сдѣлалъ чучелы, даже не взвѣсилъ и не смѣрилъ этого диковиннаго зайца, въ которомъ излишество животной растительности переходило даже въ болѣзненное уродство.

Но есть еще стрѣльба зайцевъ, которая, по-моему, въ охотничьемъ отношеніи, лучше стрѣльбы въ узеркъ, хотя она не только не добычлива, но даже бываетъ скудна и очень утомительна: это стрѣльба русаковъ *по порошѣ* *). Изрѣдка между ними попадаются и *тумаки,* въ правахъ своихъ совершенно сходные съ русаками. Тутъ надобно умѣнье сходить зайца, т. е. по малику дойдти наконецъ до логова и застрѣлить его на лежкѣ или въ бѣгъ. Это умѣнье можно пріобрѣсть одною опытностью. Если *принять* рано утромъ вечерній маликъ русака, только-что вставшаго съ логова, то въ мелкую и легкую порошу за нимъ, безъ спаровки, проходишь до полденъ: русакъ сначала бѣгаетъ, играетъ и грѣется, потомъ ѣстъ, потомъ опять рѣзвится, жируетъ, снова ѣстъ и уже на зарѣ отправляется на логово, которое у него бываетъ, по большей части, въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ особенныхъ исключеній: сбираясь лечь, заяцъ *мечетъ петли* (отъ двухъ до че-

*) Порошею называется каждый новый снѣгъ, выпавшій съ вечера или даже въ ночь, но переставшій къ утру: онъ точно запорошитъ всѣ старые слѣды, а новые, если погода теплая, отпечатаются на свѣжемъ снѣгу такъ отчетисто, что даже видны ноготки ходившаго звѣря. Если снѣгъ не большой, то пороша называется *мелкою,* если большой — *густою,* если мокрый — *печатною.*

тырехъ), т. е. дѣлаетъ кругъ, возвращается на свой маликъ, вздваиваетъ его, встраиваетъ и даже четверитъ, прыгаетъ въ сторону, снова немного походитъ, наконецъ, послѣ послѣдней петли, иногда опять встраиваетъ маликъ и, сдѣлавъ нѣсколько самыхъ большихъ прыжковъ, окончательно ложится на логово; случается иногда, что мѣсто ему не понравится, и онъ выбираетъ другое. Все это измѣняется, смотря по качеству пороши и по погодѣ: если пороша мелка и погода холодна, то заяцъ ходитъ много, а если напротивъ, то ходитъ мало. Сверхъ того, чѣмъ позднѣе перестанетъ идти снѣгъ, тѣмъ короче заячьи малики, такъ что если снѣгъ шелъ сильный и пересталъ на зарѣ (что̀ случается довольно часто), то гдѣ увидишь маликъ, тамъ лежитъ и заяцъ, ибо всѣ его прежніе *ходы* запорошило снѣгомъ; само собою разумѣется, что малики тогда попадаются рѣдко. Пѣшкомъ эта охота слишкомъ тяжела, и потому для отысканья русачьихъ маликовъ надобно ѣздить верхомъ, а всего лучше въ легкихъ саняхъ; разбирать путаницы всѣхъ *жировокъ* или *жировъ* и ходовъ не должно, а надобно объѣзжать ихъ кругомъ и считать входы и выходы: если нѣтъ лишняго выхода, то русакъ лежитъ тутъ, въ *жирахъ*, что̀ впрочемъ бываетъ довольно рѣдко; отыскавъ же выходъ и увидя, наконецъ, что заяцъ началъ *метать петли*, охотникъ долженъ уже пѣшкомъ, съ ружьемъ на-готовѣ и съ взведенными курками, идти по малику: логово гдѣ-нибудь не далеко, и надобно не зѣвать и не слишкомъ заглядываться на свѣжесть слѣдовъ, а смотрѣть, нѣтъ ли *сметки* въ бокъ и не лежитъ ли русакъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Случается иногда, что не услышишь ни малѣшаго шороха и не увидишь, какъ онъ вскочитъ и уйдетъ; добравшись до логова, только по взбудному слѣду догадаешься, что добыча ускользнула. Впрочемъ днемъ заяцъ ходитъ мало и сейчасъ ложится; черезъ нѣсколько времени, давъ зайцу успокоиться, можно опять и ужь очень скоро сойдти его; но на второй лежкѣ онъ не такъ крѣпко лежитъ, какъ на первой. Любимыя мѣста у русака для логова — сурчины, гдѣ онъ ложится у самой сурочьей норы и прячется въ нее при первой опасности; потомъ снѣжные *удулы* по межамъ и овражкамъ: въ нихъ онъ дѣлаетъ себѣ небольшое углубленіе, въ видѣ норы, въ которое ложится; если дуетъ погодка и тащитъ снѣжокъ, то замететъ совсѣмъ *лазъ* въ его логово. Тутъ онъ такъ крѣпко иногда лежитъ, что мнѣ самому случалось взминать снѣгъ ногами, чтобы взбудить русака.... И что за красота, когда онъ вылетитъ изъ удула, на всѣ стороны раз-

сыпавъ снѣжную пыль, матерой, цвѣтной, красивый, и покатитъ по чистому полю!... Весело прекратить этотъ быстрый бѣгъ мѣткимъ выстрѣломъ, отъ котораго колесомъ завертится русакъ съ разбѣга и потомъ растянется на снѣгу!... Покуда пороши еще мелки и снѣжной норы сдѣлать нельзя, русаки ложатся предпочтительно по горнымъ долочкамъ, поросшимъ какимъ-нибудь степнымъ кустарникомъ, также по межамъ, гдѣ обыкновенно придуваетъ снѣгъ къ пагнувшейся высокой травѣ: нерѣдко сходятъ они съ горъ въ замерзшія, камышистыя болота (если они есть близко) и выбираютъ для логова иногда большія кочки; въ чистой и гладкой степи русаки лежатъ подъ кустиками ковыля. Очевидно, что, по порошѣ, въ одинъ день немного сойдешь и убьешь зайцевъ; а когда первозимье устанавливается *безпутно*, говоря по-охотничьи, то-есть снѣгъ идетъ днемъ, а не ночью, и пороши ложатся неудобно, и если скоро сдѣлается на снѣгу настъ, который поднимаетъ зайца, а не поднимаетъ охотника, хруститъ подъ его ногами и далеко вспугиваетъ русака, тогда этой заманчивой стрѣльбы вовсе не бываетъ.

Русаки — большіе охотники до хлѣбной пищи, и потому ближайшіе отъ деревень постоянно посѣщаютъ хлѣбныя гумна, даже ложатся въ нихъ на день, и такъ бываютъ смѣлы, что, несмотря на ежедневныя крестьянскія работы и на гамъ народа и стукъ цѣповъ, остаются спокойно на своихъ логовахъ. Такихъ русаковъ называютъ *гуменниками;* они сытѣе и рѣзвѣе другихъ. Я много разъ самъ нахаживалъ русаковъ на гумнахъ и бивалъ ихъ. Одинъ разъ, при мнѣ, поймали у самой риги русака въ огромной кучѣ длинныхъ дровъ, куда онъ залѣзалъ на день: крестьянинъ, сушившій ригу, замѣтилъ на зарѣ, что заяцъ влѣзъ въ дрова, и заставилъ лазею плахой. Около Москвы, гдѣ хлѣбъ обмолачивается съ осени, русаки ходятъ ѣсть сѣно въ сѣнные сараи. Иногда дѣлаютъ то же и бѣляки. Хлѣбный русакъ до того бываетъ жиренъ, что, не видавши, трудно повѣрить: отъ однѣхъ почекъ, изъ внутренности русачьей тушки, собирается иногда сала до двухъ фунтовъ. Сколько же его еще остается! Такой русакъ отлично вкусенъ, и бѣлякъ, даже очень сытый, никогда сравниться съ нимъ не можетъ. Вообще заячье мясо имѣетъ сильный и пріятный вкусъ дичины: оно очень питательно, даже горячительно. Еще недавно, на моей памяти, народъ не ѣлъ зайцевъ; теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ употреблять въ пищу *задки* или *почки*, а передки бросаютъ, говоря, что *передокъ у зайца — собачій*. Это я

разсказываю о крестьянахъ отдаленныхъ, Симбирской и Оренбургской губерній, а подмосковные, вѣроятно, не такъ строги въ соблюденіи народныхъ предразсудковъ.

Самый сильнѣйшій истребитель заячьихъ породъ — человѣкъ, и ружье еще самое слабое оружіе къ ихъ истребленію: борзыя собаки и выборзки (до которыхъ большіе охотники Мордва, Чуваши и Татары), тенета, то-есть заячьи сѣти, капканы — вотъ кто губятъ ихъ тысячами.

Для стрѣлянья зайцевъ надобно употреблять крупную дробь: 1-ый и 2-ой нумера. Кромѣ того, что иногда приходится стрѣлять далеко, зайцы, не будучи особенно крѣпки къ ружью, защищены пушистою шерстью, которая очень ослабляетъ дѣйствіе и крупной дроби, а мелкая въ ней завертывается. Впрочемъ, само собою разумѣется, что въ близкомъ разстояніи убьешь зайца всякою дробью.

Кромѣ описанныхъ мною трехъ породъ, въ Оренбургской губерніи изрѣдка попадаются черные зайцы, обыкновеннаго склада и величины; мнѣ никогда не удалось ихъ видѣть.

МЕЛКІЯ ПТИЧКИ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мелкихъ птичкахъ, которыя употребляются въ пищу и которыя очень не дурны вкусомъ, особенно если жирны. Ихъ никто не называетъ дичью, и настоящіе охотники рѣдко ихъ стрѣляютъ, развѣ такъ, чтобы разрядить ружье, или за совершеннымъ отсутствіемъ всякой настоящей дичи. Охотники же промышленники, по большей части, ловятъ ихъ для продажи. Я не стану описывать этихъ птицъ, а только назову нѣкоторыхъ: это скворцы, жаворонки, свиристели, овсянки, снѣгири, и многія другія. Въ Москвѣ, въ Охотному ряду, можно почти всегда найдти ихъ нанизанныхъ носами на снурки и висящихъ красивыми пучками. Повара употребляютъ ихъ въ соусы и паштеты, и гастрономы благосклонно отзываются о такихъ блюдахъ съ *мелкими птичками*. Нѣкоторые охотники стрѣляютъ *кукушекъ* и ѣдятъ; я отвѣдывалъ ихъ и нахожу, что онѣ довольно вкусны. Несравненно лучше всѣхъ — *подорожники*. Эти птички, сходныя величиною и фигурою съ жаворонками, извѣстными всѣмъ и каждому, появляются въ Оренбургской губерніи зимою стаями и пропадаютъ весною, вмѣстѣ со снѣгомъ. Перомъ онѣ довольно красивы; всѣ пестрыя или пѣгія, съ весьма разнообразными оттѣнками, которые состоятъ изъ цвѣтовъ: голубовато-сизаго, сѣраго, темнаго и немного рыжеватаго, перемѣшанныхъ неправильно на ярко-бѣломъ основаніи; иные подорожники бываютъ почти чисто-бѣлые; въ мартѣ, къ веснѣ, они начинаютъ сѣрѣть и вѣроятно лѣтомъ дѣлаются совсѣмъ сѣрыми, но гдѣ проводятъ лѣто и гдѣ выводятъ дѣтей — не знаю. Имя свое получили отъ того, что всегда колотятся по дорогамъ станичками, иногда довольно боль-

шими, особенно около гуменъ; они очень охотно клюютъ всякія зерна, и я всегда находилъ ихъ зобы, наполненные предпочтительно овсомъ. Подорожники, когда ихъ вспугнетъ проѣзжій, всегда перелетаютъ на небольшое разстояніе впередъ и опять садятся на дорогу, что повторяется много разъ; наконецъ, наскучивъ безпрестаннымъ перелетываньемъ, подорожники облетаютъ вкругъ проѣзжаго или прохожаго, возвращаются назадъ и садятся на ту же дорогу. Я слыхалъ, что они поютъ, и пробовалъ держать ихъ въ клѣткахъ; но опыты были неудачны: подорожники ѣли очень хорошо кормъ, но черезъ нѣсколько времени начинали хромѣть, валяться на спинѣ и умирали. Я не могу рѣшить: теплота или тѣснота были тому причиною. Одинъ разъ наловили деревенскіе мальчики множество подоржниковъ лучками съ сѣткой; это случилось въ январѣ; я насажалъ ихъ съ сотню въ холодную комнату, и они жили благополучно до исхода марта, были очень жирны и вкусны: ихъ всѣхъ употребили для стола, и потому не знаю, какъ стали бы они жить въ тепломъ воздухѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ.

ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ.

Статья эта перепечатывается изъ № 6-го «Вѣстника естественныхъ наукъ» 1856 года, издававшагося Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы подъ редакціею К. Ф. Рулье, который, помѣщая статью, такъ отозвался о ней въ примѣчаніи *):

Въ числѣ разнообразныхъ охотъ человѣческихъ имѣетъ свое мѣсто и смиренная охота ходить по грибы, или брать грибы. Хотя она не можетъ равняться съ другими охотами, болѣе оживленными уже потому, что тамъ приходится имѣть дѣло съ живыми твореніями, но можетъ соперничать со многими, такъ сказать, второстепенными охотами, имѣющими впрочемъ свои особые интересы. Я даже готовъ отдать преимущество грибамъ, потому что ихъ надобно отыскивать, слѣдовательно можно и не находить; тутъ примѣшивается нѣкоторое умѣнье, знаніе мѣсторожденія грибовъ, знаніе мѣстности и счастье. Не даромъ говоритъ пословица: „Со счастьемъ хорошо и по грибы ходить“ **). Тутъ есть неизвѣстность, нечаян-

*) Съ научной точки зрѣнія эта статья чудесно обрисовываетъ зависимость грибовъ, этихъ низшихъ растительныхъ формъ, отъ внѣшнихъ условій, и тѣмъ служитъ новымъ развитіемъ *закона общенія,* о которомъ мы говорили въ статьѣ *„Сенъ-Бернардская собака“.* *К. Р.*

Прочія примѣчанія подъ статьей принадлежатъ также К. Ф. Рулье.

**) Эту пословицу я слыхалъ употребляемую и въ обратномъ содержаніи: „Безъ счастія и по грибы нечего ходить.“

ность, есть удача и не удача; а все это вмѣстѣ подстрекаетъ охоту въ человѣкѣ и составляетъ ея особенный интересъ. Охота ходить по ягоды или за орѣхами (одна изъ охотъ второстепенныхъ) съ перваго взгляда можетъ показаться сходною съ охотою брать грибы; но при ближайшемъ разсмотрѣніи мы увидимъ, что послѣдняя имѣетъ большія преимущества. Охотники брать грибы вѣрно со мною согласны и съ ними-то хочу я побесѣдовать, имъ хочу сообщить мои многолѣтнія наблюденія.

Грибы составляютъ самую питательную *), вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не въ излишествѣ, не слишкомъ жирно приготовленные, а совершенно прожаренные и уваренные, или совершенно просолившіеся. Послѣднее относится къ тѣмъ породамъ грибовъ, которые солятся сырыми; какъ то: грузди, рыжики и другіе. Для горожанъ грибы лакомство, для народа пища, а въ иныхъ мѣстахъ отрасль дохода. Грибъ дитя лѣса. Въ степи нѣтъ грибовъ, кромѣ шампиньоновъ и луговиковъ, но и тѣ родятся только на землѣ унавоженной, на выгонахъ, толокахъ и дорогахъ, всегда около жилищъ человѣческихъ или скотскихъ. Всѣмъ извѣстное дѣло, что если посѣять или насадить, однимъ словомъ развести и выростить лѣсъ въ чистомъ полѣ, то непремѣнно начнутъ родиться въ немъ грибы, свойственные породамъ разведеннаго лѣса. Но не въ одной тѣни (какъ думаютъ многіе), бросаемой древесными вѣтвями, заключается таинственная сила деревъ выращать около себя грибы; тѣнь служитъ первымъ къ тому орудіемъ, это правда; она защищаетъ землю отъ палящихъ лучей солнца, производитъ влажность почвы и даже сырость, которая необходима и для лѣса и для грыбовъ; но главная причина ихъ зарожденія происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ древесныхъ корней, которые также, въ свою очередь, увлажая сосѣднюю землю, сообщаютъ ей древесные соки, и въ нихъ-то по моему мнѣнію заключается тайна гриборожденія. Это убѣдительно доказывается тѣмъ, что около пней срубленныхъ деревьевъ, производившихъ въ изобиліи извѣстныя породы грибовъ подъ своей живительной тѣнью, долго продолжаютъ родиться тѣ же самыя породы, иногда десять лѣтъ и болѣе. Медленно умирая, наконецъ корни сгніютъ и высохнутъ и грибы перестанутъ родиться. Я неоднократно имѣлъ случай производить мои наблюденія надъ пнями деревъ, стоявшихъ отдѣльно на полянахъ

*) Извѣстно, что грибы отличаются между, прочимъ, отъ другихъ низшихъ растеній обиліемъ азотистыхъ или протеиновыхъ началъ.

и опушкахъ, гдѣ нельзя предполагать вліяніе другихъ сосѣднихъ деревъ. Въ доказательство же, что одной тѣни и влажности не достаточно для произведенія грибовъ, можно указать на нѣкоторыя породы деревъ, какъ напримѣръ на ольху, осокорь, тополь, черемуху и проч., подъ которыми и около которыхъ настоящіе грибы не родятся. Полная зависимость гриборожденія отъ древесныхъ соковъ, и даже отъ качества ихъ, всего убѣдительнѣе доказывается уже тѣмъ, что многія деревья производятъ исключительно имъ свойственные грибы. Если бы нужны были только сырость, тѣнь и прохлада, то всякія породы грибовъ родились бы подъ всякими деревьями.

Народъ, признавая вполнѣ вліяніе деревъ на грибы, далъ нѣкоторымъ изъ нихъ названія, происходящія отъ названія деревъ, какъ напр.: березовикъ, осиновикъ, подорѣшникъ, дубовикъ и проч.

Грибы раздѣляются на употребляемые въ пищу и неупотребляемые: послѣдніе вообще называются поганками; въ числѣ ихъ находятся грибы ядовитые, какъ-то: дубовикъ, мухоморъ и другіе. Между поганками есть грибы, которые въ иныхъ мѣстахъ Россіи считаютъ вредными, а въ иныхъ мѣстахъ употребляютъ въ пищу, напр.: свинухи, или коровьи уши, валуи, моченки, чернухи и проч.; ихъ предварительно отвариваютъ или вымачиваютъ, потомъ солятъ и кушаютъ безъ всякаго вреда. Я зналъ даже человѣка, который всѣ грибы, кромѣ дубовиковъ и мухоморовъ, считалъ съѣдобными и доказывалъ ихъ безвредность собственнымъ примѣромъ и всего своего семейства; онъ утверждалъ даже, что, такъ называемыя, поганки точно такъ же вкусны, какъ и другіе грибы.

Этому впрочемъ трудно повѣрить, потому что поганки по большей части не только имѣютъ непріятный цвѣтъ и видъ, но и пахнутъ очень противно.

Замѣчательно, что многія породы грибовъ съѣдобныхъ, или хорошихъ, какъ иногда ихъ называютъ, имѣютъ, какъ бы соотвѣтствующіе имъ грибы, *поганки,* нѣсколько похожія на нихъ образованіемъ своимъ и цвѣтомъ; еще замѣчательнѣе, что когда начнутъ появляться эти поганки, между хорошими грибами, то они начнутъ пропадать; наконецъ слой съѣдобныхъ грибовъ проходитъ, и мѣстомъ ихъ пребыванія, совершенно завладѣютъ поганки. Это особенно бываетъ примѣтно въ тѣхъ грибахъ, которые родятся во множествѣ слоями, кучками, какъ, напримѣръ, въ масленикахъ, рыжикахъ и бѣлянкахъ.

Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что у грибовъ есть *любимыя мѣста,*

на которыхъ они непремѣнно каждый годъ родятся, въ большемъ или меньшемъ изобиліи. Безъ сомнѣнія этому должны быть естественныя причины; но для простаго взгляда эта разница поразительна и непостижима. Въ лѣсу довольно частомъ, гдѣ корни и даже вѣтви однихъ деревъ встрѣчаются съ корнями и вѣтвями другихъ деревъ, любимыя мѣста, если они и есть, замѣтить трудно; но въ рѣдколѣсьѣ, или на полянахъ, они очевидны и никакому сомнѣнію не подвержены. У меня есть дубовая роща, въ которой находится около двухъ тысячъ старыхъ и молодыхъ дубовъ; старые, въ числѣ болѣе двухъ сотъ, стоятъ очень рѣдко между собою на большой сѣнокосной полянѣ, и только подъ нѣкоторыми изъ нихъ съ незапамятныхъ временъ родятся во множествѣ бѣлые грибы, нѣсколько особеннаго образованія и величины, необыкновенной плотнины и крѣпости и также необыкновеннаго бронзоваго или стальнаго цвѣта; иногда пестрые и глянцовитые, какъ мраморъ. Первое качество, вѣроятно, происходитъ отъ качества сока дубовыхъ корней, а послѣднее — отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, потому что одиночно стоящіе высокіе дубы даютъ мало тѣни. Подъ другими же дубами, на той же выше сказанной, сѣнокосной полянѣ, грибовъ бываетъ очень мало, а подъ нѣкоторыми и совсѣмъ не бываетъ. Есть также у меня въ саду и въ паркѣ конечно болѣе трехъ сотъ елей, и только подъ четырьмя елями родятся рыжики. Мѣстоположеніе, почва, порода деревъ — все одинаково, а между тѣмъ, вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я самъ постоянно наблюдаю и каждый годъ вновь убѣждаюсь, что грибы родятся у меня на однихъ и тѣхъ же любимыхъ своихъ мѣстахъ, подъ тѣми же дубами и елями. Разныя породы грибовъ, родясь около отдѣльныхъ деревъ, представляютъ замѣчательную особенность, которая состоитъ въ томъ, что грибы предпочтительно родятся на сѣверной сторонѣ дерева, на восточной и западной — ихъ бываетъ гораздо меньше, а на южной сторонѣ, особенно въ сухое время, грибовъ почти не бываетъ.

Такое вліяніе частей свѣта и солнечнаго стоянія еще очевиднѣе въ породѣ рыжиковъ: рыжики красные около одной и той же ели постоянно родятся на сѣверъ и до половины восточной и западной стороны. Тутъ, точно по назначенной чертѣ, къ югу идутъ уже рыжики зеленовато-синіе, имѣющіе поверхность шероховатую, какъ будто засохшую, хотя корень и шляпка гриба въ изломѣ точно также красны и сочны. Такимъ образомъ окружность дерева раздѣляется по равнымъ частямъ: рыжики красные занимаютъ сѣверную

сторону, а рыжики зеленоватые южную; востокъ же и западъ обѣими породами дѣлится пополамъ; но и тутъ на южной сторонѣ грибовъ бываетъ меньше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дождливые, мочливые года, какъ выражается народъ, грибы родятся въ большемъ изобиліи, особенно если ненастье сопровождается тепломъ; но и тутъ бываютъ исключенія, непонятныя простому наблюдателю, которыя объяснить можетъ только наука. Я неоднократно замѣчалъ, что, несмотря на сильную теплоту атмосферы, дожди бываютъ иногда вредные грибамъ; иногда это вредное дѣйствіе оказывается медленно и незамѣтно, а иногда — съ поразительной очевидностью и быстротой, особенно на грибахъ молодыхъ, только что вышедшихъ изъ земли. Въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ я видѣлъ четыре раза сильныя опустошенія, произведенныя дождемъ, выпавшимъ повидимому при благопріятныхъ условіяхъ теплоты. Два раза такой дождь сопровождался какою-то сухою мглою, которая пахла противною гарью; а два раза дожди были проливные, сильно промочившіе землю и мгновенно смѣненные солнечнымъ сіяніемъ. Посѣщая каждый день, около полудня, всѣ грибородныя мѣста моего сада и парка, на которыхъ накапунѣ я оставилъ множество молодыхъ бѣлыхъ грибовъ, я былъ пораженъ внезапною перемѣною ихъ вида: болѣе или менѣе всѣ молодые грибки сморщились и позасохли, а самые маленькіе, величиною съ горошинку и даже съ маленькій лѣсной орѣхъ — исчезли, и только какая то гниловатая пыль, которую и различить было очень трудно, лежала на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились грибные зародыши. Нѣкоторые изъ грибовъ, болѣе возмужавшихъ, оправились и достигли своей обыкновенной величины, но уже въ какомъ-то нѣсколько изуродованномъ видѣ; прочіе же подгнили и свалились. Такія вредныя слѣдствія дождя были замѣчены и записаны мною каждый разъ. Подобное же дѣйствіе, но медленно обнаруживающееся, производятъ иногда изобильныя ночныя росы, производящія желтоватыя пятна даже на травѣ. Кстати будетъ здѣсь сказать, что существующее въ народѣ повѣрье, будто замѣченный человѣкомъ грибъ не выростетъ, а завянетъ, по моимъ наблюденіямъ, совершенно несправедливо. У меня всегда бываетъ множество замѣченныхъ грибовъ, преимущественно бѣлыхъ, и я беру ихъ въ такомъ возрастѣ, какой мнѣ понадобится, или оставляю достигать полнаго своего развитія и красоты. Я не стану самоувѣренно утверждать, что взглядъ человѣка не можетъ производить магнетическаго дѣйствія на расти-

тельное царство; но скажу только, что безчисленные опыты меня убѣдили въ томъ по крайней мѣрѣ, что *мой* взглядъ никогда грибамъ не былъ вреденъ. Я даже пробовалъ слегка дотрогиваться до грибовъ и освобождать ихъ отъ листьевъ и травы, которые иногда мѣшаютъ грибамъ расти. Я даже отламывалъ кусочки отъ ихъ шляпокъ, а грибы росли попрежнему; одно вѣрно: если пошатнуть корень гриба, онъ завянетъ и пропадетъ.

Въ ненастное время и къ осени грибы отдаляются отъ деревьевъ и охотнѣе ростутъ по опушкамъ и по голымъ горамъ — *на отскочихъ*, какъ выражается народъ; а въ сухую и жаркую погоду грибы жмутся подъ тѣнь и даже подъ вѣтви деревъ, особенно елей, которыя разстилаютъ свои сучья, какъ лапы по землѣ, отчего крестьяне и называютъ ихъ *лапникомъ* и рубятъ безъ пощады и безъ вреда дереву на всякія свои потребности; они даже утверждаютъ, что ель лучше и скорѣе достигаетъ строевой величины, если ее „подхолить", то есть, обрубить нижнія вѣтви.

Кромѣ вредныхъ дождей и росъ, грибамъ вредятъ, на открытыхъ мѣстахъ, жаркіе лучи полдневнаго солнца: они прижигаютъ грибныя шляпки и хотя прохлада ночи, роса и перепадающій дожь освѣжаютъ ихъ, но если прижиганье повторяется ежедневно, то грибы засыхаютъ, не достигнувъ полнаго возраста. Продолжительное и постоянное ненастье также, въ свою очередь, вредно грибной растительности, особенно въ тѣни, въ густой травѣ и мѣстахъ глухихъ: грибы загниваютъ, плеснѣютъ и погибаютъ. Ихъ очень портятъ и даже истребляютъ и живые враги: земляныя улитки, или слизни, которые плотно приклеясь къ грибамъ, точатъ и поѣдаютъ шляпки и корни ихъ. Въ неурожайные, не грибные годы, рѣдко попадется грибъ, на которомъ бы не было двухъ и трехъ слизней. Бѣлки также охотницы до грибовъ, преимущественно до бѣлыхъ, и часто тонкіе и острые бѣличьи зубки, оставляютъ дорожчатые слѣды на изглоданныхъ грибныхъ шляпкахъ. Но всего болѣе истребляются грибы зарождающимися въ нихъ мелкими бѣлыми червячками; въ иной годъ ихъ бываетъ такое множество, что корень у всякаго бѣлаго гриба, по наружности крѣпкій и здоровый, непремѣнно источенъ внутри и разсыпается, если возмешь его неосторожно или крѣпко рукою; по счастію шляпки грибовъ уже послѣднія истачиваются червями и не рѣдко остаются здоровыми и нетронутыми при совершенно съѣденномъ внутри корнѣ: удивительно, какъ получаютъ грибы питательные соки и какъ могутъ расти въ такомъ положеніи?

Существуетъ мнѣніе, что будто бы грибы, особенно послѣ дождя, выростаютъ въ одну ночь: это несправедливо. Правда, что иногда найдешь молодые грибы тамъ, гдѣ вчера ихъ не находилъ; но они были, и оставались только незамѣченными, потому что мало отдѣлялись отъ земли, скрывались подъ листьями или въ травѣ. Самые скороспѣлые или скорорастущіе грибы, какъ напр. березовики и сыроѣжки, достигаютъ полнаго развитія въ три дня, а грибы бѣлые въ недѣлю и болѣе. Всѣхъ медленнѣе растетъ дубовикъ, грибъ впрочемъ никуда негодный и даже ядовитый, какъ я уже и сказалъ.

Въ урожайные или грибные года грибы часто попадаются кучками, семьями, даже растутъ двойчатками, тройчатками и болѣе. Это я говорю о такихъ породахъ грибовъ, которыя обыкновенно растутъ въ одиночку, какъ-то бѣлые, березовые, осиновые и проч. У меня срисованъ осиновикъ, у котораго шесть отдѣльныхъ кор-

Чер. 1.

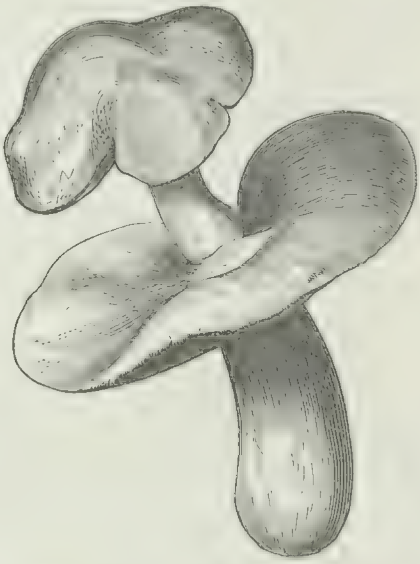
Уродливыя формы грибовъ: 1. Осиновикъ.

ней покрыты одною шляпкой. Изобиліе грибнаго сѣмени *) и

*) Micelium.

земляныхъ соковъ нерѣдко проявляется въ самыхъ странныхъ и уродливыхъ видахъ. Одинъ разъ я нашелъ сыроѣжку, изъ шляпки которой выросла другая сыроѣжка также со шляпкою: я срисовалъ эту уродливую рѣдкость. Я также находилъ не одинъ разъ въ землѣ

Чер. 2.



Уродливыя формы грибовъ: 2. Сыроѣжка.

большіе куски бѣлогрибнаго сѣмени — массу, совершенно похожую на корень, величиною даже съ человѣческую голову.

Порядокъ появленія грибовъ бываетъ слѣдующій: какъ только весною окажутся проталины, то по лѣснымъ полянамъ и вообще по рѣдколѣсью начнутъ появляться сморчки, — сначала *глухіе* *) а потомъ *стройки* **); они растутъ даже подъ снѣжною корою, гдѣ бѣжитъ подъ ней вода; послѣ сморчковъ слѣдуетъ промежутокъ времени съ мѣсяцъ, а при засухѣ и болѣе, въ продолженіи котораго грибовъ нѣтъ никакихъ. Потомъ появляются масляники, березовики, сыроѣжки и осиновики, потомъ первые слои груздей, подгруздковъ и бѣлыхъ грибовъ; потомъ слѣдуютъ лисички и шампиньоны; наконецъ идутъ осенніе грибы, волжанки, бѣлянки, ры-

---

*) Helvella esculenta.

**) Marchella esculenta.

жики и опенки. Весь этотъ порядокъ иногда нарушается, но всегда зависитъ отъ состоянія погоды и атмосферическихъ явленій. Къ этому должно прибавить, что каждая порода грибовъ появляется слоями раза два и даже три, въ продолженіи лѣта и осени, покуда частые и сильные морозы, особенно при засухѣ, не убьютъ окончательно грибную растительность. Говоря о каждой породѣ грибовъ отдѣльно, я скажу подробнѣе о случайныхъ измѣненіяхъ въ произрастаніи грибовъ *).

КОНЕЦЪ.

*) Авторъ не успѣлъ исполнить свое намѣреніе. *Изд.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Стран.

Техническая часть ружейной охоты........ 1
Ружье, ружейный стволъ........ 2
Ложа, прикладъ, шомполъ или прибойникъ........ 5
Зарядъ........ —
Порохъ........ 7
Дробь, картечь, пуля, жеребья........ 8
Пыжи........ 9
Пистоны........ 11
Легавая собака........ 12
Пролетъ и прилетъ дичи........ 19
Раздѣленіе дичи на разряды........ 25

Разрядъ I.

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію болотной дичи........ 31
Болота........ 33
Бекасъ........ 39
Дупельшнепъ........ 46
Гаршнепъ........ 51
О вкусѣ мяса и приготовленіи бекасиныхъ породъ........ 55
Болотный куликъ........ 57
Красноножка или щеголь........ 62
Куликъ-сорока........ 64
Рѣчной куликъ........ 67
Травникъ........ 69

	Стран.
Поручейникъ	72
Чернышъ	74
Фи-фи	76
Поплавокъ	78
Чернозобикъ или краснозобикъ	80
Морской куличекъ	82
Зуекъ или перевозчикъ	83
Песочникъ или песчаникъ	86
Куличекъ-воробей	88
Болотный курухтанъ	90
Болотная курица	95
Болотный коростель или коростелекъ	99
Чибисъ или пиголица	102

Разрядъ II.

ВОДЯНАЯ ИЛИ ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію водяной дичи	107
Воды	108
Лебедь	116
Гусь	120
Утки вообще	127
Кряковная утка	130
Шилохвость	141
Сѣрая утка	144
Свіязь	146
Широконоска	148
Чирокъ	151
Нырокъ	154
Чернь	157
Гагара	159
Гоголь	163
Лысуха или лысена (водяная курица)	168

Разрядъ III.

СТЕПНАЯ ИЛИ ПОЛЕВАЯ ДИЧЬ.

Степь	175
Дрофа, тудакъ или дудакъ	184
Журавль	188
Стрепетъ	195

Стран.

Кроншнепъ, или степной куликъ........ 202
Кречетка, степная пиголица............ 212
Куропатка полевая или сѣрая.... 214
Сивки, ржанки, озимыя куры.......... } курухтаны 223
Морская ласточка, красноустикъ......... } полевые 227
Коростель полевой или луговой..................... 230
Перепелка.. 236

Разрядъ IV.

ЛѢСНАЯ ДИЧЬ.

Лѣсъ... 247
Глухой тетеревъ, глухарь, моховикъ............................ 257
Тетеревъ березовикъ.. 262
Рябчикъ............. 282
Бѣлая лѣсная куропатка.. 286
Голуби.. 288
Вяхирь или витютинъ............... 289
Клинтухъ, дикій голубь............................. 294
Горлица или горлинка.. 296
Дрозды.. 300
Вальдшнепъ, лѣсной куликъ, слука................................ 306
Зайцы................................. 318
Мелкія птички... 331

„Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы“......................... 335